

Российское
психологическое
общество

ISSN 1812-1853 (Print)

ISSN 2411-5789 (Online)

Том 20 № 1

РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ /
RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL

2023

Российский психологический журнал

Учредитель – Общероссийская общественная организация «Российское психологическое общество»

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ)
д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ)
д. биол. н. Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Богоявленская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. биол. н. Григорьев П. Е. (СевГУ, Севастополь, РФ)
д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ)
д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ)

д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пед. н. Малофеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Митина Л. М. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. пед. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ)
д. пед. н. Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Яницкий М. С. (КемГУ, Кемерово, РФ)

Редакционная коллегия

д. пс. н. Александров Ю. И. (ВШЭ, Москва, РФ)
д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада)
д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения)
д. пс. н. Богомаз С. А. (ТГУ, Томск, РФ)
Ph. D. Bernard R. M. (Конкордия, Монреаль, Канада)
Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада)
д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Долгова В. И. (ЮУрГГПУ, Челябинск, РФ)
Ph. D. Granhag Pär-Anders (University of Gothenburg, Sweden)
Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США)

Ph. D. Kalmus V. (University of Tartu, Estonia)
д. пед. н. Манжелей И. В. (ТюмГУ, Тюмень, РФ)
д. пед. н. Масалимова А. Р. (КФУ, Казань, РФ)
д. пед. н. Повзун В. Д. (СурГУ, Сургут, РФ)
д. биол. н. Полевая С. А. (ПИМУ, Нижний Новгород, РФ)
Ph. D. Sequeira H. (Lille 1 University, Лилль, Франция)
Dr. Стошич Л. (Institute of management and knowledge, Скопье, Македония)
д. пед. н. Хайруллина Э. Р. (КНИТУ, Казань, РФ)
д. пс. н. Хотинец В. Ю. (УдГУ, Ижевск, РФ)
д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Шайдуллина А. Р. (АГНИ, Альметьевск, РФ)

Ответственный секретарь – Вороная Виктория Дмитриевна
Редактор английской части – Беликова Маргарита Евгеньевна
Ответственный редактор – Проненко Евгений Александрович
Секретарь по рецензиям – Запорожец Диана Валерьевна

Адрес редакции:
344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 140,
ком. 114
E-mail: editor@rpj.ru.com

Адрес издательства:
129366, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:
125009, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: ruspsysoc@gmail.com

Каталог Урал-Пресс
Подписной индекс 46723
Цена свободная

© Российское психологическое общество, 2023

© ООО "КРЕДО", 2023

Веб-сайт: rpj.ru.com

Концепция, миссия, цель и задачи Российского психологического журнала

Российский психологический журнал – научное рецензируемое издание, открытое для международного сотрудничества и публикующее оригинальные научные статьи и обзоры по психологии.

Журнал основан Российским психологическим обществом в 2004 году, выпускается 4 раза в год. С 2019 года издается на русском и английском языках.

Миссия журнала – в повышении качества и открытости психологической науки. Журнал стремится к поддержанию высокого уровня психологических исследований и повышению доступности научного знания для всех категорий читателей.

Цель журнала заключается, с одной стороны, в вовлечении российских исследователей в международное научное пространство, что обеспечивается внедрением современных международных издательских практик, с другой стороны, в содействии научной коллаборации российских и зарубежных авторов за счет знакомства иностранных исследователей с российскими научными разработками, не имеющими аналогов за рубежом.

Задачи журнала:

- 1) предоставление качественных научных результатов для начинающих и опытных ученых;
- 2) предоставление возможности исследователям публиковать и делиться своими работами в научных кругах по всему миру;
- 3) продвижение статей журнала в международном научном пространстве через вхождение в авторитетные международные базы данных и каталоги;
- 4) повышение международной кооперации авторов;
- 5) повышение видимости, цитирования, доверия и авторитета российских научных работ в мировом научном пространстве.

В журнале осуществляется двойное слепое рецензирование, каждая рукопись оценивается не менее чем двумя экспертами.

Журнал придерживается международных стандартов издательской этики в соответствии с рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Читательская и авторская аудитория журнала

Читательская аудитория Российского психологического журнала состоит из нескольких категорий.

Наибольший интерес статьи журнала представляют для академического сообщества, исследователей в сфере психологии; на страницах журнала публикуются передовые исследования в актуальных областях науки.

Студенты и аспиранты могут найти необходимый материал, который послужит опорой в обучении и который поможет начать собственные исследования. Также статьи журнала будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся конкретными или новыми темами в сфере психологии.

Авторскую аудиторию журнала составляют сотрудники университетов (преподаватели, доценты, профессора), научные сотрудники научно-исследовательских организаций, активные исследователи различных областей психологии, практикующие специалисты, а также аспиранты и соискатели ученой степени – им предоставляется возможность публиковать статьи высокого качества.

Журнал входит в Перечень ВАК, включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Scopus, Ulrichsweb, ResearchBib, Directory of Open Access

Journals (DOAJ) и другие базы и каталоги научных журналов.

Журнал является членом ассоциаций АНПИ, EASE, CrossRef.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» 4.0 Всемирная.

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-16511 от 13 октября 2003 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Анастасия С. Колёнова, Анна М. Кукуляр, Лидия А. Дятлова
Психологические маркеры созависимого поведения: теория и практика.....6

Алексей А. Шаров
Структура мотивации молодых людей и их социальная активность в усложняющихся условиях функционирования общества.....20

Ирина В. Абакумова, Наталья Е. Комерова, Сергей Н. Рягин
Психологические особенности переживания студентами ограничения доступа к социальным сетям.....33

Зинаида И. Березина, Олег И. Кит, Екатерина Ф. Комарова, Юлия Ю. Арапова, Татьяна П. Протасова
Диагностические возможности анализа сновидений: теоретические предпосылки и методические подходы.....50

Юлия В. Кузьмина, Юлия А. Маракшина, Марина М. Лобаскова, Сергей Б. Малых
Эффект числовой пропорции при оценке размеров и количества в разных форматах.....66

Светлана Н. Костромина, Анастасия Ф. Филатова, Наталья Л. Москвичёва, Елена В. Зиновьева, Мария М. Одинцова
Комплементарная модель самодетерминации личности.....82

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Анатолий В. Карпов, Александр А. Карпов, Юлия В. Филиппова
Метакогнитивная детерминация результативных параметров деятельности программистов.....100

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ДЕФЕКТОЛОГИЯ

Кира В. Тельминова
Роль общественной организации в социализации инвалидов с детства и лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте.....118

Ирина А. Нигматуллина, Валерия А. Степашкина, Лилия Д. Павлова
Ребенок с РАС в детском саду: ресурсы психологической готовности педагога.....132

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Анжелика Н. Пронина, Татьяна П. Будякова

Реализация теории поэтапного формирования умственных действий
в формате дистанционной лекции.....149

Giang Nguyen Dang, Tuan Van Vu, Minh Binh Nguyen La

Investigating Demotivating Factors in Learning English for Specific Purposes
at a Higher Education Institution.....162

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Вера А. Якупова, Анна Д. Суарез, Любовь А. Шрайбман

Социально-экономические факторы риска развития послеродовой депрессии
и послеродового посттравматического стрессового расстройства.....182

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ольга О. Андронникова, Юлия М. Перевозкина, Олеся И. Леонова

Детско-родительские отношения и индивидуальный опыт
как структурные детерминанты виктимизации в юношеском возрасте.....202

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Влада И. Пищик

Измерение конспиративистской ментальности: первичная психометрическая
проверка диагностической методики.....218

Татьяна В. Капустина, Анастасия С. Эльзессер, Лидия В. Мандрыкина,

Антон С. Гайдай

Школьный буллинг: признаки социально-психологической дезадаптации у Обидчиков,
Жертв и Обидчиков-жертв.....235

Научный обзор

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.1>

Психологические маркеры созависимого поведения: теория и практика

Анастасия С. Колёнова^{1,2*} , Анна М. Кукуляр^{1,2} , Лидия А. Дятлова¹

¹ Региональный научный центр Российской академии образования, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: askolenova@gmail.com

Аннотация

Введение. Целью статьи является аналитический обзор научных подходов к исследованию особенностей психологических маркеров созависимого поведения. Рассмотрены современные подходы к изучению данного феномена с точки зрения теоретического и практического аспектов, отражающие фрагментарный характер представленности данного понятия. Существует не только несколько дефиниций понятия «созависимость», но и множество подходов к его изучению. На основе теоретического анализа различных подходов было предложено авторское определение феномена, что отражает научную новизну исследования. **Теоретическое обоснование** исследуемой проблематики было выполнено на основе анализа литературных источников, сравнительного анализа и обобщения зарубежных и отечественных подходов к изучаемому термину «созависимость», апробации авторской трактовки исследуемого термина. **Результаты.** На основе аналитического обзора выделены психологические маркеры созависимого поведения, проявляющиеся через выученный набор поведенческих форм, нарушение адаптации, различные нарушения личности. Показано, что описание психологических характеристик, относящихся к феномену созависимости, достаточно обширно, но при этом не носит системный характер. Намечены идеи не только для продолжения изучения психологических маркеров созависимого поведения, но и для поиска генетических факторов, обуславливающих данное поведение. **Обсуждение результатов.** Нами выделена трактовка термина «созависимость» как феномена, проявляющегося в зависимом поведении, обусловленного изменением ценностно-смысловых конструктов и недостатком необходимых компетенций, формирующегося под влиянием негативного опыта дисфункциональных отношений со значимыми другими. Данное определение объединяет ряд подходов и обогащает их взглядом сквозь призму глубинных особенностей личности, проявляющей созависимые паттерны поведения.

Ключевые слова: созависимость, психологические особенности личности, зависимые отношения, созависимые женщины, агрессия, тревожность, депрессия, суицидальная готовность

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10139 (Психологические и генетические механизмы адаптивных и дезадаптивных стратегий поведения и ценностно-смысловые преддикторы созависимости у женщин (алкогольные, наркотические, игровые аддикции)), <https://rscf.ru/project/21-78-10139/> в Южном федеральном университете.

Для цитирования

Колёнова, А. С., Дятлова, Л. А., Кукуляр, А. М. (2023). Психологические маркеры созависимого поведения: теория и практика. *Российский психологический журнал*, 20(1), 6-19, <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.1>

Введение

Проблема аддикций на современном этапе глобального развития общества приобретает все более угрожающий характер и широкий масштаб. Употребление различных психоактивных веществ, склонность к азартным играм, другие виды нехимических зависимостей могут повлечь за собой увеличение случаев насилия в семье, ухудшение качества жизни, могут провоцировать асоциальное поведение, способствовать росту преступности и проявлению других социальных и психологических проблем (Байкова, 2016; Байкова, Меринов, 2018; Лукашук, Сомкина, Байкова, Бычкова, 2015; Лукашук, Филиппова, 2015, Momeñe, Jáuregui & Estévez, 2017).

В социализации, реабилитации и коррекции аддикта – зависимой личности – важное место занимает находящийся рядом с ним человек (член семьи, партнер). Такой партнер может быть определен как созависимый (Резвая, Самсонов, Куташова, 2019; Пукаев, 2016). Изучение особенности личности созависимых людей, выявление психологических маркеров и описание стратегий поведения и совладения позволит оказывать психологическую поддержку и помощь на качественно новом уровне, что в свою очередь будет способствовать достижению психологического благополучия в семьях, столкнувшихся с проблемами зависимости (Меринов, Шустов, Лукашук, 2015). Целью статьи является исследование особенностей психологических маркеров созависимого поведения. Рассмотрены современные подходы к изучению данного феномена с точки зрения теоретического и практического аспектов (Береза, 2017; Береза, Исаева, 2018; Петрова, 2016).

Феномен созависимости находится в фокусе внимания исследователей с середины XX века. В трудах отечественных и зарубежных авторов представлены различные подходы к толкованию данного феномена. Также важно помнить о различной этиологии данного понятия.

Любая из зависимостей (алкогольные, наркотические, игровые аддикции) может провоцировать созависимые отношения. Однако обзор эмпирических результатов исследований феномена созависимости показал, что большинство исследований носят фрагментарный характер и они по-прежнему сосредоточены только на потребителях психоактивных веществ, мало распространяясь на членов семьи, которые также страдают от последствий зависимого поведения (Меринов, 2016; Меринов и др., 2016; Рыбакова, Крупицкий, 2018).

В рамках 1-й Конференции США по созависимости в 1989 году было определено, что созависимость – «устойчивое состояние болезненной зависимости от компульсивных (то есть ставших неуправляемыми) форм поведения и от мнения других людей, формирующееся при попытках человека обрести уверенность в себе, осознать собственную значимость, определить себя как личность» (Ермаков, Кукуляр, Колёнова, 2018, с. 5). Далее феномен был развит

в работах, которые носят скорее практический характер и направлены на психотерапию и реабилитацию данного вида пациентов (Ермаков и др., 2018).

Рассматривая исследуемый нами феномен через призму классических и современных, отечественных и зарубежных исследований, преимущественно проведенных за последние 5 лет, можно заключить, что существует несколько траекторий в подходах изучения феномена созависимости, обзор которых будет представлен ниже.

Теоретическое обоснование

В докладе, опубликованном Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, указано, что около 29,5 миллиона человек во всем мире имеют проблемы с употреблением наркотиков (United Nations, 2017). На основании приведенных значений можно говорить обо все нарастающем характере проблемы созависимых отношений в русле психологического знания.

В последнее время этиология и психологические характеристики понятия «созависимость» получили свое развитие в различных психологических исследованиях. Было обнаружено, что проблемы с физическим и эмоциональным благополучием и здоровьем становятся все более распространенными по мере повышения уровня созависимости, что приводит к неблагоприятным последствиям для здоровья членов семьи (Bortolon et al., 2017).

О необходимости лечения созависимых членов семьи свидетельствует целый ряд физических и психологических симптомов, отмеченных в многочисленных исследованиях (Askian, Krauss, Baba, Kadir & Sharghi, 2016; Lima et al., 2019; Silva, Oliveira, Silva, Algeri & Soares, 2019; Zielinski et al., 2019).

Конструкция созависимости относится к дисфункциональным способам взаимоотношений людей, и это всегда было частью характеристик, связанных с химической зависимостью, и является обязательной группой в патологии зависимости (Bortolon et al., 2017).

Большинство авторов придерживаются той позиции, что подавляющее число созависимых испытывают значительный психологический стресс (Dias et al., 2021; Silva et al., 2019), предъявляют жалобы на сильную усталость, недосыпание и беспокойство (Bortolon et al., 2017; Lampis, Cataudella, Busonera & Skowron, 2017; Lima et al., 2019), депрессивные переживания, эмоциональную перегрузку вследствие отказа от назначаемого лечения (Vederhus, Kristensen & Timko, 2019; Zielinski et al., 2019), а также увеличения числа отказов от лечения антидепрессантами (Rohden et al., 2017).

Употребление психоактивных веществ в дополнение к значительным потерям в жизни потребителя создает негативные и длительные последствия для других членов семейной системы. Социальный статус таких созависимых может находиться в бедственном положении из-за проживания с проблемным потребителем наркотиков (Ahmad-Abadi et al., 2017; Lima et al., 2019; Vederhus et al., 2019; Zielinski et al., 2019). Страдания, причиняемые такими членам семьи, описываются авторами с позиции наличия симптомов физических и психологических заболеваний, изменений в семейных отношениях, ситуаций насилия и различных экономических проблем (Ahmad-Abadi et al., 2017; Askian et al., 2016; Bortolon et al., 2017; Lampis et al., 2017; Panaghi, Ahmadabadi, Khosravi, Sadeghi & Madanipour, 2016; Tamutiene & Laslett, 2016; Ulusoy & Guçray, 2017).

Ряд исследователей указывают, что вмешательства, направленные на удовлетворение конкретных потребностей членов семьи, затронутых проблемой употребления наркотиков

близким человеком, эффективны в уменьшении физических и психологических симптомов и характерных симптомов созависимости (Ahmad-Abadi et al., 2017; Bortolon et al., 2017). Большинству созависимых характерно самопожертвование собственными потребностями, чтобы расставить приоритеты в потребностях потребителей психоактивных веществ (Askian et al., 2016; Silva et al., 2019; Vederhus et al., 2019; Снетков, 2017.).

Более того, существуют работы, которые выделяют особенности переживания человеком чувства вины и, как следствие, характерное для него поведение жертвы. Данные работы позволяют охарактеризовать созависимых личностей и выделить следующие типы (Андронникова, 2017):

1. Направленные на взаимодействие (реализуют свою агрессию на других, но и ждут от них помощи);
2. Преувеличивающие, но отказывающиеся от помощи;
3. С высокой виктимной идентичностью (аутоагрессивны, жертвенны, манипулирующие);
4. Неуверенные и зависимые от других.

Также описаны исследования, показывающие проявления крайней формы жертвенности и аутоагрессии – суицидальной готовности. Исследование аутоагрессивности жён мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, показало, что в брак с зависимым, как правило, чаще вступают женщины, у которых в анамнезе были эпизоды аутодеструкции, аутоагрессии и суицидальных попыток (Перминова, 2017; Карпушина, 2017). Описывалось также, что для людей, проявляющих любовную аддикцию, характерны следующие виды аутоагрессивного поведения: суицидальные мысли, пассивные фантазии о смерти, самоповреждение (Бузик, Ефимова, 2019). Выраженный суицидальный риск у созависимых личностей может быть локализован исключительно в одной жизненной сфере – так, описывались рискованные виктимные формы поведения, обусловленные жертвенной позицией (Жукова, 2016; Серебрякова, 2018). В то же время проведенные исследования показывают, что в данных семьях и муж, употребляющий психоактивные вещества, может проявлять манипулятивные тенденции через аутоагрессию и жертвенность (Полкова, 2018).

Суицидальная активность созависимых женщин, как правило, характеризуется реактивностью, в сумме с позицией жертвы провоцирующей реализацию аутоагрессивного поведения, что несомненно включает их в зону риска (Меринов и др., 2015, Сомкина, 2016). Таким образом, показано, что наличие в опыте до замужества аутоагрессивных тенденций может стать маркером для создания семьи с зависимым человеком, закрепить возможность реализации данного специфического поведения (Меринов и др., 2015). Учитывая всю сложность психологического портрета созависимой женщины, склонной к суицидальному риску, отечественными учеными предложен поэтапный адаптационный план, предусматривающий контракт, групповые занятия в параллельной логике муж-жена (Меринов и др., 2015).

Часто созависимость характерна лицам с пограничным и зависимым расстройством личности, что следует учитывать при попытке объяснить обнаруженные между созависимостью и анамнестическими данными отношения, а также психопатологическим (например, детским) насилием, депрессией и небезопасной привязанностью. По мнению авторов, каждый второй созависимый человек соответствует пяти критериям, необходимым для диагностики пограничного расстройства личности в DSM-IV-TR, а каждый седьмой созависимый соответствует критериям, установленным для диагностики зависимого расстройства личности (Кнарек, Balazs & Szabo, 2017). Авторами указано, что 31 % созависимых людей имеют пограничные

черты; кроме того, 31 % созависимых имеют зависимые черты. С другой стороны, 16 % созависимых людей, по-видимому, классифицируются как «чистые» созависимые (Кнарек et al., 2017).

Высокая коморбидность созависимости описана в ряде работ. Так, она может быть фактором для формирования у подростков интернет-зависимости (Апенюк, 2015). Интересным является описание феномена сталкерства (преследования объекта любви), который в ряде проявлений можно наблюдать как патологическое проявление привязанности, которое может проявляться у психотических больных с бредом любовного очарования (Егоров, 2015).

Низкая приверженность лечению у членов семьи лиц, употребляющих алкоголь, может быть связана с совокупным ущербом, сложившимся в семейной системе. Опыт насилия, социальная изоляция и стигматизация, связанная с проблемным употреблением алкоголя отдельным лицом, может снижать приверженность лечению (Шаповал, 2016, Tamutiene & Laslett, 2016).

В созависимых отношениях члены семьи при наличии аддикта с химической зависимостью обладали психологическими особенностями подавления своих эмоций. Вера в то, что они могут решить проблемы, пренебрегая своими собственными потребностями ради нужд других, вызывает у них больше семейных дисфункций и более низкое качество жизни (Vederhus et al., 2019). Авторами предлагается шкала SCCS, которая представляет собой действенный инструмент для решения жизненной ситуации пострадавших семей. Эта шкала может помочь клиницистам сосредоточиться на членах семьи в рамках служб здравоохранения, особенно в рамках служб медицинского обслуживания.

Люди, страдающие созависимостью, осознавали, что обладают слабой волей, необходимой для понимания их «автономии и самоуважения» (Anderson, Rempusheski & Leedy, 2018). Тесная взаимосвязь между алкогольной зависимостью и созависимостью существовала у женщин, страдающих алкоголизмом. Застенчивость и тревожность были связаны с созависимыми характеристиками, включающими требуемое извне подтверждение (Prata et al., 2017).

Значительная корреляция между созависимостью и предполагаемым здоровьем, функциональными способностями, а также тревогой и созависимостью была обнаружена авторами (Sanchez-Roige, Palmer & Fontanillas, 2019). Тревога, таким образом, выступает как значительная переменная между созависимым поведением и склонностью к саморазрушению. Было обнаружено, что существует тесная связь между заниженной самооценкой и созависимостью.

В качестве отдельного направления стоит рассмотреть специфику психологического взаимоотношения лечащего врача с зависимым и его созависимыми близкими.

Dias et al. (2021) отмечают особенности воздействия личности лечащего врача на специфику процесса выздоровления аддикта. Указано, что позиция бездействия, принятая некоторыми специалистами в борьбе с употреблением психоактивных веществ, способствует совместному заболеванию наркоманов и созависимых членов семьи и сообщества.

Уменьшение приверженности к лечению представляет собой сложный процесс без установленной стандартной формы (Aristizábal, 2020). При коррекции созависимого поведения важно также соблюдать предписания медицинских работников, направленные на профилактику проблем со здоровьем, уменьшение симптомов заболеваний и на повышение эффективности медицинских вмешательств. Данные требования включают обязательное посещение запланированных встреч и сохранение сосредоточенности на соблюдении режима. Соблюдение медицинских предписаний будет способствовать изменению привычек и улучшению психического здоровья (Bortolon et al., 2017), снижению оценки уровня созависимости (Foulds, Newton-Howes, Guy, Boden & Mulder, 2017).

Специфика генеалогий ВИЧ-инфицированных пациентов с созависимостью подтверждается следующими факторами: высокой частотой психических и поведенческих расстройств, вызванных злоупотреблением алкоголем, а также психических и поведенческих расстройств, вызванных злоупотреблением опиатами, коморбидностью патологий в семьях созависимых лиц и их супругов, накоплением химических зависимостей и другими подобными зависимостями, расстройствами личности и аффективными расстройствами. Также установлено, что в соответствии с критериями МКБ-10 проявлялись следующие клинические признаки созависимости у ВИЧ-инфицированных пациентов: психические и поведенческие расстройства, вызванные злоупотреблением алкоголем (9,7%), психические и поведенческие расстройства, вызванные злоупотреблением опиатами (15,0%), депрессивные эпизоды (14,1%), рецидивирующие депрессивные расстройства (34,5%), соматоформные расстройства (13,3%), истерические расстройства личности (32,7%) (Литвинова, 2017).

Доказано, что коморбидность патологии является ключевым признаком клинических проявлений созависимости лиц, состоящих в браке с ВИЧ-инфицированными потребителями инъекционных наркотиков. Установлено, что в формировании клинических проявлений созависимости участвуют наследственные факторы, феномен ассортативного спаривания и ВИЧ-инфекция супруга как основной хронический стрессовый фактор (Gunko, Viltzaniuk & Stepanyuk, 2019).

Выявлено, что высокий уровень созависимости был связан с увеличением проблем с психическим здоровьем у родителей, у которых есть дети с ограниченными интеллектуальными возможностями. Это подразумевает, что существует определенная семейная динамика, которая сильно влияет на то, как люди относятся друг к другу. Возможно, один компонент семейной системы может создавать волновые эффекты и вызывать помехи в специфике семейного взаимодействия (Nordgren, Torkel, Svensson & Johnson, 2020).

Родители умственно отсталых детей могут быть склонны к высокому риску развития созависимого поведения, переживать депрессию, стресс и тревогу вне зависимости от пола (Lampis et al., 2017).

Авторы предполагают, что на самом деле только характеристики, связанные с гендерными ролями, могут влиять на созависимость. Гендер и его влияние на психическое здоровье также могут быть поняты через семейные системы. Способы взаимодействия родителей друг с другом могут ухудшаться из-за лежащих в основе механизмов, связанных с взаимозависимостью внутри семьи (Lampis et al., 2017).

Родители, у которых есть дети с ограниченными интеллектуальными возможностями, сообщают о симптомах депрессии и тревоги. У родителей детей с физическими недостатками наблюдается снижение показателей качества сна. Психологический стресс может быть обоснованно подтвержден мерой воспринимаемой нагрузки родителей по уходу за ребенком с умственной отсталостью. Это бремя в значительной степени связано с неуправляемой рабочей нагрузкой, финансовыми трудностями, нахождением в социальном положении, нежелательностью и одиночеством. Чувство вины было распространено с бременем заботы о родителях с умственными недостатками (Nordgren et al., 2020).

Существует ряд других исследований, посвященных поиску биологических маркеров созависимого поведения. Показано, что женщины с созависимостью имели аутоагрессивные деструктивные модели поведения и алкоголизм в семейном анамнезе, что может быть фактором риска развития аддиктивного заболевания и соматоформных расстройств (Rozhnova, Kostyuk, Malygin, Enikolopov & Nikolenko, 2020).

Феномен созависимости рассматривается авторами как нехимическая форма аддикции, включающая также генетический компонент. Созависимые индивиды имеют аутоагрессивный вектор личности, способствующий деструктивным формам поведения, формированию расстройств психического и физического характера, психосоматических патологий. Указывается, что наследственная отягощенность алкогольной зависимостью у созависимых женщин может свидетельствовать о наличии генетического фактора в патогенезе созависимости, что повышает актуальность использования молекулярно-генетических методов ее анализа (Rozhnova et al., 2020).

Выводы по теоретическому обоснованию

Проведя теоретический анализ литературы можно заключить, что термин «созависимость» рассматривается через специфику психологического и поведенческого состояний как выученный набор поведенческих форм, нарушение адаптации, болезнь, проявление нарушений личности и так далее, что подчеркивает его специфичность и многогранность.

Итак, созависимость – феномен, проявляющийся в зависимом поведении, обусловленном изменением ценностно-смысловых конструктов, недостатком необходимых компетенций и формирующийся под влиянием негативного опыта дисфункциональных отношений со значимыми другими. Данное определение выделено в контексте данного исследования и актуально на современном этапе психологических исследований.

Исследование взаимосвязанных субъективных факторов, влияющих на проявление созависимого поведения и выделение его маркеров, дает возможность наметить дальнейшие перспективы исследования в рамках психогенетики поведения, расширения понятия и создания новых, быстрых и высоко валидных методик диагностики данного феномена.

Обсуждение результатов

Таким образом, на основе теоретического анализа различных подходов нами было предложено определение термина «созависимость» как феномена, проявляющегося в зависимом поведении, обусловленном изменением ценностно-смысловых конструктов, недостатком необходимых компетенций и формирующегося под влиянием негативного опыта дисфункциональных отношений со значимыми другими. Данное определение объединяет ряд подходов отечественных и зарубежных авторов, которые концентрируют свои исследования в области личностных и психологических черт созависимых (Артемцева, Галкина, 2015; Береза, Исаева, Горбатов, Антипина, 2016; Бузик, Ефимова, 2019; Гагай, Селезнева, 2016; Езин, 2018; Колёнова, Гурцкой, 2019; Сунцова, Фаизова, 2018; Lima et al., 2019).

С другой стороны, данное определение обогащает психологические подходы взглядом сквозь призму глубинных особенностей людей, проявляющих созависимые паттерны поведения, в отличие от тех авторов, которые сконцентрированы на исключительно соматических и поведенческих аспектах, проявляющихся у созависимых личностей (Башманов, Калиниченко, 2015; Биктагирова, Гарифуллина, 2018; Булатников, Зарецкий, 2017; Голованова, 2016; Егоров, 2015; Сомкина, Жукова, 2017; Карпушина, 2017; Каяшева, Ефремова, 2016; Кораблина, 2019; Литвинова, 2017; Москаленко, 2016; Нечин, 2016; Пакулина, Лазарев, Филатов, 2016; Перминова, 2017; Плешакова, 2018а; Плешакова, 2018б; Полкова, 2018; Полухина, 2018; Саломатова, 2019; Aristizábal, 2019; Rohden et al., 2017; Weiss, 2016).

В то же время мы видим перспективу развития исследований созависимого поведения в аспектах поиска его генетических преддикторов, так как задел на это уже был положен

в работах Мандель и соавторов (2018), Мартыновой (2016, 2017), Осинской и Кравцовой (2016), Birkeland et al. (2017), Ehsan & Suneel (2020).

Заключение

Таким образом, анализ психологических особенностей созависимых показал, что феномен созависимости проявлен в эмоциональном, поведенческом и когнитивном аспектах; характеризуется достаточно высокой коморбидностью с эмоциональными расстройствами и другими зависимыми формами поведения (зависимостью от ПАВ, нехимическими зависимостями, Интернет-зависимостью и т. п.)

В то же время теоретический обзор классических и современных исследований позволил разработать новое определение феномена созависимости, описывающее личностные причины созависимости в практическом ракурсе.

Нами были описаны перспективы современных исследований особенностей феномена созависимого поведения, заключающиеся в необходимости проведения семейно-генетического анализа и установлении связи генетических предикторов с результатами индивидуально-психологической диагностики.

Литература

- Андронникова, О. О. (2017). Виктимная идентичность личности созависимого типа. *Сибирский педагогический журнал*, 2, 92–97.
- Апенюк, Р. С. (2015). Исследование созависимости и интернет-зависимости у студентов-психологов. *Социально-экономические явления и процессы*, 10(11), 225–229.
- Артемцева, Н. Г., Галкина, Т. В. (2015). Особенности представления о психологическом здоровье у созависимых субъектов. *Знание. Понимание. Умение*, 2, 291–301. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.2.31>
- Байкова, М. А. (2016). Взрослое потомство больных алкоголизмом: клинико-психопатологические и психологические особенности (обзор литературных данных). *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*, 4, 45–50.
- Байкова, М. А., Меринов, А. В. (2018). Влияние алкоголизма родителей на суицидологические и личностно-психологические характеристики потомства. *Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова*, 26(4), 547–558. <https://doi.org/10.23888/pavlovj2018264547-558>
- Башманов, В. В., Калиниченко, О. Ю. (2015). Феномен созависимости: медико-психо-социальный аспект. *Вестник новых медицинских технологий*, 9(1), 5–3.
- Береза, Ж. В., Исаева, Е. Р., Горбатов, С. В., Антипина, Д. С. (2016). Психологические особенности и семейные эмоциональные коммуникации матерей наркозависимых. *Ученые записки СПбГМУ им. И. П. Павлова*, 23(2), 35–38.
- Береза, Ж. В. (2017). Динамика клинических и психосоциальных характеристик пациентов с зависимостью от психоактивных веществ на различных этапах лечебно-реабилитационного процесса. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, 1(143), 233–239.
- Береза, Ж. В., Исаева, Е. Р. (2018). Влияние психотерапевтической коррекции созависимости матерей наркозависимых пациентов на эффективность лечебно-реабилитационного процесса. *Психология. Психофизиология*, 11(2), 54–62.
- Биктагирова, А. Р., Гарифуллина, Г. Ф. (2018). Социально-психологические аспекты созависимого

- поведения в современном обществе. *Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*, 2(46), 107–113.
- Бузык, О. Ж., Ефимова, А. Д. (2019). Любовная аддикция у обучающихся в вузе: связь с прочими зависимыми моделями поведения и личностной аутоагрессивностью. *Наука молодых – Eruditio Juvenium*, 7(2), 163–169.
- Булатников, А. Н., Зарецкий, В. В. (2017). Психотерапевтическая помощь семье при наркологических расстройствах. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 17(1), 73–79.
- Гагай, В. В., Селезнева, Е. И. (2016). Внешние и внутренние факторы созависимости женщин из неблагополучных семей. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 1(40), 65–75.
- Голованова, Т. Н. (2016). Особенности склонности к различным видам зависимости у студентов вузов. *Вестник Марийского государственного университета*, 1(21), 69–73.
- Егоров, А. Ю. (2015). Любовные аддикции. *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*, 11(2), 64–81.
- Езин, В. С. (2018). Психологическое изучение образа «Я» у созависимых женщин. *Психология и педагогика в Крыму: пути развития*, 6(2).
- Ермаков, П. Н., Кукуляр, А. М., Колёнова, А. С. (2018). Ретроспективный анализ феномена «созависимое поведение». *Интернет-журнал «Мир науки»*, 6(5), 1–9. <https://mir-nauki.com/PDF/82PDMN518.pdf>
- Жукова, Ю. А. (2016). Клинико-суицидологические характеристики жен мужчин, страдающих алкоголизмом, с позиции «Поведения жертвы». *Наука молодых – Eruditio Juvenium*, 3, 35–39.
- Карпушина, С. Ф. (2017). Созависимая аутоагрессивность жён мужчин, страдающих алкогольной зависимостью. *Тюменский медицинский журнал*, 19(2), 21–24.
- Каяшева, О. И., Ефремова, Д. Н. (2016). Субъективный опыт переживания развода созависимыми женщинами. *Вестник Университета Российской академии образования*, 1, 81–87.
- Колёнова, А.С., Гурцкой, Д. А. (2019). Ценностно-смысловые характеристики как предикторы созависимого поведения женщин, проживающих с наркозависимым партнером. *Российский психологический журнал*, 16(2), 43–62. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.3>
- Кораблина, Ю. Н. (2019). Психологическая помощь созависимым женщинам: проблемы и особенности. *Аллея науки*, 1, 9(36), 234–241.
- Литвинова, В. В. (2017). Клинико-психологические особенности взрослых детей алкоголиков. *Тюменский медицинский журнал*, 19(1), 33–36.
- Лукашук, А. В., Сомкина, О. Ю., Байкова, М. А., Бычкова, Т. А. (2015). Характеристика аутоагрессивного профиля девушек, выросших в семьях, где родитель страдал алкоголизмом. *Наука молодых – Eruditio Juvenium*, 2, 96–102.
- Лукашук, А. В., Филиппова, М. Д. (2015). Связь алкогольной зависимости родителей и аддиктивного поведения их детей. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 2(9), 32–39.
- Мандель, А. И., Гуткевич, Е., Пешковская, А. Г., Мазурова, Л. В., Назарова, И. А., Белокрылов, И. И. (2018). Семейная психотерапия созависимых родственников больных алкоголизмом с учетом данных семейно-генетического анализа и индивидуально-психологической диагностики: результаты и оценка эффективности. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*, 1(98), 81–88. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2018-1\(98\)-81-88](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2018-1(98)-81-88)
- Мартынова, А. А. (2017). Связь детских психотравм с алкогольной зависимостью. *Наука молодых – Eruditio Juvenium*, 5(1), 34–41.

- Мартынова, А.А. (2016). Трансгенерационные механизмы трансляции химических зависимостей потомству. *Наука молодых – Eruditio Juvenium*, 3, 40–44.
- Меринов, А. В., Шустов, Д. И., Лукашук, А. В. (2015). Взрослые дети алкоголиков: суицидологические и экспериментально-психологические характеристики. *Вестник Витебского государственного медицинского университета*, 14(1), 97–102.
- Меринов, А. В. (2016). Сценарные механизмы динамики самодеструктивных паттернов в семьях мужчин, страдающих алкогольной зависимостью. *Омский психиатрический журнал*, 4(10), 15–21.
- Меринов, А. В., Лукашук, А. В., Сомкина, О. Ю. (2016). Наркологическая характеристика мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, в зависимости от динамических особенностей семейной системы. *Журнал ГрГМУ*, 3(55), 116–118.
- Меринов, А. В., Лукашук, А. В., Филиппова, М. Д. (2015). Распространённость химических аддикций у «Взрослых детей алкоголиков». *Тюменский медицинский журнал*, 17(4), 21–24.
- Меринов, А. В., Шитов, Е. А., Лукашук, А. В., Сомкина, О. Ю. (2015). Аутоагрессивная характеристика женщин, состоящих в браке с мужчинами, страдающими алкоголизмом. *Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова*, 4, 81–86.
- Меринов, А. В., Байкова, М. А. (2017). Особенности суицидологического профиля жён мужчин, страдающих алкогольной зависимостью при разных вариантах брачной динамики. *Научные результаты биомедицинских исследований*, 3(3), 12–17. <https://doi.org/10.18413/2313-8955-2017-3-3-12-17>
- Меринов, А. В., Меринов, Н. Л., Юрченко, А. И., Лукашук, А. В., Сомкина, О. Ю., & Байкова, М. А. (2015). Суицидологическая, личностно-психологическая и наркологическая характеристики супругов из браков мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, с первично закрытой семейной системой. *Суицидология*, 6(18), 24–32.
- Меринов, А. В., Шитов, Е. А., Лукашук, А. В., Сомкина, О. Ю., Байкова, М. А., Филиппова, М. Д., Меринов, Н. Л., Юрченко, А. И. (2015). Супруги мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, имеющие в анамнезе суицидальную попытку: их расширенная клинико-суицидологическая и психологические характеристики. *Суицидология*, 6(3(20)), 49–54.
- Москаленко, В. Д. (2016). *Зависимость: семейная болезнь*. Москва.
- Нечин, М. Ю. (2016). Влияние присутствия алкогольной зависимости у родителей на формирование химических зависимостей потомства. *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*, 4, 53–56.
- Осинская, С. А., Кравцова, Н. А. (2016). Системная детерминация созависимости: некоторые подходы к объяснению феномена. *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*, 12(1), 42–56.
- Пакулина, С. А., Лазарев, Д. А., & Филатов, О. И. (2016). Интегративная программа оказания медико-психологической помощи дисфункциональной семье с химической зависимостью одного из членов семьи. *Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области*, 1(2(13)), 66–69.
- Перминова, Ю. А. (2017). Саморазрушающее поведение у супруг мужчин, страдающих алкогольной зависимостью. *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*, 3, 70–72.
- Петрова, Н. Н. (2016). Проблема созависимости и подходы к ее решению. *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*, 11(2), 606–612.
- Плешакова, О. П. (2018а). Групповое психологическое консультирование при созависимости. *Современные научные исследования и разработки*, 10(27), 730–732.

- Плешакова, О. П. (2018). Исследование тревожности у женщин при созависимости. *Развитие и актуальные вопросы современной науки*, 10(17), 74–78.
- Полкова, К. В. (2018). Саморазрушающее поведение в семьях мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, с позиций «поведения жертвы». *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*, 3, 52–55.
- Полухина, О. П. (2018). Проблема созависимых отношений в современной науке и практике. *Центральный научный вестник*, 3(4(45)), 12–14.
- Рыбакова, К. В., Крупицкий, Е. М. (2018). Психологическая помощь созависимым членам семьи больных алкогольной зависимостью: методические рекомендации. НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева.
- Пукаев, В. В. (2016). Инновационный подход в психологическом консультировании клиентов с созависимым поведением. *Наука и инновационные технологии*, 1(2), 161–164.
- Резвая, Т. Н., Самсонов, А. С., Куташова, Л. А. (2019). Психологический анализ феномена созависимости. *Центральный научный вестник*, 1(18), 26–34.
- Саломатова, Е. А. (2019). К вопросу о понятии и специфике профилактики нехимических аддикций. *Вестник науки и образования*, 15(69), 104–107.
- Серебрякова, М. Е. (2018). Влияние размытых психологических границ на эффективность деятельности в созависимых отношениях. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*, 2(59), 58–62.
- Снетков, Н. Н. (2017). Жертвенное поведение женщин, состоящих в браке с мужчинами, страдающими алкогольной зависимостью. *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*, 1, 44–47.
- Сомкина, О. Ю., Жукова, Ю. А. (2017). Суицидальная характеристика женского и мужского алкоголизма. *Наука молодых – Eruditio Juvenium*, 5(1), 28–33.
- Сомкина, О. Ю., Меринов, А. В., Байкова, М. А., Лукашук, А. В. (2016). Суицидологическая характеристика женщин, страдающих алкогольной зависимостью. *Журнал ГрГМУ*, 3(55), 119–122.
- Сунцова, Я. С., Фаизова, В. А. (2018). Особенности эмоциональной сферы женщин с разным уровнем созависимости в поведении. *Евразийское Научное Объединение*, 2-5(46), 323–326.
- Шаповал, И. А. (2016). Функции и дисфункции границ Я: эффекты самоорганизации и самодезорганизации системы. *Клиническая и специальная психология*, 5(1), 19–32. <https://doi.org/10.17759/cpse.2016050102>
- Ahmad-Abadi, F. K., Maarefvand, M., Aghaei, H., Hosseinzadeh, S., Abbasi, M., & Khubchandani, J. (2017). Effectiveness of satir-informed family-therapy on the codependency of drug dependents' family members in Iran: a randomized controlled trial. *Journal of Evidence-Informed Social Work*, 14(4), 301–310. <https://doi.org/10.1080/23761407.2017.1331147>
- T. Anderson, V. Rempusheski, K. N. Leedy. (2018). Casino Gambling and the Family: Exploring the Connections and Identifying Consequences. *Law, Economics. Deviant Behavior*, 39(9), 1109–1119. <https://doi.org/10.1080/01639625.2017.1409484>
- Aristizábal, L. A. (2020). Codependency in the Relations of Couples of Imprisoned Women. *Social Sciences*, 9(11), 189. <https://doi.org/10.3390/socsci9110189>
- Aristizábal, L. A., Cubells, J. (2019). Impact of Partner Violence on Female Delinquency. *Social Sciences*, 8(32).
- Askian, P., Krauss, S. E., Baba, M., Kadir, R. A., & Sharghi, H. M. (2016). Characteristics of co-dependence among wives of persons with substance use disorder in Iran. *International Journal*

- of Mental Health and Addiction*, 14, 268–283. <https://doi.org/10.1007/s11469-016-9631-0>
- Bacon, I., McKay, E., Reynolds, F., McIntyre, A. (2018). The Lived Experience of Codependency: an Interpretative Phenomenological Analysis. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 18, 754–771. <https://doi.org/10.1007/s11469-018-9983-8>
- Birkeland, B., Weimand, B. M., Ruud, T., Hoie, M. M., & Vederhus, J. K. (2017). Perceived quality of life in partners of patients undergoing treatment in somatic health, mental health, or substance use disorder units: A cross-sectional study. *Health and Quality of Life Outcomes*, 15(1), 172.
- Bortolon, C. B., Signor, L., de Campos, M. T. (2016). Funcionamento familiar e questões de saúde associados com codependência em familiares de usuários de drogas. *Cienc Saude Coletiva (Rio de Janeiro)*, 21(1).
- Bortolon, C. B., Signor, L., Moreira, T. D., Figueiró, L. R., Benchaya, M. C., Machado, C. A. (2016). Family functioning and health issues associated with codependency in families of drug users. *Ciencia Saude Coletiva*, 21, 101–107.
- Bortolon, C. B., Moreira, T. C., Signor, L., Guahyba, B. L., Figueiró, L. R., Ferigolo, M., & Barros, H. M. T. (2017). Six-Month outcomes of a randomized, motivational tele-intervention for change in the codependent behavior of family members of drug users. *Substance Use & Misuse*, 52(2), 164–174. <https://doi.org/10.1080/10826084.2016.1223134>
- Dias, L. M., Alves, M. S., Pereira, M. O., Melo, L. D., Assis, C. C. G., Spindola, T. (2021). Health personnel, family relationships and codependency of psychoactive substances: a phenomenological approach. *Revista Brasileira de Enfermagem*, 74(1). <https://doi.org/10.1590/0034-7167-2020-0309>
- Foulds, J., Newton-Howes, G., Guy, N. H., Boden, J. M., & Mulder, R. T. (2017). Dimensional personality traits and alcohol treatment outcome: a systematic review and meta-analysis. *Addiction*, 112(8), 1345–1357. <https://doi.org/10.1111/add.13810>
- Gunko, B., Viltaniuk, O., Stepanyuk, A. (2019). The problem of co-dependence among HIV-infected drug-addicted family members. *Georgian Med News*, 1(286), 87–90.
- Ehsan, H., Suneel, I. (2020). Mental health functioning of co-dependence and gender as predictor among parents of intellectually disabled children. *RMJ*, 45(4), 867–870.
- Knapek, E., Balazs, K., Szabo, I. K. (2017). The substance abuser's partner: Do codependent individuals have borderline and dependent personality disorder? *Heroin Addiction and Related Clinical Problems*, 19(5), 55–62.
- Lampis, J., Cataudella, S., Busonera, A., Skowron, E. A. (2017). The role of differentiation of self and dyadic adjustment in predicting codependency. *Contemporary Family Therapy*, 39(1), 62–72. <http://dx.doi.org/10.1007/s10591017-9403-4>
- Lima, D. J. R., Sakiyama, H. M. T., Padin, M. F. R., Canfield, M., Bortolon, C. B., Mitsuhiro, S. S., Laranjeira, R. R. (2019). Characteristics of Brazilian women affected by a substance misusing relative. *Journal of Addictive Diseases*, 37(3–4), 1–5. <https://doi.org/10.1080/10550887.2019.1637994>
- Momeñe, J., Jáuregui, P., Estévez, A. (2017). The predictive role of psychological abuse and emotional regulation in emotional dependency. *Behavioral Psychology*, 25: 65–78.
- Nordgren, J., Torkel, R., Svensson, B., Johnson, B. (2020). Say No and Close the Door? Codependency Troubles among Parents of Adult Children with Drug Problems in Sweden. *Sociology. Journal of Family Issues*, 41(5). <https://doi.org/10.1177/0192513X19879200>
- Panaghi, L., Ahmadabadi, Z., Khosravi, N., Sadeghi, M. S., Madanipour, A. (2016). Living with addicted men and codependency: the moderating effect of personality traits. *Addiction Health*, 8(2), 98–106.

- Prata, N., Groisman, D., Martins, D. A., Rabello, E. T., Mota, F. S., Jorge, M. A. (2017). Mental health and primary health care: territory, violence and the psychosocial approaches challenge. *Trabalho, Educação e Saúde*, 15(1), 33–53. <https://doi.org/10.1590/1981-7746-sol00046>
- Rozhnova, T. M., Kostyuk, S. V., Malygin, V. L., Enikolopov, S. N., Nikolenko, V. N. (2020). The phenomenon of codependency: psychological and medical genetic aspects. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, 12(5), 53–59. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2020-5-53-59>
- Rohden, A. I., Benchaya, M. C., Camargo, R. S., Moreira, T. C., Barros, H. M. T., & Ferigolo, M. (2017). Dropout prevalence and associated factors in randomized clinical trials of adolescents treated for depression: systematic review and meta-analysis. *Clinical Therapeutics*, 39, 971–992. <https://doi.org/10.1016/j.clinthera.2017.03.017>
- Silva, M. P., Oliveira, A. M. N., Silva, P. A., Algeri, S., & Soares, M. C. F. (2019). Family orientation group as a strategy for care in chemical codependency. *Investigación y Educación En Enfermería*, 37(3), 1–9.
- Tamutiene, I., Laslett, A.-M. (2016). Associative stigma and other harms in a sample of families of heavy drinkers in Lithuania. *Journal of Substance Use*, 22(4), 425–433. <https://doi.org/10.1080/14659891.2016.1232760>
- Ulusoy, Y., Guçray, S. S. (2017). Adaptation of composite codependency scale to Turkish: a validity and reliability study. *Journal of International Social Research*, 10(49), 373–379.
- United Nations (2017). *World Drug Report*. <https://doi.org/10.18356/c595e10f-en>
- Vederhus, J., Kristensen, O., Timko, C. (2019). How do psychological characteristics of family members affected by substance use influence quality of life? *Quality of Life Research*, 28, 2161–2170. <https://doi.org/10.1007/s11136-019-02169-x>
- Vederhus, J. K., Birkeland, B., Clausen, T. (2016). Perceived quality of life, 6 months after detoxification: Is abstinence a modifying factor? *Quality of Life Research*, 25(9), 2315–2322.
- Weiss, R. (2016). Why do people with addictions seek to escape rather than connect? A look at the approach to addiction treatment. *Consultant*, 56, 786–790.
- Zielinski, M., Bradshaw, S., Mullet, N., Hawkins, L., Shumway, S., Chavez, M. S. (2019). Codependency and prefrontal cortex functioning: preliminary examination of substance use disorder impacted family members. *American Journal on Addictions*, 28(5), 1–9. <https://doi.org/10.1111/ajad.12905>

Поступила в редакцию: 03.11.2022

Поступила после рецензирования: 20.01.2023

Принята к публикации: 22.03.2023

Заявленный вклад авторов

Анастасия Сергеевна Колёнова – кураторство исследования, окончательное утверждение версии для публикации, концептуализация и методология, организация исследования, ретроспективный анализ литературных источников.

Анна Михайловна Кукуляр – ретроспективный анализ зарубежных литературных источников.

Лидия Александровна Дятлова – подготовка и редактирование текста статьи.

Информация об авторах

Анастасия Сергеевна Колёнова – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Региональный научный центр Российской академии образования, доцент

Анастасия С. Колёнова, Анна М. Кукуляр, Лидия А. Дятлова
Психологические маркеры созависимого поведения: теория и практика
Российский психологический журнал, 2023, Т. 20, № 1, 6–19. doi: 10.21702/rpj.2023.1.1

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

кафедры «Психофизиология и клиническая психология» Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ResearcherID: L-5441-2016; AuthorID: 806448; SPIN-код: 2822-1466; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0715-8655>; e-mail: askolenova@gmail.com

Анна Михайловна Кукуляр – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Региональный научный центр Российской академии образования, доцент кафедры «Общая и консультативная психология» Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ResearcherID: AAI-1372-2021; Scopus Author ID: 57218094113; SPIN-код: 4476-1656; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4786-2954>; e-mail: vetkina-anna@mail.ru

Дятлова Лидия Александровна – лаборант-исследователь, Региональный научный центр Российской академии образования, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2157-3521>, e-mail: Lydia_d@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

АЛЕКСЕЙ А. ШАРОВ

СТРУКТУРА МОТИВАЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ И ИХ СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ...

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2023, Т. 20, № 1, 20–32. doi: 10.21702/rpj.2023.1.2

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.9.072.43

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.2>

Структура мотивации молодых людей и их социальная активность в усложняющихся условиях функционирования общества

Алексей А. Шаров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

sha555da@mail.ru

Аннотация

Введение. Социальная активность молодых людей в реальной и виртуальной среде сегодня претерпевает значительные изменения, поскольку усложняются условия функционирования социальной среды, что связано с рядом оказывающих влияние на социальные условия факторов, в частности, пандемической ситуации, проведением специальной военной операции. Целью исследования является выделение и описание структуры мотивации и социальной активности молодых людей в усложняющихся условиях функционирования социальной среды. Впервые выявлены взаимосвязи мотивов и видов активности, выделены новые формы социальной активности, представлены укрупненные компоненты социальной активности молодежи. **Методы.** В исследовании приняло участие 200 жителей России, средний возраст – 19,8 лет. Для изучения структуры социальной активности использовалась анкета, включающая 18 вопросов-шкал, а также четыре новые авторские шкалы. Мотивационная структура оценивалась семью авторскими вопросами-шкалами, апробированными в предыдущих научных изысканиях. **Результаты.** Наиболее выраженными у молодежи являются мотивы поиска нового, гармонии с другими, саморазвития и самореализации. Выявлены взаимосвязи между мотивами поиска нового, самореализации и досуговой и интернет-поисковой активностью, а также между профилактической активностью и мотивом поиска нового, постпандемийной активностью и мотивов уверенности и успешности. Структура социальной активности представлена тремя укрупненными компонентами: гражданско-политическая активность, включающая религиозную составляющую; профессионально-образовательная и рекреационно-бытовая активность; профилактически-постпандемийная активность. В структуре социальной активности молодежи выделены как традиционные, так и новые формы. **Обсуждение результатов.** Полученные результаты вполне объяснимы с позиции системно-диахронического подхода, согласно которому активность личности и группы, ее мотивация обуславливаются внешним состоянием функционирования социальной среды. Обозначенные условия порождают возникновение новых форм социальной активности, подходов к классификации изучаемого феномена.

Ключевые слова: мотивация, социальная активность, молодежь, реальная среда, виртуальная среда, факторная структура, укрупненная группа, постпандемийная активность, саморазвитие, гражданская активность

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00298 «Психологические механизмы и факторы социальной активности молодежи».

Для цитирования: Шаров, А. А. (2023). Структура мотивации молодых людей и их социальная активность в усложняющихся условиях функционирования общества, *Российский психологический журнал*, 20(1), 20–32. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.2>

Введение

В настоящее время наблюдается рост числа исследований, касающихся различных аспектов социальной активности молодежи. Прежде всего это можно увидеть в русле социальной психологии. Под социальной активностью современными авторами понимается не только участие представителей молодежной демографической группы в различных сферах жизнедеятельности и исполнение ими социальных ролей, но и творческое, инициативное отношение к себе и различным сферам общественной жизни (Шамяионов, 2020; Шамяионов, 2018).

Можно выделить несколько направлений исследований в интересующем нас контексте. В первую очередь это разработка и описание различных форм (типов) социальной активности (Шамяионов и др., 2020). Далее необходимо упомянуть работы отечественных авторов, посвященных изучению деятельностных характеристик (Арендачук, 2020), ценностных (Шамяионов, Бочарова, Невский, 2022), волевых (Шамяионов, Григорьева, Григорьев, 2019) и социально-демографических предикторов социальной активности (Усова, 2019). Авторы также рассматривают взаимосвязь социальной активности со склонностью к рискованному поведению (Шамяионов, 2021), идентичностью (Шамяионов и др., 2022), а также мотивацию социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием (Григорьева, Шаров, Заграничный, 2022). Важное место в рамках современных научных изысканий занимает изучение проблематики соотношения активности молодежи с различными психологическими характеристиками (доверием, психологическим благополучием, конформизмом) (Кисляков, Шмелева, 2022); анализ глазодвигательных реакций в процессе восприятия молодежью сюжетов с различными формами социальной активности (Шамяионов, Невский, 2020). Небезынтересным является изучение влияния социальной активности молодежи на её позиции на рынке труда (Балог, 2017). Особенно актуальным представляется различение типов социальной активности в реальной (физической) и виртуальной средах, рассмотрение их сопряжения, механизмов перехода друг в друга (Шамяионов, Суздальцев, 2022; Заграничный, 2019). Более того, происходит выделение интегративной отрасли науки – психологии социальной активности личности и группы (Шамяионов и др., 2020). В зарубежной науке большое внимание уделяется виртуальным формам социальной активности молодежи, в том числе девиантным (киберагрессия, кибербуллинг (Álvarez-García, Barreiro-Collazo, Núñez & Dobarro, 2016; Nocentini et al., 2012; Schoffstall & Cohen, 2011; Mishna et al., 2018)), изучению соотношения активности и социальной идентичности (Osborne, Jost, Becker, Badaan & Sibley, 2018), а также изучению жизненных

ориентаций в контексте преобразования социальной деятельности (Hitlin & Salisbury, 2013), вопросам цифровой социализации в целом (Stornaiuolo, 2017).

В последние годы в нашей стране наблюдается исследовательский интерес к девиантным формам социальной активности как в реальной, так и в виртуальной среде в плане диагностики, типологии, взаимосвязи (Шаров, 2019; Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020).

Таким образом, можно констатировать устойчивый исследовательский интерес отечественных и зарубежных авторов к тематике социальной активности, тенденцию к расширению ее видов и границ, механизмов перехода друг в друга.

М. А. Кленовой (2018), а также В. А. Ситаровым и В. Г. Мараловым (2015) особо подчеркивается, что изучать феномен социальной активности молодежи необходимо всесторонне, с учетом динамики функционирования современного общества. Показательным в данном контексте является исследование Н. В. Усовой и соавторов, где предпринимается попытка обоснования диагностического инструментария в рамках изучения активности личности в условиях вынужденной самоизоляции (Усова, Арендачук, Кленова, 2021). Можно предположить, что в настоящее время активность молодой личности подвержена влиянию усложняющихся обстоятельств функционирования социальной среды. К данным обстоятельствам, во-первых, необходимо отнести свежий след обостренной пандемической ситуации и связанные с ней различного рода ограничения и запреты, продолжающиеся с февраля 2020 года, и, во-вторых, неблагоприятную экономическую и геополитическую обстановку, в которой оказалась Россия в связи с проведением специальной военной операции.

Цель настоящего исследования – выделение и описание структуры мотивации и социальной активности молодых людей в усложняющихся условиях функционирования социальной среды.

Нами выделен ряд гипотез:

- можно предположить выделение укрупненной структуры социальной активности личности и группы, содержащей как традиционные, так и новые формы активности, связанные с усложняющимися условиями социальной среды;
- существуют значимые взаимосвязи между типами и мотивами социальной активности;
- задачами данного исследования выступают разработка и включение в диагностический блок новых типов активности личности; выявление взаимосвязи мотивов и видов активности; представление укрупненных компонентов социальной активности молодежи.

Методы

Выборка исследования составила 200 респондентов, средний возраст – 19,8 лет (61,5 % женщин), 86 % респондентов не состоят в браке. Из респондентов проживающих в малых городах – 22,5 %, селах – 12 %, в областных центрах – 63,5 %, и 2 % жителей мегаполиса. Формирование выборки производилось простым рандомизированным способом. Исследование проводилось в период с апреля по июнь 2022 года.

В рамках реализации исследовательского замысла применена анкета, включающая 18 вопросов-шкал (Шамяионов и др., 2020), содержательно характеризующих формы социальной активности личности (альтруистическая, досуговая, спортивно-оздоровительная, культурно-массовая, семейно-бытовая, экологическая, социально-политическая, интернет-сетевая, интернет-поисковая, гражданская, социально-экономическая, профессиональная, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная,

субкультурная). Респондентам предлагалось оценить свою активность по 5-балльной шкале Лайкерта (от 1 – «практически никогда» до 5 – «постоянно») (Шамионов и др., 2020).

Мотивация социальной активности оценивалась семью авторскими вопросами-шкалами, апробированными на предыдущем этапе исследовательской работы (Григорьева и др., 2022). Среди шкал – обеспеченность едой и жильем (1); уверенность и успешность (2); принятие другими (3); любовь и уважение (4); поиск нового (5); гармония с другими (6); самореализация и саморазвитие (7). Предполагаемые новые формы социальной активности оценивались разработанными тремя авторскими шкалами (табл. 1).

Таблица 1

Вопросы-шкалы новых форм активности

Наименование шкалы	Содержание шкалы
Профилактическая активность	Избегание ситуаций, связанных с пребыванием в местах массового скопления людей, использование масок, перчаток в общественных местах и при контакте с лицами, имеющими симптомы ОРВИ, проведение ревакцинации, интерес к новостному, профилактическому контенту в рамках тематики COVID-19
Постпандемийная активность	Использование цифровых сервисов для поиска информации, покупки товаров, получения услуг, межличностного взаимодействия, несмотря на отмену основных ковидных ограничений, деятельность, направленная на борьбу с постковидными осложнениями, построение долгосрочных планов в аспекте жизнедеятельности без учета пандемии
Патриотическая активность	Участие в сборе и отправке гуманитарной помощи жителям ДНР и ЛНР, в акциях поддержки специальной военной операции, использование хэштегов в соцсетях, символики в реальной среде (на предметах одежды, средствах передвижения) латинской буквы Z

Содержательная валидность новых вопросов-шкал оценивалась четырьмя экспертами. Коэффициент конкордации Кендалла ($W = 0,80$) свидетельствует о высокой степени согласованности оценки экспертов. Обозначенные шкалы также продемонстрировали приемлемый уровень надежности: α Cronbach = 0,74–0,83. Респондентам предлагалось оценить свою активность также по шкале Лайкерта (от 1 до 5).

Диагностический этап исследования проводился без контакта с респондентом посредством применения платформы Google Forms. Среднее время заполнения опросной формы – 15 минут. Статистическая обработка осуществлялась с помощью лицензионного статистического программного пакета IBM SPSS Statistics 27.0.

Результаты

Все полученные в ходе проведения аналитического этапа показатели проверены на нормальность распределения по критерию Колмогорова-Смирнова. Получен приемлемый положительный результат ($p > 0,05$), что свидетельствует о предположительном соответствии эмпирических распределений нормальному и возможности применения параметрических статистических процедур (t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ Пирсона, факторный анализ методом главных компонент).

Обратимся к полученным данным, отражающим описательную статистику. В таблице 2 представлены результаты по видам социальной активности.

Таблица 2

Описательные статистики выраженности социальной активности (n = 200)

Активность	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Альтруистическая	1	4	2,60	1,99
Досуговая	1	5	4,09	1,01
Спортивно-оздоровительная	1	5	3,36	1,22
Культурно-массовая	1	5	2,71	1,24
Семейно-бытовая	1	5	3,93	1,03
Экологическая	1	5	2,89	1,17
Социально-политическая	1	5	1,83	1,15
Интернет-сетевая	1	5	3,18	1,37
Интернет-поисковая	1	5	3,83	1,16
Гражданская	1	5	2,21	1,16
Социально-экономическая	1	5	2,67	1,35
Профессиональная	1	5	3,11	1,26
Образовательно-развивающая	1	5	2,83	1,26
Духовная	1	5	2,99	1,31
Религиозная	1	5	1,91	1,13
Протестная	1	5	1,70	1,05
Радикально-протестная	1	5	1,88	1,18

Активность	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Субкультурная	1	5	1,80	1,20
Профилактическая	1	4	1,66	0,89
Постпандемийная	1	5	1,91	1,18
Патриотическая	1	5	1,61	0,94

Из таблицы 2 видно, что досуговая, семейно-бытовая и интернет-поисковая активность являются наиболее выраженными в молодежной среде.

Обратимся к полученным данным, касающимся мотивации социальной активности. В таблице 3 представлены результаты по всей выборке, а также в сравнительном контексте между мужчинами и женщинами.

Таблица 3

Мотивы социальной активности ($n = 200$)

Показатели	Мотивы социальной активности молодежи							
	1	2	3	4	5	6	7	
Результаты по всей выборке	Среднее значение	3,35	3,29	3,42	3,94	4,29	4,04	4,36
	Станд. откл.	1,17	1,29	1,28	1,10	0,89	1,10	0,92
Женщины	Среднее значение	3,21	3,32	3,31	4,20	4,31	4,20	4,30
	Станд. откл.	0,90	1,31	1,35	0,98	0,95	1,05	0,96
Мужчины	Среднее значение	3,42	3,22	3,47	3,41	4,24	3,71	4,47
	Станд. откл.	3,19	1,18	1,24	1,14	0,77	1,13	0,85
t-критерий Стьюдента		0,54	0,50	0,83	5,23*	0,61	3,21*	1,30

Примечание: уровень значимости $p \leq 0,01$.

Из таблицы 3 видно, что мотивы поиска нового, гармонии с другими, а также саморазвития и самореализации являются наиболее выраженными у молодежи. У девушек преобладают мотивы уважения и любви, гармонии с другими. Полученные результаты пересекаются

с ранее проведенными исследованиями в рамках изучения социальной активности молодежи (Григорьева и др., 2022).

Обратимся к результатам корреляционного анализа наиболее выраженных мотивов и видов социальной активности. Получены значимые взаимосвязи между мотивами поиска нового и досуговой активностью ($r = 0,256$ при $p < 0,001$), а также интернет-поисковой активностью ($r = 0,225$ при $p < 0,001$); мотивом самореализации и самоактуализации и досуговой активностью ($r = 0,369$ при $p < 0,001$), а также интернет-поисковой активностью ($r = 0,341$ при $p < 0,001$). Интерес представляют и выявленные взаимосвязи мотива поиска нового и профилактической активности ($r = -0,176$ при $p < 0,001$), а также мотива уверенности и успешности и постпандемийной активности ($r = 0,210$ при $p < 0,001$).

Перейдем к констатации результатов факторной структуры социальной активности молодежи. Получены значения по критерию КМО = 0,826, а статистическая значимость Критерия сферичности Бартлетта = 0,000. Это свидетельствует о том, что данные могут быть подвергнуты факторному анализу. В результате факторного анализа методом главных компонент с последующим Varimax-вращением (вращение сошлось за 5 итераций) с нормализацией Кайзера получено 3 фактора, объясняющих 47 % дисперсии. Каждый фактор определяет укрупненную группу элементов структуры социальной активности молодежи. Представим результаты в таблице 4.

Таблица 4

Факторные нагрузки типов социальной активности ($n = 200$)

Тип социальной активности	1 фактор	2 фактор	3 фактор
Альтруистическая	–	0,486	–
Досуговая	–	0,666	–
Спортивно-оздоровительная	–	–	–
Культурно-массовая	–	0,569	–
Семейно-бытовая	–	0,488	–
Экологическая*	–	–	–
Социально-политическая	0,806	–	–
Интернет-сетевая	–	0,543	–
Интернет-поисковая	–	0,686	–
Гражданская	0,718	–	–

Тип социальной активности	1 фактор	2 фактор	3 фактор
Социально-экономическая*	–	–	–
Профессиональная	–	0,484	–
Образовательно-развивающая	–	0,485	–
Духовная	–	0,563	–
Религиозная	0,663	–	–
Протестная	0,757	–	–
Радикально-протестная	0,776	–	–
Субкультурная	0,616	–	–
Профилактическая	–	–	0,855
Постпандемийная	–	–	0,887
Патриотическая*	–	–	–
% охвата общей дисперсии	21	16	10

Примечание: типы, отмеченные *, не вошли не в один из факторов.

Первый фактор, включающий социально-политическую, гражданскую, религиозную, протестную, радикально-протестную и субкультурную типы социальных активностей, назван нами «гражданско-политическая активность, включающая религиозную составляющую».

Второй фактор содержит следующие формы социальных активностей: альтруистическую, досуговую, культурно-массовую, бытовую, интернет-сетевую, интернет-поисковую, профессиональную, образовательно-развивающую и духовную. Данный фактор обозначен как «профессионально-образовательная и рекреационно-бытовая активность». Третий фактор включает постпандемийную и профилактическую социальные активности и назван нами «профилактически-постпандемийная активность, связанная с распространением COVID-19». Также из представленной таблицы мы видим, что ни в один из факторов не вошли экологическая, социально-экономическая, патриотическая активность.

Обсуждение результатов

Анализ первичных показателей активности позволяет констатировать, что приоритетными видами социальной активности у молодежи являются досуговая, семейно-бытовая и интернет-поисковая. Полученные данные согласуются с ранее проведенными исследованиями

(Шамионов, 2021; Арендачук, 2021), в которых установлено, что приоритетными видами активности у молодежи являются интернет-сетевая и досуговая. Это значит, что перечисленные виды активности также доминируют и в усложняющихся условиях социальной среды.

Наиболее выраженными у молодежи являются мотивы поиска нового, гармонии с другими, а также саморазвития и самореализации. Эти данные согласуются с ранее проведенными исследованиями (Григорьева и др., 2022) в которых было продемонстрировано, что для молодежи важны мотивы саморазвития, поиска нового. Сравнительный анализ показал, что для респондентов женского пола в большей степени, чем для мужского, важны мотивы уважения и любви, гармонии с другими. Данный факт свидетельствует об ориентации женщин в процессе социальной активности на позитивный социальный отклик со стороны окружающих людей. Явная идентичность полученных данных в разные периоды времени может свидетельствовать о том, что структура мотивации социальной активности молодежи является относительно статичной, несмотря на усложняющиеся условия функционирования общества.

Что касается взаимосвязей мотивов и типов активности, то можно констатировать, что мотивы поиска нового, самореализации и самоактуализации сопряжены с интернет-поисковой и досуговой активностью. С другой стороны, чем ниже мотив поиска нового, тем выше профилактическая активность. Мотив уверенности и успешности сопряжен с постпандемийной активностью. Другими словами, в усложняющихся условиях функционирования социальной среды реализация мотивов, связанных с поиском нового и саморазвитием, происходит посредством досуговой и интернет-поисковой активности молодой личности, а уверенность и успешность соотносятся с постпандемийной активностью.

Не вошла ни в один фактор (показатели имеют невысокий разброс и средний балл) патриотическая активность. Это может быть объяснено тем, что действия молодежи патриотической направленности в данном контексте могут быть включены в гражданскую и протестную активность, выделенные на ранних этапах исследования (Шамионов и др., 2020) и вошедших в первый фактор (укрупненный компонент социальной активности под названием «гражданско-политическая активность, включающая религиозную составляющую»). Факт вхождения в самостоятельный фактор (профилактически-постпандемийная активность, связанная с распространением COVID-19) выделенных нами профилактической и постпандемийной активности можно объяснить следующим образом. Ситуация, связанная с пандемией, различного рода ограничениями, изоляцией и другими аспектами распространения коронавирусной инфекции является достаточно продолжительной. Несмотря на снятие основных ограничительных мер на территории России на момент исследования, ситуация остается напряженной и непредсказуемой. По прогнозам ученых-эпидемиологов возможные подъемы заболеваемости коронавирусной инфекцией в осенне-зимний и весенний периоды, что связано со снижением уровня антител (Барвина и др., 2021; Карпова, Столяров, Поповцева, Столярова, Даниленко, 2022). Можно констатировать, что новостной, профилактический, научно-медицинский контент активно транслировался в СМИ, виртуальной среде с 2019 года. Вероятно, поэтому и профилактическая активность как новый тип социальной активности вошла в указанный выше крупный компонент. Произшедший спад пандемического напряжения обуславливает выделение еще одной новой вариации активности – постпандемийной, направленной на построение жизненных планов без учета пандемической ситуации, использование приобретенного опыта навыков взаимодействия в виртуальной среде, а также деятельности, направленной на преодоление постковидных осложнений.

Выделение мотивов, их сопряжения с социальной активностью, укрупненных компонентов социальной активности можно объяснить с позиции системно-диахронического подхода, согласно которому различные типы (виды) социальной активности обуславливаются не только социально-психологическими характеристиками, но и внешними условиями функционирования общества, в которых находится личность, группа. В данном случае возникновение ситуативного укрупненного компонента социальной активности (профилактически-постпандемийного) связано с изменениями внешних условий жизнедеятельности, обусловленной распространением коронавирусной инфекции.

Заключение

5. В структуре социальной активности молодежи можно выделить как традиционные формы социальной активности (альтруистическая, досуговая, спортивно-оздоровительная, культурно-массовая, семейно-бытовая, социально-политическая, интернет-сетевая, интернет-поисковая, гражданская, профессиональная, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная), так и новые, которые обусловлены меняющимися условиями жизнедеятельности и функционирования социальной среды (профилактическая, постпандемийная, патриотическая).
6. Мотивы поиска нового, саморазвития и самоактуализации сопряжены с досуговой и интернет-активностью, а мотив уверенности и успешности обуславливает постпандемийную активность.
7. Структура социальной активности молодежи в усложняющихся условиях социальной среды включает в себя три укрупненных компонента: гражданско-политический, включающий религиозную составляющую, профессионально-образовательный и рекреационно-бытовой, а также профилактически-постпандемийный.

Полученные в настоящей работе результаты могут быть использованы в рамках разработки программ психологического и социального сопровождения в усложняющихся условиях функционирования социальной среды, а также организации деятельности современной молодежи. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с выделением новых ситуативно обусловленных форм социальной активности в зависимости от возникновения новых условий и вызовов современности.

Ограничения исследования

Ограничениями исследования является несбалансированность выборки по полу (большинство респондентов – женщины), а также по месту проживания (большинство респондентов – жители областного центра). Кроме того, значительная часть испытуемых является студентами образовательных организаций высшего образования.

Литература

- Арендчук, И. В. (2020). Деятельностные характеристики социальной активности молодежи разных возрастных групп. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 9(2), 148–161. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-148-161>
- Арендчук, И. В. (2021). Характеристики психологической готовности к социальной активности как детерминанты разных форм ее проявления у российской студенческой молодежи

- в Саратовском регионе. *Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика*, 18(1), 64–84. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-64-84>
- Балог, А. И. (2017). Влияние социальной активности молодёжи на её позиции на рынке труда. *Социальные и гуманитарные знания*, 3(1), 55–62.
- Баврина, А. П., Саперкин, Н. В., Другова, О. В., Карякин, Н. Н., Ковалишена, О. В. (2021). Сравнительная характеристика очередного подъема заболеваемости COVID-19 в различных регионах мира. *Эпидемиология и Вакцинопрофилактика*, 20(4), 89–102. <https://doi.org/10.31631/2073-3046-2021-20-4-89-102>
- Григорьева, М. В., Шаров, А. А., Заграничный, А. И. (2022). Структура и мотивация социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием молодежи. *Социальная психология и общество*, 13(1), 142–158. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130109>
- Заграничный, А. И. (2019). Особенности проявления социальной активности молодежи в виртуальной и реальной средах. *Общество: социология, психология, педагогика*, 4, 95–98.
- Карпова, Л. С., Столяров, К. А., Поповцева, Н. М., Столярова Т. П., Даниленко, Д. М. (2022). Сравнение первых трех волн пандемии COVID-19 в России (2020–2021 гг.). *Эпидемиология и Вакцинопрофилактика*, 21(2), 4–16. <https://doi.org/10.31631/2073-3046-2022-21-2-4-16>
- Кисляков, П. А., Шмелева, Е. А. (2021). *Психология безопасного просоциального поведения личности*. Когито-Центр.
- Кленова, М. А. (2018). Проблемы и перспективы исследования социальной активности молодежи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 7(4), 319–325.
- Ситаров, В. А., Маралов, В. Г. (2015). Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития). *Знание. Понимание. Умение*, 4, 164–176.
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Чигарькова, С. В. (2020). Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи. *Национальный психологический журнал*, 2(38), 3–20.
- Усова, Н. В. (2019). Социально-демографические детерминанты направленности социальной активности современной молодежи. *Ученые записки Российского государственного социального университета*, 18(2), 15–22.
- Усова, Н. В., Арендачук, И. В., Кленова, М. А. (2021). Диагностика характеристик активности личности в условиях вынужденных социальных ограничений. *Мир науки. Педагогика и психология*, 3(9), 82–95. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270207>
- Шамяионов, Р. М. (2020). Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи. *Сибирский психологический журнал*, 77, 176–195. <https://doi.org/10.17223/17267080/77/9>
- Шамяионов, Р. М. (2021). Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции. *Социальная психология и общество*, 13(1), 94–112. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107>
- Шамяионов, Р. М. (2018). Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*, 15(4), 379–394. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>
- Шамяионов, Р. М., Бочарова, Е. Е., Невский, Е. В. (2022). Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности. *Социальная психология и общество*, 13(1), 124–141. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130108>

- Шамионов, Р. М., Григорьева, М. В., Арндачук, И. В., Бочарова, Е. Е., Усова, Н. В., Кленова, М. А., Шаров, А. А., Заграничный, А. И. (2020). *Психология социальной активности молодежи*. Перо.
- Шамионов, Р. М., Григорьева, М. В., Григорьев, А. В. (2019). Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов. *Социальная психология и общество*, 13(1), 18–34. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100102>
- Шамионов, Р. М., Невский, Е. В. (2020). Специфика глазодвигательных реакций и ценностей как предикторов социальной активности студентов. *Перспективы науки и образования*, 3, 294–307. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.3.22>
- Шамионов, Р. М., Суздальцев, Н. В. (2022). Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 19(1), 21–38. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38>
- Шамионов, Р. М., Бочарова, Е. Е., Невский, Е. В. (2022). Соотношение жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности молодежи. *Российский психологический журнал*, 18(4), 91–105. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.7>
- Шаров, А. А. (2019). Особенности девиантной активности в реальной и виртуальной средах у представителей молодежных субкультур. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, 3, 450–454.
- Álvarez-García, D., Barreiro-Collazo, A., Núñez, J. C., & Dobarro, A. (2016). Validity and Reliability of the Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents (CYBA). *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 8(2), 69–77. <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2016.02.003>
- Hitlin, S. & Salisbury, M. H. (2013). Living life for others and/or oneself: The social development of life orientations. *Social Science Research*, 42(6), 1622–1634. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.07.007>
- Mishna, F., Regehr, C., Lacombe-Duncan, A., Daciuk, J., Fearing, G. & Van Wert, M. (2018). Social media, cyber-aggression and student mental health on a university campus. *Journal of Mental Health*, 27(3), 222–229. <https://doi.org/10.1080/09638237.2018.1437607>
- Nocentini, A., Calmaestra, J., Schultze-Krumbholtz, A., Scheitauer, H., Ortega, R. & Menesini E. (2012). Cyberbullying: Labels, behaviors and definition in three European countries. *The Australian Journal of Guidance and Counselling*, 20, 129–142. <https://doi.org/10.1375/ajgc.20.2.129>
- Osborne, D., Jost, J. T., Becker, J. C., Badaan, V. & Sibley, C. G. (2018). Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action. *European Journal of Social Psychology*, 49(2), 244–269. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2522>
- Schoffstall, C. & Cohen, R. (2011). Cyber Aggression: The Relation between Online Offenders and Offline Social Competence. *Social Development*, 20(3), 586–604.
- Stornaiuolo, A. (2017). Contexts of digital socialization: Studying adolescents interactions on social network sites. *Human Development*, 60(5), 233–238. <https://doi.org/10.1159/000480341>

Поступила в редакцию: 30.06.2022

Поступила после рецензирования: 30.10.2022

Принята к публикации: 31.10.2022

АЛЕКСЕЙ А. ШАРОВ

СТРУКТУРА МОТИВАЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ И ИХ СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ...

Российский психологический журнал, 2023, Т. 20, № 1, 20–32. doi: 10.21702/rpj.2023.1.2

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Информация об авторе

Алексей Александрович Шаров – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов, Российская Федерация; ResearcherID: W-7529-2018, SPIN-код: 8248-5551, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.3>

Психологические особенности переживания студентами ограничения доступа к социальным сетям

Ирина В. Абакумова¹ , Наталья Е. Комерова^{1*} , Сергей Н. Рягин²

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: komerova.nata@gmail.com

Аннотация

Введение. Социальные сети являются инструментом поиска социальных контактов, эмоциональной поддержки, средством самовыражения и самопрезентации. На фоне «кризиса достоверности», выражающегося в большом количестве непроверенной и часто противоречивой информации, весьма актуально изучать психологические особенности переживания студентами ограничения доступа к социальным сетям, таким, как Instagram* (проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена). Тема исследования информационного поведения в последние годы приобрела особую актуальность, что реализовалось в большом количестве как зарубежных, так и отечественных работ. Впервые предпринята попытка описать различия особенностей переживания студентами ограничения доступа к социальным сетям в зависимости от действий респондентов после ограничения доступа. **Методы.** В исследовании приняли участие 174 студента в возрасте от 18 до 21 года (61 юноша и 113 девушек), учащиеся 1-3 курсов ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет». Для реализации цели исследования использованы авторская анкета-опросник (И. В. Абакумова, Н. Е. Комерова, С. В. Рягин); опросник социально-психологической адаптации (СПА) (в адаптации А. К. Осницкого); опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) (С. Хобфолл в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой). Математическими методами выступили статистический U-критерий Манна–Уитни; коэффициент ранговой корреляции Спирмена. **Результаты.** В зависимости от действий респондентов после ограничения доступа к социальной сети Instagram* (продолжение использования с помощью приложений VPN, прекращение использования после запрета) изменяются копинг-стратегии и особенности социально-психологической адаптации к стрессовым ситуациям. У респондентов, которые прекратили использование социальной сети Instagram*, выявлен более высокий уровень избегания и импульсивных действий, меньшая выраженность внутреннего контроля, адаптивности, эмоционального дискомфорта, чем у респондентов, которые продолжили пользоваться данной социальной сетью. **Обсуждение результатов.** Исследования информационного поведения как отечественными, так и зарубежными авторами подчеркивают важность виртуального пространства социальных сетей как способа самопрезентации, коммуникации, получения

поддержки, самовыражения и прочее, что согласуется с нашими результатами о том, что ограничение доступа к популярному у молодежи ресурсу Instagram*, может восприниматься как фрустрирующее событие, потеря «части» жизни, которое активирует определенные копинг-стратегии и механизмы социально-психологической адаптации.

Ключевые слова: ограничение доступа, социальная сеть, копинг-стратегии, социально-психологическая адаптация, кризис достоверности, инфодемия, избегание, дезадаптация, фрустрация, социальный контакт

Финансирование: Статья выполнена при поддержке РНФ (Проект 22-78-10107) «Трансформации конструктивных и деструктивных стратегий информационного поведения молодежи в условиях роста геополитических рисков: психологические, психофизиологические и психогенетические предикторы».

Для цитирования: Абакумова, И. В., Комерова, Н. Е., Рягин, С. Н. (2023). Психологические особенности переживания студентами ограничения доступа к социальным сетям. *Российский психологический журнал*, 20(1), 33–49. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.3>

Введение

Возникшая в последние годы и постоянно нарастающая геополитическая напряженность в мире стала одним из стрессоров для молодежи, особенно за прошедший год. На фоне «кризиса достоверности», выражающегося в большом количестве возникающей разнонаправленной и часто противоречивой («фейковой») информации, с целью защиты населения от непроверенной или ложной информации было принято решение о блокировке на территории РФ некоторых интернет-ресурсов, к примеру, социальной сети Instagram* (здесь и далее Instagram* – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена). Как известно, наиболее активными пользователями социальных сетей являются молодые люди. Для них социальные сети выступают средством общения, получения информации, продвижения, самопрезентации, совершения покупок и так далее.

Вследствие запрета Instagram* на территории Российской Федерации студенческое сообщество разделилось на две группы – тех, кто продолжил пользоваться социальными сетями (с помощью приложения VPN), и тех, кто прекратил их использование в связи с запретом.

Виртуальная частная сеть (VPN) – технология, которая позволяет установить безопасное подключение к сети Интернет. При подключении к Интернету через VPN программное обеспечение создает безопасное соединение между устройством и удаленным VPN-сервером, шифруя данные пользователя просмотра веб-страниц и скрывая IP-адрес.

Таким образом, большую актуальность приобретает изучение особенностей переживания студентами ограничения доступа к социальными сетями.

Тема информационного поведения, и, в частности, использования социальных сетей, а также последствий ограничения доступа к социальным сетям в последние годы находится на пике актуальности и интерес к ней реализуется в различных направлениях, таких как психология, политология, социология, экономика.

Так, Гребенкина А. А. (2020) исследует виртуальные социальные сети, их возможности и ограничения; Емельянов Д. С. (2021) описывает особенности ограничений права на свободу

слова в эпоху социальных сетей; Пашинина Н. И. (2022) анализирует влияние на деятельность малого бизнеса ограничения доступа к социальной сети Instagram* в РФ и перспективы развития Россграм; Серова С. А., Семишова Е. П. (2022) выделяют аспекты ограничения распространения недостоверной информации в средствах массовой информации и социальных сетях; Смирнов А. В. (2021) представляет модель цифрового общества в Российской действительности; Ganichev N. A., Koshovets O. B. (2019) анализируют специфику интеграции России в глобальный проект цифровой трансформации; Wanqing H., Fenqing L., Solodukho A. (2022) делают акцент на исследовании зависимости от смартфонов и межкультурной адаптации среди иностранных китайских студентов; Shabunova A. A., Gruzdeva M. A., Kalachikova O. N. (2020) ставят вопрос урегулирования цифрового неравенства в современной России; Gaitán-Aguilar L., Hofhuis J., Bierwiaszonek K. & C. Carmen (2022) анализируют использование социальных сетей, социальную идентификацию и особенности межкультурной адаптации иностранных студентов. Также, Collis A. & Eggers F. (2022) исследуют влияние ограничения использования социальных сетей на благополучие и производительность студентов; Haidt J. & Twenge J. (2022) анализируют взаимосвязь использования социальных сетей и психического здоровья; Johannes N., Meier A., Reinecke L., Ehlert S., Setiawan D. N., Walasek N. и соавторы (2021) описывают взаимосвязь между онлайн-осторожностью и аффективным благополучием в повседневной жизни.

Приведенные исследования указывают на значимость социальных сетей в жизни современного человека, однако не раскрывают в полной мере эмоциональный аспект цифровой социализации, который в условиях введения запретов на социальные сети может выходить на первый план.

Любые изменения в привычном образе жизни могут восприниматься личностью как стрессовое событие и активировать стратегии совладения с ситуацией. Поскольку социальные сети сегодня являются «второй» реальностью, то переживание ограничения доступа к ним будет отражаться на поведении как в интернете, так и в повседневной жизни.

Изучение стратегий совладения со стрессовыми ситуациями рассматривается авторами с различных сторон (Кубекова, Фазлуллах, 2021). Так, Денисова Е. Г., Быкова Я. А. (2021) анализировали способы совладения подростков в связи с показателями саморегуляции. Дмитриева А. В. описывает взаимосвязь копинг-стратегий, социального интеллекта и стратегии поведения в юности (Дмитриева, Сорокоумова, 2021). Кочуров М. Г. (2020) выделяет связь копинг-стратегий с локусом контроля. Тунынина Е. А. (2022), Суркова Т. А. (2021), Fteiha M. & Awwad N. (2020) исследуют влияние эмоциональной компетентности и разных аспектах эмоционального интеллекта на выбор стратегий совладающего поведения. Отмечается влияние интернет-зависимости на копинг-стратегии подростков (Юшко, Нуриманова, 2020). Stallman H. M., Lipson S. K., Zhou S. & Eisenberg D. (2022) анализируют копинг-стратегии американских студентов.

После периода активного переживания стрессовой ситуации, как следствие, наступает социально-психологическая адаптация к новым условиям жизни. Особенности данного периода активно изучались авторами в последние годы. Например, Рябинкина С. А. изучила особенности социально-психологической адаптации и коммуникативной сферы интернет-зависимых студентов (Рябинкина, 2020). Скородумова А. О. проанализировала социально-психологическую адаптацию студентов начальных курсов ВУЗов (Скородумова & Елисеев, 2021).

Несмотря на обилие научных исследований в области психологии пользователей социальных сетей, тема переживания студентами уникальной ситуации ограничения доступа к социальным сетям является чрезвычайно актуальной в настоящее время.

Методы

Целью исследования является изучение особенностей переживания студентами ограничения доступа к социальным сетям.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Донского государственного технического университета (ФГБОУ ВО ДГТУ, г. Ростов-на-Дону). В исследовании приняли участие 174 человека в возрасте от 18 до 21 года (61 юноша и 113 девушек), которые являлись студентами 1, 2 и 3 курсов очного и очно-заочного отделений факультетов «Психология, педагогика и дефектология» и «Медиакоммуникации». Для проведения сравнительного анализа особенностей переживания студентами ограничения доступа к социальным сетям было принято решение разделить группу респондентов на две подгруппы: Подгруппа А (в количестве 102 человек) включала тех, кто продолжил пользоваться социальными сетями с использованием VPN; Подгруппа Б (72 человека) – тех, кто перестали пользоваться социальными сетями.

Для описания и анализа особенностей переживания студентами ограничения доступа к социальным сетям были выбраны методики, отражающие копинг-стратегии борьбы со стрессовыми ситуациями, особенности социально-психологической адаптации: опросник социально-психологической адаптации (методика Роджерса-Даймонд в адаптации А. К. Осницкого); методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (автор С. Хобфолл, адаптация Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой).

Для оценки значимости различий был применен статистический U-критерий Манна–Уитни; для выявления наличия взаимосвязей между переменными – коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Исследование проводилось с августа по сентябрь 2022 года. Все респонденты дали согласие на участие в исследовании, были ознакомлены с его целями и уведомлены о дальнейшем использовании и публикации результатов.

Результаты

Данные о статистике использования социальной сети были получены из авторской анкеты опросника (И. В. Абакумова, Н. Е. Комерова, С. В. Рягин). По данным нашего анкетного опроса, более 93 % респондентов пользовались данной социальной сетью хотя бы раз в сутки от нескольких минут до 12 часов. Данные опроса представлены на рис. 1.

В результате проведенного исследования по методике «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» были получены данные, представленные на рис. 2.

Как видно, в Подгруппе А («продолжили пользоваться») практически все виды копинг-стратегий выражены несколько менее интенсивно, чем в Подгруппе Б. Так, для всей выборки ведущими стратегиями преодоления являются: поиск социальной поддержки (Подгруппа А – 23,9 и Подгруппа Б – 25,24 балла), вступление в социальный контакт (Подгруппа А – 22,8 и Подгруппа Б – 24,85) и осторожные действия (Подгруппа А – 21,7 и Подгруппа Б – 22,88).

Следовательно, в Подгруппах выражена важность межличностного общения, потребность во взаимодействии и поддержке со стороны окружающих (семьи, друзей, коллег), поиск одобрения и обмен полезной информацией, однако у Подгруппы Б показатели находятся на границе с высокими, а у Подгруппы А они в рамках средних значений. Отметим, что данные копинг-стратегии характерны в общем для данной возрастной категории респондентов, поскольку это период установления новых социальных контактов, поиска «любовных» и дружеских отношений, личностного самоопределения, активного общественного взаимодействия.

Рисунок 1

Статистика использования социальной сети по времени в течение суток среди респондентов

Рисунок 2

Средние значения показателей стратегий преодоления стрессовых ситуаций (среди подгрупп), в базах

Однако, стоит отметить шкалы с наибольшей разницей в средних значениях – это «избегание» и «импульсивные действия». В Подгруппе Б средние значения по шкале «Избегание» (16,8 баллов) статистически значимо выше (при $p < 0,05$), чем в Подгруппе А (13,25 баллов), что свидетельствует о тенденции отказа от решения проблем, игнорирования их существования у тех, кто перестал пользоваться социальными сетями. По шкале «Импульсивные действия» у Подгруппы Б в среднем 20,75 баллов, а у Подгруппы А – 17,6 баллов, что также демонстрирует статистически значимые различия при $p < 0,05$. Данные результаты позволяют констатировать большую выраженность склонности к импульсивным поступкам, следованию интуитивным импульсам у Подгруппы Б, которые приняли решение прекратить использование социальных сетей.

Данные статистического анализа данных по методике «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» по критерию U-Манна-Уитни представлены в таблице 1.

Таблица 1

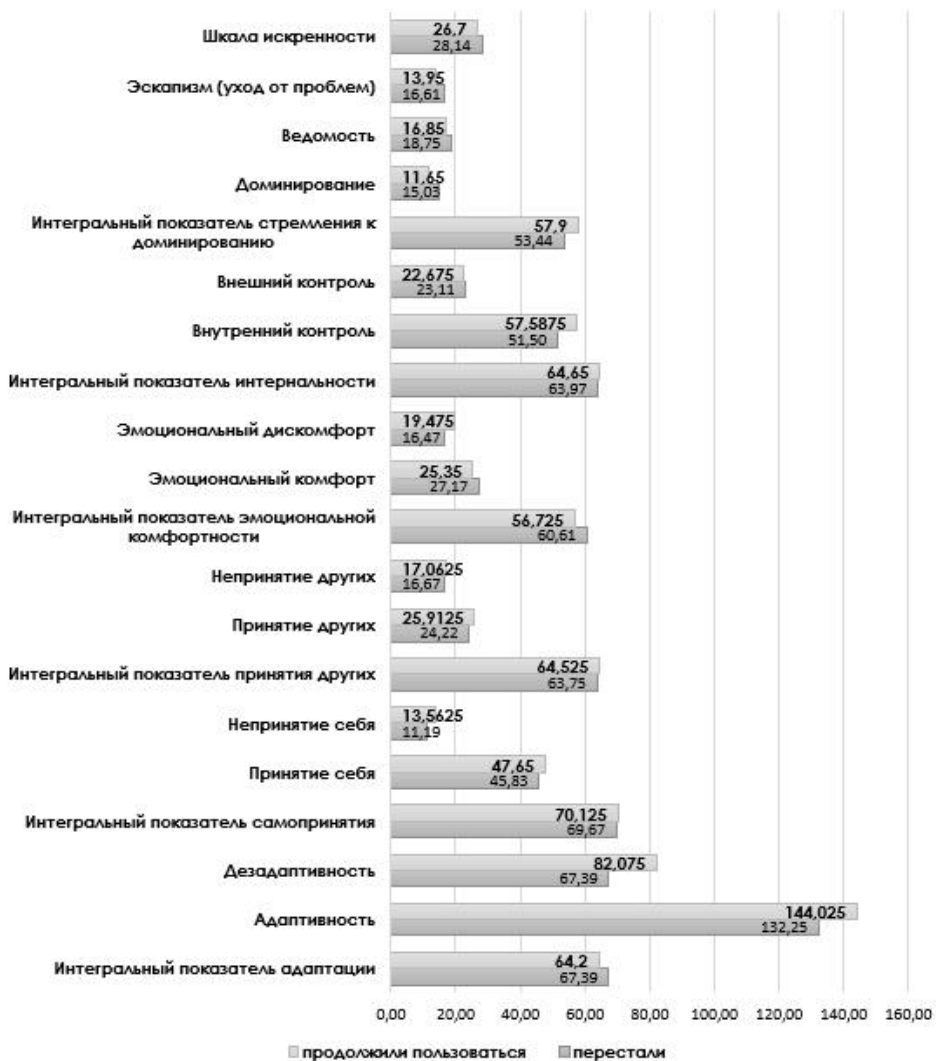
Результаты статистического анализа данных с помощью критерия U-Манна-Уитни

Шкала	Среднее значение Подгруппа 1	Среднее значение Подгруппа2	Rank_1	Rank_2	U	p_value
Ассертивные действия	20,545	21,125	61,712	55,056	1380	0,704
Вступление в социальный контакт	24,848	22,825	61,621	55,094	1443	0,435
Поиск социальной поддержки	25,242	23,988	60,045	55,744	1468,5	0,347
Осторожные действия	22,879	21,712	66,53	53,069	1251	0,661
Импульсивные действия	20,758	17,613	67,955	52,481	1681,5	0,022
Избегание	16,818	13,25	54,909	57,862	1634,5	0,046
Манипулятивные действия	20,879	20,275	61,5	55,144	1420,5	0,525
Асоциальные действия	19,091	17,95	60,727	55,462	1472,5	0,334
Агрессивные действия	20,212	19,012	58,818	56,25	1475,5	0,325

Результаты исследования по методике «Социально-психологическая адаптация» представлены на рис. 3.

Рисунок 3

Средние значения показателей социально-психологической адаптации (среди подгрупп)

Как видно из полученных результатов, показатель по шкале «Адаптивность» у Подгруппы А (144 балла) выше, чем у Подгруппы Б (132 балла), что говорит о большей гибкости тех, кто решил продолжить использование социальных сетей. Шкала «Адаптивность» отражает состояние, которое подразумевает продуктивное движение к задачам самоактуализации, успешному удовлетворению своих основных потребностей. Таким образом, респонденты Подгруппы А приняли решение продолжить использование социальных сетей, поскольку это входит в их ведущие потребности на данном жизненном этапе. Однако интегральный

показатель адаптивности в сумме выше в подгруппе Б, что объясняется, на наш взгляд, тем, что студенты выбрали избегание как способ совладения с данным стрессором, что помогло снять напряжение, вызвавшее чувство дезадаптации у Подгруппы Б.

Результаты по шкале «Интегральный показатель эмоционального комфорта» выше у Подгруппы Б, поскольку прекращение общения в социальных сетях выступало результатом, который предполагался блокировкой. Это также подтверждается данными по шкале «эмоциональный дискомфорт», по которой показатели у Подгруппы А (19,475) выше, чем у Подгруппы Б (16,47), то есть можно предположить, что решение о продолжении использования социальных сетей, несмотря на запрет, вызвало усиление эмоционального напряжения. Эти различия статистически достоверны по критерию U-манна Уитни (при $p < 0,05$). Данные статистического анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты статистического анализа по критерию U-Манна-Уитни

Name	Mean_1	Mean_2	Rank_1	Rank_2	U	p_value
Интегральный показатель адаптации	67,389	64,2	59,306	58,138	1619	0,285
Адаптивность	132,25	144,025	54,778	60,175	1224	0,197
Дезадаптивность	67,389	82,075	60,597	57,556	1133,5	0,067
Интегральный показатель самопринятия	69,667	70,125	56,111	59,575	1535	0,571
Принятие себя	45,833	47,65	53,431	60,781	1365,5	0,656
Непринятие себя	11,194	13,562	55,181	59,994	1189,5	0,134
Интегральный показатель принятия других	63,75	64,525	48,694	62,913	1521	0,629
Принятие других	24,222	25,913	58,653	58,431	1279,5	0,337
Непринятие других	16,667	17,062	49,083	62,737	1269	0,307
Интегральный показатель эмоциональной комфортности	60,611	56,725	58,194	58,638	1631	0,254
Эмоциональный комфорт	27,167	25,35	63,806	56,112	1429	0,948
Эмоциональный дискомфорт	16,472	19,475	53,75	60,638	1101	0,043

Name	Mean_1	Mean_2	Rank_1	Rank_2	U	p_value
Интегральный показатель интернальности	63,972	64,65	54,042	60,506	1445,5	0,974
Внутренний контроль	51,5	57,587	60,75	57,487	1087	0,035
Внешний контроль	23,111	22,675	51,542	61,631	1320,5	0,476
Интегральный показатель стремления к доминировали	53,444	57,9	56,431	59,431	1257,5	0,276
Доминирование	15,028	11,65	61,139	57,312	1354	0,607
Ведомость	18,75	16,85	49,986	62,331	1515,5	0,652
Эскапизм	16,611	13,95	52,5	61,2	1306	0,423

Статистически значимым результатом являются данные по шкале «Внутренний контроль», у Подгруппы А (57,58 баллов) результат выше, чем у Подгруппы Б (51,50 баллов). Можно утверждать, что у тех, кто решил продолжить использовать социальные сети после ограничения, более выражена позиция на самостоятельное принятие решений, уверенность в личном контроле происходящих событий, активная жизненная позиция.

Проанализируем результаты корреляционного анализа по Спирмену, представленные в таблице 3.

Таблица 3

Корреляционный анализ по Спирмену в Подгруппе А (тех, кто продолжил использовать Instagram)*

Наименование шкал методик	Ассер- тивные действия	Импуль- сивные действия	Мани- пулятивные действия	Асоциальные действия	Агрес- сивные действия
Интегральный показатель адаптивности	0,291**	-0,266*			-0,249*
Дезадаптивность	-0,399***	0,233*			0,302**
Непринятие себя	-0,268*				0,275*
Интегральный показатель принятие других					-0,27*

Наименование шкал методик	Ассер- тивные действия	Импуль- сивные действия	Мани- пулятивные действия	Асоциальные действия	Агрес- сивные действия
Непринятие других	-0,271*		0,25*	0,228*	0,322**
Интегральный показатель эмоциональной комфортности	0,258*				
Эмоциональный дискомфорт	-0,347**				0,329**
Интегральный показатель интернальности		-0,322**			
Внутренний контроль					0,257*
Внешний контроль	-0,358**	0,306**			0,279*
Интеграл показ доминирования	0,388***				
Ведомость	-0,396***				
Эскапизм (уход от проблем)	-0,361**	0,229*			0,399***

Итак, стратегии совладения со стрессовыми ситуациями и особенности социально-психологической адаптации респондентов, продолживших пользоваться социальной сетью Instagram*, имеют ряд взаимосвязей. Так, показатель «дезадаптивность» имеет обратную взаимосвязь (-0,399***) со шкалой «ассертивные действия», и прямую связь со шкалой «агрессивные действия» (0,302**), что свидетельствует о том, что чем более уверенно себя чувствует и ведет респондент, тем выше уровень адаптации к различным жизненным сложностям и меньше уровень агрессивности. Шкала «Эмоциональный дискомфорт» имеет обратную корреляцию со шкалой «ассертивные действия» (-0,347**) и прямую взаимосвязь со шкалой «агрессивные действия» (0,329**). Можно сказать, что чем выше уровень эмоционального благополучия, тем более уверенно действует респондент и тем меньше агрессивных действий совершает. Интересно, что интегральный показатель интернальности (-0,322**) имеет обратную связь со шкалой «импульсивные действия», что позволяет предположить, что чем более респондент верит во влияние на свою жизнь внешних обстоятельств, тем более он готов совершать импульсивные поступки («внешний контроль» – «импульсивные действия»: 0,306**).

Для сравнительного анализа особенностей переживания ограничения доступа к социальным сетям между подгруппами А и Б рассмотрим результаты в Подгруппе Б, полученные с помощью коэффициента корреляции Спирмена (табл. 4).

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа по Спирмену в Подгруппе Б (тех, кто перестал пользоваться социальной сетью Instagram)*

Шкалы методик	Ассертивные действия	Вступление в контакт	Осторожные действия	Импульсивные действия	Избегание	Манипулятивных действия	Асоциальные действия	Агрессивные действия
Интегральный показатель адаптивности	0.654***	0.373*		0.361*				
Адаптивность	0.491**	0.387*		0.342*				
Дезадаптивность	-0.448**				0.504**			0.397*
Интегральный показатель самопринятия	0.626***	0.346*		0.338*		0.352*	0.368*	
Принятие себя	0.566***	0.383*					0.345*	
Непринятие себя	-0.396*				0.335*			
Интегральный показатель принятия других	0.537***	0.398*		0.522**			0.367*	
Принятие других		0.351*		0.372*				
Интегральный показатель эмоциональной комфортности	0.664***							

Шкалы методик	Ассер- тивные действия	Вступ- ление в контакт	Осто- рожные дейс- твия	Импуль- сивные дейс- твия	Избе- гание	Мани- пуля- тивных дейс- твия	Асо- циаль- ные дейс- твия	Агрес- сивные дейс- твия
Эмоцио- нальный комфорт	0.345*	0.436**	0.471**	0.517**		0.373*	0.529***	0.409*
Эмоцио- нальный дискомфорт	-0.461**				0.494**			0.388*
Интегральный показатель интерналь- ности	0.621***							
Внешний контроль	-0.39*				0.534***			0.411*
Интеграль- ный пока- затель домини- рования	0.44**							
Домини- рование				0.41*		0.346*		
Ведомость	-0.514**				0.543***			0.358*
Эскапизм					0.549***			0.503**

Примечание.* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Как видно из представленных данных, «уровень избегания» находится в сильной прямой взаимосвязи с «внешним контролем» (0,534***), «дезадаптивностью» (0,504**), «эмоциональным дискомфортом» (0,494**), «ведомостью» (0,543***), «эскапизмом» (0,549***), то есть, чем выше уровень избегания, тем больше респонденты Подгруппы Б верят во влияние внешних обстоятельств на события своей жизни, тем больше они подвержены дезадаптивным формам эмоционального реагирования, уходу от решения проблем и конформизму.

Обратим внимание на обратные взаимосвязи, которые проявились между шкалами «ассертивные действия» и «дезадаптивность» (-0,448**), «непринятие себя» (-0,396*), «эмоциональный дискомфорт» (-0,461**), «внешний контроль» (-0,39*), «ведомость» (-0,514**), характерно отражающие, что чем выше уровень уверенности, тем меньше показатели непринятия себя, конформизма, эмоциональной депривации и веры в то, что внешние обстоятельства определяют течение жизни.

Копинг-стратегии «вступление в контакт» находятся в положительной взаимосвязи со шкалами «адаптивность» (0,387*), «принятие себя» (0,383*), «принятие других» (0,351*), «эмоциональный комфорт» (0,436**).

Обсуждение результатов

Сравнивая полученные данные с исследованиями других ученых, отметим выводы некоторых из них.

U. Turkcarar, M. Atasoy, K. Bolat пишут: «...социальные медиа – это не виртуальный и ложный мир, они продолжают свое существование как другое лицо реальности и создают другое пространство реальности, состоящее из смеси виртуального и реального. Таким образом, можно говорить о жизни с двумя центрами, онлайн и оффлайн, каждый из которых имеет свое собственное реальное содержание и правила» (Turkcarar, Atasoy, & Bolat, 2022, p. 82). Данные выводы подчеркивают важность использования социальных сетей для современного человека, подтверждая, что виртуальный мир – это не просто «фальшивое» пространство, а вторая, параллельная реальность.

Temnikova L. B., Vandisheva A. V. констатируют, что «новый тип онлайн-взаимодействия ознаменовал принципиально иную ситуацию, когда конфигурации группового общения заменили традиционные линейные коммуникации. В онлайн-общении пользователи, как и в повседневной офлайн-жизни, уделяют больше времени частным, бытовым интересам и увлечениям, нежели социально значимым вопросам» (Temnikova & Vandisheva, 2022, p. 274).

Исследование того, как социальные сети помогают справляться со стрессовыми ситуациями, проводилось различными учеными последних лет. L. N. Wolfers, R. Festl & S. Utz (2020) констатируют, что существуют взаимосвязи между номофобией и уровнем стресса в текущем моменте, но не с течением времени. J. Brailovskaia, E. Rohmann, H.-W. Bierhoff, H. Schillack, J. Margraf (2019) выявили, что прямая социальная поддержка (оффлайн) помогает защитить психологическое здоровье, тогда как онлайн-поддержка усиливает потребности в социальных сетях и развитию интернет-зависимостей.

Заключения вышеперечисленных ученых указывают на актуальность и важность в коммуникации человека виртуального пространства сети Интернет, соответственно, потеря аккаунта или ограничение доступа к социальной сети может восприниматься как стрессовое событие, а иногда как и травматическое, как потеря части жизни, «альтернативной» личности. Использование социальных сетей удовлетворяет потребности в аффективных переживаниях, которые могут иметь разный вектор направленности. Следовательно, ограничение доступа к социальным сетям может сопровождаться фрустрацией, потерей «значимой» поддержки, повышением уровня стресса, и как следствие активацией копинг-стратегий и процессов социально-психологической адаптации к новым условиям в зависимости от психологических особенностей личности.

Заключение

1. Ограничение доступа к социальным сетям активирует определенные копинг-стратегии совладения со стрессовыми ситуациями в зависимости от психологических особенностей личности.
2. Способы социально-психологической адаптации у групп с разным отношением к ограничению доступа к социальным сетям имеют различия.

3. Ситуация ограничения доступа к Instagram* вызвала определенные фрустрирующие переживания, которые нашли выражение в реализации копинг-стратегий: поиск социальной поддержки, вступление в социальный контакт, осторожные действия, избегание и другие.
4. Особенности переживания студентами ограничения доступа к социальной сети Instagram* характеризуются различной выраженностью стратегий совладения со стрессом и способами социально-психологической адаптации.

Таким образом, переживание ограничения доступа к социальным сетям студентов в зависимости от действий после запрета использования Instagram* имеет свои психологические отличия, которые проявляются в способах совладения со стрессовыми ситуациями и особенностях социально-психологической адаптации. Для всей выборки студентов в возрасте от 18 до 21 года характерны следующие копинг-стратегии: поиск социальной поддержки, вступление в социальный контакт и осторожные действия, что говорит о характерной для данного возраста направленности на межличностное взаимодействие. Однако, подгруппа тех, кто решил продолжить пользоваться социальной сетью Instagram*, в обход ограничений, характеризуется менее выраженным уровнем избегания (ухода от решения проблем) и меньшей выраженностью импульсивных действий. Полученные данные статистически достоверны, что позволяет констатировать факт активации определенных копинг-стратегий в связи с переживанием ограничения доступа к социальным сетям.

Социально-психологическая адаптация в подгруппах респондентов имеет интересные различия. Подгруппа респондентов, которые решили прекратить использовать запрещенную в РФ социальную сеть Instagram*, имеет более высокие показатели по уровню эмоционального комфорта, то есть прекращение общения в социальных сетях было для них не столь значимым. Однако в подгруппе респондентов, решивших продолжить использование социальной сети, уровень эмоционального дискомфорта статистически значимо выше, что позволяет предположить, что решение продолжить использование социальной сети несмотря на запрет, вызвало определенное эмоциональное напряжение. Также у них статистически значимо выше уровень внутреннего контроля, что говорит об активной позиции в отношении своей жизни и принятии решений. Анализ взаимосвязей между копинг-стратегиями и спецификой социально-психологической адаптации позволил выделить значимые прямые и обратные связи между показателями.

Литература

- Гребенкина, А. А. (2020). Исследование виртуальных социальных сетей: возможности и ограничения. *Общественные науки: сборник статей по материалам ХСIV студенческой международной научно-практической конференции*, 10(93), 36–40.
- Денисова, Е. Г., Быкова, Я. А. (2021). Исследование способов совладания в связи с показателями саморегуляции подростков: возрастные и гендерные особенности. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 4(5), 60–78. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-5-60-78>
- Дмитриева, А. В., Сорокоумова, С. Н. (2021). Взаимосвязь социального интеллекта, копинг-стратегий и стратегий поведения в конфликте в юности. *Психология XXI века. Психологические исследования: от теории к практике*, 108–109.
- Емельянов, Д. С. (2021). Ограничение права на свободу слова в эпоху социальных сетей. *Образование и право*, 3, 46–53. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-3-46-53>

- Кочуров, М. Г. (2020). Связь копинг-стратегий с локусом контроля. *Международный научно-исследовательский журнал*, 1-2(91), 40–43. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.91.1.029>
- Кубекова, А. С., Фазлуллах, М. У. З. (2021). Анализ копинг-стратегий в Отечественной и зарубежной психологической науке. *Актуальные научные исследования в современном мире*, 8(79), 98–100.
- Пашинина, Н. И., Юхина, Т. А., Ивер, Н. Н. (2022). Ограничение доступа к социальной сети Instagram* в РФ: влияние на деятельность малого бизнеса и перспективы развития Россграмм. *Молодежь и системная модернизация страны*, 1, Юго-Западный государственный университет, 342–345.
- Рябинкина, А. Н. (2020). Социально-психологическая адаптация и коммуникативная сфера интернет-зависимых студентов. *Проблемы образования в условиях инновационного развития*, 1, 128–135.
- Серова, С. А., Семишова, Е. П. (2022). Аспекты ограничения распространения недостоверной информации в средствах массовой информации и социальных сетях. *Славянский мир: духовные традиции и словесность*. 12. Тамбов, 357–362.
- Скородумова, А. О., Елисеев, В. К. (2021). Особенности социально-психологической адаптации учащихся начальных курсов высшего образовательного учреждения. *Парадоксы образования XXI века: гуманизация – цифровизация, индивидуализация – индивидуализм? Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*, 196–199.
- Смирнов, А. В. (2021). Цифровое общество: теоретическая модель и Российская действительность, *Мониторинг*, 1.
- Суркова, Т. А. (2021). Эмоциональная устойчивость у студентов и её взаимосвязь с копинг-стратегиями. *Молодой ученый*, 19(361), 275–277.
- Тутынина, Е. А. (2022). Влияние эмоциональной компетентности на выбор стратегий совладающего поведения у специалистов экстремального профиля. *Наука. Культура. Общество*, 28(3), 165–180. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.12>
- Юшко, В. В., Нуриманова, Ф. К. (2020). Влияние интернет зависимости на копинг-стратегии подростков. *Современные научные исследования и инновации*, 6(110).
- Brailovskaia, J., Rohmann, E., Bierhoff, H., Schillack, H. & Margraf, J. (2019). The relationship between daily stress, social support and Facebook. *Addiction Disorder, Psychiatry Research*, 276, 167–174. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2019.05.014>
- Collis, A. & Eggers, F. (2022). Effects of restricting social media usage on wellbeing and performance: A randomized control trial among students. *PLOS ONE*, 17(8). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0272416>
- Deguchi, A. et al. (2020). *Society 5.0. A People-Centric Super-Smart Society*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-2989-4>
- Fteiha, M. & Awwad, N. (2020) Emotional intelligence and its relationship with stress coping style. *Health Psychology Open*, 7(2). <https://doi.org/10.1177/2055102920970416>
- Gaitán-Aguilar, L., Hofhuis, J., Bierwiazzonek, K. & Carmona, C. (2022). Social media use, social identification and cross-cultural adaptation of international students: A longitudinal examination. *Frontiers in Psychology*, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1013375>
- Ganichev, N. A., & Koshovets, O. B. (2019). Integrating Russia into the Global Project of Digital Transformation: Opportunities, Problems and Risks. *Studies on Russian Economic Development*, 6, 627–636. <https://doi.org/10.1134/S1075700719060030>

- Haidt, J. & Twenge, J. (in press). Social media and mental health: A collaborative review. *New York University*. Retrieved from tinyurl.com/SocialMediaMentalHealthReview
- Stallman, H. M., Lipson, S. K., Zhou, S. & Eisenberg, D. (2022). How do university students cope? An exploration of the health theory of coping in a US sample. *Journal of American College Health*, 70(4), 1179–1185. <https://doi.org/10.1080/07448481.2020.1789149>
- Johannes, N., Meier, A., Reinecke, L., Ehlert, S., Setiawan, D. N., Walasek, N. et al. (2021). The relationship between online vigilance and affective well-being in everyday life: Combining smartphone logging with experience sampling. *Media Psychology*, 24(5), 581–605.
- Wolfers, L. N., Festl, R., & Utz, S. (2020) Do smartphones and social network sites become more important when experiencing stress? Results from longitudinal data, *Computers in Human Behavior*, 109, <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106339>
- Shabunova, A. A., Gruzdeva, M. A., & Kalachikova, O. N. (2020). Settlement Aspect of Digital Inequality in Modern Russia. *Problems of Territory's Development*, 4, 7–19. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.4.108.1>
- Temnikova, L. B., & Vandsheva, A. V. (2022). Social media as an integral element of modern communication. *Communication Studies (Russia)*, 9(2), 274–284. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(2\)](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(2))
- Turkcapar, U., Atasoy, M., & Bolat, K. (2022). Examination of social media attitudes of university students. *Scientific Bulletin of MSUST: Sport, Tourism, Hospitality*, 4(74), 80–92. <https://doi.org/10.14527/kuey.2017.018>
- Wanqing, H., Fenqing, L. & Solodukho, A. (2022). Smartphone addiction and cross-cultural adjustment among overseas Chinese students: The role of emotion regulation beliefs and strategies. *Frontiers in Psychology*, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1009347>

Поступила в редакцию: 6.02.2023

Поступила после рецензирования: 22.03.2023

Принята к публикации: 25.03.2023

Заявленный вклад авторов

Ирина Владимировна Абакумова – концептуализация, методология, администрирование проекта, окончательное утверждение версии статьи для публикации.

Наталья Евгеньевна Комерова – проведение исследования, анализ данных, описание полученных результатов и статистическая обработка данных.

Сергей Николаевич Рягин – интерпретация результатов, статистическая обработка результатов, формулирование выводов исследования.

Информация об авторах

Ирина Владимировна Абакумова – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, декан факультета «Психология, педагогика и дефектология», заведующий кафедрой «Общая и консультативная психология», ФГБОУ ВО «Донской государственной технической университет»; WOS ResearcherID: AAS-5266-2020; SPIN-код: 2859-0899; AuthorID: 252406; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2202-2588>; e-mail: abakira@mail.ru

Ирина В. Абакумова, Наталья Е. Комерова, Сергей Н. Рягин
Психологические особенности переживания студентами ограничения доступа к социальным сетям
Российский психологический журнал, 2023, Т. 20, № 1, 33–49. doi: 10.21702/rpj.2023.1.3

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Наталья Евгеньевна Комерова – ассистент кафедры «Общая и консультативная психология», ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону; WOS ResearcherID: ABG-5445-2021; SPIN-код: 8656-9790; AuthorID: 1131361; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7129-3320>; e-mail: komerova.nata@gmail.com

Сергей Николаевич Рягин – доктор педагогических наук, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Российская Федерация; SPIN-код: 4921-3613; AuthorID: 684471; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0426-1825>; e-mail: Ryagin_sn@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научный обзор

УДК 612.821.76

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.4>

Диагностические возможности анализа сновидений: теоретические предпосылки и методические подходы

Зинаида И. Березина¹ , Олег И. Кит² , Екатерина Ф. Комарова^{1,2} , Юлия Ю. Арапова^{1*} ,
Татьяна П. Протасова¹

¹ Ростовский государственный медицинский университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Национальный медицинский исследовательский центр онкологии, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: to.juli.arapova@gmail.com

Аннотация

Введение. Нарушение некоторых когнитивных функций и общего психического состояния после массированного лечения затрудняет использование при реабилитации общепринятых опросных методов для диагностики неврологического и психологического статуса. В этой связи актуальным методом представляется анализ сновидений, который, согласно современным исследованиям, позволяет выявить на ранних этапах нарушения психологического и соматического состояния пациентов и сделать прогноз об их восстановлении. **Теоретическое обоснование.** В основе возможности применения анализа сновидения в качестве диагностического метода лежат современные представления о нейрофизиологических и психических механизмах сновидческой активности. Изменения сновидческой активности отмечены разными авторами при неврологических, психических и соматических заболеваниях. Все больше исследователей сходятся во мнении, что сновидения могут быть предвестниками, своеобразной «сигнальной системой» формирующихся соматических, неврологических и психических нарушений. Клинико-диагностический анализ сновидений при невротических нарушениях позволил выявить их особенности как при разных вариантах неврозов, так и на всех стадиях заболевания – от компенсации до декомпенсации. Установлено существование взаимосвязи между образами сновидений и предрасположенностью к тревожным состояниям, депрессии и астении. **Обсуждение результатов.** Существующие научные исследования позволяют говорить о возможности применения анализа сновидений в качестве ранней диагностики невротических состояний и соматических патологий, клинические симптомы которых еще не проявились симптоматически, но уже появляются в сновидениях. В статье выполнен обзор литературы по современным представлениям о нейрофизиологических и психических механизмах сновидений, указаны возможности применения результатов их анализа в качестве диагностической модели.

Ключевые слова: сновидческая активность, психическая активность, диагностика, невротические состояния, соматические заболевания, висцеральная теория сна, быстрый сон

Для цитирования: Березина, З. И., Кит, О. И., Комарова, Е. Ф., Арапова, Ю. Ю., Протасова, Т. П. (2023). Диагностические возможности анализа сновидений: теоретические предпосылки и методические подходы. *Российский психологический журнал*, 20(1), 50–65. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.4>

Введение

Сон со сновидениями – это уникальная и величайшая загадка для науки, некое третье состояние, отдельное от обычного сна и отличное от бодрствования (Ковальзон, 2021). Все полученные на текущий момент данные подтверждают, что быстрый сон отличается от медленноволнового сна и бодрствования не только нейрофизиологическими механизмами его запуска и поддержания, но и наличием особого вида психической активности – сновидений.

Сновидения присутствуют и в медленноволновом сне, но в значительно ослабленном виде (Siclari et al., 2017; Fazekas & Nemeth, 2018; Frohlich, Toker & Monti, 2021). Так, при пробуждении из неглубокого медленноволнового сна 80–90 % обследованных людей сообщают о сновидениях, которые, как правило, являются яркими галлюцинаторными переживаниями – так называемыми гипнагогическими галлюцинациями. В отличие от сновидений, гипнагогические галлюцинации статичны, не содержат собственного сюжета (Kelmanson, 2018; Siclari & Tononi, 2017), и на их содержание могут оказывать влияние события, предшествующие сну (Stickgold, 2013; Picard-Deland, Pastor, Solomonova, Paquette & Nielsen, 2020; Picard-Deland, Allaire & Nielsen, 2022). Отчетов о сновидениях, полученных при пробуждении из глубокого сна, достаточно мало (Stickgold, 2013; Chambers, 2017). Эти сновидения качественно отличаются от таковых в быстром сне: они обычно короткие, менее яркие и более концептуальные, в них содержится мало сцен с движением, они более контролируемые и правдоподобные, менее эмоциональные (Fazekas & Nemeth, 2020; Sikka, Valli, Revonsuo & Tuominen, 2021; Ghrouz et al., 2019). Несмотря на многочисленные исследования, свидетельствующие о присутствии сновидений и в медленном, и в быстром сне, все большее число ученых склоняется к мнению, что сновидения присущи только быстрому сну, а во время медленного сна каким-то образом происходит «отражение» или «внедрение» мыслительной активности из быстрого сна (Fagioli, 2002; Fazekas & Nemeth, 2020; Yu et al., 2022).

Цель исследования

В соответствии с вышесказанным целью статьи является обзор исследований, посвященных изучению нейрофизиологических и психических механизмов сновидений и возможности применения анализа сновидений при различных заболеваниях, к примеру, неврологических, соматических и онкологических.

Теоретическое обоснование

Нейрофизиологические механизмы сновидческой активности

Сновидения – это отражение личности, индивидуального опыта и творческого потенциала. Сновидения имеют свой сюжет, персонажей, включают все категории, типичные для бодрствования (знакомые лица, места, ситуации и объекты) (Nir & Tononi, 2010; Konkoly et al., 2021; Vanek et al., 2020), а также могут отражать заботы и переживания прожитого дня (Voss & Klimke, 2018; Samson-Daoust, Julien, Beaulieu-Prévost & Zadra, 2019; Martinec, Miletínová, Kliková & Bušková, 2021). Как правило, во сне преобладает рефлексивное мышление, спящий может

легко принимать нереальность образов и событий (что отражается в таких явлениях, как полет во сне, в непоследовательных сменах сцен, наличии нереальных фантазийных объектов) (Авакумов, 2009), дезориентацию, отсутствие чувства времени и восприятие своей порой измененной личности. Сновидения могут содержать элементы сенсорного восприятия разной модальности (к примеру, цветоощущение, звуки, тактильные ощущения, запахи и вкус, чувства удовольствия или боли) (Kraehenmann, 2017; Johnson, Hendricks, Barrett & Griffiths, 2019). Сновидения не осознаются контекстуально, спящий не осознает себя ни бодрствующим, ни спящим, при этом отмечается единообразие мыслительного процесса и сменяющихся образов (Hong, Fallon, Friston & Harris, 2018; Konkoly et al., 2021).

Последние исследования головного мозга с применением современных методов нейровизуализации показали, что сновидения связаны с физиологическими показателями и активностью головного мозга во время сна. В сновидении спящий может видеть и чувствовать, как он совершает движения, даже если он не может двигаться в бодрствовании, при этом активируются структуры мозга, ответственные за эти движения в бодрствовании. Так, пациенты с врожденной параплегией видят во сне, как они ходят, а фантомные боли в конечностях могут исчезать (Siclari, Valli & Arnulf, 2020).

Парадокс быстрого сна заключается в том, что, несмотря на высокую активацию головного мозга, похожую на его активность в бодрствовании (Sikkens, Bosman & Olcese, 2019; Tivadar, Knight & Tzovara, 2021; Ковальзон, 2021), и сопоставимым с ней уровнем метаболизма (Zhou et al., 2019; Hoel, 2021; Rué-Queralt et al., 2021; Luczak & Kubo, 2022), в быстром сне тело полностью парализовано вследствие глубокого торможения спинного мозга (Stettner, Lei, Benincasa & Kubin, 2013; O'Malley & Datta, 2013; Ковальзон, 2021). Примечательно, что в быстром сне спящий не может двигаться, как и в медленноволновом сне, он утрачивает связь с окружающим миром: спящий ничего не видит, не слышит и не чувствует; более того, стимулы не только не вызывают поведенческих реакций, но и не влияют на содержание сновидений (Nir & Tononi, 2010; Gent et al., 2018; Aime et al., 2022).

Отсутствие связи с окружающей средой во время сна связывают с изменением активности дефолтной системы, которая наряду с сенсомоторной и зрительной корой является вероятным коррелятом сновидений (Domhoff & Fox, 2015; Vallat, Nicolas & Ruby 2022). Результаты ПЭТ и МРТ-исследований показали, что медиальная префронтальная кора – часть дефолтной системы – в большей степени активна в быструю фазу сна, чем в состоянии спокойного бодрствования (Hong et al., 2018; Scarpelli, Bartolacci, D'Atri, Gorgoni & De Gennaro, 2021; Hong et al., 2021), но в то же время активность других структур дефолтной системы (поясной извилины, теменной области коры) снижаются во время быстрого сна (Miyachi et al., 2009; Hong et al., 2018; Hoel, 2021; Rué-Queralt et al., 2021).

Говоря о нейрофизиологических механизмах сновидений, нельзя не упомянуть о пионерских работах британского нейропсихолога Марка Солмса. При анализе сновидений 361 пациента с неврологическими нарушениями были получены данные, на основе которых он показал, что характер сновидений изменяется в зависимости от локализации поражений в отделах переднего мозга, а не в его стволе, где, по мнению большинства исследователей, находится основной генератор быстрого сна (Solms, 1997). В большинстве случаев при одностороннем поражении височно-теменно-затылочной области головного мозга отмечается полное отсутствие сновидческой активности (Zou et al., 2018; Vallat et al., 2020), что Марк Солмс связывал с утерей некоторых когнитивных способностей, и в том числе – со способностью создавать

зрительные образы. Изучая пациентов, подвергшихся лейкотомии (перерезке дофаминовых путей, ведущих к фронтальной коре, с целью ослабления галлюцинаций при психозах и некоторых эпилептических приступах), Марк Солмс обнаружил, что они утрачивают способность к целенаправленному поведению, утрачивают способность фантазировать и видеть сновидения при сохранении генерации быстрого сна (Solms, 2000).

Другие исследователи также обнаружили, что утрата способности видеть сновидения отмечается у пациентов с поражением областей мозга, обеспечивающих визуальное восприятие цвета и передвижения объектов (Solms, 2000). В других же случаях у пациентов при поражении таких структур головного мозга, как медиальной префронтальной коры, передней поясной извилины, напротив, наблюдается повышение частоты и яркости сновидений, и даже их вторжение в бодрствование (Solms, 1997).

Из полученных данных М. Солмс сделал вывод о том, что сновидения имеют сложную природу, осуществляются с участием структур переднего мозга, связанных с мышлением, памятью и эмоциями; в норме сновидения «запускаются» быстрым сном и, по-видимому, при патологических нарушениях работы мозга могут протекать вне этой фазы.

Психические механизмы в быстром сне

Несмотря на некоторое сходство переживаемых в сновидении событий с реальностью у спящего снижается волевая активность и произвольный контроль над собой и происходящими событиями (Nir & Tononi, 2010). Отсутствие самоконтроля во время сна может быть связано со снижением активности таких областей мозга, как нижняя теменная, орбитофронтальная, дорсолатеральная и префронтальная кора (Van De Poll & van Swinderen, 2021; Vertes & Linley, 2021). Действительно, было показано, что снижение активности в префронтальной области коры во время сенсорного восприятия в бодрствовании сопровождалось снижением самосознания (Yang & Lewis, 2021; Kim et al., 2022).

Психическая активность в быстром сне от психической активности в других состояниях (например, в медленноволновом сне и бодрствовании) отличается сильной эмоциональной окрашенностью и чрезвычайной активностью головного мозга, как и при переживании сильного эмоционального стресса (Ковальзон, 2021). Исследования с помощью методов нейровизуализации показали, что процессы, регулирующие сновидения и эмоциональную значимость, имеют те же нейронные субстраты, которые контролируют эмоции во время бодрствования (Scarpelli et al., 2019; Sikka et al., 2022; Barbeau, Turpin, Lafrenière, Campbell & De Koninck, 2022). Так, во сне переживаются чувства радости, удивления, гнева, страха и тревоги. При этом считается, что печаль, вина и депрессивные аффекты встречаются редко, возможно, из-за снижения во сне саморефлексии (Vandekerckhove & Wang, 2017; Palmer & Alfano, 2017; Witvliet, Blank & Gall, 2022). Во время сновидений в быстром сне тревога и страх могут проявляться в большей степени, чем в бодрствовании, что объясняется активацией лимбической и паралимбической структур, миндалины, передней поясной извилины и островка (Sikka et al., 2019; Lai et al., 2020) – структур, отвечающих за эти эмоции в бодрствовании. По степени проявления эмоций сновидения варьируют от положительных (радость, ощущения счастья, вдохновения и т. п.) к негативным (страх, отчаяние, злость и т. п.) а в 25–35 % отчетов сновидения являются эмоционально нейтральными (Fosse, Stickgold & Hobson, 2001; Matei, Bergel, Pezet & Tanter, 2022).

Особенностью сновидений также является то, что в это время активно работают механизмы извлечения «старых» воспоминаний из памяти, однако при этом механизм запоминания

подавлен и при пробуждении вспоминается лишь малая часть сновидений (Naiman, 2017; Ковальзон, 2021). Причина этого феномена, возможно, заключается в том, что во время быстрого сна в значительной степени активна медиальная лимбическая область височной доли, участвующая в процессах памяти, а в процессах забывания сновидений отмечается гипоактивность префронтальной коры мозга (Nir & Tononi, 2010; De Gennaro, Marzano, Cipolli & Ferrara, 2012; Wamsley, 2020;).

В. М. Ковальзон говорит о том, что «сновидения нам нужны не для того, чтобы их запоминать» (Ковальзон, 2021, с. 181). Существующие современные теории сновидений предлагают разные механизмы забывания сновидений. Так, согласно психодинамической модели З. Фрейда и М. Солмса, в основе этого процесса лежит процесс активного вытеснения (Фрейд, 2021). В трехмерной модели Хобсона забывание сновидений связано с изменением состояния, обусловленным снижением активности моноаминергических систем («аминергическая демодуляция») и снижением активности дорсолатеральной префронтальной коры (Hobson, Pace-Schott, & Stickgold, 2000; Parrino et al., 2022). Нейрокогнитивная модель, основателями которой являются У. Домхофф и К. Холл, утверждает, что сны обычно забываются, поскольку часто внутреннее повествование сновидения контекстуально не связано с событиями и объектами в бодрствовании (Wamsley, 2013; Domhoff & Fox, 2015; Alcaro & Carta, 2019).

Обработка информации во время медленного и быстрого сна

Во время сна (и медленного, и быстрого) к коре головного мозга перестают поступать сигналы от сенсорных систем, почти прекращается обработка информации в таламокортикальной системе, которая является субстратом высших психических функций (Hill & Tononi, 2005; Ковальзон, 2021; Steriade, 2003), а также снижаются межкортикальные взаимодействия (Bhattacharya, Patterson, Galluppi, Durrant & Furber, 2014; Rao, Cecchi & Kaplan, 2015) и происходят функциональные перестройки межполушарных отношений (Liu et al., 2018; Zhu et al., 2020; Arbune et al., 2020).

Российский исследователь Иван Николаевич Пигарев провел опыты, которые показали, что в медленном сне нейроны коры переходят в состояние деполяризации, сменяющейся торможением или гиперполяризацией. Согласно предложенной им висцеральной теории сна афферентный поток в кору головного мозга во сне не прекращается, но происходит смена его источников: вместо экстероцептивной и проприоцептивной информации по тем же путям осуществляется передача интероцептивной информации о состоянии всех висцеральных систем организма (Pigarev, 2013; Pigarev & Pigareva, 2018; Пигарев, Пигарева, 2018; Пигарев, Пигарева, Левичкина, 2019). По его мнению, висцеральные системы не имеют представления в сознании человека, поэтому информация о физическом состоянии органов и тканей не осознается, а переходит в структуры, связанные с ассоциативной висцеральной регуляцией (Pigarev, 2013; Пигарев, Пигарева, 2018). Многие висцеральные органы обладают ритмической активностью, и во время сна сердечные сокращения, дыхание, перистальтическая активность желудка и кишечника создают постоянный афферентный поток к коре головного мозга, и ритмичность этого потока прекращается в быстром сне (Пигарев, Пигарева, 2018).

По мнению Ивана Николаевича Пигарева (Пигарев и Пигарева, 2014; Pigarev & Pigareva, 2017), причина патологий сновидений (кошмары, навязчивые сновидения и т. д.) связана с тем, что система, блокирующая сознание во время сна, длительное время остается не полностью закрытой во время быстрого сна, поэтому возбуждение, идущее из коры и отражающее

результат анализа висцеральной информации, может «активировать» образы, сформированные в бодрствовании, и по ассоциативным связям в системе сознания запустить развитие фантастических сюжетов. Возможно, более сильные импульсы, идущие от какого-либо органа, подавляют другие афферентные потоки, что трансформируется в сновидения, связанные с этим органом (Березина, 2015).

Висцеральная теория сна Ивана Николаевича Пигарева не является единственной теорией, предпринимающей попытки объяснить те или иные функции сна, но вместе с тем она не противоречит современным представлениям о нём. Между тем, эта теория в некотором смысле может являться научной основой для разработки направления ранней диагностики заболеваний или их динамики по характеру развития и течения сновидческой активности.

Таким образом, согласно современным представлениям о нейрофизиологических и психических механизмах, лежащих в основе реализации сновидческой активности, сновидения являются не только отражением психической сферы человека, но и соматического статуса – как общего, так и отдельных состояний органов и систем.

Результаты

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, около 30–40 % нарушений сна являются отражением неврологических и психических заболеваний (Александровский, 2000; Авакумов, 2009). Патология сна, наряду с нарушениями вегетативной регуляции, общей чувствительности и активности, является одним из наиболее ранних и устойчивых признаков психического расстройства. Больные отмечают учащение сновидений, появление необычно ярких снов; реже наблюдается утрата способности видеть сновидения (Калинчук, Анцыборов, 2020; Nigam et al., 2021). Кроме того, в работе Т. А. Свиридченковой (2013) показано существование взаимосвязи между образами сновидений и предрасположенностью к таким невротическим состояниям, как тревожность, невротическая депрессия и астения, что позволяет автору говорить о возможности применения анализа сновидений в качестве предварительной диагностики невротических состояний, клинические симптомы которых еще не проявились в бодрствовании.

Сновидческая активность при неврологических нарушениях

Расстройства сна, количественные и качественные изменения в сновидениях признаны одним из постоянных симптомов невротических состояний (Вейн, Хехт, 1989, Карвасарский, 1990; Kalsched, 2017; de Cortiñas, 2013).

Клинико-диагностический анализ сновидений при невротических нарушениях у детей и подростков, выполненный Е. А. Корабельниковой (Голубев, Корабельникова, 1996; Корабельникова, Голубев, 2000), позволил выявить их особенности при разных вариантах неврозов в сравнении со здоровыми сверстниками.

Так, в стадии компенсации у больных неврозами, по сравнению со здоровыми, реже отмечался положительный аффект при пробуждении после сновидений, возрастала частота отрицательных эмоций в сновидениях, чаще отмечалось длительное удержание сновидений в памяти, их незавершенность и феномен люцидности (сновидений в сновидениях).

В стадии субкомпенсации невротического заболевания наблюдалась интенсификация сновидческой активности: сновидения становились навязчивыми и мучительными для больного, а пробуждения часто сопровождалось чувством облегчения; возрастала частота представленности

в сновидениях чувства испуга, страха, тревоги и агрессивных проявлений, а также восприятия отдельных цветов (канализация цветоощущения) (Корабельникова, Голубев, 2000).

В фазе декомпенсации интенсификация сновидений сменялась их угнетением (низкая частота, редкая связь пробуждений со сновидениями). Наличие феномена люцидности на ранних стадиях заболевания с его утратой в стадии более глубоких невротических нарушений авторы связывают с адаптационными механизмами сновидений (Корабельникова, Голубев, 2000). По их мнению, феномен люцидности способствует устранению невротизирующего воздействия на психику самих сновидений, что подтверждается ощущением облегчения при переходе от сновидения к бодрствованию у больных на стадиях компенсации и субкомпенсации. Вероятно, у больных на стадии декомпенсации не происходит разграничения между ощущениями и переживаниями, связанными со сновидением и эмоциональным состоянием в бодрствовании.

Сновидческая активность при соматических заболеваниях

Изменения сновидческой активности отмечаются и при соматических заболеваниях: у больных отмечаются трудности с засыпанием, частые ночные пробуждения, а также жалобы на эмоциональные сновидения и кошмары (Калинчук, Анцыборов, 2020). Больным с сердечно-сосудистыми заболеваниями часто снятся кошмары, при пробуждении они часто испытывают страх смерти, что может быть следствием нарушения кровообращения мозга во время сна. При ожирении, заболеваниях органов дыхания часто снятся сцены удушья, появляется ощущение «камня на груди» (Жучков, Тимошенко, 2019; Березина, 2015). Больные, страдающие мигренью, во сне чаще испытывают чувство страха и страданий (DeAngeli et al., 2014), у них частыми являются сновидения, в которых они чувствуют вкус и запахи, что, возможно, отражает особую чувствительность вкусовых и обонятельных анализаторов при данном заболевании (Lovati et al., 2014).

Сновидения о заболевании также могут предшествовать появлению его симптомов. Так, в исследовании Бёк с соавторами (Burk, Wehner, Soo, 2020), выполненном на 163 женщинах с подозрением на рак груди, было показано, что 64 % опрошенных помнят свои сновидения и 5,5 % женщин снилось слово «рак» до появления симптомов и подтверждения диагноза.

Сновидения как предвестники болезни

В настоящее время профилактика неврологических и соматических заболеваний является сложной и труднореализуемой, поскольку до сих пор неясны механизмы их появления и развития, а также не разработаны технологии и методы ранней диагностики (Пятин и др., 2021). Все больше исследователей сходятся во мнении, что сновидения могут быть предвестниками, «сигнальной системой» соматических, неврологических и психических нарушений (Пичугина и др., 2017).

Единственным недостатком использования анализа сновидческой активности в качестве объективного инструмента является то обстоятельство, что сновидения – это психическая активность, проявляющаяся во время сна, и это затрудняет их исследование посредством научного наблюдения и эксперимента.

Информацию о сновидении можно получить только из субъективного отчета, что имеет ряд недостатков: после пробуждения воспоминания о сновидении могут сохраняться в разной степени или полностью отсутствовать, обследуемый может вносить коррективы в сюжет

сновидения с целью скрытия собственных переживаний или аморальных, агрессивных сцен, которые могут получить негативную оценку собеседника, и последний момент – это трудности с вербальным описанием переживаний, которые в сновидении чаще имеют визуальный и эмоциональный характер. Поэтому большинство современных исследований направлено на изучение общих нейрофизиологических механизмов сновидений без учета их содержания. K. Bulkeley (2017) выделяет три перспективных направления в исследовании сновидений: нейробиологические исследования деятельности системы «мозг–разум» во время сна (например, во время осознанных сновидений); систематический анализ больших коллекций отчетов о сновидениях разных групп людей; и психотерапевтические исследования «личностного» компонента, вплетенного в сновидения каждого человека.

Обсуждение результатов

До сих пор нет единого мнения о природе и назначении сновидений. Несколько теорий утверждают, что сновидения являются случайным побочным продуктом быстрого сна и не выполняют никаких естественных функций. Однако сновидения организованы и избирательны, их форма и содержание, как показывает практика, не случайны, и отражают не только психическое, но и соматическое состояние организма. Во время сновидений мозг строит сложную модель мира, в которой одни элементы по сравнению с бодрствованием представлены недостаточно, а другие – избыточно. Во время сновидений происходит встреча с «самостью» (Шкуратов, 2014).

Содержание сновидений постоянно модулируется событиями бодрствования, и, как предполагает A. Revonsuo (Revonsuo, 2001) модулируется именно угрожающими событиями с последующей обработкой восприятия угрозы и ее избегания. Таким образом, сновидческая активность имеет тесную связь как с психическим, так и с физическим состоянием человека, и, несмотря на очевидные недостатки использования сновидений в качестве диагностической модели, существуют объективные модели, определяющие связь сновидений с соматическим состоянием организма, что говорит о перспективности применения анализа сновидений у пациентов с различным профилем заболеваний, в том числе и у пациентов онкологического профиля, подвергшихся массивированному лечению.

Больные злокачественными новообразованиями являются сложной категорией пациентов, остро нуждающихся как в физической, так и психологической реабилитации, однако из-за нарушений когнитивных функций, общего психического состояния подчас является затруднительным или невозможным применение общепринятых опросных методов для диагностики их физического, неврологического и психологического статуса. Применение анализа сновидений у пациентов с онкологическими заболеваниями на этапах реабилитации может способствовать получению дополнительных данных о динамике как неврологических функций, так и психосоматического состояния, необходимых для уточнения диагноза и коррекции проводимых реабилитационных мероприятий.

Заключение

Таким образом, сновидческая активность имеет тесную связь как с психическим, так и с физическим состоянием человека. Сновидения могут быть предвестниками соматических, неврологических и психических нарушений, что определяет целесообразность использования их анализа для ранней диагностики заболеваний, связанных с этими нарушениями. Выводы,

полученные на основе результатов анализа сновидений, могут носить рекомендательный характер с целью конкретизации проводимой диагностики.

Литература

- Авакумов, С. В. (2009). *Психологическая модель сновидения в норме и патологии* (кандидатская диссертация). Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.
- Александровский, Ю. А. (2000). *Современная психофармакотерапия психогенных расстройств сна*. Издательский центр «Академия».
- Березина, Т. Н. (2015). Внутреннее пространство сновидения. *Психология и психотехника*, 2, 141–149.
- Вейн, А. М., Хехт, К. (1989). *Сон человека. Физиология и патология*. Медицина.
- Голубев, В. Л., & Корабельникова, Е. А. (1996). Сновидения при неврозах у детей и подростков. *Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 96(3), 29–31.
- Жучков, М. М., Тимошенко, С. О. (2019). *Физиологические механизмы сновидений. Медико-биологические, клинические и социальные вопросы здоровья и патологии человека: Материалы V Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых с международным участием*. Иваново: Ивановская государственная медицинская академия.
- Калинчук, А. В., Анцыборов, А. В. (2020). Ночные кошмары в медицинской практике. *Интерактивная наука*, 3(49), 7–16. <https://doi.org/10.21661/r-530443>
- Карвасарский, Б. Д. (1990). *Неврозы*. Медицина.
- Ковальзон, В. М. (2021). *Маятник сна*. «Дискурс».
- Корабельникова, Е. А., Голубев, В. Л. (2000) Сновидения и психологическая защита при невротических расстройствах у детей и подростков. *Неврологический вестник*, XXXII(1), 18–22. <https://doi.org/10.17816/nb77667>
- Пигарев, И. Н., Пигарева, М. Л. (2014). Асинхронное развитие сна как вероятная причина снижения когнитивных функций и возникновения ряда патологических состояний, связанных с циклом «сон – бодрствование». *Эффективная фармакотерапия*, 22, 6–15.
- Пигарев, И. Н., Пигарева, М. Л. (2018). Прогресс изучения сна в эпоху электрофизиологии. Висцеральная теория сна. *Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова*, 4(2), 5–13. <https://doi.org/10.17116/jnevro2018118425>
- Пигарев, И. Н., Пигарева, М. Л., Левичкина, Е. В. (2019). К механизму терапевтического эффекта электростимуляции. Интерпретации и предсказания, основанные на результатах исследований сна. *Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова*, 119(4), 15–21. <https://doi.org/10.17116/jnevro201911904215>
- Пичугина, И. М., Воронцова, В. С., Фролов, Д. И. (2017). Исследование сна и сновидений в соматической практике. *Живая психология*, 131–140. <https://doi.org/10.18334/lp.4.2.38384>
- Пятин, В. Ф., Маслова, О. А., Романчук, Н. П., Волобуев, А. Н., Булгакова, С. В., Романов, Д. В., Сиротко, И. И. (2021). Нейровизуализация: структурная, функциональная, фармакологическая, биоэлементологии и нутрициологии. *Бюллетень науки и практики*, 7(10), 145–184. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/71/18>
- Фрейд, З. (2021). *Толкование сновидений*. Издательство «Эксмо».
- Шкуратов, В. А. (2014). Смыслы фантазмов, или повествовательное Я в сновидениях и художественном вымысле. *Российский психологический журнал*, 11(3), 110–121.
- Aime, M., Calcini, N., Borsa, M., Campelo, T., Rusterholz, T., Sattin, A., ..., Adamantidis, A. (2022).

- Paradoxical somatodendritic decoupling supports cortical plasticity during REM sleep. *Science*, 376(6594), 724–730. <https://doi.org/10.1126/science.abk2734>
- Alcaro, A., Carta, S. (2019). The «instinct” of imagination. A neuro-ethological approach to the evolution of the reflective mind and its application to psychotherapy. *Frontiers in Human Neuroscience*, 12, 522–534. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2018.00522>
- Arbune, A. A., Popa, I., Mindruta, I., Beniczky, S., Donos, C., Daneasa, A., ..., Barborica, A. (2020). Sleep modulates effective connectivity: A study using intracranial stimulation and recording. *Clinical Neurophysiology*, 131(2), 529–541. <https://doi.org/10.1016/j.clinph.2019.09.010>
- Barbeau, K., Turpin, C., Lafrenière, A., Campbell, E., De Koninck, J. (2022). Dreamers' evaluation of the emotional valence of their day-to-day dreams is indicative of some mood regulation function. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 16, 947396–947407. <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2022.947396>
- Bhattacharya, B. S., Patterson, C., Galluppi, F., Durrant, S. J., Furber, S. (2014). Engineering a thalamo-cortico-thalamic circuit on SpiNNaker: a preliminary study toward modeling sleep and wakefulness. *Frontiers in Neural Circuits*, 8, 46–68. <https://doi.org/10.3389/fncir.2014.00046>
- Bulkeley, K. (2017). The future of dream science. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1406(1), 68–70. <https://doi.org/10.1111/nyas.13415>
- Burk, L., Wehner, D., Soo, M. S. (2020). Dreams prior to biopsy for suspected breast cancer: A preliminary survey. *Explore (NY)*, 16(6), 407–409. <https://doi.org/10.1016/j.explore>
- Chambers, A. M. (2017). The role of sleep in cognitive processing: focusing on memory consolidation. *Wiley Interdisciplinary Reviews in Cognitive Science*, 8(3), 1433–1446. <https://doi.org/10.1002/wcs.1433>
- De Angeli, F., Lovati, C., Giani, L., Mariotti, D'A. C., Raimondi, E., Scaglione, V., ... Mariani, C. (2014). Negative emotions in migraineurs dreams: the increased prevalence of oneiric fear and anguish, unrelated to mood disorders. *Behavioral Neurology*, 2014, 919627–919631. <https://doi.org/10.1155/2014/919627>
- de Cortiñas, L. P. (2013). Transformations of emotional experience. *International Journal of Psychoanalysis*, 94(3), 531–544. <https://doi.org/10.1111/1745-8315.12083>
- De Gennaro, L., Marzano, C., Cipolli, C., Ferrara, M. (2012). How we remember the stuff that dreams are made of: neurobiological approaches to the brain mechanisms of dream recall. *Behavioural Brain Research*, 226(2), 592–596. <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2011.10.017>
- Domhoff, G. W., & Fox, K. (2015). Dreaming and the default network: A review, synthesis, and counterintuitive research proposal. *Conscious Cognition*, 33, 342–353. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2015.01.019>
- Fagioli, I. (2002). Mental activity during sleep. *Sleep Medicine Reviews*, 6(4), 307–320. <https://doi.org/10.1053/smr.2001.0214>
- Fazekas, P., & Nemeth, G. (2018). Dream experiences and the neural correlates of perceptual consciousness and cognitive access. *Philosophical Transactions of the Royal Society Land B in Biological Sciences*, 19, 1755–1766. <https://doi.org/10.1098/rstb.2017.0356>
- Fazekas, P., & Nemeth, G. (2020). Dreaming, mind-wandering, and hypnotic dreams. *Frontiers in Neurology*, 11, 565673–565677. <https://doi.org/10.3389/fneur.2020.565673>
- Fosse, R., Stickgold, R., Hobson, J. A. (2001). Brain-mind states: reciprocal variation in thoughts and hallucinations. *Psychological Science*, 12(1), 30–36. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00306>
- Frohlich, J., Toker, D., Monti, M. M. (2021). Consciousness among delta waves: a paradox? *Brain*, 144(8), 2257–2277. <https://doi.org/10.1093/brain/awab095>

- Gent, T. C., Bassetti, C., Adamantidis, A. R. (2018). Sleep-wake control and the thalamus. *Current Opinions in Neurobiology*, 52, 188–197. <https://doi.org/10.1016/j.conb.2018.08.002>
- Ghrouz, A. K., Noohu, M. M., Dilshad Manzar, M., Warren Spence, D., BaHammam, A. S., Pandi-Perumal, S. R. (2019). Physical activity and sleep quality in relation to mental health among college students. *Sleep Breath*, 23(2), 627–634. <https://doi.org/10.1007/s11325-019-01780-z>
- Hill, S., Tononi, G. (2005). Modeling sleep and wakefulness in the thalamocortical system. *Journal of Neurophysiology*, 93(3), 1671–1698. <https://doi.org/10.1152/jn.00915.2004>
- Hobson, J. A., Pace-Schott, E. F., Stickgold, R. (2000). Dreaming and the brain: toward a cognitive neuroscience of conscious states. *Behavioral Brain Science*, 23, 793–842. <https://doi.org/10.1017/s0140525x00003976>
- Hoel, E. (2021). The overfitted brain: Dreams evolved to assist generalization. *Patterns (NY)*, 2(5), 100244–100250. <https://doi.org/10.1016/j.patter.2021.100244>
- Hong, C. C., Fallon, J. H., Friston, K. J. (2021). fMRI evidence for default mode network deactivation associated with rapid eye movements in sleep. *Brain Science*, 11(11), 1528–1532. <https://doi.org/10.3390/brainsci11111528>
- Hong, C. C., Fallon, J. H., Friston, K. J., Harris, J. C. (2018). Rapid eye movements in sleep furnish a unique probe into consciousness. *Frontiers in Psychology*, 31(9), 2087–2095. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02087>
- Hong, C. C., Harris, J. C., Pearlson, G. D., Kim, J. S., Calhoun, V. D., Fallon, J. H., ..., Pekar, J. J. (2009). fMRI evidence for multisensory recruitment associated with rapid eye movements during sleep. *Human Brain Mapping*, 30(5), 1705–1722. <https://doi.org/10.1002/hbm.20635>
- Johnson, M. W., Hendricks, P. S., Barrett, F. S., Griffiths, R. R. (2019). Classic psychedelics: An integrative review of epidemiology, therapeutics, mystical experience, and brain network function. *Pharmacology & Therapeutics*, 197, 83–102. <https://doi.org/10.1016/j.pharmthera.2018.11.010>
- Kalsched, D. E. (2017). Trauma, innocence and the core complex of dissociation. *Journal of Analytical Psychology*, 62(4), 474–500. <https://doi.org/10.1111/1468-5922.12333>
- Kelmanson, I. (2018). Current ideas about the origin of dreams and their formation in ontogenesis, their significance in clinical practice. *Vrach*, 29(4), 12–25. <https://doi.org/10.29296/25877305-2018-04-03>
- Kim, K., Hwang, G., Cho, Y. H., Kim, E. J., Woang, J. W., Hong, C. H., ..., Roh, H. W. (2022). Relationships of physical activity, depression, and sleep with cognitive function in community-dwelling older adults. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(23), 15655–15678. <https://doi.org/10.3390/ijerph192315655>
- Konkoly, K. R., Appel, K., Chabani, E., Mangiaruga, A., Gott, J., Mallett, R., ..., Paller, K. A. (2021). Real-time dialogue between experimenters and dreamers during REM sleep. *Current Biology*, 31(7), 1417–1427. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2021.01.026>
- Kraehenmann, R. (2017). Dreams and psychedelics: neurophenomenological comparison and therapeutic implications. *Current Neuropharmacology*, 15(7), 1032–1042. <https://doi.org/10.2174/1573413713666170619092629>
- Lai, G., Langevin, J. P., Koek, R. J., Krahl, S. E., Bari, A. A., Chen, J. W. Y. (2020). Acute effects and the dreamy state evoked by deep brain electrical stimulation of the amygdala: associations of the amygdala in human dreaming, consciousness, emotions, and creativity. *Frontiers in Human Neuroscience*, 14, 61–82. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2020.00061>
- Liu, Y. T., Zhang, H. X., Li, H. J., Chen, T., Huang, Y. Q., Zhang, L., ... Yang, M. (2018). Aberrant interhemispheric connectivity in obstructive sleep apnea-hypopnea syndrome. *Frontiers in Neurology*,

- 9, 314–319. <https://doi.org/10.3389/fneur.2018.00314>
- Lovati, C., DeAngeli, F., D'Amico, D., Giani, L., D'Alessandro, C. M., Zardoni, M., ... Mariani, C. (2014). Is the brain of migraineurs «different» even in dreams? *Neurological Science*, 35(1), 167–169. <https://doi.org/10.1007/s10072-014-1762-0>
- Luczak, A., Kubo, Y. (2022). Predictive Neuronal Adaptation as a Basis for Consciousness. *Frontiers in Systems Neuroscience*, 15, 767461–767472. <https://doi.org/10.3389/fnsys.2021.767461>
- Martinec, L., Miletínová, E., Kliková, M., Bušková, N. (2021). Effects of all-night exposure to ambient odour on dreams and affective state upon waking. *Physiology & Behavior*, 230, 113265–113286. <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2020.113265>
- Matei, M., Bergel, A., Pezet, S., Tanter, M. (2022). Global dissociation of the posterior amygdala from the rest of the brain during REM sleep. *Communications in Biology*, 5(1), 1306–1312. <https://doi.org/10.1038/s42003-022-04257-0>
- Miyauchi, S., Misaki, M., Kan, S., Fukunaga, T., Koike, T. (2009). Human brain activity time-locked to rapid eye movements during REM sleep. *Experimental Brain Research*, 192(4), 657–667. <https://doi.org/10.1007/s00221-008-1579-2>
- Naiman, R. (2017). Dreamless: the silent epidemic of REM sleep loss. *Annals of the New York Academy of Science*, 1406(1), 77–85. <https://doi.org/10.1111/nyas.13447>
- Nigam, M., Ayadi, I., Noiray, C., Branquino-Bras, A. C., Herraiez, S. E., Leu-Semenescu, S., ..., Arnulf, I. (2021). Sweet or bland dreams? Taste loss in isolated REM-sleep behavior disorder and parkinson's disease. *Movement Disorders*, 36(10), 2431–2435. <https://doi.org/10.1002/mds.28692>
- Nir, Yu., & Tononi, G. (2010). Dreaming and the brain: from phenomenology to neurophysiology. *Trends in Cognitive Science*, 14(2), 88–123. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2009.12.001>
- O'Malley, M. W., Datta, S. (2013). REM sleep regulating mechanisms in the cholinergic cell compartment of the brainstem. *Indian Journal of Sleeping Medicine*, 8(2), 58–66. <https://doi.org/10.5958/j.0974-0155.8.2.009>
- Palmer, C. A., Alfano, C. A. (2017). Sleep and emotion regulation: An organizing, integrative review. *Sleep Medicine Reviews*, 31, 6–16. <https://doi.org/10.1016/j.smrv.2015.12.006>
- Parrino, L., Halasz, P., Szucs, A., Thomas, R. J., Azzi, N., Rausa, F., ..., Mutti, C. (2022). Sleep medicine: Practice, challenges and new frontiers. *Frontiers in Neurology*, 13, 966659–966668. <https://doi.org/10.3389/fneur.2022.966659>
- Picard-Deland, C., Allaire, M. A., Nielsen, T. (2022). Postural balance in frequent lucid dreamers: a replication attempt. *Sleep*, 45(7), 105–115. <https://doi.org/10.1093/sleep/zsac105>
- Picard-Deland, C., Pastor, M., Solomonova, E., Paquette, T., Nielsen, T. (2020). Flying dreams stimulated by an immersive virtual reality task. *Consciousness and Cognition*, 83, 102958–102966. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2020.102958>
- Pigarev, I. N. (2013). The visceral theory of sleep. *Zhurnal vysshei nervnoi deyatelnosti imeni I P Pavlova*, 63(1), 86–104. <https://doi.org/10.7868/s0044467713010115>
- Pigarev, I. N., Pigareva, M. L. (2017). Association of sleep impairments and gastrointestinal disorders in the context of the visceral theory of sleep. *Journal of Integrative Neuroscience*, 16(2), 143–156. <https://doi.org/10.3233/JIN-170005>
- Pigarev, I. N., Pigareva, M. L. (2018). Progress of sleep studies in the age of electrophysiology. The visceral theory of sleep. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S S Korsakova*, 118(2), 5–13. <https://doi.org/10.17116/jnevro2018118425>
- Rao, A. R., Cecchi, G. A., Kaplan, E. (2015). Editorial: Towards an integrated approach to measurement,

- analysis and modeling of cortical networks. *Frontiers in Neural Circuits*, 9, 61–78. <https://doi.org/10.3389/fncir.2015.00061>
- Rué-Queralt, J., Stevner, A., Tagliazucchi, E., Laufs, H., Kringelbach, M.L., Deco, G., Atasoy, S. (2021). Decoding brain states on the intrinsic manifold of human brain dynamics across wakefulness and sleep. *Community Biology*, 4(1), 854–859. <https://doi.org/10.1038/s42003-021-02369-7>
- Revonsuo, A. (2001). The reinterpretation of dreams: an evolutionary hypothesis of the function of dreaming. *Behavioral and Brain Sciences*, 23(6), 877–901. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00004015>
- Samson-Daoust, E., Julien, S.H., Beaulieu-Prévost, D., Zadra, A. (2019). Predicting the affective tone of everyday dreams: A prospective study of state and trait variables. *Science Report*, 9(1), 14780–14789. <https://doi.org/10.1038/s41598-019-50859-w>
- Scarpelli, S., Bartolacci, C., D'Atri, A., Gorgoni, M., De Gennaro, L. (2019). The functional role of dreaming in emotional processes. *Frontiers in Psychology*, 10, 459–462. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00459>
- Scarpelli, S., Alfonsi, V., Gorgoni, M., Giannini, A. M.; De Gennaro, L. (2021). Investigation on neurobiological mechanisms of dreaming in the new decade. *Brain Science*, 11, 220–241. <https://doi.org/10.3390/brainsci11020220>
- Siclari, F., & Tononi, G. (2017). Local aspects of sleep and wakefulness. *Current Opinions in Neurobiology*, 44, 222–227. <https://doi.org/10.1016/j.conb.2017.05.008>
- Siclari, F., Baird, B., Perogamvros, L., Bernardi, G., LaRocque, J. J., Riedner, B., ... Tononi, G. (2017). The neural correlates of dreaming. *Nature Neuroscience*, 20(6), 872–878. <https://doi.org/10.1038/nn.4545>
- Siclari, F., Valli, K., Arnulf, I. (2020). Dreams and nightmares in healthy adults and in patients with sleep and neurological disorders. *Lancet Neurology*, 19(10), 849–859. [https://doi.org/10.1016/S1474-4422\(20\)30275-1](https://doi.org/10.1016/S1474-4422(20)30275-1)
- Sikka, P., Engelbrektsson, H., Zhang, J., Gross, J. J. (2022). Negative dream affect is associated with next-day affect level, but not with affect reactivity or affect regulation. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 16, 981289–981297. <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2022.981289>
- Sikka, P., Revonsuo, A., Noreika, V., Valli, K. (2019). EEG frontal alpha asymmetry and dream affect: alpha oscillations over the right frontal cortex during rem sleep and presleep wakefulness predict anger in REM sleep dreams. *Neuroscience*, 39(24), 4775–4784. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.2884-18.2019>
- Sikka, P., Valli, K., Revonsuo, A., Tuominen, V. (2021). The dynamics of affect across the wake-sleep cycle: From waking mind-wandering to night-time dreaming. *Consciousness and Cognition*, 94, 103189–103196. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2021.103189>
- Sikkens, T., Bosman, C. A., Olcese, U. (2019). The role of top-down modulation in shaping sensory processing across brain states: implications for consciousness. *Frontiers in Systems Neuroscience*, 13, 31–45. <https://doi.org/10.3389/fnsys.2019.00031>
- Solms, M. (1997). *The neuropsychology of dreaming: a Clinico-Anatomical Study*. Lawrence Erlbaum Associates.
- Solms, M. (2000). Dreaming and REM sleep are controlled by different brain mechanisms. *Behavioral Brain Science*, 23, 843–850. <https://doi.org/10.1017/s0140525x00003988>
- Steriade, M. (2003). *Neuronal Substrates of Sleep and Epilepsy*. Cambridge University Press.
- Stettner, G. M., Lei, Y., Benincasa, H. K., Kubin, L. (2013). Evidence that adrenergic ventrolateral

- medullary cells are activated whereas precerebellar lateral reticular nucleus neurons are suppressed during REM sleep. *PLoS One*, 8(4), 62410–62417. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0062410>
- Stickgold, R. (2013). Parsing the role of sleep in memory processing. *Current Opinion in Neurobiology*, 23(5), 847–853. <https://doi.org/10.1016/j.conb.2013.04.002>
- Tivadar, R. I., Knight, R. T., Tzovara, A. (2021). Automatic sensory predictions: a review of predictive mechanisms in the brain and their link to conscious processing. *Frontiers in Human Neuroscience*, 15, 702520–702530. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.702520>
- Vallat, R., Nicolas, A., Ruby, P. (2020). Brain functional connectivity upon awakening from sleep predicts interindividual differences in dream recall frequency. *Sleep*, 43(12), 116–124. <https://doi.org/10.1093/sleep/zsaa116>
- Vallat, R., Türker, B., Nicolas, A., Ruby, P. (2022). High Dream Recall Frequency is Associated with Increased Creativity and Default Mode Network Connectivity. *Nature and Science of Sleep*, 14, 265–275. <https://doi.org/10.2147/NSS.S342137>
- Van De Poll, M. N., & van Swinderen, B. (2021). Balancing prediction and surprise: A role for active sleep at the dawn of consciousness? *Frontiers in Systems Neuroscience*, 15, 768762–768770. <https://doi.org/10.3389/fnsys.2021.768762>
- Vandekerckhove, M., & Wang, Y. L. (2017). Emotion, emotion regulation and sleep: An intimate relationship. *AIMS Neuroscience*, 5(1), 1–17. <https://doi.org/10.3934/Neuroscience.2018.1.1>
- Vanek, J., Prasko, J., Ociskova, M., Holubova, M., Minarikova, K., Kamaradova-Koncelikova, D.,..., Nesnidal, V. (2020). Nightmares and their treatment. *Neuro Endocrinology Letters*, 41(2), 86–101.
- Vertes, R. P., Linley, S. B. (2021). No cognitive processing in the unconscious, anesthetic-like, state of sleep. *The Journal of Comparative Neurology*, 529(3), 524–538. <https://doi.org/10.1002/cne.24963>
- Voss, U., Klimke, A. (2018). Dreaming during REM sleep: autobiographically meaningful or a simple reflection of a Hebbian-based memory consolidation process? *Archives Italiennes de Biologie*, 156(3), 99–111. <https://doi.org/10.12871/00039829201832>
- Wamsley, E. J. (2013). Dreaming, waking conscious experience, and the resting brain: report of subjective experience as a tool in the cognitive neurosciences. *Frontiers in Psychology*, 4, 637–648. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00637>
- Wamsley, E. J. (2020). How the brain constructs dreams. *Elife*, 9. <https://doi.org/10.7554/eLife.58874>
- Witvliet, C. V. O., Blank, S. L., Gall, A. J. (2022). Compassionate reappraisal and rumination impact forgiveness, emotion, sleep, and prosocial accountability. *Front in Psychology*, 13, 992768–992775. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.992768>
- Yang, Z., & Lewis, L. D. (2021). Imaging the temporal dynamics of brain states with highly sampled fMRI. *Current Opinion in Behavioral Science*, 40, 87–95. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2021.02.005>
- Yu, X., Zhao, G., Wang, D., Wang, S., Li, R., Li, A.,..., Wisden, W. (2022). A specific circuit in the midbrain detects stress and induces restorative sleep. *Science*, 377(6601), 63–72. <https://doi.org/10.1126/science.abn0853>
- Zhou, S., Zou, G., Xu, J., Su, Z., Zhu, H., Zou, Q., Gao, J. H. (2019). Dynamic functional connectivity states characterize NREM sleep and wakefulness. *Human Brain Mapping*, 40(18), 5256–5268. <https://doi.org/10.1002/hbm.24770>
- Zhu, Y., Ren, F., Zhu, Y., Zhang, X., Liu, W., Tang, X., ..., Zheng, M. (2020). Gradually increased interhemispheric functional connectivity during one night of sleep deprivation. *Nature and*

Зинаида И. Березина, Олег И. Кит, Екатерина Ф. Комарова, Юлия Ю. Арапова, Татьяна П. Протасова
Диагностические возможности анализа сновидений...

Российский психологический журнал, 2023, Т. 20, № 1, 50–65. doi: 10.21702/rpj.2023.1.4

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Science of Sleep, 12, 1067–1074. <https://doi.org/10.2147/NSS.S270009>

Zou, Q., Zhou, S., Xu, J., Su, Z., Li, Y., Ma, Y., ..., Gao, J. H. (2018). Dissociated resting-state functional networks between the dream recall frequency and REM sleep percentage. *Neuroimage*, 174, 248–256. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2018.03.015>

Поступила в редакцию: 06.08.2022

Поступила после рецензирования: 20.12.2022

Принята к публикации: 21.12.2022

Заявленный вклад авторов

Зинаида Игоревна Березина – критический пересмотр содержания статьи;

Олег Иванович Кит – написание обзорной части статьи;

Екатерина Федоровна Комарова – написание обзорной части статьи;

Юлия Юрьевна Арапова – написание обзорной части статьи, работа с источниками;

Протасова Татьяна Пантелеевна – работа с источниками.

Информация об авторах

Зинаида Игоревна Березина – доктор психологических наук, доцент, проректор по последипломному образованию; заведующий кафедрой общей и клинической психологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО РостГМУ Минздрава России), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; WOS ResearcherID: ABA-9278-2020, SPIN-код: 3859-3932, AuthorID: 280259; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3787-2019>, e-mail: fpk_pps@rostgmu.ru

Олег Иванович Кит – член-корреспондент РАН, генеральный директор Национального медицинского исследовательского центра онкологии, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, WOS ResearcherID: U-2241-2017, SPIN-код: 1728-0329, AuthorID: 343182, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3061-6108>, e-mail: onko-sekretar@mail.ru

Екатерина Федоровна Комарова – доктор биологических наук, профессор РАН, заведующий кафедрой биомедицины (и психофизиологии), декан факультета клинической психологии, ведущий научный сотрудник, Ростовский государственный медицинский университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Национальный медицинский исследовательский центр онкологии, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, WOS ResearcherID T-4520-2019, SPIN-код: 1094-3139, AuthorID: 348709; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7553-6550>, e-mail: katitako@gmail.com

Юлия Юрьевна Арапова – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры биомедицины (и психофизиологии), Ростовский государственный медицинский университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, WOS Research ID: ABE-5228-2021; SPIN-код: 8454-0547; AuthorID: 208953; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4300-6272>; e-mail: to.juli.arapova@gmail.com

Зинаида И. Березина, Олег И. Кит, Екатерина Ф. Комарова, Юлия Ю. Арапова, Татьяна П. Протасова
Диагностические возможности анализа сновидений...

Российский психологический журнал, 2023, Т. 20, № 1, 50–65. doi: 10.21702/rpj.2023.1.4

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Протасова Татьяна Пантелеевна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры биомедицины (и психофизиологии), Ростовский государственный медицинский университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, WOS ResearchID: ABE-7089-2021; SPIN-код: 4542-3581; AuthorID: 760427; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6364-1794>; e-mail: protasovatp@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9.072

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.5>

Эффект числовой пропорции при оценке размеров и количества в разных форматах

Юлия В. Кузьмина^{1*}, Юлия А. Маракшина², Марина М. Лобаскова², Сергей Б. Малых²

¹ Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация

² Психологический институт РАО, г. Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: papushka7@gmail.com

Аннотация

Введение. В исследовательской литературе обсуждается вопрос о наличии общей системы оценки количества и величин. Одним из доказательств наличия общей системы является эффект числовой пропорции, проявляющийся в увеличении времени ответа и снижении точности при возрастании числовой пропорции между сравниваемыми множествами или величинами, обнаруживаемый в заданиях на сравнение. Текущее исследование направлено на исследование взаимосвязей между системами оценки величин и оценки количества с помощью оценки эффектов числовой пропорции для разного типа тестов и форматов предъявления стимулов в тесте на сравнение количества. **Методы.** Выборку составили 83 студента (из них 20% мужчин, средний возраст 20,34 года). Участники исследования выполняли задания на несимволическое сравнение, сравнение площадей сложных фигур, сравнение количества и числа. В тесте на несимволическое сравнение использовано два формата предъявления стимулов: отдельный/гомогенный и смешанный/гетерогенный. Для каждого теста рассчитана точность и эффект пропорции. **Результаты.** Эффект пропорции был значим в тестах на несимволическое сравнение (в обоих форматах) и в тесте на оценку количества, но незначим в тесте на сравнение величин. Эффекты пропорции для разных тестов не коррелируют друг с другом. Также показано, что точность оценки величин коррелирует с результатами теста на несимволическое сравнение, причем эта связь была выше для смешанного/гетерогенного формата. **Обсуждение результатов.** Впервые получены данные о том, что связь между системами оценки величин и количества может варьироваться в разных условиях предъявления стимулов, что позволяет уточнить существующие теоретические модели работы систем оценки количества без использования символов. Полученные результаты не могут быть полностью объяснены теорией о единой системе оценки количества и величин. Однако показано, что система оценки величин также вовлечена в оценку количества.

Ключевые слова: оценка величин, оценка размеров, оценка количества, чувство числа, несимволическая репрезентация, эффект пропорции, эффект конгруэнтности, визуальные параметры, несимволическое сравнение, формат предъявления

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00500 («Системы оценки величин и количества: индивидуальные различия и когнитивные механизмы»).

Для цитирования: Кузьмина, Ю. В., Маракшина, Ю. А., Лобаскова, М. М., Малых, С. Б. (2023). Эффект числовой пропорции при оценке размеров и количества в разных форматах. *Российский психологический журнал*, 20(1), 66–81. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.5>

Введение

Человек, начиная с самого раннего возраста, способен воспринимать и обрабатывать «количественную» информацию. Например, мы можем оценивать и сравнивать расстояния от нас до окружающих объектов, можем сравнивать предметы по размеру (длине, ширине, высоте, площади) или сравнивать наборы объектов по количеству. Говоря об оценке и переработке «количественной» информации, можно выделить три основных вида «объектов», которые могут быть оценены: время (например, оценка временной протяженности), пространство (оценка размеров, длины, расстояний, площадей и т. п.) и количество (оценка количества дискретных объектов). Надо отметить, что, как правило, оценка количества относится к способности оценивать дискретные характеристики объектов, а оценка размеров или времени, обсуждается как оценка континуальных (протяженных) величин (Leibovich & Henik, 2014).

В исследовательской литературе обсуждается теория о наличии единой системы оценки количества и величин (Walsh, 2003). Эта система получила название «Общая система величин» (General magnitude System, GMS), а предложенная теория – *теория величин* (A Theory of Magnitude (ATOM)). В настоящее время существует достаточно большое количество исследований, подтверждающих наличие единой системы оценки величин и количества. Во-первых, большое количество нейрофизиологических исследований показало, что правая внутритеменная борозда активизируется при обработке информации о количестве, времени и размерах (например, Buetti & Walsh, 2009; Dormal & Pesenti, 2007; Dormal, Andres & Pesenti, 2012). Например, показано, что электростимуляция этой зоны приводит к изменениям в восприятии как количества, так и времени и оценки длины (Cappelletti et al., 2013; Dormal et al., 2012).

Во-вторых, в отношении оценки количества без использования символов (несимволического чувства числа) показано, что приблизительная и быстрая оценка количества происходит на основе оценки информации о континуальных визуальных параметрах, таких как размер объектов, совокупная площадь, периметр занимаемой поверхности (поверхностная оболочка), плотность расположения (Gebuis & Reynvoet, 2012; Hurewitz, Gelman, & Schnitze, 2006; Clayton, Gilmore & Inglis, 2015). Например, сравнивая два набора объектов по количеству, человек может сравнивать размеры объектов, поверхностную или совокупную площадь двух наборов. Вывод о количестве может быть сделан на основе обработки информации о нескольких визуальных параметрах (например, Gebuis, Kadosh, & Gevers, 2016; Leibovich, Katzin, Harel & Henik, 2017). Во многих исследованиях подтверждено, что в среднем оценка количества была более точной в случае, когда визуальные параметры давали корректную информацию о количестве (т. е. были конгруэнтны), например, когда набор, содержащий большее количество объектов, имел большую поверхностную или совокупную площадь по сравнению с неконгруэнтными условиями (например, Smets, Moors & Reynvoet, 2016; Clayton, Gilmore & Inglis, 2015). Различия между конгруэнтными и неконгруэнтными заданиями

(эффект конгруэнтности) отражают степень искажения оценки количества в связи с оценкой визуальных параметров.

Более того, некоторые авторы предположили, что отдельной способности (или системы) оценки количества без использования символов не существует, поскольку оценка количества каждый раз происходит через оценку континуальных визуальных параметров (например, Gebuis & Reynvoet, 2012). В некоторых исследованиях показано, что человек может идентифицировать количественные различия или изменения только в том случае, если они сопровождаются изменениями в визуальных параметрах (например, Gebuis, Kadosh & Gevers, 2016). Другие исследователи выдвигали более «мягкие» гипотезы, предполагая, что оценка количества может идти как через оценку визуальных параметров, так и непосредственно (например, Kuzmina & Malykh, 2022; Leibovich-Raveh, Stein, Henik & Salti, 2018). Также показано, что в свою очередь, оценка количественных параметров может также искажать оценку физических размеров (например, Leibovich, Henik, & Salti, 2015; Hendryckx, Guillaume, Beuel, Van Rinsveld & Content, 2021).

В пользу единства систем оценки количества и континуальных величин, таких как длина или площади, свидетельствует тот факт, что основные закономерности, выделяемые в заданиях на сравнение количества, также воспроизводятся в заданиях на сравнение физических размеров. В частности, эффект пропорции (увеличение времени ответов и снижение точности при уменьшении «пропорции» между сравниваемыми объектами) был обнаружен при сравнении длин отрезков (Dormal & Pesenti, 2007), количества объектов (Sasanguie, Defever, Van den Bussche & Reynvoet, 2011) и сравнении цифр (Lyons, Nuerk & Ansari, 2015). Эффект пропорции, по мнению многих исследователей, отражает существенные особенности репрезентации количества и величин и связан с перекрытием кривых, отражающих активацию нейронов при восприятии того или иного количества (Dehaene, 2003; Dietrich, Huber & Nuerk, 2015). Поэтому обнаружение эффекта пропорции в сравнениях дискретных и континуальных объектов может свидетельствовать о наличии общих механизмов, обеспечивающих оценку количества и величин.

В то же время есть и данные, которые не согласуются с теорией о том, что система оценки количества – лишь часть общей системы оценки величин. Во-первых, показано, что оценки визуальных и количественных параметров могут идти независимо друг от друга (Park, DeWind, Woldorff & Brannon, 2016; Odic & Halberda, 2015). В многочисленных исследованиях обнаружено, что человек способен непосредственно оценить множественность наряду с другими перцептивными свойствами, такими как объем, размер, форма объектов и т. п. (Ross & Burr, 2010; Sokolowski, Fias, Mousa & Ansari, 2017). Специфическая чувствительность к количественным характеристикам обеспечивается специальными «числовыми» нейронами в правой внутритеменной борозде (например, Nieder & Miller, 2003; Piazza, Pinel, Le Bihan & Dehaene, 2007; Nieder, 2016). Ряд исследований продемонстрировали, что «количественность» может независимо обрабатываться на ранней стадии восприятия в зрительной коре, подобно тому, как декодируются зрительные признаки низкого уровня (Fornaciai, Brannon, Woldorff & Pa, 2017; Van Rinsveld et al., 2020).

Во-вторых, последние данные психофизиологических исследований и симуляционных исследований с использованием нейросетей и моделей глубинного обучения показывают, что на ранних стадиях развития оценка количества и оценка визуальных параметров могут быть тесно связаны, но в дальнейшем оценка количества может происходить независимо

от оценки визуальных параметров (Testolin, Zou & McClelland, 2020; Creatore, Sabathiel & Solstad, 2021).

Было выдвинуто предположение о том, что количество может быть оценено как прямо, так и опосредовано, через оценку визуальных параметров (Kuzmina & Malykh, 2022; Кузьмина и др., 2019). При этом особенности оценки количества могут быть связаны с условиями предъявления множеств для сравнения и доступностью оценки их визуальных параметров. Было показано, что в условиях доступной оценки визуальных параметров, таких как поверхностная или совокупная площадь (например, в отдельном/гомогенном формате, когда два набора одинаковых фигур предъявляются вместе, но разделены в пространстве), оценка количества может быть искажена оценкой визуальных параметров, что проявляется в увеличении эффекта конгруэнтности (Kuzmina & Malykh, 2022; Кузьмина и др., 2019; Кузьмина и др., 2020). И наоборот, эффект конгруэнтности становится незначимым, а оценка количества становится независимой от оценки визуальных параметров в условиях затрудненной оценки визуальных параметров (например, когда надо сравнить два набора гетерогенных объектов, перемешанных в пространстве, т. е. в смешанном/гетерогенном формате предъявления).

Хотя в нескольких исследованиях было показано, что точность несимволического сравнения может варьироваться в зависимости от формата предъявления множеств объектов (например, Price, Palmer, Battista & Ansari, 2012) и что разные форматы различаются по эффекту конгруэнтности (Kuzmina & Malykh, 2022), остается неизвестным, в какой степени точность оценки визуальных параметров может определять точность несимволического сравнения в разных форматах предъявления стимулов.

Текущее исследование имеет несколько целей. Первая – оценить эффект пропорции в заданиях на сравнение визуальных параметров, сравнение количества и числа и в заданиях на несимволическое сравнение в двух форматах предъявления стимулов. Принимая во внимание тот факт, что эффект пропорции является ключевой характеристикой репрезентации количества в разных форматах, мы предполагаем, что в случае наличия общей системы оценки количества для континуальных и дискретных объектов между эффектами пропорции должна быть высокая корреляция независимо от формата предъявления стимулов в тесте на несимволическое сравнение.

Вторая цель – оценить вклад точности оценки визуальных параметров и оценки дискретных параметров в выполнение заданий на несимволическое сравнение в разных форматах. Мы предполагаем, что точность оценки визуальных параметров будет в большей степени связана с точностью несимволического сравнения в том формате, который продуцирует больший эффект конгруэнтности, в то время как точность оценки дискретных параметров в большей степени связана с точностью несимволического сравнения в формате, в котором эффект конгруэнтности и искажения при оценке количества минимальны.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 92 студента (средний возраст 20,36 года, ст. отклонение 5,33 года, 20 % из них были мужчины). Девять респондентов не выполнили хотя бы один из тестов, поэтому были исключены из финального анализа. После исключения этих данных, демографические характеристики выборки не изменились. В финальной выборке – 83 человека (20 % мужчины, средний возраст составил 20,34 года).

Процедура и инструмент

Исследование проходило в онлайн-формате на платформе pavlovia.org. Участникам предлагалось выполнить три теста: тест на несимволическое сравнение, тест на сравнение площадей и тест на оценку количества (сравнение количества и числа).

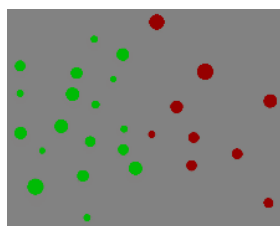
Тест несимволического сравнения

Респонденту демонстрировалось два набора красных и зеленых фигур, и необходимо было выбрать, фигур какого цвета больше, нажимая кнопку с буквой, обозначающей соответствующий цвет: «к» – если больше красных фигур, «з» – если больше зеленых фигур. Каждый экран с двумя наборами фигур показывался в течение 400 мс, после чего изображение исчезало и сменялось экраном с напоминанием: «Нажмите «к», если больше красных фигур, нажмите «з», если больше зеленых фигур». После выбора и нажатия клавиши предьявлялся фиксационный крест (400 мс) и после него показывался следующий экран с двумя наборами фигур.

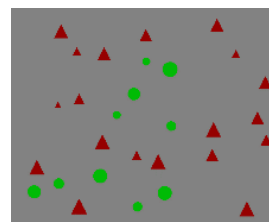
В тесте было использовано два формата предьявления стимулов: отдельный формат с гомогенными фигурами и смешанный формат с гетерогенными фигурами (рис. 1).

Рисунок 1

Примеры форматов предьявления стимулов

А. Раздельный/гомогенный

Б. Смешанный/гетерогенный

Выбор этих двух форматов обусловлен данными предыдущих исследований, которые показали, что отдельный/гомогенный формат продуцирует наибольший эффект конгруэнтности, свидетельствующий о том, что оценка количества может быть искажена оценкой визуальных параметров. В смешанном/гетерогенном формате эффект конгруэнтности был незначим (Кузьмина и др., 2019; Кузьмина и др., 2020; Kuzmina & Malykh, 2022).

Для каждого формата предьявления были включены два типа пропорции между сравниваемыми множествами: простая и сложная. Для простой пропорции отношение меньшего количества к большему варьировалась от 0,47 до 0,53 (меньшее количество, разделенное на большее), для сложной пропорции – от 0,72 до 0,77. Такое соотношение выбрано, исходя из данных предыдущих исследований, в которых, например, показано, что при пропорции, равной 0,5, точность сравнения множеств в среднем приближается к 0,90, но при возрастании пропорции, точность значительно ухудшается. Для пропорции, равной 0,75, точность сравнения варьировалась от 0,72 до 0,80, в зависимости от формата (Price et al., 2012).

Для каждого формата и типа пропорции в половине случаев стимулы были конгруэнтны по двум визуальным параметрам: поверхностная оболочка (периметр фигуры, образованной линией, включающей все фигуры одного цвета) и совокупной площади (сумма площадей всех

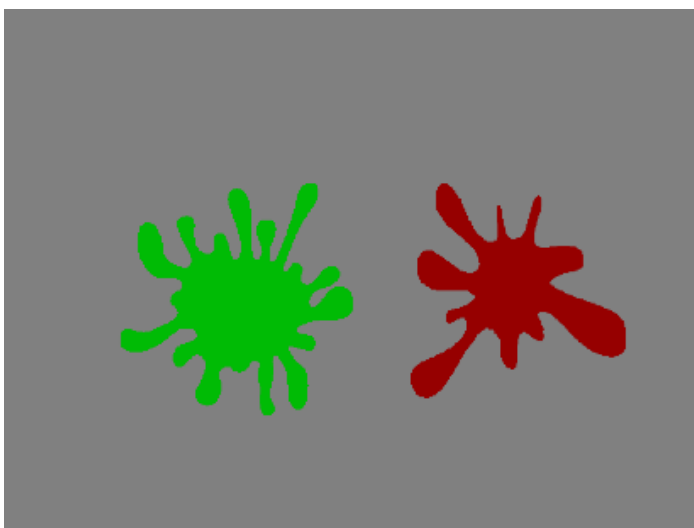
фигур одного цвета). В другой половине стимулы были неконгруэнтны по этим же параметрам. Всего предъявлялось 216 заданий. Стимулы из разных условий были перемешаны в случайном порядке, порядок предъявления был одним и тем же для всех респондентов.

Тест на сравнение площадей

Респонденту предъявлялся экран с двумя «кляксами» красного и зеленого цветов (рис. 2). Так же, как в тесте на несимволическое сравнение, экран с «кляксами» показывался 400 мс, после чего надо было выбрать, фигура какого цвета имеет большую площадь, нажав букву «к» (если больше красных) или букву «з» (если больше зеленых).

Рисунок 2

Пример стимула из теста на сравнение площадей

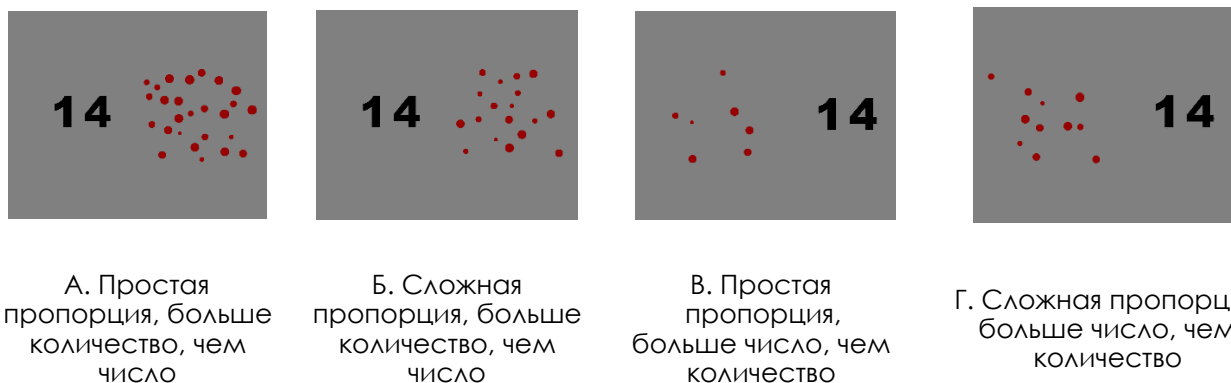
В тест также было включено два условия: простая и сложная пропорция между площадями двух фигур. Для простой пропорции соотношение между фигурами варьировалось от 0,47 до 0,53, для сложной пропорции – от 0,72 до 0,77. Такое соотношение было выбрано для того, чтобы условия простой и сложной пропорции были сопоставимы с условиями в задании на несимволическое сравнение количества. Всего в тесте было 124 задания.

Тест на оценку количества

Респонденту показывался экран, на одной стороне которого было число, на другой – набор геометрических фигур (точек или треугольников) (рис. 3). Респондент должен был выбрать, что больше: число или количество фигур, нажав на клавишу «стрелка вправо», если считал, что большее количество находится на правой стороне экрана, или клавишу «стрелка влево», если большее количество находилось в левой стороне экрана.

Рисунок 3

Пример стимульного материала из теста на оценку количества (сравнение числа и количества)

Для теста использовались двузначные числа от 10 до 16. Задания составлены таким образом, что в половине случаев было больше число, в другой половине – количество фигур. Задания также сбалансированы по стороне экрана, на которой демонстрировалось число и количество. Таким образом, в 25 % заданий больше было число, и оно было показано слева, в 25 % заданий число было меньше и оно было показано слева, в 25 % заданий было больше число и оно показано справа, в 25 % заданий число было меньше и оно было показано справа.

Так же, как в предыдущих тестах, пропорция между сравниваемым числом и количеством фигур могла быть простой (от 0,50 до 0,55) или сложной (от 0,70 до 0,78). Всего в тест было включено 56 заданий.

Статистический подход

На первом этапе была рассчитана точность по каждому тесту (пропорция правильных ответов). На втором этапе рассчитан эффект пропорции для тестов на сравнение площадей и оценку количества и для двух условий теста на несимволическое сравнение. Эффект рассчитывался как разница в точности между заданиями с простой пропорцией и заданиями со сложной пропорцией. Эффекты пропорции были рассчитаны для каждого респондента, а затем была произведена оценка корреляций между эффектами.

На третьем этапе проведен регрессионный анализ для точности несимволического сравнения в двух форматах. В модель для каждой зависимой переменной (точность в раздельном/гомогенном и точность в смешанном/гетерогенном формате) включены в качестве предикторов точность оценки визуальных параметров и точность оценки количества (сравнение числа и количества). Для сравнения степени вовлеченности каждого предиктора произведено сравнение стандартизированных регрессионных коэффициентов.

Результаты

Описательная статистика

В таблице 1 приведены показатели точности для тестов, показатели стандартного отклонения и размах.

Таблица 1

Описательная статистика для тестов на сравнение площадей, оценку количества и несимволическое сравнение

Тесты	Точность (пропорция правильных ответов)			
	Среднее (ст. ошибка)	Станд. отклон.	Минимум	Максимум
Сравнение площадей	0,82 (0,01)	0,12	0,48	0,94
Оценка количества	0,80 (0,01)	0,13	0,45	1
Несимволическое сравнение (раздельный/гомогенный формат)	0,84 (0,01)	0,10	0,54	0,97
Несимволическое сравнение (смешанный/гетерогенный формат)	0,83 (0,01)	0,10	0,49	0,96

В целом, надо отметить, что точность во всех тестах была достаточно высокая. Наименьшая точность зафиксирована в тесте на оценку количества, в котором надо было сравнивать количество и число.

Далее был проведен анализ различий в точности между простой и сложной пропорцией в каждом тесте. Средние различия и оценка значимости различий приведены в таблице 2.

Таблица 2

Анализ различий в точности между простой и сложной пропорцией в тестах на сравнение площадей, оценку количества и несимволическое сравнение

Тест	Простая пропорция	Сложная пропорция	Эффект пропорции [95% ДИ]	t-test
Сравнение площадей	0,81	0,82	-0,01 [-0,02; 0,002]	-1,69
Оценка количества	0,84	0,81	0,03 [0,01; 0,05]	3,05**
Несимволическое сравнение (раздельный формат)	0,89	0,72	0,17 [0,15; 0,19]	18,07***
Несимволическое сравнение (смешанный формат)	0,91	0,74	0,17 [0,15; 0,18]	22,20***

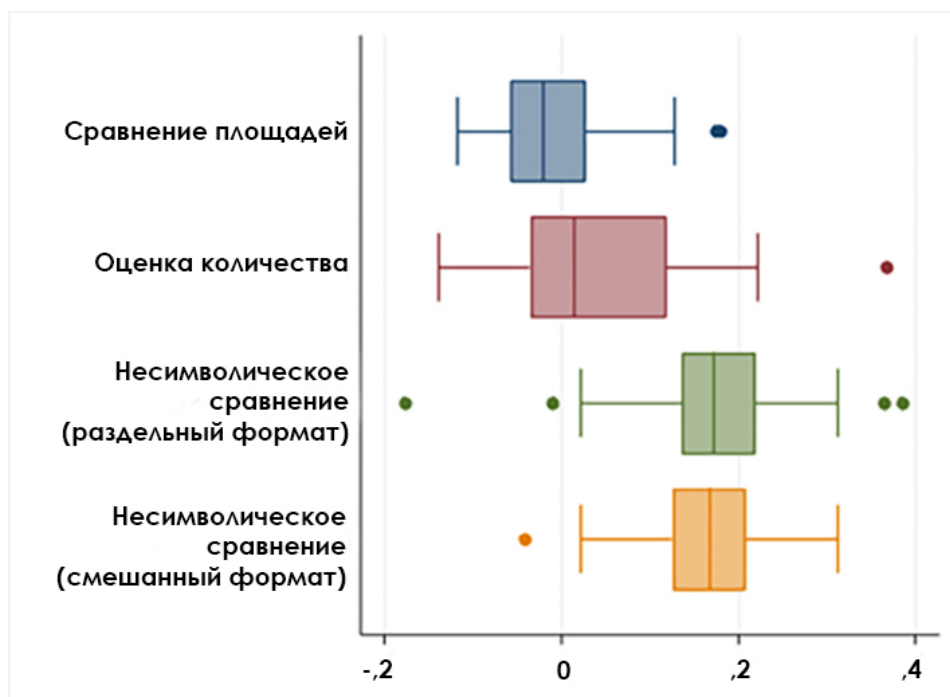
Примечание. *** $p < ,001$, ** $p < ,01$

Анализ среднего эффекта пропорции по каждому тесту показал, что в тесте на сравнение площадей средний эффект пропорции был незначим. В тесте на оценку количества эффект пропорции был значимым, но небольшим. Для обоих форматов теста на несимволическое сравнение эффект пропорции выражен и размер эффекта значительный (Cohen's $d = 1,62$ для смешанного формата и $1,66$ для отдельного формата).

Далее для анализа связи между эффектами пропорции рассчитаны эффекты пропорции для каждого респондента. Ниже приведены данные о распределении значений эффектов пропорции (рис. 4).

Рисунок 4

Эффект пропорции (разница между простой и сложной пропорцией) для тестов и условий

На следующем шаге проведен анализ корреляций между эффектами пропорции для разных тестов. Анализ показал, что эффекты пропорции не коррелируют друг с другом, за одним исключением. Обнаружена значимая отрицательная корреляция между эффектом пропорции в тесте на сравнение площадей и эффектом пропорции в тесте несимволического сравнения в раздельном/гомогенном формате ($r = -0,31$, $p = 0,005$). Это свидетельствует о том, что более высокие показатели эффекта пропорции в тесте несимволического сравнения связаны с более низкими показателями эффекта пропорции в тесте на сравнение площадей.

На заключительном этапе анализа проведен регрессионный анализ для точности несимволического сравнения в каждом формате. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа для оценки связи между точностью в тесте несимволического сравнения и точностью в тесте на оценку количества и сравнение площадей

Переменные	ЗП – точность в раздельном формате		ЗП – точность в смешанном формате	
	В (ст. ошибка)	Станд. коэфф.	В (ст. ошибка)	Станд. коэфф.
Константа	0,41*** (0,06)		0,35*** (0,06)	
Точность сравнения площадей	0,30** (0,09)	0,37	0,43*** (0,08)	0,52
Точность оценки количества	0,23** (0,07)	0,33	0,16* (0,07)	0,22
F-test	23,73		30,25	
R-squared	0,36		0,42	

Примечание. *** $p < ,001$, ** $p < ,01$, * $p < ,05$

Результаты анализа показывают, что точность сравнения площадей значимо связана с точностью несимволического сравнения в обоих форматах. При этом связь с точностью несимволического сравнения в смешанном формате была выше, чем связь с точностью сравнения в раздельном формате. Точность оценки количества также связана с точностью несимволического сравнения, но эта связь меньше, чем для сравнения площадей. Полученные результаты отчасти противоречат ранее выдвинутым гипотезам, что будет обсуждаться ниже в разделе «Обсуждение результатов».

Обсуждение результатов

В данном исследовании мы рассматривали точность и эффект пропорции для трех тестов, направленных на оценку способности оценивать количественную информацию. В исследовательской литературе обсуждается вопрос о том, в какой степени могут быть связаны оценка дискретных объектов (количества) и оценка континуальных объектов (размеров). Ранее было выдвинуто предположение, что оценка количества без использования символов может осуществляться как прямо (прямая оценка количества), так и опосредованно, через оценку визуальных параметров (Кузьмина и др., 2019; Kuzmina & Malukh, 2022). При этом способ оценки может быть обусловлен форматом предъявления стимулов: раздельным или смешанным.

В текущем исследовании проверялась гипотеза о том, что точность несимволического сравнения в раздельном формате предъявления в большей степени коррелирует с точностью

сравнения визуальных параметров, которая оценивалась с помощью теста на сравнение площадей, в то время как точность оценки количества, которая измерялась тестом на сравнение количества и числа, будет больше коррелировать с точностью несимволического сравнения в смешанном формате. Кроме того, была произведена оценка эффекта пропорции во всех тестах и произведена оценка корреляции эффектов пропорции для разных тестов и форматов.

Полученные результаты показывают, что эффект пропорции в большей степени выражен в тесте несимволического сравнения и незначим в тесте на сравнение для оценки величин (например, Leibovich & Henik, 2014). Однако, детальное сравнение площадей. Эти данные отчасти противоречат ранее полученным данным о том, что эффект пропорции существует для сравнения визуальных континуальных параметров. Рассмотрение предыдущих исследований позволяет понять причину таких расхождений. В исследовании Leibovich & Henik (2014) было использовано задание на сравнение площадей квадратов, в то время как в нашем исследовании использовалось сравнение площадей «клякс». Представляется, что в целом сравнение площадей сложных фигур является более сложным процессом, чем сравнение площадей квадрата, для которого достаточно сравнить только две стороны. Во-вторых, в нашем исследовании использовались только два типа пропорции (условно простая, от 0,47 до 0,53 и условно сложная, от 0,72 до 0,75), в то время как в других исследованиях использовались больше типов пропорций и были более сложные пропорции (например, от 0,80 до 0,95). В исследовании Leibovich & Henik было показано, что уменьшение точности при увеличении пропорции в заданиях на сравнение площадей проявляется только для самых сложных пропорций, больше 0,85, до этой пропорции уменьшение точности не наблюдается. Если принимать во внимание эту особенность, то можно сделать вывод, что при сравнении континуальных параметров эффект пропорции появляется только при существенной большей пропорции, чем было использовано в нашем исследовании.

В нашем исследовании мы получили данные о том, что между эффектами пропорций для разных тестов, с одним исключением, нет значимых корреляций. С одной стороны, это может быть свидетельством того, что системы репрезентации количества и репрезентации континуальных величин – отдельные системы, что подтверждается и в предыдущих исследованиях (например, Odic, 2018; Leibovich & Henik, 2014). С другой стороны, отсутствие корреляций может быть объяснено спецификой расчета эффекта пропорции. Эффект пропорции рассчитывался как разница в точности между сложной и простой пропорцией. Ранее в некоторых исследованиях было показано, что эффект числовой пропорции имеет низкую надежность и низкую дисперсию (например, Lyons et al., 2015; Maloney, Risko, Preston, Ansari & Fugelsang, 2010; Chesney, 2018). Кроме того, показано, что любые показатели, рассчитанные как разница между двумя условиями, имеют более низкую надежность, чем показатели в любом из отдельных условий (Caruso, 2004).

Результаты регрессионного анализа не подтвердили выдвинутой гипотезы. С одной стороны, точность сравнения площадей значимо связана с точностью несимволического сравнения в обоих форматах. Более того, она имеет больший вклад в несимволическое сравнение в смешанном формате, что противоречит выдвинутой гипотезе. С одной стороны, полученные результаты могут свидетельствовать о том, что оценка визуальных параметров вовлечена в оценку количества независимо от формата. С другой стороны, ранее было показано, что в смешанном формате предъявления участники в меньшей степени ориентируются на оценку поверхностной площади или периметра, а в большей степени ориентированы на оценку

совокупной площади (суммы площадей всех занимаемых объектов). Эффект совокупной площади проявлялся даже для гетерогенных объектов, хотя в целом для них совокупные площади оценить сложнее (Кузьмина и др., 2020; Kuzmina & Malykh, 2022). Возможно, что в использованном варианте заданий, сравнение площадей в большей степени происходило с опорой на оценку совокупной площади, а не периметра. Сравнимые фигуры были сложной формы, для них оценка и сравнение периметров могут быть затруднены. В отдельном же формате предъявления, как было показано в предыдущих исследованиях, респонденты в большей степени ориентируются на оценку периметра или поверхностной оболочки (то, что в зарубежных исследованиях называется *convex hull*), оценка которого была в тесте на сравнение площадей не востребована в связи с особенностью сравниваемых фигур. Соответственно, в будущих исследованиях необходимо будет внести некоторые правки в задания на сравнение площадей. Во-первых, будет необходимо использовать более сложные типы пропорций для заданий на сравнение визуальных параметров. Во-вторых, необходимо будет использовать разные типы фигур, чтобы оценивать способность сравнивать не только совокупные площади, но и поверхностную оболочку.

Также сложно объяснить, почему точность теста на оценку количества (сравнение количества и числа) слабо коррелирует с точностью несимволического сравнения. Одно из возможных объяснений – это то, что данное задание предполагает способность мэппинга – соотнесения несимволической репрезентации количества с символическими обозначениями и вовлеченности системы символической репрезентации количества. По данным некоторых исследований, системы символической репрезентации количества и системы несимволической репрезентации – две разные системы, связь между которыми ослабевает по мере развития (например, Lyons, Nuerk, & Ansari, 2015; Sasanguie, De Smedt, & Reynvoet, 2017; Goffin & Ansari, 2019). Так как в нашем исследовании участвовали студенты, можно предположить, что в этом возрасте связь между символической и несимволической репрезентацией количества ослабевает, что отражается в низкой вовлеченности символической системы в несимволическое сравнение. Иными словами, для респондентов при сравнении двух наборов объектов нет необходимости переводить несимволическое количество в символическое обозначение, они могут сравнить наборы на основе либо визуальных параметров, либо прямо.

Также надо отметить, что одним из ограничений нашего исследования является небольшой размер выборки, что может приводить к снижению статистической мощности исследования и возрастанию вероятности ошибки 1 рода (Schönbrodt & Perugini, 2013; Akobeng, 2016). Поэтому полученные результаты необходимо проверить на более обширной выборке с учетом возможных исправлений дизайна тестов.

Заключение

- Эффект пропорции в большей степени выражен в тесте несимволического сравнения и незначим в тесте на сравнение площадей.
- Между эффектами пропорций для тестов на сравнение площадей, оценку количества и несимволическое сравнение нет значимых корреляций, что противоречит идее общей системы оценки количества и величин.
- Точность сравнения визуальных параметров коррелирует с точностью несимволического сравнения и эта связь выше для смешанного/гетерогенного формата предъявления стимулов.

Литература

- Кузьмина, Ю. В., Захаров, И. М., Исмагуллина, В. И., Лобаскова, М. М., Лысенкова, И. А., Маракшина, Ю. А., & Малых, С. Б. (2019). Интуитивное чувство числа: две системы оценки количества. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 12(2), 19–38.
- Кузьмина, Ю. В., Лобаскова, М. М., Маракшина, Ю. А., Захаров, И. М., Исмагуллина, В. И., & Малых, С. Б. (2020). Связь точности несимволической репрезентации количества с оценкой визуальных параметров в разных условиях предъявления стимулов. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 13(3), 6–21.
- Akobeng, A. K. (2016). Understanding type I and type II errors, statistical power and sample size. *Acta Paediatrica*, 105(6), 605–609. <https://doi.org/10.1111/apa.13384>
- Bueti, D., & Walsh, V. (2009). The parietal cortex and the representation of time, space, number and other magnitudes. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 364(1525), 1831–1840. <https://doi.org/10.1098/rstb.2009.0028>
- Cappelletti, M., Gessaroli, E., Hithersay, R., Mitolo, M., Didino, D., Kanai, R., Cohen Kadosh, R., & Walsh, V. (2013). Transfer of Cognitive Training across Magnitude Dimensions Achieved with Concurrent Brain Stimulation of the Parietal Lobe. *Journal of Neuroscience*, 33(37), 14899–14907. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.1692-13.2013>
- Caruso, J. C. (2004). A Comparison of the Reliabilities of Four Types of Difference Scores for Five Cognitive Assessment Batteries. *European Journal of Psychological Assessment*, 20(3), 166–171. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.20.3.166>
- Chesney, D. (2018). Numerical distance effect size is a poor metric of approximate number system acuity. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 80(5), 1057–1063.
- Clayton, S., Gilmore, C., & Inglis, M. (2015). Dot comparison stimuli are not all alike: The effect of different visual controls on ANS measurement. *Acta Psychologica*, 161, 177–184. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2015.09.007>
- Creator, C., Sabathiel, S., & Solstad, T. (2021). Learning exact enumeration and approximate estimation in deep neural network models. *Cognition*, 215, 104815. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104815>
- Dehaene, S. (2003). The neural basis of the Weber–Fechner law: A logarithmic mental number line. *Trends in Cognitive Sciences*, 7(4), 145–147. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(03\)00055-X](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(03)00055-X)
- Dietrich, J. F., Huber, S., & Nuerk, H.-C. (2015). Methodological aspects to be considered when measuring the approximate number system (ANS) – a research review. *Frontiers in Psychology*, 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00295>
- Dormal, V., & Pesenti, M. (2007). Numerosity-Length Interference: A Stroop Experiment. *Experimental Psychology*, 54(4), 289–297. <https://doi.org/10.1027/1618-3169.54.4.289>
- Dormal, V., Andres, M., & Pesenti, M. (2012). Contribution of the right intraparietal sulcus to numerosity and length processing: An fMRI-guided TMS study. *Cortex*, 48(5), 623–629. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2011.05.019>
- Fornaciai, M., Brannon, E. M., Woldorff, M. G., & Park, J. (2017). Numerosity processing in early visual cortex. *NeuroImage*, 157, 429–438. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2017.05.069>
- Gebuis, T., & Reynvoet, B. (2012). The Role of Visual Information in Numerosity Estimation. *PLoS ONE*, 7(5), e37426. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0037426>
- Gebuis, T., Cohen Kadosh, R., & Gevers, W. (2016). Sensory-integration system rather than

- approximate number system underlies numerosity processing: A critical review. *Acta Psychologica*, 171, 17–35. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2016.09.003>
- Goffin, C., & Ansari, D. (2019). How Are Symbols and Nonsymbolic Numerical Magnitudes Related? Exploring Bidirectional Relationships in Early Numeracy: Bidirectionality in Early Numeracy. *Mind, Brain, and Education*, 13(3), 143–156. <https://doi.org/10.1111/mbe.12206>
- Hendryckx, C., Guillaume, M., Beuel, A., Van Rinsveld, A., & Content, A. (2021). Mutual influences between numerical and non-numerical quantities in comparison tasks. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 74(5), 843–852. <https://doi.org/10.1177/1747021820981876>
- Hurewitz, F., Gelman, R., & Schnitzer, B. (2006). Sometimes area counts more than number. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 103(51), 19599–19604. <https://doi.org/10.1073/pnas.0609485103>
- Kuzmina, Y., & Malykh, S. (2022). The effect of visual parameters on nonsymbolic numerosity estimation varies depending on the format of stimulus presentation. *Journal of Experimental Child Psychology*, 224, 105514.
- Leibovich, T., & Henik, A. (2014). Comparing Performance in Discrete and Continuous Comparison Tasks. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 67(5), 899–917. <https://doi.org/10.1080/17470218.2013.837940>
- Leibovich, T., Katzin, N., Harel, M., & Henik, A. (2017). From «sense of number» to «sense of magnitude»: The role of continuous magnitudes in numerical cognition. *Behavioral and Brain Sciences*, 40, e164. <https://doi.org/10.1017/S0140525X16000960>
- Leibovich-Raveh, T., Stein, I., Henik, A., & Salti, M. (2018). Number and Continuous Magnitude Processing Depends on Task Goals and Numerosity Ratio. *Journal of Cognition*, 1(1), 19. <https://doi.org/10.5334/joc.22>
- Lyons, I. M., Nuerk, H.-C., & Ansari, D. (2015). Rethinking the implications of numerical ratio effects for understanding the development of representational precision and numerical processing across formats. *Journal of Experimental Psychology: General*, 144(5), 1021–1035. <https://doi.org/10.1037/xge0000094>
- Maloney, E. A., Risko, E. F., Preston, F., Ansari, D., & Fugelsang, J. (2010). Challenging the reliability and validity of cognitive measures: The case of the numerical distance effect. *Acta Psychologica*, 134(2), 154–161. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2010.01.006>
- Nieder, A. (2016). The neuronal code for number. *Nature Reviews Neuroscience*, 17(6), 366–382. <https://doi.org/10.1038/nrn.2016.40>
- Nieder, A., & Miller, E. K. (2003). Coding of Cognitive Magnitude. *Neuron*, 37(1), 149–157. [https://doi.org/10.1016/S0896-6273\(02\)01144-3](https://doi.org/10.1016/S0896-6273(02)01144-3)
- Odic, D. (2018). Children’s intuitive sense of number develops independently of their perception of area, density, length, and time. *Developmental Science*, 21(2), e12533. <https://doi.org/10.1111/desc.12533>
- Odic, D., & Halberda, J. (2015). Eye movements reveal distinct encoding patterns for number and cumulative surface area in random dot arrays. *Journal of Vision*, 15(15), 5. <https://doi.org/10.1167/15.15.5>
- Park, J., DeWind, N. K., Woldorff, M. G., & Brannon, E. M. (2016). Rapid and Direct Encoding of Numerosity in the Visual Stream. *Cerebral Cortex*, bhv017. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhv017>
- Piazza, M., Pinel, P., Le Bihan, D., & Dehaene, S. (2007). A Magnitude Code Common to Numerosities and Number Symbols in Human Intraparietal Cortex. *Neuron*, 53(2), 293–305. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2006.11.022>

- Price, G. R., Palmer, D., Battista, C., & Ansari, D. (2012). Nonsymbolic numerical magnitude comparison: Reliability and validity of different task variants and outcome measures, and their relationship to arithmetic achievement in adults. *Acta Psychologica*, 140(1), 50–57. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2012.02.008>
- Ross, J., & Burr, D. C. (2010). Vision senses number directly. *Journal of vision*, 10(2), 1–8.
- Sasanguie, D., De Smedt, B., & Reynvoet, B. (2017). Evidence for distinct magnitude systems for symbolic and non-symbolic number. *Psychological Research*, 81(1), 231–242.
- Sasanguie, D., Defever, E., Van den Bussche, E., & Reynvoet, B. (2011). The reliability of and the relation between non-symbolic numerical distance effects in comparison, same-different judgments and priming. *Acta Psychologica*, 136(1), 73–80. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2010.10.004>
- Schönbrodt, F. D., & Perugini, M. (2013). At what sample size do correlations stabilize? *Journal of Research in Personality*, 47(5), 609–612. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2013.05.009>
- Smets, K., Moors, P., & Reynvoet, B. (2016). Effects of Presentation Type and Visual Control in Numerosity Discrimination: Implications for Number Processing? *Frontiers in Psychology*, 7. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00066>
- Sokolowski, H. M., Fias, W., Mousa, A., & Ansari, D. (2017). Common and distinct brain regions in both parietal and frontal cortex support symbolic and nonsymbolic number processing in humans: A functional neuroimaging meta-analysis. *NeuroImage*, 146, 376–394. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2016.10.028>
- Testolin, A., Zou, W. Y., & McClelland, J. L. (2020). Numerosity discrimination in deep neural networks: Initial competence, developmental refinement and experience statistics. *Developmental Science*, 23(5). <https://doi.org/10.1111/desc.12940>
- Van Rinsveld, A., Guillaume, M., Kohler, P. J., Schiltz, C., Gevers, W., & Content, A. (2020). The neural signature of numerosity by separating numerical and continuous magnitude extraction in visual cortex with frequency-tagged EEG. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 117(11), 5726–5732. <https://doi.org/10.1073/pnas.1917849117>
- Walsh, V. (2003). A theory of magnitude: Common cortical metrics of time, space and quantity. *Trends in Cognitive Sciences*, 7(11), 483–488. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2003.09.002>

Поступила в редакцию: 02.12.2022

Поступила после рецензирования: 21.03.2023

Принята к публикации: 23.03.2023

Заявленный вклад авторов

Юлия Владимировна Кузьмина – определение методологии, анализ полученных данных, подготовка драфта рукописи.

Юлия Александровна Маракшина – определение методологии, сбор данных и их первичная подготовка.

Марина Михайловна Лобаскова – сбор и анализ данных.

Сергей Борисович Малых – концептуализация, обратная связь, общее руководство подготовкой рукописи.

Информация об авторах

Юлия Владимировна Кузьмина – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Центра психометрики и измерений в образовании Института образования, НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Лаборатории возрастной психогенетики, ФГБНУ «Психологический институт РАО», г. Москва, Российская Федерация; WOS ResearcherID: I-3187-2015; Scopus AuthorID: 57193276706; SPIN-код РИНЦ: 9995-0240; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4243-8313>; e-mail: papushka7@gmail.com

Юлия Александровна Маракшина – кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБНУ «Психологический институт РАО», г. Москва, Российская Федерация, WOS ResearcherID: R-6453-2016; Scopus Author ID: 57221745880; SPIN-код РИНЦ: 8829-3771; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7559-9148>; e-mail: retalika@yandex.ru

Марина Михайловна Лобаскова – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Психологический институт РАО», г. Москва, Российская Федерация; Scopus Author ID: 15044892100; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0318-6480>; e-mail: lobaskovamm@gmail.com

Сергей Борисович Малых – профессор, доктор психологических наук, академик РАО, Руководитель лаборатории возрастной психогенетики, ФГБНУ «Психологический институт РАО», г. Москва, Российская Федерация; WOS ResearcherID: I-3697-2013; Scopus Author ID: 6701707734; SPIN-код РИНЦ: 1396-8088; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3786-7447>; e-mail: malykhsb@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научный обзор

УДК 159.9.016.5

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.6>

Комплементарная модель самодетерминации личности

Светлана Н. Костромина¹ , Анастасия Ф. Филатова^{1*} , Наталья Л. Москвичёва¹ ,
Елена В. Зиновьева¹ , Мария М. Одинцова¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
*Почта ответственного автора: as.filatova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность изучения феномена самодетерминации определяется соответствием данной исследовательской проблематики сразу двум активно развивающимся направлениям психологии личности – психологии изменений и психологии возможного. Многообразие проявлений самодетерминации личности, сложность и уникальность этого феномена обуславливают необходимость обобщения имеющихся теоретических разработок, идей и концепций, а также накопленного эмпирического материала. Современные отечественные авторы формулируют теоретические предпосылки изучения самодетерминации в русле субъектно-деятельностного подхода, но при проведении эмпирического исследования опираются на методологию зарубежных коллег. Оригинальность данной работы заключается в поиске новых методологических оснований исследования самодетерминации личности.

Теоретическое обоснование. Сложность и неоднозначность феномена самодетерминации усиливают дифференциацию теоретических подходов к его описанию. В фокусе внимания исследователей оказываются разноуровневые проявления самодетерминации: природообусловленная способность к самоорганизации и врожденная потребность индивида в автономии, процессы саморегуляции субъектом поведения и деятельности, механизмы становления субъектности и развития Я, а также способы реализации свободы и интенциональности личности. Наряду с широким разнообразием теорий и концепций отмечается дефицит системных и комплексных моделей. **Результаты.** Авторами впервые предложена комплементарная модель самодетерминации, позволяющая интегрировать имеющиеся теоретические подходы к исследованию за счет уровневого рассмотрения индивидуальных, субъектных и личностных характеристик. Базовый уровень спонтанной (функциональной), самодетерминации соответствует принципам самоорганизации сложных открытых неравновесных систем, обладающих природообусловленной способностью к самодетерминированному поведению. Второй уровень целенаправленной или «деятельностной» самодетерминации показывает роль сознательного планирования, волевого усилия и осознанного выбора как инструмента достижения цели и саморегуляции субъекта. Наконец, третий, наивысший уровень смысловой самодетерминации описывает ценностную и нравственную саморегуляцию, связанную с осуществлением смысловых выборов. **Обсуждение результатов.** Данное исследование представляет новый взгляд на научную проблему самодетерминации

личности. Комплементарная модель отражает сложную многоуровневую систему самодетерминации, эволюцию ее механизмов в процессе онтогенеза от базовых психологических потребностей индивида до сложных процессов смыслового самоопределения личности.

Ключевые слова: самодетерминация, личность, субъектность, автономия, свобода воли, интенциональность, самоорганизация, саморегуляция, целеагирование, смысловой выбор

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №22-28-00460 (2022–2023) «Комплементарная модель самодетерминации личности: теоретические основания, диагностический инструментарий, практика внедрения».

Для цитирования: Костромина, С. Н., Филатова, А. Ф., Москвичёва, Н. Л., Зиновьева, Е. В., Одинцова, М. М. (2023). Комплементарная модель самодетерминации личности. *Российский психологический журнал*, 20(1), 82–99. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.6>

Введение

Самодетерминация – уникальный феномен, сочетающий в себе гуманистический взгляд на природу человека и его естественно-научное основание. Содержание понятия самодетерминации, исторически связанное с проблемой «непричинного взгляда на действительность» (Мамардашвили, 1997, с. 546), непосредственным образом объединяет две наиболее активно развивающиеся сферы психологии личности: психологию изменений (Асмолов, 2018; Костромина, 2019; Гришина, 2018; Марцинковская, 2015, и др.) и психологию возможного (Леонтьев, 2019; Знаков, 2022, и др.). Многогранность проявлений самодетерминации определяет сложность и неоднозначность ее описания, невозможность ограничить понимание самодетерминации исключительно одним подходом или единственной идеей.

В зарубежной психологической литературе проблема самодетерминации активно разрабатывалась с конца 70-х годов XX века в связи с обнаружившейся недостаточностью существующих объяснительных моделей мотивации поведения человека, которую авторы современной модели самодетерминации охарактеризовали как «экзистенциальный кризис психологии» (Ryan, Soenens & Vansteenkiste, 2019). Наиболее известными работами в области исследования самодетерминированного поведения, помимо теории Э. Деси (E. Deci) и Р. Райана (R. Ryan), на сегодняшний день являются концепции Р. Харре (Harre, 1983) и А. Бандуры (Bandura, 1997).

Анализ отечественных работ по проблеме самодетерминации показывает их преимущественно теоретический характер, что связано со сложностью самого понятия и методологическими проблемами его изучения (Аверьянов, 2014; Гордеева, 2010а, 2010b; Костина, 2010; Колотаев, Улыбина, 2012; Корнеенков, 2012; Попов, Балымова, 2009; Почтарева, 2015; Сапогова, 2011; Степанова, 2017; Шадрин, 2012; Шатаханов, Карина, 2015). В целом следует признать, что несмотря на глубокие отечественные традиции в понимании субъекта и субъектности, заложенные С. Л. Рубинштейном (1997, 2003, 2020), А. Н. Леонтьевым (1975), Л. С. Выготским (2005), Б. Ф. Ломовым (1984), А. В. Брушлинским (1991, 2006), К. А. Абульхановой-Славской (2005), они используются как теоретическое обоснование феномена самодетерминации, в то время как методология эмпирических исследований опирается на работы Э. Деси и Р. Райана (Ryan & Deci, 2017; Sheldon & Prentice, 2019), имеющие иную идеологию и подход к пониманию

самодетерминации. В этой рассогласованности прослеживается глубокий разрыв между имеющимися теоретическими предпосылками в исследовании самодетерминации в отечественной психологии и отсутствием разработанного конструкта, а также собственной методологии исследования. Как следствие, во многих современных отечественных работах часто наблюдается сведение уникального понятия самодетерминации, обладающего собственным содержанием и спецификой, к другим понятиям, в частности, таким как саморегуляция, самореализация, самоактуализация, самоопределение, субъектность, человечность, свобода выбора, самосовершенствование (Болотова, Пурецкий, 2015; Бохан и др., 2019; Галажинский, 2008; Расторгуева, 2017, и др.). Встречаются исследования, в которых понятие самодетерминации остается нераскрытым, но при этом делается вывод, что она определяет уровень автономии по отношению к социальному окружению, осознанность и самостоятельность выбора (Колотаев, Улыбина, 2012). Это обстоятельство ставит перед исследователями ряд ключевых вопросов, требующих отдельного теоретическо-методологического анализа сущности самодетерминации как психологического феномена. Среди них вопросы о соотношении понятий субъектности и самодетерминации, о природе самодетерминации, о ее структуре и возможностях операционализации, на которые мы постараемся ответить в данной статье.

Теоретическое обоснование

Исследовательские подходы к изучению самодетерминации личности

Уникальность феномена самодетерминации личности, на наш взгляд, обусловлена его сложной многоуровневой иерархической структурой и специфической природой, интегрирующей биологические, социальные и индивидуально-личностные факторы.

Истоки отечественного подхода к проблеме самодетерминации тесно связаны с идеей *субъектности*, впервые обозначенной в трудах С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева. Способность ощущать себя инициатором и носителем собственной активности, направленной на изменение окружающего мира и самого себя определяется как ключевая характеристика субъекта. А. К. Осницкий (Осницкий, 2010) прямо указывает, что самодетерминация обусловлена субъектностью, которая в свою очередь отражает содержательно-действенную характеристику активности человека. Продолжая традицию А. В. Брушлинского, Е. А. Сергиенко обращает внимание на связь субъектности с категорией саморегуляции (Сергиенко, 2013). Она рассматривает субъектность как особый способ саморегуляции и самоорганизации личности, с помощью которого осуществляется координация и согласование внутренних и внешних условий, при которых протекает реализация деятельности. Идеи Е. А. Сергиенко и К. А. Абульхановой-Славской созвучны общетеоретическими представлениями В. А. Петровского (Петровский, 1996, 2013), который при раскрытии понятия субъекта обращается к концепту «свободной причинности» (*causa sui*) и называет его основной характеристикой субъектности. Развивая традиционное для отечественной психологии представление о ведущей роли деятельности в становлении бытия человека, Д. А. Леонтьев и В. И. Слободчиков (Слободчиков, 1986) описывают самодетерминацию с точки зрения личностного ресурса субъекта как переживание и осуществление своих деятельностных возможностей. Самодетерминация рассматривается Д. А. Леонтьевым как механизм становления субъектности и реализации свободы (Леонтьев, 2000).

Однако мы полагаем, что самодетерминация не тождественна понятию субъектности, и потому более полное ее определение подразумевает включение в анализ также индивидуальных

и личностных характеристик. Последние обнаруживаются в зарубежных теориях и концепциях, описывающих различные проявления самодетерминации и близкие с ними по содержанию феномены.

На уровне индивида, включенного в социальную среду, самодетерминацию можно определить, интерпретируя наиболее популярную и подтвержденную многочисленными эмпирическими исследованиями теорию самодетерминации Э. Дэси и Р. Райана (Ryan & Deci, 2017; Amiot, Blanchard & Gaudreau, 2008; Altena, Boersma, Beijersbergen & Wolf, 2018; Bauer, King & Steger, 2019; Benita, 2020; Gomez-Baya & Lucia-Casademunt, 2018; Liu, Raza, Zhang, 2022; Sedikides, Ntoumanis, Sheldon, 2017). Ключевой тезис теории состоит в том, что стремление к самодетерминации и автономной регуляции собственного поведения является *биологически обусловленной базовой потребностью*, имеющей врожденную природу, а различные варианты реализации этой потребности опосредованы взаимодействием индивида с окружающим его социальным контекстом (Deci & Ryan, 2008). Представленность у человека разнообразных по содержанию и сложности форм мотивации связана с тем, что базовая потребность в самодетерминации согласуется с другими врожденными потребностями – в компетентности и связанности с людьми, а также с иными потребностно-мотивационными или когнитивными характеристиками индивида: когнитивными оценками ситуации, стремлением к органической интеграции, содержанием целей, каузальной ориентацией, мотивацией отношений (Ryan & Deci, 2020; Howard, Gagné & Bureau, 2017).

В отличие от теории Э. Дэси и Р. Райана, в целом ряде других подходов самодетерминация не позиционируется в качестве самостоятельного предмета исследования, однако описываемые в них *личностные феномены* можно считать различными формами ее проявления.

Так, роль когнитивных факторов как движущих установок личности в реализации самодетерминированного поведения подчеркивается в концепции локуса контроля Дж. Роттера (Rotter, Chance & Phares, 1972; Brosschot, Gebhardt & Godaert, 1994) и теории самоэффективности А. Бандуры (Bandura, 1997; Ansari & Khan, 2015; Azizli, Atkinson, Vaughman & Giammarco, 2015). Авторы связывают формирование данных когнитивных установок с механизмом интернализации и процессом социального научения, следовательно, природа самодетерминации, согласно логике этого подхода, является скорее социальной, а не обусловленной врожденными базовыми потребностями.

Проявления самодетерминации также можно увидеть в социокультурно обусловленном механизме развития Я, который обнаруживается в ожиданиях, целях, страхах, надеждах и стремлениях личности, т. е. в элементах Я-концепции, направленных в будущее («возможных Я») (Нюттен, 2004; Markus & Nurius, 1986; Oyserman & James, 2009). Кроме того, природа самодетерминации может быть объяснена диалогической структурой «Я», предполагающей наличие относительно самостоятельных «Я-позиций», каждая из которых формулирует свой независимый нарратив и при этом сохраняет способность к коммуникации с другими (Hermans, 1996, 2001; Hermans et al., 1992). В данном контексте самодетерминация соотносится с возможностью личности «позиционировать» себя в системе вариативных позиций и «возможных Я», а также с понятием метапозиции, которым обозначается процесс само-рефлексии и вершинная точка для принятия самостоятельных решений личностью.

Экзистенциальный аспект самодетерминации связан с реализацией личностью свободы – ключевой категории бытия, проявляющейся в способности человека понимать, что он детерминирован, и выбирать свое отношение к тому, что его детерминирует, принимать

собственную судьбу, несмотря на неизбежность смерти, и быть готовым к переменам (Франкл, 1990; Harre, 1983, 2002; May, 1967). Возможность совершать свободный выбор, придавая смысл своему прошлому опыту и прогнозируя будущее, обусловлена интенциональностью человека, которую, на первый взгляд, можно отождествить с понятием субъектности, поскольку она определяет телеологию поведения, его осознанный целевой аспект (Višak, 2017; Vazeou-Nieuwenhuis, Orehek, Scheier, 2017). Однако, согласно Р. Мэю, интенциональность может выходить за пределы осознаваемого, проявлять себя в спонтанности, телесных ощущениях, символических смыслах и других феноменах, относящихся к сфере бессознательного (Мэй, 1997). Иными словами, в русле экзистенциального подхода самодетерминация выступает как характеристика содержания внутреннего мира (свойство личности), включающая в том числе спонтанные неосознаваемые внутренние процессы, а также как форма реализации внутреннего мира во внешнем плане, в поведении и деятельности (свойство субъекта) (Сергиенко, 2013).

Как видно из приведенных выше примеров, авторы рассматривают отдельные проявления феномена самодетерминации, которые, по существу, могут быть отнесены к *разным уровням организации* человека (индивидуальные, субъектные и личностные характеристики). Это обстоятельство позволяет провести аналогию с уровневыми описаниями других психологических феноменов, широко представленными в отечественной и зарубежной литературе (Барский, 2008; Гришина, Костромина, Мироненко, 2018; Клочко, 2005; Крупнов, Новикова, Воробьева, 2016; Baumert et al., 2017; Sosnowska et al., 2019, 2020; Strus & Ciecuch, 2017), и проиллюстрировать системный подход примерами, близкими по смыслу к самодетерминации личности.

В частности, В. С. Мерлиным разработана системная модель «интегральной индивидуальности», представляющая собой иерархическую совокупность не входящих друг в друга, относительно автономно сосуществующих подсистем разного уровня: подсистем индивидуальных свойств организма, индивидуальных психических свойств и социально-психологических индивидуальных свойств (Дорфман, 2008; Мерлин, 1980). Важным в его теории является утверждение о *существовании* в этой системе *разных типов детерминации*: с одной стороны, существует иерархия каузальных связей, согласно которой свойства низшего уровня являются детерминантами высших свойств, а с другой стороны, в системе существует телеологическая детерминированность – направленность на определенный полезный результат и следование внутренней цели системы. Сходное по смыслу описание механизмов регуляции поведения человека представлено в модели потребного будущего Н. А. Бернштейна. Согласно данной теории, модель потребного будущего является целью организма, направляющей двигательную активность высокого уровня сложности и позволяющей выходить за рамки реактивного поведения посредством регуляции комплексными функциональными системами управления движением (Бернштейн, 1966).

В концепции жизненного пути Ш. Бюлер процессы детерминации описаны через иерархию разнонаправленных врожденных тенденций человека, разворачивающихся в процессе его развития. Модель включает такие элементы, как удовлетворение потребностей, самоограничение в целях адаптации к окружению, стремление к самовыражению, достижениям и творчеству, тенденция к интеграции и поддержанию порядка внутреннего мира (Bühler & Allen, 1972; Bühler & Marschack, 1968). Этапы жизненного пути, выделенные Ш. Бюлер, можно соотнести с различными уровнями самодетерминации: удовлетворение потребностей и адаптация к среде реализуется преимущественно на индивидуальном уровне, стремление к деятельности, достижениям и творческой активности можно рассматривать как проявления

субъектности, а интеграция внутреннего мира определяет высший, смысловой уровень организации личности.

Идея уровневого функционирования автономии личности представлена и в работах Г. Олпорта, разграничившего устойчивую функциональную автономию, обусловленную механизмами обратной связи в нервной системе (уровень индивидуальных свойств), и собственную функциональную автономию, связанную с приобретенными интересами человека, его ценностями, установками и намерениями (личностный уровень) (Олпорт, 2002).

В модели индивидуальности Д. Мак-Адамса также описаны разные уровни личности: она включает описание личности на уровне базовых черт или диспозиций, определяющих устойчивые поведенческие паттерны, а также на уровне индивидуальных мотивов, целей, схем и ценностей, связанных с включенностью человека в социальный контекст (Мак-Адамс, 2008). В качестве третьего интегрирующего уровня Д. Мак-Адамс описывает идентичность личности, определяемую им как субъективную жизненную историю, которая интегрирует прошлое, настоящее и будущее и придает жизни человека смысл, направленность и единство (McAdams, 1996, 2009; Thorne & Latzke, 1996).

Приведенные системные описания психологических феноменов тесно связаны с конструктом самодетерминации и дают основание полагать, что объединение разнообразных проявлений самодетерминации личности в уровневой модели позволит более полно описать структуру самодетерминации как сложного и неоднородного феномена, расширяя тем самым возможности для операционализации этого понятия.

Самодетерминация как сложный многомерный феномен

Общенаучный взгляд на проблему самодетерминации, сложившийся в современной литературе, позволяет сделать несколько важных выводов. С одной стороны, практически всеми авторами признается наличие биологических оснований (врожденных механизмов) самодетерминации. В зарубежных источниках эта идея максимально полно реализована в мотивационной теории Э. Деси и Р. Райана (Ryan & Deci, 2017), которые описывают самодетерминацию в терминах базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связанности. При этом обращает на себя внимание критическое замечание Д. А. Леонтьева (Леонтьев, 2011), что этой теории не достаёт ответа на главный вопрос: Зачем автономия и самодетерминация нужны человеку? В чем их смысл? С другой стороны, этот аспект довольно полно раскрыт в отечественной литературе, фактически отождествляющей субъектность и самодетерминацию за счет признания роли сознания в способности и готовности к совершению выбора, а также в смысловой направленности этого выбора. Трудно не согласиться с объективным фактом, что в жизни принятие решений и превращение возможностей в действительность значительно чаще происходит в процессе осознания жизненного опыта, а не вследствие действия врожденных механизмов.

Сложившееся противоречие, как нам видится, обусловлено скорее не разницей в теоретических взглядах и методологических подходах (хотя они тоже имеют место), а многообразием проявлений самодетерминации, определяемым сложностью самого феномена личности. Разнообразие форм самодетерминированного поведения не укладывается в «прокрустово ложе» какой-либо одной структурно-функциональной локализации и ставит вопрос о необходимости уровневого рассмотрения самодетерминированного поведения (от низшего – на уровне самоорганизации индивидуальной системы, через волевое регулирование – силу

воли и целеполагание, к высшему уровню – свободе воли и свободе выбора). Очевидно, что разным функциональным уровням личности соответствуют свои механизмы самодетерминации, которые в силу эволюционных изменений личности в течение жизни (ее развития и усложнения), также развиваются и усложняются, дополняя друг друга.

Онтологическая сущность личности определяет эволюционные процессы дифференциации ее структуры, выработки новых форм поведения и становления разнообразных функциональных механизмов, определяющих человеческие способы отношений с реальностью. Если в начале своего развития базовыми элементами самодетерминации выступают врожденные механизмы автономного поведения системы, то по мере ее развития на первый план выходят те, которые закрепляются в опыте взаимодействия с окружающей средой и диалектически надстраиваются над предыдущими (психические над биологическими, смысловые над психическими). При этом происходит реорганизация элементов системы личности на более низких уровнях, оказывающимися под управляющим влиянием высших структур. Это означает, что, как и любая другая функциональная подструктура, самодетерминация претерпевает аналогичные процессы усложнения и дифференциации. Подчиняясь принципу изоморфизма, самодетерминация имеет соответствующую форму и механизмы реализации относительно иерархически организованной архитектуры личностной системы. Иными словами, она продолжает существовать как врожденная способность к автономному поведению и субъектной активности, одновременно с появлением более осознанных форм самодетерминированного поведения, в частности, такими как самоуправление или самоизменение. В свое время Ш. Бюлер (Bühler & Marschack, 1968) говорила, что жизненный путь личности есть путь реализации интенциональности, которая проявляется в жизненных выборах, не всегда осознаваемых человеком. Однако на более высоких уровнях появляются иные формы ее реализации, которые не связаны напрямую с биологией индивида. Сталкиваясь с проблемой в достижении результата, проходя через пробы и ошибки, человек вырабатывает новые формы (новые действия) самодетерминированного поведения, которое в случае его эффективности, смысловой ценности закрепляется и служит основанием для рождения новых форм и механизмов самодетерминации. Таким образом, по мере взросления человека и обретения им опыта нарастают и видоизменяются формы самодетерминированного поведения, которые дополняют предыдущие за счет своей ценности для жизнедеятельности человека.

Результаты

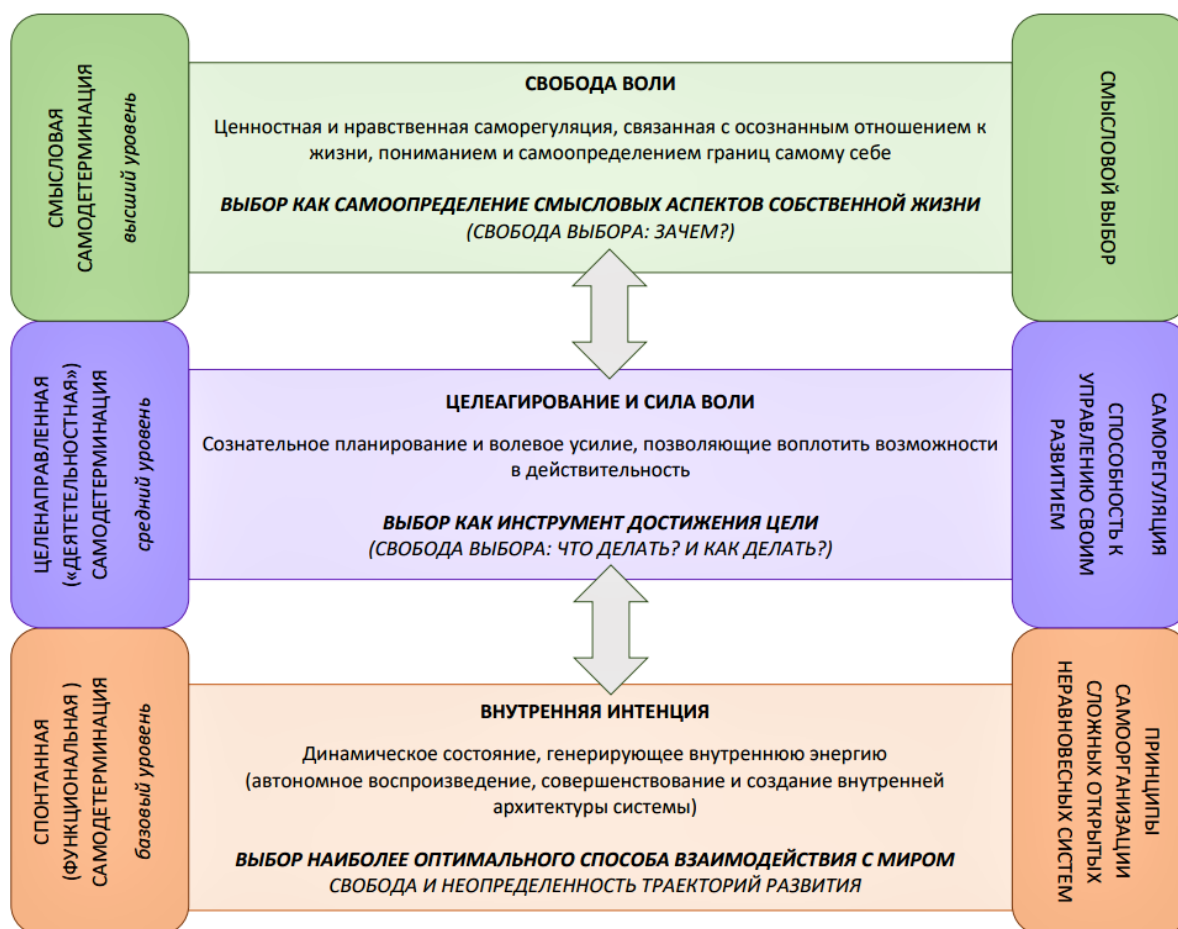
Комплементарная модель самодетерминации: уровневое описание

В сущности, процессуальное понимание самодетерминации (Костромина, 2019; Москвичева и др., 2022; Kostromina et al., 2022) с точки зрения эволюции сложных открытых саморазвивающихся систем устраняет сложившееся противоречие в понимании самодетерминации как врожденного или приобретенного (социально обусловленного) свойства личности. Уровневое описание самодетерминации позволяет описать ее как комплементарную модель (рис. 1), раскрывающую взаимодополняющий характер разных видов самодетерминации и подчеркивающую ее трансформацию по мере эволюции личности в онтогенезе. При этом независимо от уровня описания ключевые условия (или принципы) для самодетерминированного поведения продолжают сохраняться. К ним относятся внутренняя активность (субъектность), долгосрочная пластичность (способность изменяться и трансформироваться в зависимости от условий) и свобода выбора (множественность, альтернативность, избыточность).

Отталкиваясь от идеи врожденной природы самодетерминации следует признать наличие **базового (первого) уровня**, существование которого определяется принципами существования живых систем, характеризующихся способностью к самоорганизации и саморазвитию. В таких системах, на основе имманентных свойств структур и функций, самостоятельно, без внешних управляющих воздействий воспроизводится, совершенствуется и создается внутренняя архитектура. Основу самостоятельного роста и изменения составляют способность к **активной жизнедеятельности (включенность)**, определяющая экспансию во внешний мир (особенно на зрелых стадиях развития) и **активный обмен** энергией и информацией с внешним миром (**открытость**). Соответственно, выбор на этом уровне реализуется в эволюционном **механизме бифуркации** (Пригожин, 1991) – через выбор наиболее эффективного в текущий момент времени способа отношений с миром, позволяющего достичь максимально адаптивного эффекта. Таким образом, активное поведение определяется не внешним стимулом, а высвобождающимися внутренними источниками энергии, аккумулированными в самой системе.

Рисунок 1

Комплементарная модель самодетерминации личности

Вряд ли на этом уровне мы можем говорить о проявлении субъектности в классическом отечественном понимании. В целом речь идет о динамических состояниях, связанных с неустойчивостью и генерацией внутренней энергии. Нарушения внутреннего равновесия вследствие внешних и внутренних влияний сопровождаются активным выбросом энергии в виде мыслей, переживаний и поступков, необходимостью упорядочивания внутреннего состояния. Анри Бергсон для определения этого процесса использовал метафору «творческий импульс», который присущ всему живому и не просто описывает разные направления движения, а выступает точкой опоры необратимых процессов, приводящих к возникновению новых структур, где системные связи устанавливаются сами собой (Бергсон, 2019). С. Л. Рубинштейн обозначал это состояние как «пребывание в изменении», как «дление» и «постоянное движение» (Рубинштейн, 1997). Это «внутренняя жизнь» личности, где генерируются интенции и желания, конструируются планы и образы будущего, ведется диалог с собой, происходят колебания при принятии решений, переживаются события прошлого и интегрируется жизненный опыт (Рубинштейн, 2003).

Таким образом, на базовом уровне самодетерминация проявляется особым образом. Природообусловленная способность к саморазвитию определяет внутреннюю генерацию и аккумуляцию энергии, которая используется для преодоления различных внешних и внутренних препятствий, появляющихся на пути реализации каких-либо целей или программ деятельности. И чем выше включенность в жизнь, чем чувствительнее человек к различного рода флуктуациям, тем больше вероятность формирования аттракторов, ведущих к созданию «пространства свободы» – «окна бифуркаций», когда создается диапазон множественности состояний, из которых будет выбрано только какое-то одно. Поэтому на этом уровне самодетерминация и автономия нужны для того, чтобы определить **наилучший способ отношений** с окружающей действительностью, то есть тот, который наиболее рационален и функционально ценен для сложившихся условий. Самодетерминированное поведение в данном случае раскрывает устремленность в будущее, которое превалирует над реактивностью. Внутренняя энергетика инициирует направленность вектора активности в пространство будущего, смещает активность в будущее, на достижение желаемого состояния. Исходя из природообусловленной способности к самодетерминированному поведению сложных открытых неравновесных систем, первый базовый уровень можно было бы обозначить как **уровень спонтанной самодетерминации, самодетерминации как природной данности**.

Совершенно очевидно, что самодетерминированное поведение человека не может быть объяснено **исключительно** стечением обстоятельств или самопроизвольным (по аналогии с мутацией) возникновением структур. За пределами этого объяснения остается идея авторства жизни, инициация, построение, поддержание и управление всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение выстраиваемых целей. Помимо переживания эмоций, человек способен отслеживать и регулировать их, а в некоторых случаях бороться с ними, не всегда осознавая эти процессы. Сознательная активность субъекта раскрывает самодетерминированное поведение как проявление целенаправленных действий по самопостроению и самоуправлению. «Целеагирование» (“telosponding”) (Rychlak, 1984, с. 115–150), предполагает выбор детерминант своего поведения как выбор собственных действий в пространстве возможного, где жизненная активность проявляется в координатах потенциала самоосуществления и результат зависит от человека как от «деятеля».

«Деятельностный» аспект самодетерминации сосредоточен на том, что именно человек воплощает возможности в действительность. Только сам человек может определить для себя,

что именно он рассматривает как возможности, во что он вкладывает ресурсы, как расставляет приоритеты. Поэтому **следующий (второй) уровень** самодетерминации (рис. 1) напрямую связан с чувством, что мое поведение выбрано мною, а не навязано внешними силами. Он определяется **способностью** человека **управлять собой**. **Свобода на этом уровне** – это **свобода выбора, что делать и как делать**. Она напрямую связана с самоосознанием, способностью прервать цепь стимулов и реакций, создать паузу, в которой мы можем осуществить сознательный выбор нашей реакции (Мэй, 2013). Важно отметить, что самодетерминация этого уровня во многом обусловлена характеристиками целенаправленности деятельности, верой в возможность изменить то, что есть. Именно чувство свободы и вера в способность что-то изменить или реализовать определяет степень автономии субъекта, готового исходя из своих желаний и формулируемых на их основе осмысленных целей определять собственные действия, включаться в систему осознанного самоопределения своей активности (Rychlak, 1979, 1981). То есть, «деятельностный» характер самодетерминации позволяет обозначить **второй уровень** как **уровень целенаправленной самодетерминации**, где **выбор** является инструментом достижения цели, где ключевую роль играет степень включенности регуляторных механизмов, волевых и рефлексивных процессов в самодетерминированном поведении. «Деятельностный» аспект самодетерминации сосредоточен на том, что именно человек воплощает возможности в действительность (Леонтьев, 2019).

Наконец, еще одним аспектом самодетерминации является ценностно-смысловой аспект свободы личности. Говоря о том, что самодетерминация – это механизм реализации свободы, было бы несправедливо ограничивать свободу выбора феноменологически переживаемым контролем над своим поведением. Э. Фромм (Фромм, 1990, 1992, 2012) подчеркивает, что свобода – это не черта или диспозиция, а акт самоосвобождения в процессе принятия решения. Это динамичное, текущее состояние. Свобода вытекает из фундаментальных антропологических способностей человека к самодистанцированию (принятию позиции по отношению к самому себе) и самотрансценденции (выходу за пределы себя как данности, преодолению себя). Поэтому человек свободен даже по отношению к самому себе, свободен подняться над собой, выйти за свои пределы. Это свобода от того, чтобы быть именно таким, свобода становиться иным» (Harre, 1983, с. 94).

Таким образом, **высший (третий) уровень самодетерминированного** поведения (рис. 1) связан с особыми смысловыми аспектами собственной жизни: пониманием и самоопределением границ своих возможностей, осознанным отношением к собственной жизни, которое опосредуется ценностным («для чего?», «зачем?») самоуправлением. Смысловой аспект свободы в этом случае становится «высшей регулирующей инстанцией» (Леонтьев, 1999, 2000), которая позволяет субъекту освободиться от детерминирующего влияния низших уровней, трансцендировать их.

Для осуществления этого перехода человеку необходимо осознание того, что с ним происходит, осознание факторов, влияющих на поведение, того, что является решающим, в освобождении от их влияния. Однако важно осознать не только то, что есть, но и то, чего пока еще нет, – осознать имеющиеся возможности и возможные варианты будущего. Поэтому смысловая сущность самодетерминации – это выражение свободы воли, которое состоит в осознании собственных целей и желаний; сил и действий, влияющих на них; имеющихся здесь-и-теперь возможностей и ресурсов (внешних и внутренних) для достижения целей и реализации задуманного; последствий, которые они повлекут, а также в придании

ценностного основания выбору, без которого свобода теряет всякий смысл. **Смысловая самодетерминация** поддерживается социокультурными структурами человеческой свободы (Lee, 1986), поэтому третий смысловой уровень самодетерминации – это **уровень ценностной и нравственной регуляции**, связанный с проявлением свободы воли и осознанием того, какой выбор я делаю и зачем. Его суть в первую очередь определяется установлением границ самому себе.

Важно отметить, что три описанных уровня самодетерминации не являются взаимоисключающими и скорее должны рассматриваться как взаимодополняющие подструктуры, становление которых происходит по мере развития личности.

Обсуждение результатов

Анализ теоретических предпосылок изучения самодетерминации личности позволил сделать вывод о сложности и многогранности данного феномена, неоднозначности его описания. Самодетерминация определяется, с одной стороны, как врожденная базовая потребность индивида (в теории Э. Деси и Р. Райана), а с другой стороны, – как сложный механизм становления субъектности и способ реализации свободы личности (Д. А. Леонтьев). Различные проявления феномена самодетерминации человека можно наблюдать в повседневной жизни на уровне мотивации, саморегуляции поведения и деятельности, но также они обнаруживаются и при переходе на более глубокий экзистенциальный уровень анализа личности, при рассмотрении сущностных аспектов интенциональности, свободы человека как данности бытия. Наличие сложных, разнообразных и разноуровневых форм самодетерминации, на наш взгляд, обусловлено процессуальной природой личности.

В большинстве современных отечественных академических работ по данной теме обнаруживается противоречие между теоретическими обоснованиями феномена самодетерминации, предлагаемыми авторами, и избранной методологией эмпирического исследования. Несмотря на широкое разнообразие теорий и концепций, объясняющих природу и механизмы самодетерминированного поведения, в настоящий момент можно констатировать отсутствие разработанного конструкта и комплексных моделей самодетерминации, которые могут послужить основой для создания собственной методологии исследования в отечественной психологии.

Предложенная нами комплементарная модель самодетерминации позволяет интегрировать имеющиеся теоретические подходы к исследованию данного феномена за счет уровневого рассмотрения системы индивидуальных, субъектных и личностных характеристик.

Заключение

Эволюция механизмов самодетерминации в процессе жизни способствует становлению более сложных форм самодетерминированного поведения. Это позволяет говорить о том, что самодетерминация является сквозным процессом. Будучи врожденным свойством личности, в онтогенезе она трансформируется в разные формы, начиная от базовых принципов функционирования сложной открытой самоорганизующейся системы и набора базовых психологических потребностей организма до сложных процессов смыслового самоопределения. В процессе усложнения, развития и обретения опыта взаимодействия с окружающей средой самодетерминация преобразуется в сложную многоуровневую систему осознанного отношения к себе и миру. С этой точки зрения три уровня самодетерминации есть проявление триединства индивида, субъекта и личности.

Мы можем обобщить результаты теоретического анализа и моделирования в виде следующих основных положений:

- самодетерминация представляет собой многоуровневую динамическую систему, обеспечивающую энергетическую, целевую и смысловую активность личности и определяющую относительную свободу в реализации ее жизненных стремлений;
- комплементарная модель самодетерминации раскрывает организацию самодетерминированного поведения человека на трех основных уровнях: как индивида (спонтанная самодетерминация), как субъекта (целевая или «деятельностная» самодетерминация), как личности (смысловая самодетерминация);
- на уровне спонтанной самодетерминации базовыми выступают принципы существования живых систем, обуславливающих способность к самоорганизации и саморазвитию, на «деятельностном» – волевые процессы саморегуляции, определяющие способность управлять собой; на смысловом – ценностная и нравственная регуляция.

Литература

- Абульханова, К. А. (2005). Принцип субъекта в отечественной психологии. *Психология*, 2(4), 3–22.
- Аверьянов, А. И. (2014). Самодетерминация студента как условие его личностного и профессионального развития. К. И. Чижова (ред.), *Профессиональная подготовка специалистов социальной сферы: проблемы и перспективы. Сборник статей по результатам городской научно-практической конференции с международным участием* (с. 53–57). МГПУ.
- Асмолов, А. Г. (2018). Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [II Приглашение к диалогу]. *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*, 13–26.
- Барский, Ф. И. (2008). Личность как черты и как нарратив: возможности уровневых моделей индивидуальности. *Методология и история психологии*, 3, 93–105.
- Бергсон, А. (2019). *Творческая эволюция*. Академический проект.
- Бернштейн, Н. А. (1966). *Очерки о физиологии движений и физиологии активности*. Медицина.
- Болотова, А. К., Пурецкий, М. М. (2015). Развитие идей саморегуляции в исторической ретроспективе. *Культурно-историческая психология*, 11(3), 64–74.
- Бохан, Т. Г., Шабаловская, М. В., Галажинская, О. Н., & Атаманова, И. В. (2019). Ценностное развитие как показатель личностной готовности к самореализации в процессе научно-исследовательской деятельности у начинающих ученых. *Интеграция образования*, 23(2), 208–231. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.095.023.201902.208-231>
- Брушлинский, А. В. (1991). Проблема субъекта в психологической науке (статья первая). *Психологический журнал*, 12(6), 3–11.
- Брушлинский, А. В. (2006). *Избранные психологические труды*. Институт психологии РАН.
- Выготский, Л. С. (2005). *Психология развития человека*. Смысл; Эксмо.
- Галажинский, Э. В. (2008). Проблема уровня самореализации человека: ценностно-смысловой контекст. *Ценностные основания психологической науки и психология ценностей (сборник)*. Издательство «Институт психологии РАН».
- Гордеева, Т. О. (2010а). Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории. *Психологические исследования*, 3(12). <https://doi.org/10.54359/ps.v3i12.906>
- Гордеева, Т. О. (2010б). Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 2: Вопросы практического применения теории. *Психологические исследования*, 3(13). <https://doi.org/10.54359/ps.v3i13.895>

- Гришина, Н. В. (2018). «Самоизменения» личности: возможное и необходимое. *Вестник СПбГУ. Серия Психология и педагогика*, 8(2), 126–138.
- Гришина, Н. В., Костромина, С. Н., Мироненко, И. А. (2018). Структура проблемного поля современной психологии личности. *Психологический журнал*, 39(1), 26–35.
- Дорфман, Л. Я. (2008). Методологический анализ теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина. *Методология и история психологии*, 3, 106–121.
- Знаков, В. В. (2022). *Психология возможного: новое направление исследований понимания*. Институт психологии РАН.
- Клочко, В. Е. (2005). *Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства (введение в трансспективный анализ)*. Томский государственный университет.
- Колотаев, В. А., Улыбина, Е. В. (2012). Стадиальная модель развития идентичности субъекта в культурно-историческом контексте (к проблеме роста самодетерминации в ее осуществлении). *Мир психологии*, 1(69), 61–67.
- Корнеев, С. С. (2012). Детерминация, индетерминация и самодетерминация в эволюции человека. *Психология и Психотехника*, 5, 16–24.
- Костина, О. В. (2010). Идея самодетерминации человека как методологическая основа формирования внутренней свободы и ответственности обучающихся. *Актуальные инновационные исследования: наука и практика*, 1, 1–7.
- Костромина, С. Н. (2019). Процессуальный подход в психологии. Н. В. Гришина (ред.), *Психология личности. Пребывание в изменении*, 55–83, Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Крупнов, А. И., Новикова, И. А., Воробьева, А. А. (2016). Соотношение системно-функциональной и пятифакторной моделей черт личности: к постановке проблемы. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*, 2, 45–56.
- Леонтьев, А. Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность*. Политиздат.
- Леонтьев, Д. А. (1999). Три грани смысла. О. К. Тихомирова, А. Е. Войскунский, А. Н. Ждан (ред.), *Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. В. Леонтьева*, 13–28. Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2000). Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности. *Психологический журнал*, 21(1), 1–17.
- Леонтьев, Д. А. (2011). *Личностный потенциал: структура и диагностика*. Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2019). *Психология смысла*. Смысл.
- Ломов, Б. Ф. (1984). *Методологические и теоретические проблемы психологии*. Наука.
- Мак-Адамс, Д. П. (2008). Психология жизненных историй. *Методология и история психологии*, 3, 135–166.
- Мамардашвили, М. К. (1997). *Кантианские вариации*. Аграф.
- Марцинковская, Т. Д. (2015). Современная психология – вызовы транзитивности. *Психологические исследования*, 8(42).
- Мерлин, В. С. (1980). Проблемы интегрального исследования индивидуальности человека. *Психологический журнал*, 1(1), 58–71.
- Москвичёва, Н. Л., Зиновьева, Е. В., Костромина, С. Н., Одинцова, М. М., Зайцева, Е. А. (2022). Феномен самодетерминации: психологические истоки и современное понимание. Часть 1. *Новые психологические исследования*, 4, 90–116. <https://doi.org/10.51217/npsyresearch.2022.02.04.05>

- Мэй, Р. (1997) *Любовь и воля*. Рефл-бук, Ваклер.
- Мэй, Р. (2013). *Человек в поисках себя*. Институт общегуманитарных исследований.
- Нюттен, Ж. (2004). *Мотивация, действие, перспектива будущего*. Смысл.
- Осницкий, А. К. (2010). *Психологические механизмы самостоятельности*. Психологический институт Российской академии образования.
- Петровский, В. А. (1996). *Личность в психологии: парадигма субъектности*. Феникс.
- Петровский, В. А. (2013). «Я» в персонологической перспективе. Издательский дом Высшей школы экономики.
- Попов, Л. М., Балымова, И. В. (2009). Самодетерминация в развитии субъекта научно-творческой деятельности в вузе. *Субъектный подход в психологии (сборник)*. Издательство Института психологии РАН, 497–511.
- Почтарева, Е. Ю. (2015). Психологическое содержание самодетерминации педагога. *Общество и цивилизация, 2*, 80–84.
- Пригожин, И. (1991). Философия нестабильности. *Вопросы психологии, 6*, 46–52.
- Расторгуева, Е. Н. (2017). Самоактуализация: самодетерминация или самотрансценденция? (К проблеме личностного развития). *Мир психологии, 1*, 194–203.
- Рубинштейн, С. Л. (1997). *Избранные философско-психологические труды*. Наука.
- Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. Питер.
- Рубинштейн, С. Л. (2020). *Основы общей психологии*. АСТ.
- Сапогова, Е. Е. (2011). Автобиографирование как процесс самодетерминации личности. *Культурно-историческая психология, 2*, 37–51.
- Сергиенко, Е. А. (2013). Проблема соотношения понятий субъекта и личности. *Психологический журнал, 34(2)*, 5–16.
- Слободчиков, В. И. (1986). Психологические проблемы становления внутреннего мира человека. *Вопросы психологии, 6*, 14–22.
- Степанова, Н. А. (2017). Модель развития самодетерминации как основа профилактики зависимого поведения подростков в современных образовательных организациях. *Психолого-педагогические исследования, 9(4)*, 21–32. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090403>
- Франкл, В. (1990). *Человек в поисках смысла*. Прогресс.
- Фромм, Э. (1990). *Бегство от свободы*. Прогресс.
- Фромм, Э. (1992). *Душа человека*. Республика.
- Фромм, Э. (2012). *Человек для себя*. Астрель.
- Шадрин, Н. С. (2012). Проблема детерминации (самодетерминации) поведения в культурно-исторической и экзистенциальной психологии. *Культурно-историческая психология, 8(2)*, 113–122.
- Шатаханов, Б. Д., Карина, О. В. (2015). Теоретический анализ проблемы развития самодетерминации у спортсменов. *Образовательная среда сегодня: стратегии развития, 1(2)*, 176–177.
- Олпорт, Г. (2002). *Становление личности: Избранные труды* (Л. В. Трубицына, Д. А. Леонтьев, пер. с англ.). Смысл.
- Altena, A. M., Boersma, S. N., Beijersbergen, M. D., & Wolf, J. R. L. M. (2018). Cognitive coping in relation to self-determination and quality of life in homeless young adults. *Children and Youth Services Review, 94*, 650–658. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2018.09.007>
- Amiot, C. E., Blanchard, C. M., & Gaudreau, P. (2008). The self in change: A longitudinal investigation

- of coping and self-determination processes. *Self and Identity*, 7(2), 204–224. <https://doi.org/10.1080/15298860701580793>
- Ansari, M., Khan, K. S. A. (2015). Self-Efficacy as a Predictor of Life Satisfaction Among Undergraduate Students. *The International Journal of Indian Psychology*, 2(2), 5–11.
- Azizli, N., Atkinson, B. E., Baughman, H. M., & Giammarco, E. A. (2015). Relationships between general self-efficacy, planning for the future, and life satisfaction. *Personality and Individual Differences*, 82, 58–60. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.03.006>
- Bandura, A. (1997). *Self-efficacy. The Exercise of Control*. Freeman and Comp.
- Bauer, J. J., King, L. A., & Steger, M. F. (2019). Meaning making, self-determination theory, and the question of wisdom in personality. *Journal of Personality*, 87(1), 82–101. <https://doi.org/10.1111/jopy.12381>
- Baumert, A., Schmitt, M., Perugini, M. et al. (2017). Integrating Personality Structure, Personality Process, and Personality Development. *European Journal of Personality*. 31(5), 503–528. <https://doi.org/10.1002/per.2115>
- Benita, M. (2020). Freedom to feel: A self-determination theory account of emotion regulation. *Social and Personality Psychology Compass*, 14(11) <https://doi.org/10.1111/spc3.12563>
- Brosschot, J. F., Gebhardt, W. A., Godaert, G. L. (1994). Internal, powerful others and chance locus of control: Relationships with personality, coping, stress and health. *Personality and individual Differences*, 16(6): 839–852. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(94\)90228-3](https://doi.org/10.1016/0191-8869(94)90228-3)
- Bühler, C., & Allen, M. (1972). *Introduction to humanistic psychology*. Brooks-Cole.
- Bühler, C., & Marschak, M. (1968). Basic tendencies of human life. In C. Buhler & F. Massarik (Eds.), *The course of human life* (92–102). Springer.
- Deci, E. L., Ryan, R. M. (2008). Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*, 49, 182–185.
- Gomez-Baya, D., Lucia-Casademunt, A. M. (2018). A self-determination theory approach to health and well-being in the workplace: Results from the sixth European working conditions survey in Spain. *Journal of Applied Social Psychology*, 48(5), 269–283.
- Harre, R. (1983). *Personal being*. Blackwell.
- Harre, R. (2002). *Cognitive Science: A Philosophical Introduction*. Los Angeles.
- Hermans, H. J. M. (1996). Bridging Traits, story, and Self: Prospects and Problems. *Psychological Inquiry*, 7, 330 – 334.
- Hermans, H. J. M. (2001). The dialogical self: toward a theory of personal and cultural positioning. *Culture & Psychology*, 7(3), 243–281. <https://doi.org/10.1177/1354067X0173001>
- Hermans, H. J. M., Kempen, H. J. G., & Van Loon, R. J. P. (1992). The dialogical self: Beyond individualism and rationalism. *American Psychologist*, 47, 23–33.
- Howard, J. L., Gagné, M., & Bureau, J. S. (2017). Testing a continuum structure of self-determined motivation: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 143(12), 1346–1377. <https://doi.org/10.1037/bul0000125>
- Kostromina, S., Moskvicheva, N., Zinovyeva, E., Odintsova, M., & Zaitseva, E. (2022). Self-determination as a mechanism for personality sustainability in conditions of daily stress. *Sustainability*, 14(9), 54–57. <https://doi.org/10.3390/su14095457>
- Lee, D. (1986). *Valuing the self: what we can learn from other cultures*. Waveland Press.
- Liu, Y., Raza, J., Zhang, J. et al. (2022). Linking autonomy support and health at work: The self-determination theory perspective. *Current Psychology*, 41(6), 3651–3663.

- Markus, H., & Nurius, P. (1986). Possible selves. *American Psychologist*, 41(9), 954–969. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.41.9.954>
- May, R. (1967). *Psychology and the human dilemma*. Van Nostrand.
- McAdams, D. P. (1996). Personality, Modernity, and the Storied Self: A Contemporary Framework for Studying Persons. *Psychological Inquiry*, 7(4), 295–321.
- McAdams, D. P. (2009). *The Person: An Introduction to the Science of Personality Psychology*. John Wiley & Sons.
- Oyserman, D., James, L. (2009). Possible selves: From content to process. In: K. Markman, J.A. Suhr (Eds.), *The Handbook of Imagination and Mental Stimulation*. Psychology Press, 373–394.
- Rotter, J. B., Chance, J. E., & Phares, E. J. (1972). *Applications of a social learning theory of personality*. Holt, Rinehart & Winston.
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. The Guilford Press.
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology*, 61. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2020.101860>
- Ryan, R. M., Soenens, B., & Vansteenkiste, M. (2019). Reflections on self-determination theory as an organizing framework for personality psychology: Interfaces, integrations, issues, and unfinished business. *Journal of Personality*, 87, 115–145.
- Rychlak, J. (1979). *Discovering free will and personal responsibility*. Oxford University Press.
- Rychlak, J. (1981). *Introduction to personality and psychotherapy*. Houghton Mifflin.
- Rychlak, J. (1984). The nature and challenge of teleological psychological theory. *Annals of theoretical psychology*, 2, 115–150.
- Sedikides, C., Ntoumanis, N., Sheldon, K.M. (2019). I am the chosen one: Narcissism in the backdrop of self-determination theory. *Journal of Personality*, 87, 70–81.
- Sheldon, K. M., Prentice, M. (2019). Self-determination theory as a foundation for personality researchers. *Journal of Personality*, 87(1), 5–14.
- Sosnowska, J., Kuppens, P., De Fruyt, F., Hofmans, J. (2019). A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model. *Personality and Individual Differences*, 144, 11–18. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.013>
- Sosnowska, J., Kuppens, P., De Fruyt, F., Hofmans, J. (2020). New Directions in the Conceptualization and Assessment of Personality – A Dynamic Systems Approach. *European Journal of Personality*, 34(6), 988–998. <https://doi.org/10.1002/per.2233>
- Strus, W., Ciecuch, J. (2017). Towards a synthesis of personality, temperament, motivation, emotion and mental health models within the Circumplex of Personality Metatraits. *Journal of Research in Personality*, 66, 70–95. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2016.12.002>
- Thorne, A. & Latzke, M. (1996). Contextualizing the Storied Self. *Psychological Inquiry*, 7(4), 372–376.
- Vazeou-Nieuwenhuis, A., Orehek, E., Scheier, M. F. (2017). The Meaning of Action: Do Self-Regulatory Processes Contribute to a Purposeful Life? *Personality and Individual Differences*, 116, 115–122. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.04.040>
- Višak, T. (2017). Understanding “Meaning of life” in Terms of Reasons for Action. *The Journal of Value Inquiry*, 51(3), 507–530. <https://doi.org/10.1007/s10790-017-9591-z>

Поступила в редакцию: 29.12.2022

Поступила после рецензирования: 23.03.2023

Принята к публикации: 24.03.2023

Заявленный вклад авторов

Светлана Николаевна Костромина – проведение теоретического анализа научной литературы по проблеме исследования, написание методологической части статьи; планирование и проведение исследования; написание заключения и выводов статьи; критический пересмотр содержания статьи.

Анастасия Филипповна Филатова – написание обзорной части статьи, оформление результатов в форме рисунков, перевод статьи на английский язык.

Наталья Львовна Москвичёва – проведение теоретического анализа научной литературы по проблеме исследования, написание аннотации, выводов и критический пересмотр содержания статьи.

Елена Викторовна Зиновьева – проведение теоретического анализа научной литературы по проблеме исследования, написание аннотации, выводов и критический пересмотр содержания статьи.

Мария Маратовна Одинцова – проведение теоретического анализа научной литературы, оформление статьи по редакционным правилам.

Информация об авторах

Светлана Николаевна Костромина – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; WOS ResearcherID: N-4254-2013; SPIN-код: 6397-2367; AuthorID: 353554; Scopus Author ID – 56568149000; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>; e-mail: s.kostromina@spbu.ru

Анастасия Филипповна Филатова – аспирантка 1 года обучения факультета психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; SPIN-код: 9839-0833; AuthorID: 1074339; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1464-6107>; e-mail: as.filatova@yandex.ru

Наталья Львовна Москвичёва – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; WOS ResearcherID: GQZ-7873-2022; SPIN-код: 3860-6116; AuthorID: 388516; Scopus Author ID – 56568408900; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5024-1094>; e-mail: n.moskvicheva@spbu.ru

Елена Викторовна Зиновьева – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; SPIN-код: 3541-1056; AuthorID: 638295; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1052-103X>; e-mail: e.zinovieva@spbu.ru

Светлана Н. Костромина, ... Мария М. Одинцова

КОМПЛЕМЕНТАРНАЯ МОДЕЛЬ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Российский психологический журнал, 2023, Т. 20, № 1, 82–99. doi: 10.21702/rpj.2023.1.6

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Мария Маратовна Одинцова – ассистент кафедры психологии личности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; SPIN-код: 7923-1420; AuthorID: 943608; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3559-5724>; e-mail: m.odintsova@spbu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9.072.43

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.7>

Метакогнитивная детерминация результативных параметров деятельности программистов

Анатолий В. Карпов¹, Александр А. Карпов^{1*}, Юлия В. Филиппова¹

¹ Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: karpov.sander2016@yandex.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время особой актуальностью характеризуется исследование информационной деятельности, базирующейся на компьютерных технологиях, а также выявление и объяснение ее когнитивных и метакогнитивных детерминант. В этом плане объективно необходима конвергенция исследований в двух важных направлениях – в метакогнитивизме и психологии профессиональной информационной деятельности. **Новизна** исследования состоит в том, что в нем выявлены и проинтерпретированы базовые закономерности детерминационного влияния метакогнитивных факторов на результативные параметры информационной деятельности, основной из которых является зависимость типа оптимума между ними и главным из этих параметров – эффективностью. **Методы.** Выборку (n = 210) составили программисты различного профиля и уровня, работающие в организациях Ярославля, Москвы и Рыбинска. Психодиагностика выполнена с помощью авторской методики «Комплексный опросник метакогнитивного потенциала» (КОМП), а также разработанных в метакогнитивизме методик.

Результаты. Установлено, что детерминационное влияние метакогнитивного потенциала на результативные параметры деятельности программистов является принципиально диверсифицированным – различным не только по степени, но и по направленности. Оно синтезирует в себе как позитивные, так и негативные черты, что в итоге обуславливает сложный, нелинейный характер этого влияния и существования между выраженностью метакогнитивного потенциала и эффективностью деятельности зависимости типа оптимума. **Обсуждение результатов.** Результаты проинтерпретированы с позиций основных положений метакогнитивизма, а также базовых положений психологии профессиональной деятельности информационного типа. В заключении сделан вывод о том, что в основе негативного влияния факторов метакогнитивного плана на результативные параметры деятельности лежит сочетание его прямого и опосредованного воздействия на реализацию деятельности и на частные функции по ее обеспечению.

Ключевые слова: метакогнитивные качества, метакогнитивный потенциал, деятельность программистов, рефлексивность, информационная деятельность, произвольная регуляция, качество деятельности, производительность, эффективность

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00039, <https://rscf.ru/project/21-18-00039/> («Структура и содержание метакогнитивной регуляции деятельности субъектно-информационного класса»).

Для цитирования: Карпов, А. В., Карпов, А. А., Филиппова, Ю. В. (2023). Метакогнитивная детерминация результативных параметров деятельности программистов. *Российский психологический журнал*, 20(1), 100–117. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.7>

Введение

Проблема субъектных детерминант профессиональной деятельности является одной из наиболее важных и традиционных – классических проблем психологии, прежде всего, прикладной. В ходе ее разработки получен большой объем значимых результатов, сформулирован ряд объяснительных концепций, раскрывающих и объясняющих закономерности влияния этих детерминант и индивидуально-психологических качеств субъекта на основные параметры профессиональной деятельности. Однако так же, как и любая иная «классика», данная проблема, сохраняя свою непреходящую актуальность, в каждый конкретный исторический период обретает новое звучание и предстает в новом свете, раскрываясь дополнительными гранями. Именно это очень характерно и для данной проблемы. Дело в том, что «мир профессий» динамичен, а его изменения приводят к возникновению принципиально новых видов и классов профессиональной деятельности. Эти трансформации мира профессий, обозначаемые понятием филогенеза деятельности (Карпов, Ленков, 2006), привели на современном этапе развития к становлению нового класса деятельности – *субъектно-информационного*. Именно ему принадлежит будущее, что ставит вопрос о его приоритетном изучении в целом и, в частности, выявлении специфики его субъектных детерминант.

Наряду с этим и представления о самой категории субъектных детерминант деятельности также подвергаются развитию и обогащению, эксплицируются их новые виды и классы. Так, при возрастании сложности деятельности все большую детерминационную роль в обеспечении ее конечных результатов играют относительно сложные субъектные детерминанты в целом и индивидуальные качества в частности. К ним относятся и такие качества, которые пока явно недостаточно исследуются в контексте изучения профессиональной деятельности и в особенности информационной – субъектные детерминанты, носящие метакогнитивный характер. Следовательно, все более настоятельной становится необходимость включения в состав субъектных детерминант нового класса – метакогнитивных качеств личности – и раскрытия их функциональной роли в реализации профессиональной деятельности. Она особенно велика именно в тех видах и типах деятельности, которые характеризуются относительно большей сложностью и когнитивной насыщенностью. Прежде всего это проявляется в действиях, принадлежащих к субъектно-информационному классу, реализующихся на основе компьютерных технологий. Таким образом, с очевидностью эксплицируется взаимная направленность двух значимых тенденций – развития форм и типов деятельности, с одной стороны, и необходимости раскрытия наиболее сложных детерминант самой деятельности – уже не только когнитивных, но и метакогнитивных.

Вместе с тем развертывание этой объективной по своему характеру логики – постепенной конвергенции двух указанных направлений – находится пока на своих начальных этапах, а их

синтез – это задача, которую еще предстоит решить, нежели уже состоявшаяся реальность. Об этом убедительно свидетельствуют наиболее общие особенности современного состояния данной проблемы, состоящие в следующем. *Во-первых*, сама категория субъектных детерминант профессиональной деятельности изучена весьма подробно по отношению ко многим ее видам и типам, а также в русле различных парадигм. В числе последних можно отметить, например, такие парадигмы, как ПВК-подход, компетентностный подход, «ЗУНовскую» парадигму, структурно-уровневый подход и др.

Во-вторых, эти подходы, хотя, конечно, и в разной степени, но все же также реализованы по отношению и к деятельности ИТ-сферы. Так, в этом плане можно отметить работы по профессиографированию деятельности ИТ-сферы, а также реализацию компетентного подхода по отношению к специфике информационной деятельности (Карпов, 2021; Плоткина, 2010). Проведены также исследования личностных и профессионально важных качеств специалистов ИТ-сферы – в частности, программистов (Демиденко, Ератина, 2021; Журина, 2019; Орел, 2007). В результате выделены ведущие когнитивные качества, свойственные данной профессии: гиперконцентрация, высокая степень погруженности в код, интроверсия, низкая социальность, формализованность и схематизированность мышления (Лексунин, 2012). Кроме того, дифференцируется следующий набор навыков, необходимых для развития мышления программиста (Демиденко, Ератина, 2021; Бакунович, Станкевич, 2018): умение устанавливать аналогии знакомого и нового; умение сосредоточиться на задачах на протяжении длительного времени; способность грамотно пользоваться наработками; прогнозирование различных сценариев развития событий стремление к рефакторингу; концентрация; интроверсия; рациональность; перфекционизм; гаджетомания.

Кроме того, в русле компетентностного подхода сложилось понятие *soft-skills* (гибких навыков), выступающих важными субъектными детерминантами информационной деятельности. При этом дифференцируется их относительно постоянный набор, который включает в себя следующие составляющие: коммуникативные навыки, социальный интеллект, умение работать в команде, критическое мышление, клиент-ориентированность, саморегуляция, принятие решений, тайм-менеджмент, эмоциональный интеллект, работа в режиме неопределенности, самоанализ и саморефлексия. Вместе с тем, в целом указанные подходы пока в недостаточной степени реализованы именно по отношению к ИТ-сфере и к деятельности программистов.

В-третьих, наряду с этим, и сама категория метакогнитивных качеств личности, будучи уже частично исследована по отношению к некоторым видам деятельности, причем, не только профессиональной, но и учебной, пока в меньшей степени реализована по отношению к деятельности ИТ-сферы. Так, она исследована по отношению к деятельности управленческого и организационного типа (Карпов, 2018); по отношению к некоторым медицинским профессиям (Welch, Young, Johnson & Lindsay, 2018); к ряду военных специальностей (Федоришин, 2020), а также по отношению к вузовскому образованию (Abdelrahman, 2020; Allon, Gutkin, Bruning, 1994). При этом, если систематизировать и обобщить исследования последнего времени для профессиональных групп, то выясняется, что они чаще всего выполнялись в отношении представителей профессий субъектного типа: педагогов, медиков, менеджеров и др. (см., например, Gutierrez de Blume & Montoya, 2021).

Исследования метакогнитивной детерминации профессиональной деятельности для профессий объектного и особенно информационного типов встречаются относительно редко, а также весьма фрагментарно. Примерами могут служить исследования, выполненные

на выборках так называемых «начинающих программистов» (например, Rum & Ismail, 2016), а по сути – студентов университетов и колледжей, обучающихся по специальностям информационной направленности (например, «компьютерные науки») и изучающих, в связи с этим, курс программирования. Краткий обзор подобных исследований представлен, например, в работе (Prather et al., 2018). Это, в частности, метакогнитивные знания, декларативные знания, процедуральные знания, условные знания, стратегии метакогнитивной регуляции (Borkowski & Muthukrishna, 1992), стратегии управления информацией, мониторинг понимания, метакогнитивная включенность в деятельность, стратегии самопроверки и др. (Flavell & Miller, 1993). В целом же по отношению к IT-сфере можно сказать и более категорично: эти исследования пока единичны и подчеркнута фрагментарны (Dori, Mevarech & Baker, 2018; Mariano, Figliano & Dozier, 2017; Card, Moran & Newell, 1983; Craig, Hale, Grainger & Stewart, 2020).

Кроме того следует учитывать, что все эти исследования проводятся, в основном, в рамках различных направлений более широкого теоретического контекста – в русле современного метакогнитивизма в целом, а также одной из его определяющих проблем, связанной с экспликацией содержания его предмета и определением его границ. В этой связи сформулированы и наиболее значимые концепции, раскрывающие содержание и организацию предметной сферы метакогнитивизма. Среди них необходимо отметить, прежде всего, иерархическую модель метакогнитивных процессов М. Феррари (Ferrari & McBride, 2011); теорию когнитивных метаоператоров Д. Дёрнера (Dörner, 1978); концепцию когнитивного мониторинга Л. Нельсона и Л. Наренса (Nelson, 1996); концепцию метарегулятивных функций М. Лефебр-Пинара (Lefebvre-Pinard, 1983); концепцию структуры метакогнитивного опыта М. А. Холодной (Холодная, 2012); теорию метаархитектоники сознания Э. Блэки и С. Спенса (Yzerbyt et al., 1998). Представлены и более частные концепции, посвященные исследованию какого-либо отдельного метакогнитивного процесса (А. Браун, Дж. Борковски, Дж. Флейвелл, Р. Ключе, Дж. Меткалф, Р. Парис, Е. Мадиган, Э. Тульвинг и др.) (Anderson, 1985; Borkowski & Muthukrishna, 1992; Flavell & Miller, 1993; Kluwe, 1982; Metcalfe & Eich, 2019; Tulving, 1985; Splichal, Oshima & Oshima, 2018).

Вместе с тем на фоне значительных результатов теоретического плана, полученных во всех этих направлениях, в них в существенно меньшей степени раскрыта роль метакогнитивных факторов по отношению к организации деятельности. Разумеется, такая ситуация должна быть преодолена, что и выдвигает в качестве приоритетной задачу исследования метакогнитивных качеств личности как субъективных детерминант деятельности IT-сферы. В силу этого, именно эта задача и обусловила основную цель данной работы, которая состоит в попытке выявления и объяснения роли метакогнитивных детерминант как факторов результативных параметров деятельности основных представителей IT-сферы – программистов.

Методы

Процедура исследования и измерения

Реализация этой цели предполагает, прежде всего, необходимость получения двух основных массивов эмпирических данных. Во-первых, данных относительно индивидуальной меры выраженности основных метакогнитивных качеств как субъективных детерминант деятельности. Во-вторых, данных относительно показателей самих результативных параметров деятельности, основными из которых, как известно, являются параметры качества и производительности, то есть точностные и количественные ее характеристики. Вместе с тем необходимо учитывать, что уже на этапе сбора эмпирических материалов возникают существенные трудности не только

методического, но и содержательного характера. Так, при решении первой из указанных задач встает сложная и нерешенная до сих пор проблема определения наиболее репрезентативных метакогнитивных качеств в аспекте их детерминационной роли по отношению к деятельности. Кроме того встает задача определения множества этих качеств, которое следует подвергнуть исследованию. Важной является и проблема перехода от определения их суммативного, комплексного влияния на деятельность к выявлению эффектов их интегративного влияния.

Учитывая все это, в данном исследовании мы использовали в качестве основного диагностического инструментария определения совокупности метакогнитивных детерминант такую методику, которая позволяет исследовать именно их *комплекс*, причем в структурированном виде. Эта методика была разработана нами ранее по отношению именно к деятельности ИТ-сферы и получила обозначение **«Комплексного опросника метакогнитивного потенциала» (КОМП)**. Ее подробная характеристика представлена, в частности, в работах (Карпов, 2021; Карпов, Карпов, 2022), а ее основные особенности состоят в следующем. Во-первых, она позволяет диагностировать широкий круг базовых метакогнитивных качеств личности, взятых именно в их совокупности. Во-вторых, она позволяет диагностировать и те комплексы, в которые они синтезированы в деятельности по принципу сходства их функциональной роли – их подсистемы. Это, в частности, подсистемы, обеспечивающие метакогнитивный мониторинг, метарегулятивный контроль, метакогнитивную организацию декларативных и процедуральных знаний, метакогнитивный контроль факторов эмоционального и мотивационного плана, а также коммуникативных детерминант деятельности и др.; всего восемь базовых подсистем. Они образуют в итоге наиболее интегративное регулятивное образование – метакогнитивную сферу личности. Специально подчеркнем, что реализованная методика является комплексной не только в плане широты охвата ей большой совокупности отдельных метакогнитивных качеств, но и в плане того, что при ее разработке был использован комплекс других методик, причем тех, которые продемонстрировали наибольшую обоснованность и рассматриваются как наиболее надежные. Это методики, направленные на диагностику следующих качеств: индивидуальной меры развития метапамяти (по методике Р. Диксон – Д. Халтча «Metamemory in Adult» – MIA (Dixon, Hultsch, 1983); уровня развития метапланирования (по методике Д. Эверсон (Tobias & Everson, 2002); степени сформированности метакогнитивного поведения (по методике Д. ЛаКоста (по (А. В. Карпов, 2015))); меры и характера метакогнитивного мониторинга знаний по методике «Опросник метакогнитивной осознанности» (MAI) (Schraw & Dennison, 1994); процессов метакогнитивной ингибиции, сущность которых состоит в направленности на минимизацию метакогнитивного мониторинга (Карпов, 2018).

Наряду с этим необходимо было учесть и, по возможности, преодолеть существенные сложности, связанные с операционализацией и определением основных результативных параметров деятельности (качества и производительности, то есть точностного и скоростного параметров). Дело в том, что именно по отношению к деятельности ИТ-сферы в целом и к одной из основных в ней – деятельности программистов – возникают принципиальные сложности их операционализации, обусловленные спецификой этой деятельности. Они, в конечном счете, обусловлены многозначностью и неопределенностью самих понятий результата данной деятельности и в еще большей степени – того, *что именно следует считать его качественными показателями, а также показателями производительности*. Более того, и в самой ИТ-сфере данный вопрос не является однозначно решенным, равно как и проблема того, в каких отношениях они находятся друг с другом, а дискуссии в этом плане достаточно

оживленны. Трудности связаны и с тем, что эти параметры не четко определены в содержательном отношении. Однако, они в еще более слабой степени доступны операционализации и, соответственно, количественной экспликации. Наконец, важно и то, что именно в этой деятельности сама граница между ними условна и подвижна. Например, известно, что высокое исходное качество кода, практически исключая ошибки и гарантируя от необходимости его доработки, одновременно выступает не только качественным, но и скоростным параметром деятельности, поскольку оно минимизирует собственно временные затраты на деятельность в целом. Наряду с этим и способность к соблюдению временных характеристик спринтов (то есть временных границ выполнения задач) выступает не только собственно временным параметром эффективности деятельности, но и индикатором ее высокого качества. В этой деятельности хорошо известный антагонизм между точностным и скоростным параметрами в значительной степени редуцируется, а отношения между ними становятся более сложными и опосредствованными.

Вместе с тем осознание всего этого не освобождает от необходимости их операционализации, в связи с чем в данном исследовании был разработан и реализован следующий методический прием. Он основан на синтезе традиционного метода экспертного оценивания и методики «экспертного чек-листинга», которая восходит к исследованиям, выполненным в русле скандинавской теории деятельности – «Activity theory», а также в рамках направления «human computer interaction» – HCI (Engeström, Miettinen, Punamäki, 1999; Bødker & Klockrose 2011); его сущность состоит в следующем. На основе предварительного пилотажного исследования, а также реализации методов «фокусированного интервью» и «деятельностного зондирования» (Карпов, 2015) были определены базовые индикаторы, в которых наиболее полно проявляются качественные и количественные параметры деятельности. Затем по отношению к ним были дифференцированы те индикаторы – проявления, в которых они эксплицируются и, соответственно, могут быть диагностированы. Наконец, по отношению к последним были сформулированы вопросы, посредством которых это может быть осуществлено, а затем они синтезированы в методику опросного типа. Наконец, следуя императивам психологии профессиональной деятельности, необходимо учитывать, что ее наиболее обобщенным, интегральным результативным параметром является эффективность, которая, выступая производной от двух первых параметров, в то же время, не является их простой суперпозицией, а выступает более сложным феноменом.

Итак, пункты данной методики включали три их группы – направленные на определение параметров качества и производительности, а также эффективности деятельности программистов. В приложении 1 приводится текст методики.

Кроме того, учитывая, что наиболее сложной является задача определения по отношению к деятельности программистов ее эффективности (которая усиливается еще и неразработанностью методических средств), в исследовании была использована одна из очень немногих существующих методик – методика А. Никитина (Никитин, 2010).

В качестве операционных экспертов выступали, с одной стороны, руководители тех подразделений, сотрудниками которых являлись сами исследуемые программисты, что являлось необходимым условием для обоснованности процедуры экспортирования. С другой стороны, в качестве экспертов выступали и одностатусные по отношению к экспертируемым сотрудники. При этом следует реализовать важное, но не всегда упитывающееся обстоятельство: как отмечается, например, в (Kolb, Kolb & McIntyre, 1984), степень адекватности и точности

оценок квалификации сотрудников со стороны их ближайших коллег, как правило, весьма высока и может достигать 90–95 %. Каждый сотрудник оценивался тремя экспертами, результаты усреднялись.

Выборка исследования

Выборку ($n = 210$; 149 мужчин, 61 женщина) составили, во-первых, программисты разного профиля и уровня (прикладные программисты, системные программисты, графические программисты, инженеры баз данных, специалисты по обеспечению качества, frontend-программисты, backend-программисты, full-stack-разработчики, desktop-разработчики, 1С-программисты, веб-программисты), проживающие в трех городах России (Ярославль, Москва, Рыбинск) в возрасте от 21 года до 64 лет: < 31 года – 92 человека (43,80 %), 31–45 лет – 86 человек (40,91 %), > 45 лет – 32 человека (15,23 %). Во-вторых, в нее вошли руководители служб и подразделений, в которых работали обследованные программисты (51 человек), в возрасте от 39 до 55 лет.

Результаты

В таблице 1 представлены результаты оценок параметров качества и производительности деятельности, а также интегрального показателя ее эффективности в зависимости от индивидуальной меры развития метакогнитивного потенциала (МП).

Таблица 1

Результат оценивания параметров деятельности

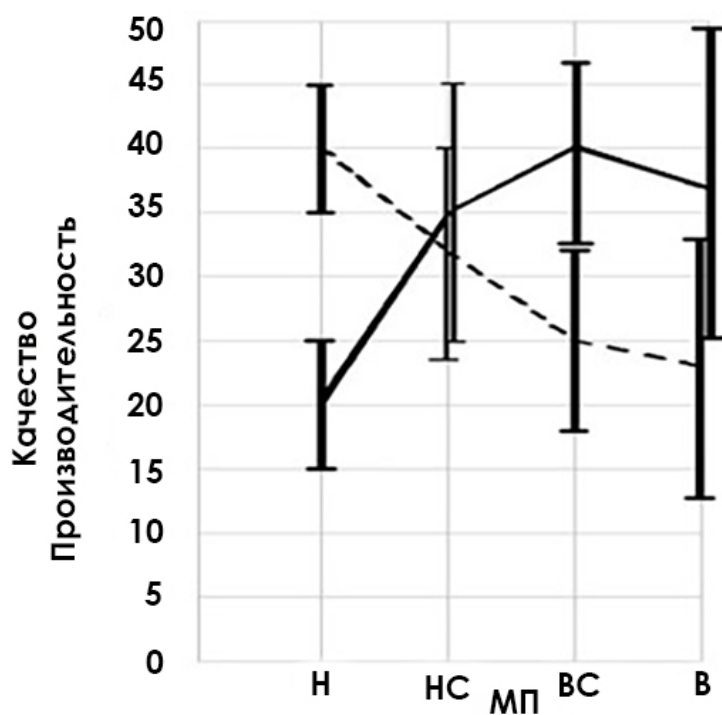
Величина МП	Низкий (Н)	Ниже Среднего (НС)	Выше Среднего (ВС)	Высокий (В)
Оценки качества деятельности	20,12 (5,67)	35,77 (5,70)	40,02 (7,74)	37,43 (5,23)
Оценки производительности деятельности	40,09 (6,20)	47,00 (7,73)	25,11 (6,94)	23,01 (6,01)
Оценки эффективности деятельности	35,03 (4,10)	60,21 (7,11)	75,43 (5,80)	65,67 (5,82)

В процессе дальнейшей обработки использовался метод однофакторного дисперсионного анализа (one-way ANOVA), для проведения которого по фактору меры развития МП были выделены следующие подгруппы, соответствующие различным значениям выраженности метакогнитивного потенциала: с низкой степенью выраженности (< 180 баллов), со степенью ниже среднего (180–280 баллов), со степенью выше среднего (280–380 баллов) и с высокой степенью выраженности (> 380 баллов). При этом в каждую подгруппу вошли ориентировочно по 25 % испытуемых от объема рассматриваемой группы. Множественные сравнения

выполнялись по критерию Геймса-Хоуэла, не требующему равенства объемов подгрупп и однородности дисперсий, а при построении графических зависимостей использовался критерий Краскелла-Уоллиса. Далее все эти данные представлялись в графической форме. Так, на рисунках 1 и 2 представлены, соответственно, зависимости значений производительности и качества деятельности, а также эффективности деятельности от индивидуальной меры выраженности МП.

Рисунок 1

Зависимость качества (сплошная линия) и производительности (пунктирная линия) деятельности от величины МП

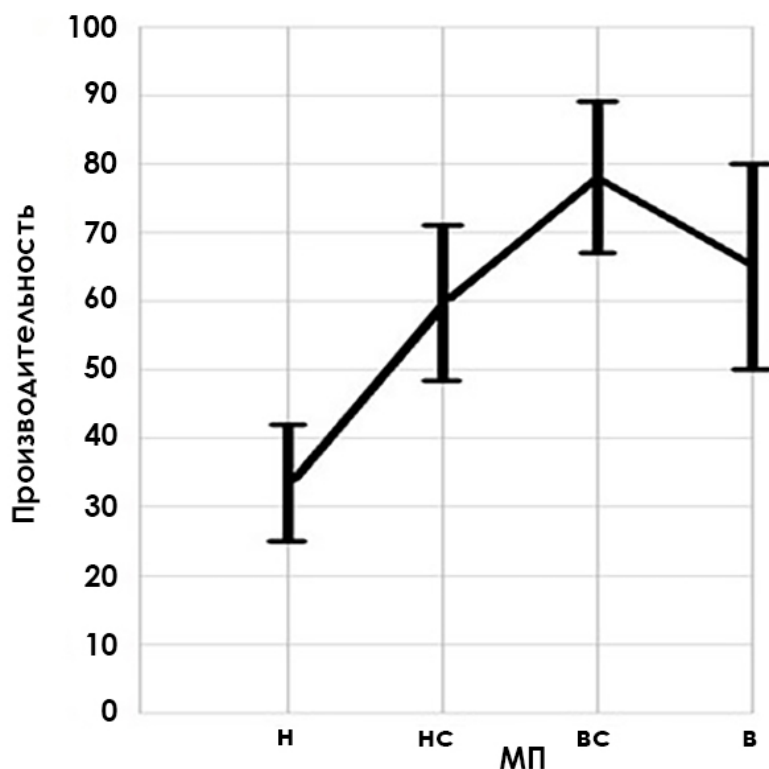

Примечание. По оси ординат отложены значения методики экспертного оценивания.

Анализ представленных результатов позволяет зафиксировать следующие факты. Во-первых, по отношению к параметрам качества и производительности обнаруживается обстоятельство наиболее общего плана, согласно которому между ними и индивидуальной мерой выраженности МП, действительно, существуют определенные зависимости. Во-вторых, эти зависимости имеют в целом нелинейный характер, что само по себе свидетельствует, хотя пока и косвенно, об их сложном характере. В-третьих, эти зависимости являются в значительной степени противоположными по направленности: если первая эксплицирует положительную динамику, то вторая в большей степени отрицательную динамику.

Рисунок 2

Зависимость эффективности деятельности от величины МП

Примечание. Величина МП: Н – низкий, НС – ниже среднего, ВС – выше среднего, В – высокий.

Эти результаты позволяют зафиксировать еще один значимый факт. Наибольшие значения параметра эффективности деятельности сопряжены не с минимальным, но и не с максимальным значением МП, а с его, хотя и относительно высоким, но не максимальным значением (в подгруппе с МП выше среднего). Следовательно, наибольшая эффективность деятельности имеет место у лиц с некоторым промежуточным, хотя, повторяем, и достаточно развитым уровнем МП. Итак, не только низкий уровень выраженности МП сопряжен с относительно меньшей эффективностью (что вполне объяснимо), но и наиболее высокий его уровень также обуславливает ее снижение (что уже менее очевидно и требует специального объяснения). Это свидетельствует о существовании между рассматриваемыми переменными зависимости типа *оптимума*, а не типа максимума, как можно было прогнозировать априорно.

Обсуждение результатов

Вся совокупность представленных выше результатов позволяет установить следующие основные особенности и закономерности.

Во-первых, с достаточно высокой степенью отчетливости подтверждается то обстоятельство, которое было констатировано выше в качестве общего предположения как исходное.

Оно состоит в том, что между индивидуальной мерой выраженности МП и двумя основными результативными параметрами деятельности (качеством и производительностью), действительно, существуют вполне закономерные связи и зависимости. В наиболее общем и принципиальном плане это свидетельствует о том, что сами метакогнитивные качества, равно как и их интегративный эффект – мера выраженности МП, действительно, являются значимыми детерминантами результативных параметров деятельности.

Во-вторых, обе эти зависимости характеризуются как чертами принципиальной общности, так и еще более выраженными чертами различия. Так, с одной стороны, их общность состоит в том, что обе они являются в целом не прямо пропорциональными, а нелинейными, что свидетельствует об их комплексном и опосредствованном характере. Однако, с другой стороны, еще более очевидными являются различия выявленных зависимостей: если первая носит положительный характер, то вторая эксплицирует отрицательную динамику зависимости рассматриваемых переменных. При этом следует подчеркнуть, что обе они в целом вполне согласуются с аналогичными зависимостями, установленными в психологии профессиональной деятельности по отношению к двум основным результативным параметрам – производительности и качеству. Более того, их интерпретация также в целом должна быть сходной с той, которая уже произведена ранее. Вместе с тем они имеют и определенную специфику по отношению к тому виду, который типичен для многих иных видов деятельности, поскольку выявленная динамика не столь рельефна, как это обнаружено ранее. Кроме того, по отношению к параметру качества она даже несколько меняет и свой общий вид, трансформируясь из зависимости типа максимума в зависимость типа *оптимума*. Однако в целом при их сопоставлении выявляется наиболее общее обстоятельство, состоящее в том, что между этими двумя параметрами, действительно, существуют отношения реципрокности, проявляющиеся в их взаимно инверсионной динамике.

В-третьих, синтезируя все эти результаты, а также дополняя их данными, представленными на рис. 2, следует эксплицировать обстоятельство обобщенного плана. Оно состоит в том, что между индивидуальной мерой выраженности МП и наиболее общим, интегральным результативным параметром деятельности (эффективностью) также существует вполне определенная зависимость. Причем наиболее показательно то, что, вопреки априорным прогнозам и теоретическим ожиданиям, она принадлежит не к зависимостям типа максимума, а к зависимостям типа *оптимума*, имея характер инвертированной U-образной кривой. Это, как отмечалось выше, означает, что максимум эффективности деятельности сопряжен хотя и с достаточно высоким, но все же не максимальным, а с некоторым промежуточным значением МП. Не только низкий (что естественно), но и высокий (что уже менее очевидно) МП является причиной снижения эффективности данной профессиональной деятельности, чему можно дать следующее объяснение.

Высокие значения МП объективно сопряжены с выраженной рефлексивностью. В свою очередь она, помимо того, что может оказывать непосредственное негативное – ингибирующее – или даже блокирующее влияние на ряд когнитивных функций (особенно на такие критически важные для данной деятельности их качества, как креативность, самостоятельность и конструктивность в принятии решений), характеризуется и своеобразным опосредствованным влиянием. Оно состоит в том, что рефлексивность «сцеплена» с рядом таких индивидуальных качеств, которые сами по себе являются «противопоказаниями» для ряда видов профессиональной деятельности – особенно сложных и когнитивно насыщенных

(в частности, – нейротизмом, сензитивностью, ригидностью, развитостью «психологических защит» и др.). Сходная с рассмотренной зависимость была получена ранее при исследовании эффективности одного из наиболее важных видов профессиональной деятельности – управленческой – в связи с уровнем интеллекта («кривая Е. Гизелли» (Ghiselli, 1963)). В этом же плане необходимо упомянуть и такие функционально сходные феномены, как эффект метакогнитивной петли (Metcalfe, 2019); явление «аналитического паралича» (Kolb et al., 1984); феномен «метакогнитивного перфекционизма» (Kluwe, 1982); явление моратория рефлексивности (Карпов, 2021), эффект гиперконтроля (Карпов, 2022); феномен метакогнитивной блокады и др. Они свидетельствуют о том, что метакогнитивный контроль деятельностных функций, являясь в целом позитивным на достаточно большом интервале его меры, может, однако, трансформироваться в свою противоположность. Фактически, имеет место ситуация, аналогичная той, которая была обозначена в свое время понятием «режима работы с двойной функцией» (Карпов, 1980). Реализация деятельностных функций в целом и когнитивных функций по ее обеспечению в особенности запараллеливается с метакогнитивными функциями за этой реализацией, а в ряде случаев и выходит на первый план. Такая ситуация приводит к необходимости перераспределения общего когнитивного ресурса и для реализации метакогнитивного контроля, что оказывает негативное интерферирующее влияние на реализацию основных деятельностных функций и задач. Кроме того, зависимость типа оптимума была нами выявлена и в отношении связи меры МП с таким важнейшим когнитивным процессом, как мышление (Карпов, 2021): не только низкие, но и высокие значения МП оказывают контрпродуктивное влияние на него, в особенности в достаточно жестких условиях профессиональной деятельности.

По-видимому, основной и наиболее глубинной причиной всех этих и сходных с ними закономерностей выступает то, что детерминационное влияние факторов метакогнитивного плана в целом и рефлексивности в частности на результативные параметры деятельности, а также на ее структурные составляющие и обеспечивающие ее процессы, является не только сложным, но и внутренне противоречивым. Оно двуедино по своей направленности. С одной стороны, оно оказывает позитивное – фасилитирующее влияние, приводя тем самым к расширению функциональных возможностей субъекта и реализуя свою ресурсную функцию. Это как раз и имеет место при средних значениях МП и значениях выше среднего (см. рис. 2). С другой стороны, оно может оказывать и противоположное – негативное влияние, приводя к ингибции функциональных возможностей субъекта: это фиксируется при высоких значениях МП. Другими словами, его влияние принципиально *диверсифицировано* в зависимости от самой индивидуальной меры его выраженности, а также от степени его ситуативной представленности. Оно трансформируется из позитивного в негативное при возрастании этой меры.

В-четвертых, следует учитывать, что аналогичная в целом зависимость типа оптимума была установлена нами ранее по отношению к другому основному типу профессиональной деятельности – управленческой (принадлежащей, к тому же, к иному классу деятельностей – субъект-субъектному). Кроме того, она же эксплицирована и по отношению к ряду иных видов деятельности – в частности, к педагогической, операторской и др. Она, как показано в (Карпов, 2015), имеет, в силу этого, весьма общий характер. Отсюда следуют два значимых заключения. С одной стороны, ее обнаружение по отношению к новому в плане ее изучения типу деятельности – информационной – в еще большей степени повышает меру ее обобщенности и, следовательно, степень ее значимости как базовой инвариантной закономерности

организации деятельности в целом. С другой стороны, ее установление по отношению к нему само по себе является новым, дополнительным результатом, расширяющим общие представления о метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Одновременно сквозь призму этого выявляется глубинная общность таких базовых средств и механизмов организации принципиально разных видов и даже типов деятельности, каковыми выступают средства ее метакогнитивной и, значит, осознаваемой, произвольно контролируемой регуляции. Важно и то, что они локализируются именно на осознаваемом и, следовательно, высшем, а потому определяющем уровне ее организации, критически значимом для ее результативных параметров в целом и эффективности в особенности.

В-пятых, при интерпретации полученных данных следует учитывать и наиболее значимые, специфические особенности компьютерных технологий. Они при ближайшем рассмотрении как раз и эксплицируют своего рода арефлексивную специфику такого рода технологий, компьютерной техники, что проявляется в ряде значимых аспектов. Прежде всего, специфика этой деятельности состоит в том, что она носит выраженно алгоритмизированный характер, который в значительной мере противоположен по самому своему духу вариативности организации деятельности и поведению в ней субъекта. Все это порождает известную «машинность» и формализованность данной деятельности, антагонистичную рефлексивности как «чисто человеческого» качества. Специфической особенностью данной деятельности является не только большой объем информации, но и ее высокие динамические характеристики, что требует высокой скорости ее переработки, интенсивной смены ее содержания, быстрого темпа реализации. В свою очередь, он приводит к тому, что объективно устраняется возможность для рефлексивных пауз, для сукцессированного метакогнитивного мониторинга. Причем он начинает выступать здесь даже в негативном плане, поскольку ингибирует реализацию основных деятельностных функций. В этом отношении существует даже эмпирически установленное правило работы – «ускоряйтесь сознательно» – что равносильно требованию столь же произвольной минимизации рефлексивного контроля и явления арефлексивности. В связи с этим необходимо отметить и одно из важных средств его организации, установленных и проинтерпретированных в современной когнитивной психологии; им является так называемая «эвристика блокады когнитивного контроля» (Anderson, 1985; Metcalfe, Eich, 2019). Однако, такого рода «блокада» может реализовываться не только в отношении «первичных» когнитивных процессов, но в еще более выраженном и субъективно отчетливом виде также и по отношению к «вторичным» когнитивным процессам – метакогнитивным. Суть такой «вторичной», то есть именно метакогнитивной «блокады» состоит в том, что сами же метакогнитивные процессы выступают как средства ингибиции – торможения – или даже «отключения» собственно рефлексивных средств. Наконец, непосредственное взаимодействие субъекта деятельности в ее процессе с объектом осуществляется практически полностью с «неодушевленной» сущностью – с компьютером. Это стимулирует развитие профессиональных деформаций – замкнутости, интровертированности IT-специалистов, сокращением коммуникативных контактов. В связи с этим, констатируется, что «Отстраненная метапозиция по отношению к чему угодно у программистов встроена» (Захур, 2018).

Выводы

Подводя итоги проведенному выше анализу, можно сформулировать следующее основные *выводы*. *Во-первых*, метакогнитивные качества, действительно, оказывают значимое

и комплексное влияние на результативные параметры деятельности программистов и, следовательно, они должны быть проинтерпретированы в роли ее важных факторов, входящих в общий состав ее субъектных детерминант.

Во-вторых, между индивидуальной мерой выраженности МП и основными результативными параметрами этой деятельности – качеством и производительностью – существуют определенные зависимости, что эксплицирует инвариантный характер детерминационной роли факторов метакогнитивного плана на нее. Они являются противоположными по направленности для двух основных параметров. По отношению к параметру качества направленность данной зависимости в целом прямая, а по отношению к производительности – обратная.

В-третьих, между индивидуальной мерой выраженности МП и наиболее обобщенным результативным параметром деятельности – эффективностью – существует зависимость, имеющая характер типа оптимума. Это означает, что максимум эффективности деятельности сопряжен хотя и с достаточно высоким, но не с максимальным, а со средним значением МП.

В-четвертых, детерминационное влияние МП на результативные параметры деятельности программистов является принципиально диверсифицированным – различным не только по степени, но и по направленности, характеру. Оно синтезирует как позитивные, так и негативные черты, что в итоге обуславливает сложный, нелинейный характер этого влияния, а также содержание и тип наиболее обобщенной зависимости – эффективности деятельности от степени его развития.

В-пятых, существует принципиальная общность не только характера этой зависимости в данной деятельности с ее проявлением в иных видах и даже классах деятельности, но и общность базовых причин и факторов, лежащих в ее основе и поэтому объясняющих ее.

В-шестых, в основе негативного влияния факторов метакогнитивного плана на результативные параметры деятельности лежит сочетание его прямого и опосредствованного воздействия на реализацию деятельности, равно как и на частные функции по ее обеспечению. Прямое воздействие заключается в ингибции этих функций в целом и когнитивных в особенности, что проявляется, в частности, в феноменах когнитивной и метакогнитивной блокады. Опосредствованное воздействие состоит в том, что он оказывает фасилитирующее воздействие на негативное влияние ряда иных и также значимых факторов. Тем самым эксплицируется не только сложный и внутренне противоречивый, но и комплексный характер его детерминационного воздействия на основные результативные параметры деятельности.

Заключение

Метакогнитивные качества оказывают значимое и комплексное влияние на результативные параметры информационной деятельности. Между индивидуальной мерой выраженности метакогнитивного потенциала и основными результативными параметрами информационной деятельности – качеством, производительностью и эффективностью – существуют закономерные зависимости. Основной закономерностью связи метакогнитивного потенциала с результативными параметрами деятельности является зависимость типа оптимума; в ее основе лежит сочетание фасилитирующего и ингибирующего воздействия метакогнитивного потенциала субъекта на реализацию деятельности.

Литература

- Бакунович, М. Ф., Станкевич, Н. Л. (2018). Самоконтроль как базовый элемент профессиональной компетентности будущих IT-специалистов. *Интеграция образования*, 4(93), 681–695. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.093.022.201804.681-695>
- Демиденко, Н. Н., Ератина, Е. А. (2021). Профессиограмма IT-специалиста с учетом психологических особенностей его деятельности. *Психология труда, организации и управления в условиях цифровой трансформации общества*, 151–160.
- Журина, М. А. (2019). Субъективные представления о профессиональной успешности IT-специалистов. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*, 4(49), 243–249.
- Карпов, А. А. (2018). *Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности*. Ярославский государственный университет.
- Карпов, А. В. (1980). Системная регуляция точности и скорости деятельности оператора в условиях неопределенности. *Проблемы индустриальной психологии*. Ярославский государственный университет.
- Карпов, А. В. (2015). *Психология деятельности (в 5 томах)*. РАО.
- Карпов, А. В., Леньков, С. Л. (2006). *Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера*. Тверской Государственный Университет.
- Карпов, А. В. (2021). *Методологические основы психологии информационной деятельности*. РАО.
- Карпов, А. В., Карпов, А. А. (2022). *Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности*. РАО.
- Никитин, А., Ляпин, Д. (2010). *Путь программиста*. Школа программирования.
- Орел, Е. А. (2007). Особенности интеллекта профессиональных программистов. *Вестник Московского университета*, 14(2), 70–79.
- Плоткина, Л. Н. (2010). Социально-психологический анализ профессионально-значимых характеристик специалистов в области информационных технологий. *Известия Самарского научного центра РАН*, 12 (5–1), 137–144.
- Захур, Д. (2018). *Программист на всю голову: как коддинг влияет на мышление*. URL: <https://habr.com/ru/company/binarydistrict/blog/425385/>
- Лексунин, Е. (2012). *Психологическая деформация программистов*. Взгляд с обеих сторон баррикад. URL: <https://habr.com/ru/post/285472/>
- Федоришин, М. В. (2020). *Закономерности индивидуализации в структуре саморегуляции (на материале опыта профессиональной военной подготовки)* Ярославль.
- Холодная, М. А. (2012). *Психология понятийного мышления. От концептуальных структур к понятийным способностям*. Когито-Центр.
- Abdelrahman, R. M. (2020). *Metacognitive awareness and academic motivation and their impact on academic achievement of Ajman University students*. *Heliyon*, 6(9). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04192>
- Allon, M., Gutkin, T. B., Bruning, R. (1994). The relationship between metacognition and intelligence in normal adolescents: Some tentative but surprising findings. *Psychology in the Schools*, 31(2), 93–97.
- Anderson, J. R. (1985). *Cognitive psychology and its implications* (2nd ed.). W. H. Freeman.

- Bødker, S., Klokrose, N. (2011). The Human–Artifact Model: An Activity Theoretical Approach to Artifact Ecologies. *Human–Computer Interaction*, 26(4), 315–371. <https://doi.org/10.1080/07370024.2011.626709>
- Borkowski, J., Muthukrishna, R. (1992). Components of children’s metamemory. In *Memory Development*. F. E. Weinert, M. Perlmutter (Eds.). *Memory development: Universal changes and individual differences*. Erlbaum.
- Card, S., Moran, T., Newell, A. (1983). *The Psychology of Human Computer Interaction*. Erlbaum.
- Craig, K., Hale, D., Grainger, C., Stewart, M. E. (2020). Evaluating metacognitive self-reports: Systematic reviews of the value of self-report in metacognitive research. *Metacognition and Learning*, 15, 155–213. <https://doi.org/10.1007/s11409-020-09222-y>
- Dixon, R. A., Hulstsch, D. F. (1983). Structure and development of metamemory in adulthood. *Journal of Gerontology*, 38(6), 682–688. <https://doi.org/10.1093/geronj/38.6.682>
- Dori, Y. J., Mevarech, Z. R., Baker, D. R. (Eds.) (2018). *Cognition, metacognition, and culture in STEM education: Learning, teaching and assessment*. Springer.
- Dörner, D. (1978). Self-reflection and problem-solving. In F. Klix (Ed.), *Human and artificial intelligence*. Deutscher Verlag.
- Ghiselli, E. E. (1963). Intelligence and managerial success. *Psychology Report*, 121, 41–49.
- Gutierrez de Blume, A. P., Montoya, D. M. (2021). Differences in metacognitive skills among undergraduate students in education, psychology, and medicine. *Revista Colombiana de Psicología*, 30(1), 111–130. <https://doi.org/10.15446/rcp.v30n1.88146>
- Engeström Y., Miettinen R., Punamäki R. (1999). *Perspectives on Activity Theory*. Cambridge University Press.
- Ferrari, M., McBride, H. (2011). Mind, brain, and education: The birth of a new science. *Learning*, 5(1), 85–100. <https://doi.org/10.36510/learnland.v5i1.533>
- Flavell, J. H., Miller, P. H., Miller, S. A. (1993). *Cognitive development* (3rd edition). Prentice Hall.
- Kluwe, R. H. (1982). Cognitive knowledge and executive control: Metacognition. In D. R. Griffin (Ed.), *Animal mind – human mind*, 21, Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-68469-2_12
- Lefebvre-Pinard, M. (1983). Understanding and auto-control of cognitive functions: Implications for the relationship between cognition and behavior. *International Journal of Behavioral Development*, 6(1), 15–35. <https://doi.org/10.1177/016502548300600102>
- Mariano, G. J., Figliano, F. J., Dozier, A. (2017). Using metacognitive strategies in the STEM field. In E. Railean, A. Elçi, (Eds.), *Metacognition and successful learning strategies in higher education*. IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-2218-8.ch012>
- Metcalf, J., Eich, T. S. (2019). Memory and truth: Correcting errors with true feedback versus overwriting correct answers with errors. *Cognitive Research: Principles and Implications*, 4. <https://doi.org/10.1186/s41235-019-0153-8>
- Metcalf, J., Shimamura, A. P. (1994). *Metacognition: Knowing about Knowing*. MIT Press.
- Nelson, T. O. (1996). Consciousness and metacognition. *American Psychologist*, 51(2), 102–116. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.51.2.102>
- Kolb, D. A., Kolb, I. A. & McIntyre, J. M. (1984). *Organizational psychology*. Prentice Hall.
- Prather, J., Pettit, R., McMurry, K., Peters, A., Homer, J., Cohen, M. (2018, August). *Metacognitive difficulties faced by novice programmers in automated assessment tools*. *Proceedings of the 2018 ACM Conference on International Computing Education Research*, 41–50. <https://doi.org/10.1145/3230977.3230981>

- Rum, S., Ismail, M. A. (2016). Metacognitive awareness assessment and introductory computer programming course achievement at university. *The International Arab Journal of Information Technology*, 13(6), 667–676.
- Schraw, G., Dennison, R. S. (1994). Assessing metacognitive awareness. *Contemporary Educational Psychology*, 19(4), 460–475. <https://doi.org/10.1006/ceps.1994.1033>
- Splichal, J. M., Oshima, J., Oshima, R. (2018). Regulation of collaboration in project-based learning mediated by CSCL scripting reflection. *Computers & Education*, 125, 132–145. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2018.06.003>
- Tobias, S., Everson, H. T. (2002). *Knowing what you know and what you don't: Further research on metacognitive knowledge monitoring*. College Entrance Examination.
- Tulving, E. (1985). Memory and consciousness. *Canadian Psychology*, 26(1), 1–12. <https://doi.org/10.1037/H0080017>
- Welch, P., Young, L., Johnson, P., Lindsay, D. (2018). Metacognitive aware-ness and the link with undergraduate examination performance and clinical reasoning. *MedEdPublish*, 7(2). <https://doi.org/10.15694/mep.2018.0000100.1>

Приложение 1

	Пункты опросника	1	2	3	4	5
1	Характеризуется способностью к четкой формулировке целей					
2	Выполняет задания быстрее большинства других сотрудников					
3	Выполняет задания лучше большинства других сотрудников					
4	Качество кода характеризуется адекватным неявным ожиданием					
5	Нередко не укладывается в отведенные для заданий сроки					
6	Способен к нестандартным решениям и нахождению новых способов выполнения заданий					
7	Адекватно оценивает сложность задачи					
8	Обращается с просьбами об увеличении времени для заданий					
9	Имеет неординарные результаты в своей работе					
10	Конструктивно реагирует на блокировку процессов, влияющую на «состояние здоровья» разработки					
11	Имеет частые случаи невыполнения заданий в срок					
12	Коллеги часто обращаются к нему за советом					
13	Может выполнять практически все задания при среднем уровне рабочего напряжения					
14	Адекватно оценивает сроки, своевременно выполняет задания					

15	Систематически берет на себя ведущую роль в команде						
16	Его продукты имеют малое количество функций, которые были отклонены или возвращены на доработку						
17	Достигает поставленных целей благодаря сверхурочной работе						
18	Умеет самостоятельно принимать правильные решения						
19	Имеет большое количество проработанного в компании времени						
20	Умеет правильно распоряжаться временем и правильно определять приоритеты, чтобы выполнять свою работу своевременно						
21	Имеет большое время работоспособности IT-продукта – uptime						
22	Характеризуется небольшим количеством дефектов, обнаруженных в процессе работы продукта						
23	Характеризуется спешкой ради того, чтобы уложиться в дедлайн						
24	Мнение коллег о нем как о специалисте – высокое						
25	Характеризуется упорством и дисциплиной						
26	Допускает ошибки из-за невозможности уложиться в сроки						
27	Сохраняет высокое качество при существенном усложнении задач						
28	Характеризуется умением разбираться в чужом коде						
29	Характеризуется большим количеством выполненных задач за рабочий день/час						
30	Отличается высокой обучаемостью; быстро усваивает новые знания						

Эксперты работали в соответствии со следующей инструкцией. «Оцените, пожалуйста, насколько представленные ниже высказывания правомерны по отношению к данному сотруднику. Чем в большей степени они справедливы по отношению, тем большую оценку надо ставить». Варианты оценки: 1 – совсем не подходит; 2 – скорее не подходит, чем подходит; 3 – не могу сказать точно; 4 – скорее подходит, чем не подходит; 5 – полностью подходит. Номерами пунктов 1, 4, 7 и т.д. направлены на оценку качества деятельности, под номерами 2, 5, 8 и т.д. – на оценку производительности, под номерами 3, 6, 9 – на оценку эффективности. Пункты 5, 8, 11, 23, 26 – обратные.

Поступила в редакцию: 19.01.2023
Поступила после рецензирования: 24.03.2023
Принята к публикации: 26.03.2023

Заявленный вклад авторов

Анатолий Викторович Карпов – идейное научное руководство, базирующееся на применении метакогнитивной методологии к разработке проблематики информационной деятельности; теоретическое обобщение результатов.

Александр Анатольевич Карпов – раскрытие идеи статьи с применением методологии метакогнитивизма, обработка данных и интерпретация результатов.

Юлия Владимировна Филиппова – планирование эмпирического исследования, применение методики диагностики метакогнитивного потенциала, организация сбора данных, интерпретация результатов.

Информация об авторах

Анатолий Викторович Карпов – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова», член-корреспондент Российской академии образования, г. Ярославль, Российская Федерация; Scopus Author ID: 7102768585, ResearcherID: X-1859-2018, SPIN-код: 9059-4017; e-mail: anvikar56@yandex.ru

Александр Анатольевич Карпов – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация; Researcher ID: N-7550-2016, SPIN-код: 8353-5150; e-mail: karpov.sander2016@yandex.ru

Юлия Владимировна Филиппова – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация; e-mail: yuliafil2022@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Кира В. Тельминова

Роль общественной организации в социализации инвалидов с детства...

Российский психологический журнал, 2023, Т. 20, № 1, 118–131. doi: 10.21702/rpj.2023.1.8

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.8>

Роль общественной организации в социализации инвалидов с детства и лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте

Кира В. Тельминова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

telminova.kira@yandex.ru

Аннотация

Введение. Целью исследования является выявление роли общественной организации для социализации инвалидов с детства и лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте. Обзор схожих научных работ показал, что данный аспект социализации инвалидов остается практически без внимания исследователей. При этом, на наш взгляд, дифференцированный подход к изучению процесса социализации инвалидов, включающий углубленный анализ формирования социально-психологических особенностей личности, способствует повышению качества исследования вопросов социализации. Это обуславливает новизну представленной работы, а также может способствовать повышению эффективности практических мероприятий и в целом всей деятельности общественной организации инвалидов.

Методы. Методом исследования выступает неструктурированное интервью, раскрывающее мотивы вступления лиц с различным временем наступления инвалидности в общественную организацию инвалидов, динамику их социально-психологического состояния и социального поведения – как в организации, так и за ее пределами. Процедура неструктурированного интервью представляла собой беседу о значении для человека деятельности общественной организации. Была обеспечена атмосфера для свободной формулировки своего опыта.

Результаты. Результатом исследования стало понимание того, что в процессе деятельности общественной организации совершеннолетние инвалиды с детства получают новый социальный опыт, в результате которого происходят переоценка и коррекция своих социальных и физических возможностей. Выяснено, что для лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, общественная организация формирует социальную среду, позволяющую продолжать трудовую стадию процесса социализации. **Обсуждение результатов.** Общественная организация выступает в качестве пространства формирования и развития социально-психологических качеств (прежде всего, способствующих коммуникационным возможностям личности). Общественная организация позволяет реализовать социально-психологические качества совершеннолетних инвалидов с детства в полном объеме. Для лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, общественная организация является

важным элементом института социализации, на платформе которой реализуются социально-психологические качества.

Ключевые слова: социально-психологические качества, потенциал личности, общественная организация, социальный институт, социокультурные программы, туристические программы, социализация инвалидов, тип отношения к болезни, социокультурное реабилитационное пространство, социальное самочувствие инвалида

Для цитирования: Тельмина, К. В. (2023). Роль общественной организации в социализации инвалидов с детства и лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте. *Российский психологический журнал*, 20(1), 118–131. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.8>

Введение

В процессе социализации инвалидов значительное место занимает деятельность общественных организаций. Именно созданные людьми с ограниченными возможностями здоровья ассоциации, объединения и организации берут на себя функции социальных институтов, которые являются недоступными или труднодоступными для инвалидов. В них формируются и реализуются социальные навыки и компетенции, происходит процесс профессиональной и творческой реализации, вырабатываются и реализуются стратегии интеграции в открытое общество.

Еще одним весомым фактором создания общественных организаций (см. Хорошилов, Ильжер, 2019) является восприятие социальных изменений: т. е. наличие когнитивной альтернативы сложившимся в обществе межгрупповым отношениям, которые оцениваются как несправедливые, служит одним из главных «запускающих» факторов коллективного поведения, что получило эмпирическое подтверждение (van Zomeren et al., 2008). В данном контексте, их целью будет «выразить отношение к социокультурным изменениям, способствовать или препятствовать им» (Kelly & Breinlinger, 2012; Smelser, 2011).

В законодательстве различного уровня дается определение понятия общественного объединения инвалидов. Так, в соответствии со ст. 71 Конвенции ООН «О правах инвалидов» (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006 г.), государство «обязуется осуществлять национальную политику профилактики, лечения, восстановления здоровья и включения в нормальную жизнь общества инвалидов и поддержки их семей, а также поддерживать объединения инвалидов. Как следует из п. 2.1. ст. 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях»: это «организации..., осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации». Согласно п. 1 ст. 33 Закона № 181 – ФЗ от 24.11.1995 г. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», «общественные объединения, созданные и действующие в целях защиты прав и законных интересов инвалидов, обеспечения им равных с другими гражданами возможностей, есть форма социальной защиты инвалидов».

Деятельность общественных организаций регламентируется следующими федеральными законами:

- Конституция Российской Федерации;
- Гражданский кодекс Российской Федерации;

- Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»;
- «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ;
- «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ;
- «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ;
- «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 № 10-ФЗ;
- Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 06.10.1997 № 19–01–122–97 «О правилах рассмотрения заявлений о государственной регистрации общественных объединений».

Актуальность исследования роли общественной организации в процессе социализации инвалидов отражена в работах многих российских авторов. Так, А. Н. Гостев, А. В. Бодрикова интерпретируют понятие «общественное объединение инвалидов» как «некоммерческое формирование, организованное лицами с ограниченными возможностями, а также индивидами, представляющими их интересы, по их собственной инициативе и на добровольных началах для реализации общих задач по обеспечению жизнедеятельности» (Гостев, Бодрикова, 2015, с. 24). Продолжая определение, цитируемые авторы подчеркивают, что организация «позволяет производить взаимнообмен многими жизненными ресурсами между инвалидом, обществом и государством, что делает их равными и зависимыми друг от друга субъектами и тем самым приводит к сокращению противоречий в процессе социального управления (Гостев, Бодрикова, 2015, с. 42).

Н. Н. Шенцева, А. Ю. Давыдова приходят к выводу о том, что группировка по схожим признакам людей с инвалидностью способствует «выявлению специфических психологических проблем и определению наиболее эффективных направлений работы с ними. Это «...может существенно повысить качество жизни этих людей, раскрыть их социальный и личностный потенциал, сократить психологическую дистанцию между ними и обществом» (Шенцева, Давыдова, 2013, с. 89). В качестве объектов социально-психологических исследований инвалидности авторы выделяют следующие ситуации:

1. Приобретенная инвалидность после 18 лет (при стаже наступления травмы до года) характеризуется:

- временной дезадаптированностью;
- острым посттравматическим состоянием.

2. Приобретенная инвалидность после 18 лет (при стаже наступления травмы более одного года) характеризуется:

- устойчивой ситуативной дезадаптированностью;
- отсутствием продуктивных стратегий поведения в сложной жизненной ситуации;
- низкой мотивацией к социальной и профессиональной реабилитации.

3. Инвалидность с детства характеризуется:

- устойчивой дезадаптированностью;
- дефектами социализации вследствие исключения из социальной жизни;
- личностными особенностями, обусловленными семейной гиперопекой при полном или частичном отсутствии навыков социального взаимодействия и навыков... самостоятельности и саморегуляции, психологические комплексы различного вида (Шенцева, Давыдова, 2013, с. 93).

Нам представляется, что такая детализация объекта социально-психологических исследований инвалидности способствует ее углубленному анализу. Объектом нашего исследования являются

совершеннолетние инвалиды с детства и лица, получившие инвалидность в совершеннолетнем возрасте (стаж травмы более трех лет). В ходе исследования социально-психологических особенностей обозначенных категорий мы пришли к двум основным выводам. *Первое*. В основе социально-психологических особенностей совершеннолетних инвалидов с детства находится отношение к болезни, формирование которого, в свою очередь, происходит в семье и является следствием родительских установок. *Второе*. Социально-психологические особенности лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, не базируются на типе отношения к болезни. Сформированные вне наступления инвалидности социально-психологические особенности личности, такие как коммуникабельность, стиль поведения в группе и другие, формируют тип отношения к болезни (Тельминова, 2021, с. 189). При этом исследования влияния времени наступления инвалидности способствуют изучению условий формирования, содержания и проявления форм социально-психологических особенностей личности, имеющей инвалидность, поэтому данная тема стала объектом нашего исследования (Тельминова, 2022, с. 175). Вышесказанное подводит нас к необходимости детального определения роли общественной организации в процессе социализации инвалидов с детства и инвалидов, получивших травму во взрослом возрасте.

Методы

Респондентами проведенного автором исследования стали члены городской новокузнецкой общественной организации инвалидов ВОИ (далее НГО ВОИ). Объем выборки равен 200 человек, что составляет 10 % от генеральной совокупности, в которую входят 2000 человек, официально состоящих в НГО ВОИ. В равной степени представлены совершеннолетние инвалиды с детства (100 респондентов) и лица, ставшие инвалидами в совершеннолетнем возрасте (100 респондентов). Характер поставленной задачи обуславливает выбор качественных методов исследования, в частности включенного наблюдения и неструктурированного интервью (Семенова, 1998; Белановский, 2001).

Результаты

В таблице 1 представлены распространенные ответы на вопросы интервью.

Таблица 1

Результаты неструктурированного интервью «Роль общественной организации для лиц с различным временем наступления травмы»

Совершеннолетние инвалиды с детства		Лица, ставшие инвалидами в совершеннолетнем возрасте	
Каковы были Ваши потребности, когда Вы пришли в организацию			
25–35 лет	36–49 лет	25–35 лет	36–49 лет
Найти круг общения после окончания учебного заведения	Стремление участвовать в решении социальных проблем	Найти круг общения после получения инвалидности	Найти круг общения после получения инвалидности. Стремление участвовать в решении социальных проблем

Совершеннолетние инвалиды с детства		Лица, ставшие инвалидами в совершеннолетнем возрасте	
Какие программы НГО ВОИ наиболее важны для Вас			
25–35 лет	36–49 лет	25–35 лет	36–49 лет
Сибирская робинзонада	ИНВА – КВН	Сибирская робинзонада	ИНВА-КВН
ИНВА – КВН	Карнавальная ночь	ИНВА – КВН	Семейный очаг
Карнавальная ночь	Весенний коктейль	Карнавальная ночь	
Как часто, участвуя в программах НГО ВОИ, Вы берете на себя роль лидера команды и/или выступаете в качестве помощника для организаторов программ			
25–35 лет	36–49 лет	25–35 лет	36–49 лет
Я чаще выступаю в качестве лидера в проектах	Я активный соорганизатор проектов	Я чаще выступаю в качестве лидера в проектах	Я всё чаще выступаю организатором программ
На программах НГО ВОИ всегда очень разные по заболеваниям участники, – нужно ли Вам было время, что привыкнуть к особенностям здоровья других людей			
25–35 лет	36–49 лет	25–35 лет	36–49 лет
Трудностей не возникало, т. к. есть большой опыт общения в реабилитационных центрах			
Что изменилось в Вашей жизни после участия в программах НГО ВОИ?			
25–35 лет	36–49 лет	25–35 лет	36–49 лет
Появилась уверенность в себе. Нашел новых друзей	Появилось место для самореализации	Легче принял ситуацию ограниченных возможностей	Легче принял ситуацию ограниченных возможностей. Обрел свой круг общения, и появились возможности улучшить социальное положение инв.

Совершеннолетние инвалиды с детства		Лица, ставшие инвалидами в совершеннолетнем возрасте	
Что бы Вы добавили в работу общественной организации			
25–35 лет	36–49 лет	25–35 лет	36–49 лет
Увеличил бы число проектов и мероприятий	Повысил бы сложность спортивных и творческих проектов		Стремился бы организацию включать в общероссийские проекты

Проанализировав значение общественной организации в процессе социализации совершеннолетних инвалидов с детства, можно выделить два основных аспекта. Во-первых, в процессе социокультурных и туристических программ происходят получение нового социального опыта и переоценка своих социальных и физических возможностей. Переоценка эта происходит благодаря изменению групповых ожиданий, которые, в отличие от обычных условий (семьи, учебного или рабочего коллектива), расширяют пространство самореализации личности (за счет многообразия стоящих перед группой задач) и повышают степень ее ответственности за выполняемые действия (т. к. результат этих действий влияет на всю группу в целом). Во-вторых, полученный в ходе программ социальный опыт способствует коррекции таких социально-психологических качеств, как конформизм, нереалистичная самооценка, эгоцентричность, что, в свою очередь, способствует процессу соотношения собственного социального потенциала с возможностью его реализации в обществе и, как результат, повышает степень включенности личности в различные социальные институты. Можно заметить, что на личностном уровне происходит формирование гедонистического настоящего, характеризующегося: «счастьем (...) относительно терпеливы и спокойны» (Zimbardo, 2009, с. 330). Основным фактором коллективных действий является идентичность (Klandermans, 2014; Tajfel & Turner, 1986), в нашем случае – социального положения и т. п. В контексте личности и общества происходит развитие новых парадигм восприятия общества. В частности, может выстраиваться понимание, что «Я – это отношение к Другому, чью жизнь я стараюсь сохранить, без этого отношения Я утрачиваю онтологическое и этическое основание самого себя» (Butler, 2015). Также важно отметить важность для социализационного процесса такого фактора, как «коллективное переживание» (Емельянова, Дробышева, 2017, с. 1; Марцинковская, 2016, с. 10; Липатов, 2020, с. 146), в которое входят:

- 1) динамическая единица взаимной идентификации личности и группы, объединяющая когнитивный и аффективный компоненты);
- 2) типическое эмоционально-смысловое отношение людей к обществу и культуре;
- 3) сложный языковой знак, опосредующий социальное познание и поведение.

Для лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, общественная организация формирует социальную среду, позволяющую инвалидам этой категории продолжать процесс социализации, точнее ее трудовую стадию (по: Андреева, 2001). Поскольку характер программ имеет сходство с организацией трудового процесса, которое выражается в том, что предполагает формирование малых групп и постановку задач, требующих коллективного решения, лица, ставшие инвалидами в совершеннолетнем возрасте, имеют возможность воспроизводства системы социальных связей за счет его активной деятельности в пространстве программ.

Общественная организация выполняет социализирующую функцию для лиц с различным временем наступления инвалидности, когда пространство туристических и социокультурных программ образует среду, в которой личность имеет возможность приобретать и усваивать социальный опыт (в ходе работы в малой группе над решением той или иной задачи), а также воспроизводить систему социальных связей (в процессе презентации реализованной задачи), следовательно, программы НГО ВОИ являются частью процесса социализации. При этом мы согласны с Е. В. Максимовой в том, что «целью социокультурной реабилитации людей с инвалидностью является восстановление оснований бытия, индивидуальной и социальной субъектности и разумной достаточности в потребностях человека соответствовать требованиям социальной жизни по преодолению его жизненных затруднений» (Максимова, 2017б, с. 94).

Обсуждение результатов

Анализируя отношение лиц с различным временем наступления инвалидности к общественной организации и своей роли в ней, отметим справедливость тезисов А. В. Окатова относительно сущности организации и уровней ее деятельности для лиц, в нее входящих. Автор отмечает, что «любая общественная организация возникает вокруг идеальной базовой модели» (Окатов, 2006, с. 12). А. В. Окатов выделяет три основных уровня духовной жизни общества, на основе которых реализуется деятельность общественных организаций социокультурной направленности:

1. На первом уровне «общественные объединения действуют как досуговые институты, выполняющие гражданскую функцию и функцию межкультурного взаимодействия с входящими в нее культурно-познавательными, пропагандистскими, рекреационно-оздоровительными и консолидирующими аспектами».
2. Второй уровень предполагает, что общественная организация «выступает как способ и условие структурирования их членов в социокультурную общность». При этом она реализует следующие функции:
 - функцию расширения количественного объема организации и поддержания ее членов;
 - функцию социализации и ресоциализации;
 - мировоззренческую функцию;
 - коммуникативно-познавательную функцию;
 - функцию поддержания нравственно-психологической атмосферы.
3. Третий уровень собственно «интегрирует организацию, консолидирует ее с обществом в качестве самостоятельного социокультурного образования, обладающего социальной структурируемостью и предсказуемостью в действиях» (Окатов, 2006, с. 22).

Итоги нашего исследования показывают, что для лиц с различным временем наступления инвалидности в большинстве случаев актуален второй уровень, предполагающий социализирующие функции. При этом, по результатам включенного наблюдения, установлено, что для совершеннолетних инвалидов с детства в возрасте от 25 лет до 35 лет в целом характерно нейтрально-равнодушное отношение к формальному членству в общественной организации. Около 3 % этой категории формально не относятся к ней, не имеют членства, но при этом принимают участие в ее деятельности. Примерно 5 % являются не просто активистами организации, а входят в ее управленческий состав. После 35 лет наблюдается возврат интереса данной категории к формальному членству в организации: в большинстве случаев это связано

с тем, что личность, как правило, не может достичь желаемого уровня профессиональной самореализации и стремится к карьерному росту в рамках общественной организации.

Лица, ставшие инвалидами в совершеннолетнем возрасте, как правило, более ответственно воспринимают членство в общественной организации, для них оно в большинстве случаев заменяет официальное трудоустройство, а сама организация является основным институтом социализации.

Большинство респондентов обеих групп на вопрос «Как часто, участвуя в программах НГО ВОИ, ты берешь на себя роль лидера команды и/или выступаешь в качестве помощника для организаторов программ» выбирали второй вариант. Пятнадцать процентов совершеннолетних инвалидов с детства в возрасте от 25 лет до 35 лет определяли себя в качестве лидеров, в возрастном диапазоне от 36 лет до 49 лет данный процент увеличивается до семнадцати процентов. В данной категории до 25 лет респонденты определяют себя только как активных участников программ. Среди лиц, получивших инвалидность в совершеннолетнем возрасте, отдельного возрастного деления в этом вопросе нет, около девятнадцати процентов оценивают себя как лидера команды в процессе проведения туристической или социокультурной программы. Таким образом, фактически реализуя лидерские функции, большая часть респондентов идентифицирует себя «в качестве помощника для организаторов программ».

В ходе совместной деятельности в рамках реализации социокультурных и туристических программ, лица, получившие инвалидность в совершеннолетнем возрасте, выступают для инвалидов с детства в качестве агентов вторичной социализации. Это происходит в результате того, что инвалиды с детства оценивают и частично перенимают отношение к ситуации ограниченных возможностей, свойственное тем, кто получил инвалидность в совершеннолетнем возрасте, которое отличается более высоким уровнем социальной адаптации. Таким образом, пространство социокультурных программ НГО ВОИ формирует социальную среду, позволяющую лицам с различным временем наступления инвалидности преодолеть низкий уровень социально-психологической адаптированности.

Мы, как и А. А. Дарган, полагаем, что социальное самочувствие человека с инвалидностью включает в себя в том числе «оценку себя как человека с ограниченными возможностями» (Дарган, 2015, с. 115). При этом, как правило, обыденная социальная среда инвалида (как на уровне общества, так и на уровне семьи и вне зависимости от времени наступления инвалидности) не предоставляет ему всей полноты социальной реализации и социальной ответственности. По результатам интервью большинство респондентов, особенно в группе инвалидов с детства, отмечают, что в семейных и социальных отношениях существует тенденция к снижению их ответственности за те или иные сферы деятельности. В частности, работающим инвалидам достаточно редко удается повышать свой профессиональный уровень через программы усовершенствования или повышение квалификационной категории, т. к. работодатель в большинстве случаев так или иначе всё-таки ориентирован на наличие ограничений и не склонен к расширению профессиональных обязанностей работника с инвалидностью. Снижение ответственности и превалирование роли «ведомого» характерно и для семейных отношений. Значительный процент респондентов – инвалидов с детства (40 %) указали, что проживают совместно с родителями, при этом респонденты отмечают значительное влияние родительских установок и ожиданий в их повседневной жизни. Таким образом, лица, имеющие инвалидность, сталкиваются с тем, что ожидания референтных групп снижают его социальную активность, что приводит личность к частичной социализации. В этой связи мы согласны с А. А. Дарган в том, что участие лиц с ограниченными возможностями

здоровья в деятельности общественных организаций «оказывает влияние на выбор людьми с инвалидностью модели инвалидности и стратегии интеграции в общество и, как следствие, на социальное самочувствие» (Дарган, 2013, с. 99).

Говоря об общественной организации, Е. Р. Ярская-Смирнова отмечает, что в случае, когда «решение многих жизненно важных вопросов оказывается в руках самих инвалидов, которые, объединяясь в организацию, могут добиться гораздо большего, чем если будут действовать в одиночку», в организациях инвалидов как ни в каких иных «личное» становится «политическим», поскольку затруднения, вызванные ситуацией ограниченных возможностей, мотивируют личность к преобразованию социальной среды, экстраполируя собственный опыт преодоления трудностей (Ярская-Смирнова, Наберушкина, 2004, с. 202). Соглашаясь с данным тезисом, на примере деятельности городской новокузнецкой общественной организации инвалидов ВОИ (далее НГО ВОИ), рассмотрим различие значения общественной организации для лиц с различным наступлением инвалидности.

Прежде всего, стоит сказать, что наиболее распространенным видом работы общественной организации инвалидов, согласно А. В. Старшиновой, являются мероприятия по социокультурной реабилитации, которая, согласно цитируемому автору, является «ядром реабилитационного процесса, пронизывает собой все виды реабилитации». Данный тезис обоснован следующими выводами А. В. Старшиновой:

1. «Творчество – это «норма жизни»... возможна и обратная связь: с помощью творчества возвращать здоровье как норму жизни. Возвращая организму состояние творческого поиска, следует ожидать, что организм, как целостная система, начнет сам гармонизироваться, избавляясь от патологии или компенсируя ее» (Старшинова, 2018, с. 287).
2. «Организация досуга имеет значение для развития знаний и навыков инвалида, повышающих его субъектность, выражающуюся в способности быть самостоятельным, нести ответственность за свою жизнь, делать выбор и реализовываться».
3. «Приспособление/адаптация к новым жизненным обстоятельствам – это один из компонентов реабилитации, в частности социокультурной реабилитации...». В свою очередь, «социальная адаптация как процесс приспособления к правилам, системе ценностей и норм, практике и культуре общества или отдельных его систем, позволяет интегрировать инвалида в социальную среду, частью которой он становится» (Старшинова, 2018, с. 288).

Рассматривая практическую деятельность НГО ВОИ, остановимся именно на ее социокультурных и туристических проектах, в процессе реализации которых происходит значительная часть процесса социализации членов организации. О значении применения социокультурных технологий для актуализации личностного потенциала инвалидов пишут многие исследователи. В частности, А. А. Даллари определяет, что «приобщение людей с инвалидностью к культуре представляет собой процесс, который способствует удовлетворению потребностей личности в духовном и личностном росте, тем самым являясь средством реабилитации образования для инвалидов, обеспечивающим их разностороннее развитие и успешную адаптацию в социальной среде» (Даллари, 2020а, с. 3).

Ориентированность социокультурной деятельности НГО ВОИ на личность человека, на его творческий потенциал, делает процесс социальной реабилитации (и, в конечном счете, социализации) более индивидуально ориентированным и, как следствие, более эффективным.

Основным фактором является то, что получив на творческих (по сути дела, модельных) платформах социальный опыт, инвалид имеет возможность дальнейшего развития уже

не только в рамках реабилитационных программ, а в тех областях социума, где он мотивирован к развитию (получение образования, работа, построение собственной семьи и т. п.). Реабилитация выражается в развитии творческих способностей, проявлении человека как субъекта культуuroобразующей деятельности, в которой основной акцент делается не на конечное произведение того или иного искусства, сделанное человеком, а на динамику произошедших с ним социально-психологических изменений в ходе погружения в социокультурную деятельность. Локус внимания личности смещается с физических ограничений на реализацию своего социального и творческого потенциала. Таким образом, социокультурное реабилитационное пространство, которое мы понимаем как комплекс социокультурных программ и проектов, ориентированных на раскрытие реабилитационного и творческого потенциала личности инвалида, с соответствующим набором программ, удовлетворяющим потребности инвалидов в разнообразной социокультурной деятельности.

Подобное социокультурное реабилитационное пространство сформировано программами НГО ВОИ, в число которых входит:

- 1) «Семейный очаг»: творческий конкурс среди семей, имеющих в своем составе лиц с инвалидностью;
- 2) «Весенний коктейль»: праздничная программа, состоящая из творческих номеров, представленных районными и молодежными организациями НГО ВОИ;
- 3) «Карнавальная ночь»: предновогодняя игра, предполагающая работу команды в творческих мастерских (театральной, музыкальной, декоративно-прикладной, танцевальной);
- 4) «ИНВА – КВН»: аналог телеигры.

Концептуальным основанием программ организации НГО ВОИ являются формирование малых групп и работа в них над полученным заданием. На примере игры «ИНВА – КВН» рассмотрим социализирующее воздействие социокультурных программ НГО ВОИ. Необходимость проведения данной формы мероприятия обусловлена потребностью людей с инвалидностью в активных видах досуговой деятельности. В данном контексте применимо определение «социокультурной анимации инвалидов», под которым Л. В. Тарасов понимает «процесс эмоционально-смыслового развития личности каждого индивида, вследствие повышения его творческой активности, а также становления и развития личности путем вовлечения в предметную и рефлексивную деятельность с использованием средств культуры и искусства» (Тарасов, 2005, с. 11). Наиболее актуальная проблема лиц с инвалидностью – это дефицит общения, приводящий к торможению процесса прохождения основных социальных ролей. Практически все коммуникативные связи сводятся к отношениям внутри семьи и достаточно регламентированному общению в учебных и лечебных учреждениях; такая узость коммуникативного пространства не способствует процессу активной социализации инвалида (Тельминова, 2021, с. 98). Выходом из данной ситуации, согласно Л. В. Тарасову, является «организация инфраструктуры реализации духовных потребностей личности: общения, деятельности, познания и творчества с использованием анимационных психолого-педагогических технологий» (Тарасов, 2005, с. 9). Данная инфраструктура заменяет человеку с инвалидностью недоступные (или труднодоступные) институты социализации и «актуализирует творческий потенциал, межличностное взаимодействие и духовное бессознательное индивида за счет создания особых психолого-педагогических условий межличностного общения» (Тарасов, 2005, с. 9). Подобная инфраструктура возникает в процессе подготовки и проведения игр ИНВА-КВН: неформальная среда позволяет лицам с инвалидностью (в зависимости от времени

ее наступления) сформировать или реализовывать коммуникативные навыки, что, в свою очередь, является основным составляющим процесса социализации.

Перейдем к рассмотрению туристической акции НГО ВОИ «Сибирская Робинзонада» в контексте социализирующей роли общественной организации. Программа проведения акции предполагает формирование команды, в задачи которой входят самостоятельное проживание в туристических условиях, активное участие всей команды в спортивных, интеллектуальных и творческих соревнованиях. В состав команды входят люди от 18 до 35 лет с различными видами инвалидности (исключение – психические заболевания, эпилепсия и диабет), не предусмотрено участие в команде людей, не имеющих инвалидности.

Туристическая акция «Сибирская Робинзонада» является мультиреабилитационным проектом, направленным на развитие потенциала человека с ограниченными возможностями. Условия палаточного лагеря, туристический быт и, самое главное, – приобретение навыков существования и работы в команде, – позволяют человеку расширить диапазон социальных навыков, попробовать себя в различных социальных ролях. Основная социально-психологическая трудность людей с нарушениями ОДА (опорно-двигательного аппарата) заключается в недостаточном социальном опыте и ограниченном пространстве социального взаимодействия и самовыражения. Отметим, что для инвалидов детства актуальны обе проблемы, тогда как люди, получившие травму, будучи взрослыми людьми больше нуждаются именно в расширении пространства социального самовыражения и роста, т. к. при наступлении инвалидности многие общественные институты оказываются недоступными для людей с ограниченными возможностями (Тельминова, 2012, с. 1–2). Проявляя себя в общении, занимаясь разнообразными видами деятельности, лица с различным временем наступления инвалидности корректируют самооценку, пересматривают свое отношение к имеющимся физическим и социально-психологическим ограничениям.

Акция НГО ВОИ «Сибирская Робинзонада» сочетает в себе все виды социально-реабилитационного воздействия туристических мероприятий (по А. М. Ахметшину):

- социально-коммуникативное: изменение круга и характера общения, деятельность в составе малых групп;
- социально-бытовое: деятельность, направленная на организацию быта в условиях туристского путешествия;
- социально-средовое: овладение технологиями эффективного функционирования в различных средах обитания;
- социально-культурное: общение с незнакомыми людьми «за пределами семейного круга»; знакомство с новыми культурными, историческими и природными ценностями; конкурсы, вечера, песни и т. д.;
- социально-психологическая коррекция: изменение социальной роли (переход из роли опекаемого в роль активного члена коллектива), снижение рентных установок; изменение самооценки и точки зрения на степень ограничений, создаваемых имеющимся дефектом; и т. п. (Ахметшин, 2004, с. 25–26).

Мы согласны с выводами А. А. Даллари, о том, что «туристический коллектив, как и любая социальная группа, представляет собой самостоятельный фактор, детерминирующий воздействие на личность инвалида... требует от него значительных физических и психологических усилий для успешной социальной интеграции» (Даллари, 2020б, с. 5). Данный тезис, по нашему мнению, раскрывает социализирующий характер туристической акции «Сибирская Робинзонада».

В целом, по итогам проведенного исследования, можно говорить о том, что туризм выступает в качестве культурной социализации не только для инвалидов-колясочников (Максимова, 2017а), но и для лиц, с различным временем наступления инвалидности и ее медицинского генезиса (Максимова, 2017а, с. 106).

Выводы

- В основе социально-психологических особенностей совершеннолетних инвалидов с детства находится тип отношения к болезни;
- У лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, тип отношения к болезни основан на имеющихся социально-психологических особенностях личности, сформированных вне наступления инвалидности, таких, как коммуникативность, стрессоустойчивость и т. Д.;
- Для совершеннолетних инвалидов с детства, общественные организации – это пространство не только для реализации, но для формирования социально-психологических качеств;
- Для лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, общественная организация выступает как институт социализации, в пространстве которого проявляются социально-психологические качества личности.

Итак, по итогам проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Для совершеннолетних инвалидов с детства общественные организации – это пространство не только для реализации, но для формирования социально-психологических качеств. Для лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, общественная организация выступает в качестве института социализации, в котором проявляются социально-психологические качества. В целом, на наш взгляд, эффективность общественной организации инвалидов определяется тем, формируют ли ее программы пространство, в котором возможно приобретать и усваивать социальный опыт, основываясь на котором происходит активное дальнейшее вхождение личности с инвалидностью в различные социальные среды, т. е. когда она в полном объеме реализует функции института социализации.

Ограничения

Ограничения исследования связаны с тем, что, в связи с выбранным объектом, в работе отдельно не рассматриваются аспекты вхождения в общественную организацию совершеннолетних лиц, получивших инвалидность в течение трех лет. Мы считаем, что данная тема должна стать объектом отдельного исследования в силу специфики начального периода получения травмы, в ходе которого происходит адаптация личности к статусу «инвалид».

Благодарности: Выражаем благодарность О. З. Быковой, заместителю председателя городской новокузнецкой общественной организации инвалидов ВОИ, за содействие в организации качественного этапа исследования.

Литература

- Андреева, Г. М. (2001). *Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений*. Аспект Пресс.
- Ахметшин, А. М. (2004). *Туризм как метод реабилитации и оздоровления людей с ограниченными жизненными возможностями* (автореферат кандидатской диссертации). Московский государственный университет сервиса.

- Белановский, С. А. (2001). *Глубокое интервью: Учебное пособие*. Никколо-Медиа.
- Гостев, А. Н., Бодрикова, А. В. (2015). *Социальное управление общественными объединениями инвалидов вследствие боевых действий и военной травмы*. Издательство Современного гуманитарного университета.
- Даллари, А. А. (2020а). Культурно-массовые мероприятия как социокультурный ресурс для актуализации личностного потенциала людей с инвалидностью. *Концепт*, 3, 115–120.
- Даллари, А. А. (2020б). Туризм как средство адаптации инвалидов к социальной среде. *Концепт*, 6, 110–116.
- Дарган, А. А. (2013). Проблемы социальной интеграции инвалидов и роль общественных организаций в их решении. *Вестник Международного института экономики и права*, 4, 96–103.
- Дарган, А. А. (2015). Социальное самочувствие людей с ограниченным жизненным пространством. *Социологический журнал*, 21(2), 114–129.
- Емельянова, Т. П., Дробышева, Т. В. (2017). Коллективные чувства в отношении значимых социальных явлений: сравнительный анализ групп студентов православных и светских вузов. *Психологические исследования*, 10(53).
- Липатов, С. А. (2020). Проблемы концептуализации социальных эмоций и коллективных переживаний в современной социальной психологии: к 70-летию юбилею Т. Г. Стефаненко. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 143–160. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.01.08>
- Максимова, Е. В. (2017а). Возможности культурного туризма в социализации и социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 1, 98–107.
- Максимова, Е. В. (2017б). Социокультурная реабилитация, адаптация и объединение лиц с ограниченными возможностями здоровья: теоретико-методологический аспект. *Человек. Культура. Образование*, 3, 80–96.
- Марцинковская, Т. Д. (2016). *Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа*. Смысл.
- Окатов, А. В. (2006). Общественные организации как фактор социокультурного развития региона (автореферат кандидатской диссертации). Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина.
- Семенова, В. В. (1998). *Качественные методы: введение в гуманистическую социологию*. Добросвет.
- Старшинова, А. В. (2018). Социокультурная реабилитация: понятие и содержание. В Т. В. Рогачева (ред.), *Система комплексной реабилитации и абилитации инвалидов: опыт межведомственного взаимодействия, инновации, технологии*: Материалы II научно-практической конференции с международным участием (с. 285–291). Областной центр реабилитации инвалидов.
- Тарасов, Л. В. (2005). *Формирование жизненной устойчивости инвалидов в процессе социокультурной анимации в учреждении культуры* (автореферат кандидатской диссертации). Московский государственный университет культуры и искусств.
- Тельминова, К. В. (2012). Влияние социокультурных и туристических акций ЦГБ им. Гоголя на процесс социализации инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата

- (стендовый доклад). В *Международная научно-практическая конференция «Интеграция инвалидов в социокультурном и информационном пространствах: задачи и функции библиотек»*. Санкт-Петербург.
- Тельминова, К. В. (2021). Различия социализации взрослых в условиях врожденной и приобретенной инвалидности. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*, 200, 174–189. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2021-200-174-189>
- Тельминова, К. В. (2022). Особенности социализации лиц с различным временем наступления инвалидности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, 6(3), 172–180. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-172-180>
- Хорошилов, Д. А., Ильжер, Е. А. (2019). Коллективные переживания прекарности и гражданские движения. *Национальный психологический журнал*, 2, 48–54. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0209>
- Шенцева, Н. Н., Давыдова, А. Ю. (2013). Описательная модель социально-психологической реабилитации группы «молодых людей-инвалидов». *Научный диалог*, 4, 85–95.
- Ярская-Смирнова, Е. Р., Наберушкина, Э. К. (2004). *Социальная работа с инвалидами* (2-е изд., перераб. и доп.). Питер.
- Butler, J. (2015). *Notes toward a performing theory of assembly*. Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/9780674495548>
- Kelly, C., & Breinlinger, S. (2012). *The social psychology of collective action: Identity, injustice and gender*. Routledge.
- Klandermans, P. G. (2014). Identity politics and politicized identities: Identity processes and dynamics of protest. *Political Psychology*, 35(1), 1–22. <https://doi.org/10.1111/pops.12167>
- Smelser, N. J. (2011). *Theory of collective behavior*. Quid Pro Books.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relation* (pp. 7–24). Hall Publishers.
- van Zomeren, M., Postmes, T., & Spears, R. (2008). Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin*, 134(4), 504–535. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.4.504>
- Zimbardo, P. (2009). *The time paradox: The new psychology of time that will change your life*. Thorndike Press.

Поступила в редакцию: 26.06.2022

Поступила после рецензирования: 08.12.2022

Принята к публикации: 18.12.2022

Информация об авторе

Кира Вадимовна Тельминова – аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0334-5269>, e-mail: telminova.kira@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 376.112.4

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.9>

Ребенок с РАС в детском саду: ресурсы психологической готовности педагога

Ирина А. Нигматуллина^{1*} , Валерия А. Степашкина¹ , Лилия Д. Павлова¹

¹ Институт психологии и образования, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: irinigma@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье представлен новый взгляд на проблему подготовки педагогов дошкольных организаций, исследованы проблемы практической подготовки специалистов психолого-педагогического профиля в аспекте взаимодействия с детьми с расстройствами аутистического спектра (РАС). В последнее время количество дошкольных организаций с группами компенсирующей направленности увеличилось в среднем на 30% за последнее десятилетие, что требует создания необходимых условий воспитания, обучения и развития детей с РАС. Цель исследования заключается в определении ресурсов психологической готовности педагогов к работе с детьми с РАС в условиях дошкольных образовательных организаций. **Методы.** В исследовании был применен анализ психолого-педагогической литературы, нормативно-правовых документов организации образовательного процесса и психолого-педагогического сопровождения детей с РАС, а также авторский анкетный опрос, состоящий из 18 вопросов, оценивающие психолого-педагогические знания, уровень подготовки, трудности и необходимую поддержку педагогов в работе с детьми с РАС. В опросе приняли участие 60 педагогов дошкольных образовательных учреждений, работающих с детьми с РАС. **Результаты** опроса позволили определить особенности деятельности воспитателя с детьми с РАС, выявить трудности в организации работы воспитателя в группах компенсирующей направленности. Наибольшую сложность составляет переход от теоретических знаний о детях с РАС к практической работе с данной категорией детей. **Обсуждение результатов.** Результаты исследования подтверждают данные российских и зарубежных ученых: у педагогов, работающих с дошкольниками с РАС выявляется нехватка специальных знаний и умений для коррекционной и развивающей работы с проблемами данных детей. **Заключение.** На основании полученных результатов возможно выстроить траекторию профессиональной подготовки педагогов, воспитателей в группе детей с РАС, включить в учебные планы подготовки будущих педагогов в ВУЗе модуль, направленный на формирование системных теоретических знаний о РАС, практических навыков работы с современными технологиями обучения и воспитания данной категории детей и взаимодействия с их родителями.

Ключевые слова: дети, дошкольный возраст, педагогическая психология, нарушения развития, аутистический спектр, аутизм, психическое здоровье, педагог, готовность педагога, компенсирующая направленность

Финансирование: Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Нигматуллина И. А., Степашкина В. А., Павлова Л. Д. (2023). Ребенок с РАС в детском саду: ресурсы психологической готовности педагога. *Российский психологический журнал*, 20(1), 132–148. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.9>

Введение

Проведенный в 2020 году мониторинг, подготовленный Департаментом государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства просвещения Российской Федерации совместно с Федеральным ресурсным центром по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра (ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет») раскрывает данные об общей численности людей с расстройствами аутистического спектра (РАС): 32899 человек имеют диагноз «расстройства аутистического спектра». Судя по показателям, наблюдается увеличение количества людей с диагнозом РАС по сравнению с предыдущим годом (2019) на 42 %. Кроме того, в процессе мониторинга проводился сбор данных о количестве людей с РАС, получающих образование на всех ступенях образования в РФ – 8089 (24,5 %) детей получают образовательные услуги на уровне дошкольного образования (из аналитической справки о численности детей с расстройствами аутистического спектра в субъектах Российской Федерации в 2020 году, URL: <https://autism-frc.ru/education/monitoring/1265>)

Проблематика исследования РАС связана, прежде всего, с постоянным уточнением содержания и сущности данной группы нарушений. В некоторых описаниях основной упор делается на нарушение коммуникации и возраст возникновения РАС, в других описаниях акцент смещается на понимание данной группы расстройств как результата искажения и дисбаланса работы центральной нервной системы. Однако расширение и уточнение признаков и характеристик РАС позволяет рассматривать индивидуальные случаи нарушения развития детей с РАС для полноценной подготовки индивидуальных маршрутов психологического и образовательного сопровождения (Lauritsen, 2013). Показатели распространенности РАС требуют изучения динамики включения и адаптации детей с РАС к реальным условиям жизни. Педагогам необходимо применять различные методы и приемы работы, показывающие эффективность социализации детей данной группы (Сунагатуллина, Пустовойтова, Яковлева, 2019). Для этого одним из важных критериев является необходимость формирования стратегий взаимодействия специалистов и педагогов (Hart Barnett & O'shaughnessy, 2015). Педагогам важно расширять имеющийся опыт, совершенствовать практические навыки и постоянно получать информацию о дифференциации РАС и других нарушений в развитии и социальной поддержке детей с РАС (Able, Sreckovic, Schultz, Garwood, & Sherman, 2015).

Нужно отметить, что расстройство аутистического спектра (РАС) – это нарушение развития, которое может вызвать широкий спектр проблем в социальном взаимодействии, общении

и поведении. Одиннадцатая международная классификация болезней (МКБ-11), вышедшая в январе 2021 года, определяет РАС как дефицит способности индивида начинать и поддерживать двустороннюю коммуникацию, что заключается в ограниченном, или повторяющемся, поведении, необычном для конкретного возраста или ситуации развития индивида. Авторы и исследователи, изучающие поддержку детей с РАС на различных этапах социальной адаптации, выявляют основные характеристики, определяющие данный вид дизонтогенеза (Никольская и др., 2005; Никольская, Баенская, 2017; Никольская, Баенская и Гусева, 2019; Frith & Happé, 1994; Frith, 2003):

- ребенок не слышит собеседника и не понимает речь;
- ребенок не замечает собеседника и не смотрит в глаза;
- ребенок совершает стереотипные, однообразные движения;
- наличие у ребенка заикленности и ритуалов;
- наличие проблем с туалетом, едой и сном;
- ребенок не чувствует боль или не может понять, где болит.

Для адаптации и социализации детей с РАС в дошкольном возрасте наиболее эффективной считается возможность интервенции сотрудничества и применения методов коммуникации ребенка и воспитателя, ребенка и родителя. Взаимное социальное взаимодействие специалиста, родителя и ребенка, как правило, дает наилучшие результаты (Tachibana et al., 2017). Знания о РАС и методах работы с детьми данной группы позволяют диагностировать и выявлять количество детей, нуждающихся в постоянной помощи и работе с коррекцией психического развития. Например, в США Центр по контролю заболеваемости обнародовал данные по численности детей с РАС – данное нарушение встречается у одного из 44 детей в возрасте 8 лет, и РАС был в 4,2 раза более распространен среди мальчиков, чем среди девочек (из материалов Centers for Disease Control and Prevention, URL: <https://www.cdc.gov/ncbddd/autism/features/new-autism-spectrum-disorder-report.html>). Опубликованные в 2021 году данные сообщают о значительном росте количества детей с РАС. В 2020 году по результатам анализа данных упомянутого выше мониторинга в России установлено, что существует проблема с педагогическими кадрами для работы с детьми с РАС. Выявленная проблема связана с подготовкой различных специалистов к работе с данной категорией детей, так как 24448 педагогам необходимо пройти соответствующие курсы повышения квалификации по направлению их деятельности. Авторами рассматриваются аспекты профессиональной компетентности педагогов, работающих с детьми с РАС (Цырульникова, 2016; Хаустов, 2020). Указывается, что социализация ребенка с РАС может быть осуществлена только в системной и многопрофильной работе специалистов врачей, психологов, дефектологов, педагогов (Нестерова, Айсина, Сулова, 2016; Платохина, Абашина, 2018). Подготовка к работе с детьми с РАС особенно сложна в аспекте технологической составляющей процесса профессиональной компетентности педагога (Платохина, Дудникова, 2016). Инклюзия детей с РАС предполагает обязательное и планомерное решение образовательных задач с учетом специфики развития каждого ребенка, что приводит к формированию способности находиться в группе и снижать проявление негативных последствий дисгармоничности в развитии (Аделова, Дыбошина, 2018). Раскрыта структурно-функциональная модель комплексной поддержки дошкольников с РАС, отражающая особые условия обеспечения их успешного обучения при переходе с одного образовательного уровня на другой. Комплексное сопровождение детей с РАС в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов способствует идее организации доступного и качественного дошкольного образования, а также

успешной социализации этой категории детей с учетом их состояния здоровья (Nigmatullina, Vasina, & Mukhamedshina, 2021). Е. А. Череневой и Е. А. Володенковой (2016) представлена межведомственная модель организации системы помощи детям с РАС в Красноярском крае, в которой описаны технологии межведомственного сотрудничества зарубежных и отечественных исследователей и практиков в развитии детей с аутизмом, также представлен опыт развития родительских инициатив, подготовки профессиональных кадров для работы с детьми с РАС. Комплексные модели разрабатываются с целью учета сложностей и психологической специфики работы с детьми с РАС. Современные исследования указывают на то, что педагоги часто сталкиваются с психологическими барьерами, выраженными в фрагментарности образа ребенка с РАС, негативными установками и убеждениями к работе с искаженным психическим развитием (Менщикова, Погорелов, 2017). Психологическая готовность педагога к работе с детьми с РАС предполагает наличие творческо-креативной направленности и интерес к преодолению негативных последствий и коррекции РАС (Лобанов, 2022). Описанное выше указывает на факт, что личность педагога и его компетентность являются факторами либо позитивного, либо негативного отношения к инклюзивному образованию детей с РАС. Среди позитивных определены следующие факторы: информированность, специализированная подготовка педагогов и взаимодействие с другими специалистами по вопросам РАС (Айсина, Нестерова, Сулова, Хитрюк, 2019). Компетентный педагог-практик, особенно в рамках работы с РАС, подготовлен в четырех основных направлениях: профессиональные знания, знания индивидуальной траектории развития конкретного воспитанника или ученика, стремление к профессиональному саморазвитию и знания применения общепринятых практик и технологий. При высоком спросе на специалистов в сфере работы с РАС существуют глобальные проблемы нехватки воспитателей, педагогов, тьюторов, слабой подготовленности и осведомленности кадров в аспекте данной проблематики (Тео, Lau, & Then, 2022). Кроме компонента знаний при подготовке воспитателя, педагога или учителя необходимо учитывать формирование у педагогов готовности к инклюзии, ценностно-ориентированного отношения к педагогической деятельности, адаптивности и эффективности применения стратегий профессиональной деятельности. В процессе подготовки и повышения квалификации педагогов важно ориентироваться на системную подготовку личности педагогов в деятельности и разрабатывать концептуальную модель личности педагога в педагогической деятельности (Мазилов, Костригин, 2022).

Комплексная работа с педагогами и их подготовка связаны с системными проблемами, с которыми сталкиваются специалисты. Например, выявлены психолого-педагогические барьеры, которые останавливают в профессиональном росте воспитателей, работающих с дошкольниками с РАС: отсутствие готовности педагога работать с РАС, слабая вовлеченность педагога и недостаточная сплоченность педагогической команды, трудности, присущие обучению учащихся с РАС, факторы, связанные с ограничениями учебного времени и ресурсов, а также административные решения, не способствующие профессиональному развитию и недостаточная методическая поддержка педагогов.

Самым сложным барьером, по мнению воспитателей, является именно их недостаточная профессиональная подготовленность к работе с РАС, что влечет возникновение остальных проблем (Wilson & Landa, 2019). Педагоги нуждаются в поддержке более опытных педагогов, коллег и наставников, в возможности получать практические навыки и обмениваться опытом в других школах и учреждениях с направленностью на преодоление РАС и коррекцию искажений в развитии (Corkum et al., 2014).

Также было определено, что у российских педагогов, как и у педагогов в зарубежной образовательной практике, сформированы мифы о работе с детьми с РАС (Айсина, Нестерова, 2019; Айсина, Нестерова, Сулова, Хитрюк, 2019), среди которых наиболее распространена идея о высоких интеллектуальных способностях или одаренности детей с РАС. В организации образовательных условий и для педагогов, и для родителей, и для детей с РАС выявляются существенные пробелы: наибольшие сложности отмечаются в компетенциях, недостаточности владения методами работы и навыками преодоления поведенческих и речевых нарушений у детей с РАС. При этом педагоги отмечают внутреннюю готовность к профессиональному росту и работе с группами детей с РАС (Манелис, Медведовская, Субботина, 2014).

Таким образом, к трудностям в работе с детьми с РАС педагоги относят:

- сомнения в компетентности относительно взаимодействия с данной группой детей,
- сложности в работе с родителями детей с РАС,
- отсутствие поддержки сопровождения профильных специалистов, тьюторов и т. д. (Айсина, Нестерова, 2019).

Так или иначе, каждый педагог и специалист дошкольного образования будет заниматься вопросами развития и обучения ребенка с РАС в связи с тем, что в настоящий момент практически в каждой группе присутствует ребенок с данным типом дизонтогенеза. Таким образом, приоритет следует отдавать такой подготовке кадров, которая будет совершенствовать специальные умения и навыки и осведомленность о РАС. Сталкиваясь с проблематикой РАС на практике, педагог должен быть готов к созданию оптимальных образовательных условий для детей. Эффективность и результативность педагогической деятельности компетентного педагога будет способствовать сохранению психологической устойчивости и снизит риск эмоционального выгорания (Pettersson Bloom, 2021). Профессиональное выгорание, потеря интереса к работе с детьми с особыми образовательными потребностями детерминированы недостаточностью поддержки педагогов как в психолого-педагогическом, так и в методическом плане (Семенова, Семенова, 2019).

Соответственно, аспект организации воспитательно-образовательной деятельности педагогов в дошкольной организации в рамках компенсирующей группы с детьми с РАС все еще не раскрыт в полной мере. Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей работы педагога в группах компенсирующей направленности в дошкольной образовательной организации (на примере группы детей с РАС).

Методы

Для достижения целей в качестве основных задач были обозначены следующие:

- Определить наличие трудностей у педагогов, работающих в группах компенсирующей направленности (с детьми с РАС) в муниципальных дошкольных образовательных организациях;
- Определить суть проблем, а так же выявить отличительные особенности воспитательно-образовательного процесса, необходимость проектирования модуля обучения будущих педагогов в вузе для работы с детьми РАС.

Для исследования был выбран метод опроса. Опрос был проведен на платформе Google Forms, являющейся наиболее предпочтительной для исследования педагогов, работающих с детьми с РАС, за счет универсальности и возможности за короткий промежуток времени собрать достаточный массив данных.

В опросе участвовало 60 педагогов, все педагоги – женщины, от 20 до 65 лет, работающие

с детьми с РАС в группах компенсирующей направленности дошкольных образовательных организаций (ДОО) в г. Казань. Самый большой показатель в 23,3 % указывает на возраст педагогов от 41 года до 45 лет; 15 % опрошенных – педагоги в возрасте от 31 года до 35 лет, и такой же процент – в возрасте от 36 до 40 лет, от 46 до 50 лет; 13,3 % – педагоги от 20 до 25 лет; 10 % – от 51 года до 55 лет; 1,7 % – педагоги старше 60 лет. Образование: у 56,7 % педагогов педагогическое образование, у 25 % педагогов специальное дефектологическое образование, у 15 % педагогов психолого-педагогическое образование, у 3,3 % педагогов психологическое образование.

Исследование включало 2 этапа.

1 этап – подготовительный. На первом этапе была разработана программа исследования, сформулирована цель и исследовательские вопросы, определена выборка, разработан опрос. Опрос предполагал небольшое количество достаточно объемных по своему значению вопросов. При подготовке опроса учитывалось основное базовое образование педагогов. Опросник затрагивал все необходимые аспекты содержания педагогической работы с нарушением развития при РАС: психолого-педагогические знания, оценка настоящего уровня подготовки, трудности и необходимая поддержка педагогов для работы с детьми с РАС.

2 этап – сбор, обработка и анализ эмпирических данных. Диагностированный материал позволил получить представления о существующем опыте взаимодействия педагогов со спецификой развития детей при РАС, что позволит в дальнейшем разработать алгоритм обновления содержания в подготовке будущего педагога.

Исследовательские вопросы:

1. Какое у Вас образование?
2. Ваш возраст?
3. Ваша должность в образовательном учреждении?
4. Ваш стаж педагогической деятельности?
5. Стаж работы с детьми, имеющими особенности в развитии?
6. Что такое расстройство аутистического спектра (далее РАС)?
7. Классификация синдромов РАС согласно классификации К. Гилберта и Т. Питерса (1998).
8. Сможете ли Вы назвать технологии, позволяющие корректировать нарушения в коммуникативной и социальной сферах в развитии ребенка с РАС?
9. Что включает в себя немедикаментозная терапия РАС?
10. Назовите методы, рекомендуемые для работы с детьми с РАС.
11. Сможете ли Вы выделить наиболее эффективные формы работы с родителями, воспитывающими детей с РАС?
12. Что включает в себя работа с родителями детей с РАС?
13. Как необходимо организовать воспитательно-образовательный процесс детей с РАС?
14. Испытываете ли Вы трудности в ходе работы с детьми с РАС?
15. Какой вид поддержки своей деятельности Вам необходим в процессе работы с детьми с РАС?
16. Что способствовало Вашему выбору работать с детьми с РАС?
17. Считаете ли Вы необходимым получать знания об особенностях работы с детьми с РАС, в процессе обучения по программам направления «Дошкольное образование» в вузе?
18. При осуществлении образовательного процесса с детьми с РАС в команде с какими специалистами вы работаете?

Результаты

Проведенный опрос показал, что среди педагогов, работающих в группах компенсирующей направленности (на примере РАС) большую часть составляют воспитатели дошкольных учреждений и учителя-логопеды. Особое внимание обращает на себя тот факт, что большинство педагогов имеет небольшой опыт работы: стаж до 6 лет. Интересен также вопрос, сколько лет из общего стажа участники опроса работают с детьми с особенностями в развитии: результаты показали, что 56,7 % имеют опыт работы до года, 33,3 % осуществляют данную деятельность от 1 года до 3 лет, 5 % – от 4 до 6 лет. Только 5 % участников работает с детьми с особенностями в развитии более 10 лет. Распределение количества педагогов по этим параметрам представлено на рисунках 1, 2, 3.

Рисунок 1

Занимаемая должность участников опроса

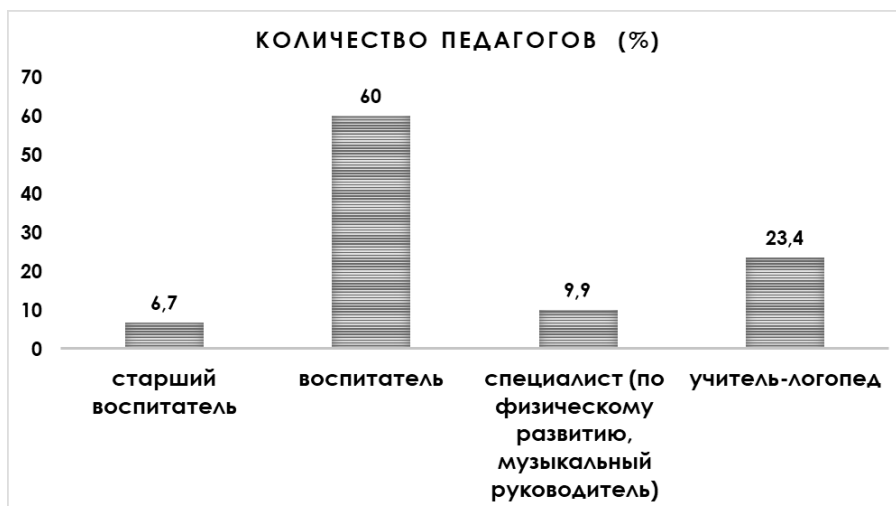

Рисунок 2

Стаж педагогической деятельности

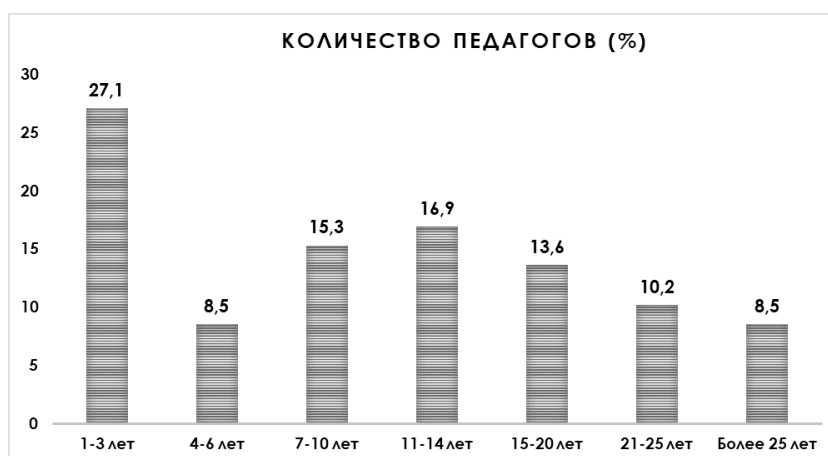
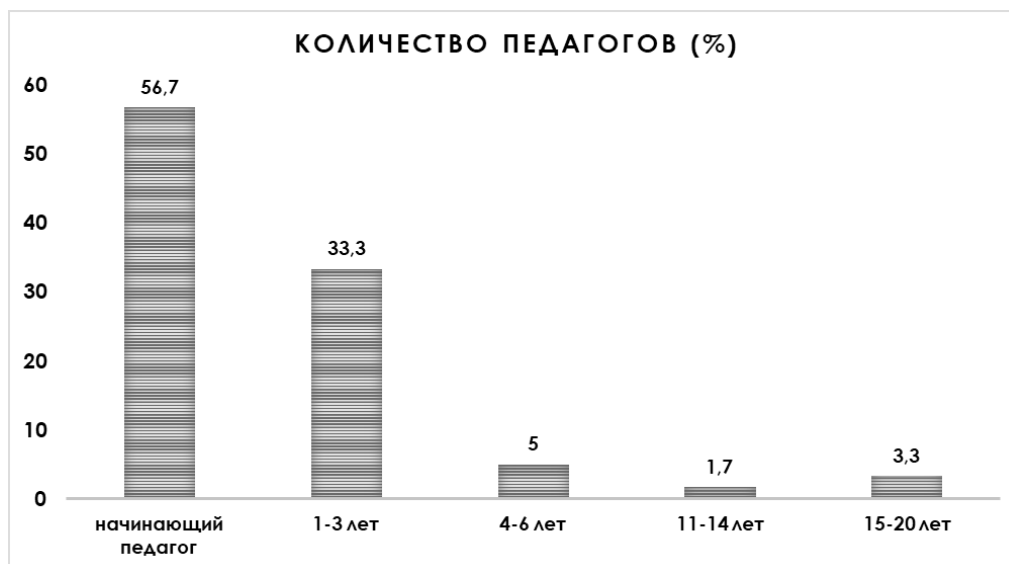

Рисунок 3

Стаж работы с детьми, имеющие особенности в развитии

Положительным результатом опроса является то, что у большинства опрошенных выявлены достаточные теоретические знания о РАС и сущности немедикаментозной терапии РАС. Мы можем говорить о высоком уровне теоретической подготовки относительно знания критериев, классификаций РАС и основных технологий немедикаментозной работы с данным типом дизонтогенеза (рис. 4, рис. 5).

Рисунок 4

Теоретическая подготовка. Определение РАС

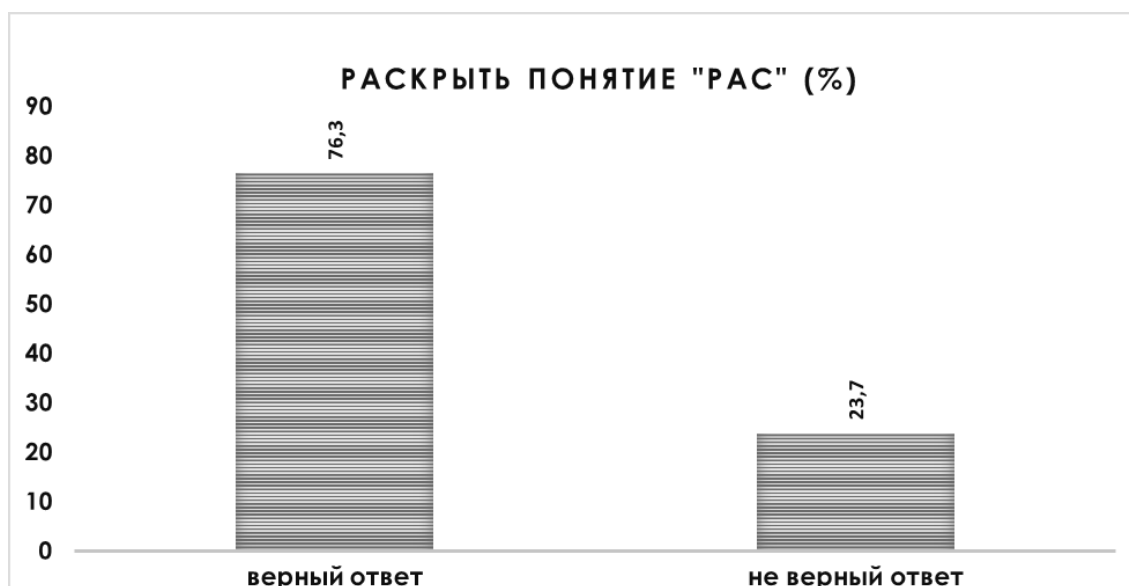

Рисунок 5

Теоретическая подготовка. Немедикаментозная терапия РАС

Далее рассмотрим результаты опроса, касающиеся ориентированности педагогов и их знаний на применение современных практик и методов работы с детьми с РАС и их родителями. Выявлено, что назвать технологии работы, позволяющие осуществлять коррекцию в коммуникативной и социальной сферах при РАС, могут лишь 13,3 % опрошенных (рис. 6).

При выборе методов для работы с детьми с РАС 10 % педагогов выбрали холдинг-терапию, которую не рекомендуют использовать для данной категории нарушения в развитии, так как она не выявила свою доказательную эффективность (Осин, Устинова, 2020), 11,6 % – выбрали DIR Floortime, 76,6 % педагогов выбрали метод альтернативной коммуникации PECS, 93,3 % отдали предпочтение АВА терапии (рис. 7).

Рисунок 6

Теоретические знания о технологиях коррекции коммуникативной и социальной сфер

Знаний об эффективности взаимодействия и работы с родителями детей с РАС у воспитателей оказалось недостаточно (35%), большинство педагогов (56,7%) сомневаются в своих возможностях правильно определять и применять методы психолого-педагогической поддержки семье (рис. 8). Большинство педагогов осведомлены о методах работы с детьми с РАС, однако самостоятельно назвать направленность методов на ту или иную проблему может меньшая часть опрошенных, при этом наибольшие сложности выявлены в работе с родителями.

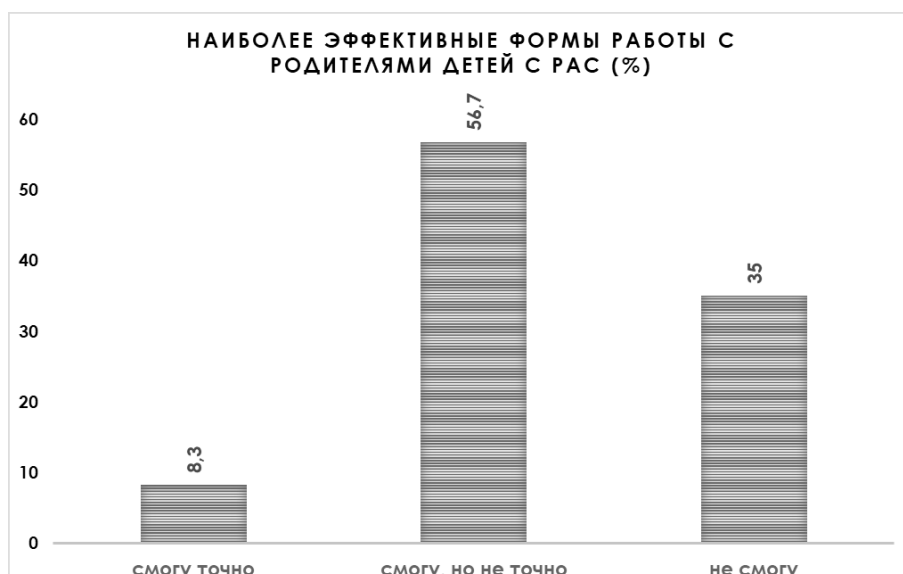
Рисунок 7

Теоретические знания о методах коррекции нарушений в развитии у детей с РАС

Рисунок 8

Ответы на вопрос «Сможете ли Вы выделить наиболее эффективные формы работы с родителями, воспитывающими детей с РАС?»

Перейдем к оценке педагогами трудностей и специфики образовательного процесса в работе с детьми с РАС. Большинству педагогов либо трудно работать с детьми с РАС, либо они периодически сталкиваются с трудностями (95%). Только 5% опрошенных справляются с дисгармоничным развитием детей и коррекцией нарушений при РАС (рис. 9). Сложность практического применения теоретических знаний, связь с практикой оказываются наиболее непреодолимыми для педагогов.

Рисунок 9

Ответы на вопрос: «Испытываете ли Вы трудности в ходе работы с детьми с РАС?»

По мнению 33,9% опрошенных педагогов, воспитательно-образовательный процесс детей с РАС необходимо организовывать в компенсирующих группах полного дня, 28,8% считают, что обучать детей нужно в компенсирующих группах неполного дня, 5,1% педагогов имеют мнение, что необходимо организовать инклюзивную группу полного дня, 10,2% – инклюзивную группу неполного дня, 22% – организовывать процесс обучения в отдельном учебном заведении (рис. 10). Как видно, ответы педагогов свидетельствуют о разбросанности мнений, педагоги опираются на личный опыт работы и личные предпочтения в выборе формы организации процесса обучения и коррекции развития детей с РАС.

В ходе опроса, мы выяснили, что способствовало выбору педагогов работать с детьми с РАС, у 42,4% это личная инициатива, для 44,1% педагогов мотивацией явилось предложение руководства образовательной организации, 8,5% определили личный интерес, 5,1% педагогов согласились, не зная специфики работы (рис. 11). Иными словами, половина педагогов исходили из внутренней мотивации и имели профессиональный интерес к работе с данной категорией детей.

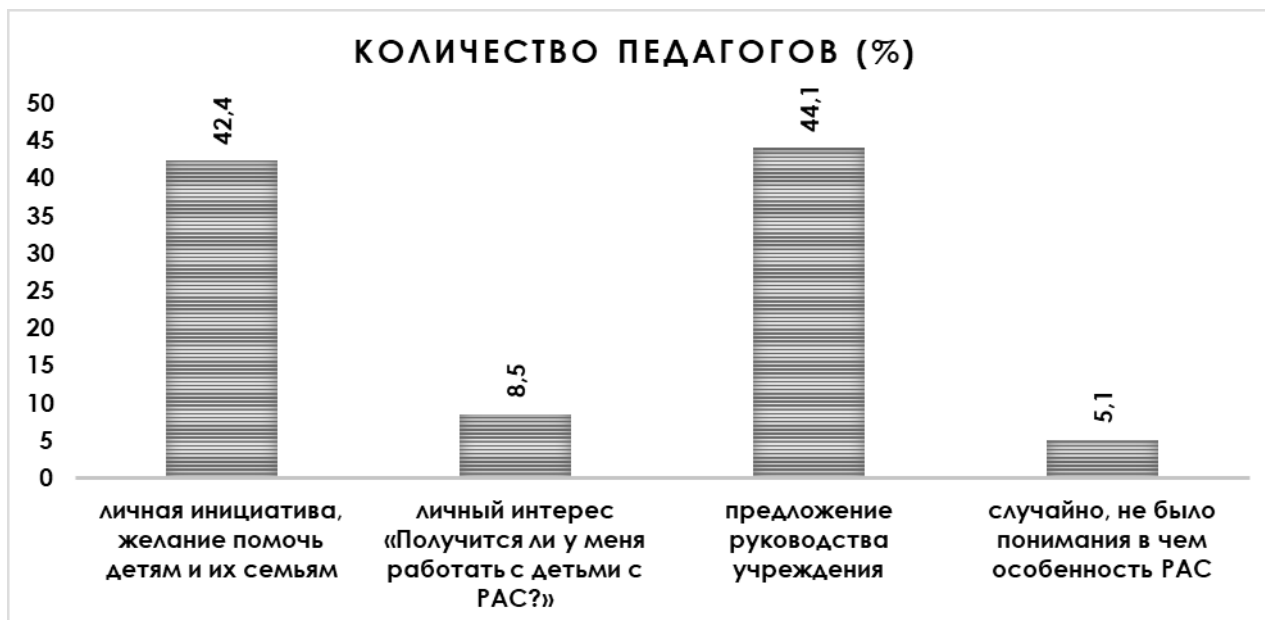
Рисунок 10

Мнение педагогов об организации воспитательно-образовательного процесса

Рисунок 11

Мотивация выбора работы с детьми с РАС

Завершая описание результатов отметим особо важные точки исследования.

Согласно опросу, 88,3% педагогов высказали мнение, что необходимо получать знания об особенностях работы с детьми с РАС в процессе обучения педагогов дошкольного образования. Поддержка педагогам необходима, прежде всего, в методическом обеспечении,

это подтверждают 71,2 % ответов педагогов; 18,6 % опрошенных считают необходимой административную поддержку. Кроме того, 10,2 % педагогов нуждаются в психологической поддержке (рис. 12).

Рисунок 12

Виды необходимой поддержки педагогов в работе с детьми с РАС

Обсуждение результатов

Анализ педагогического состава групп компенсирующей направленности показал, что острого дефицита кадров нет, в группе для детей с РАС работают несколько педагогов: воспитатели, учителя-логопеды, педагог-психолог, специалисты (инструктор по физическому развитию, музыкальный руководитель). Мотивированность на участие в опросе и результаты показывают заинтересованность педагогов в необходимости профессионального роста, особенно это касается молодых специалистов, работающих с детьми с РАС. К особенностям работы педагогов с детьми с РАС можно отнести владение теоретическими знаниями о расстройствах аутистического спектра и достаточно высокий уровень сформированности умений применять их на практике. В целом, педагоги владеют знаниями о современных специальных диагностических методиках, коррекционных, развивающих и образовательных методах и программах обучения. Участники исследования способны разработать и внедрять в работу индивидуальные коррекционные программы для детей с РАС с возможностью создания специальных условий, необходимых для воспитательно-образовательного процесса. Данные программы введены в работу педагогов в группах с детьми с РАС. При этом, безусловно, важной особенностью педагога дошкольного учреждения является психологическая готовность к работе с детьми с РАС.

Психологическая готовность к работе с детьми с РАС предполагает сочетание внутренних, внешних условий и личных качеств самого педагога. Психологическая готовность к работе с детьми с РАС предполагает сформированность когнитивных, волевых, эмоциональных характеристик, составляющих систему профессионально важных качеств педагога.

Однако существуют трудности у педагогов, работающих в группах компенсирующей направленности с детьми с РАС. Мы видим, что система организации условий функционирует, но пока лишь на начальном этапе, так как существует ряд проблем, с которыми сталкиваются как педагоги, так и родители данной категории детей. Дети с РАС получили возможность посещать дошкольные учреждения, но высокопрофессиональную педагогическую помощь и сопровождение дети получают не в полном объеме по разным причинам. Результаты исследования указывают на некоторые из них. Например, мы выявили нехватку более глубоких практических знаний, специальных умений и навыков для работы с детьми с РАС. Определено, что как педагоги, так и родители все еще находятся в ситуации недостаточной психолого-педагогической поддержки. В этом смысле важно подчеркнуть, что цель компенсирующих групп заключается в организации образовательно-воспитательной деятельности, так как работа с детьми с РАС – это не просто обеспечение ухода за ребенком с особыми потребностями, но и поддержка ребенка на пути развития как психического, так и личностного. В результате вышесказанного, для повышения эффективности осуществления воспитательно-образовательного процесса с детьми с РАС в группах компенсирующей направленности предлагаются следующие рекомендации:

- Создание бесплатной обучающей платформы для непрерывного образовательного процесса педагогов, работающих с детьми РАС;
- Создание системы психологического сопровождения педагогов, работающих с детьми с РАС;
- Расширение программ обучения будущих воспитателей и педагогов направления «Дошкольное образование»;
- Разработка курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки в рамках сопровождения и обучения детей с РАС.

Заключение

Таким образом, в нашей статье:

- Описана актуальность изучения психологической готовности педагогов и специалистов дошкольных образовательных организаций к работе с детьми с особенностями в развитии (на примере групп детей с РАС);
- Проведен анализ результатов опроса о теоретической и практической профессиональной подготовке воспитателей, педагогов и специалистов, которые работают с детьми с РАС;
- Выявлены положительные стороны профессионального развития педагогов и основные трудности работы в группах компенсирующей направленности с детьми с РАС.

Ограничения исследования

В процессе проведения опроса было выявлено желание педагогов отвечать на вопросы анонимно, в связи с чем пришлось исключить ряд вопросов. В данном исследовании представлен сжатый перечень вопросов. Для проектирования обучающих программ и разработки психолого-педагогической и методической системы сопровождения педагогов необходимо опросить большее количество педагогов, провести более детальный опрос, расширить методы исследования (добавив психодиагностическое тестирование, решение педагогических задач, педагогический эксперимент, наблюдение). В ходе дальнейшего исследования данной проблематики планируется работа с будущими педагогами и определение готовности к работе с детьми с РАС у студентов педагогического, психолого-педагогического и психологического направления.

Литература

- Аделова, А. А., Дыбошина, Е. А. (2018). Опыт организации психолого-педагогического сопровождения инклюзивного процесса в детском саду. *Аутизм и нарушения развития*, 17(4), 47–51. <https://doi.org/10.17759/autdd.2018160407>
- Айсина, Р. М., Нестерова, А. А. (2019). Мифы об аутизме как источник негативного отношения педагогов к инклюзивному образованию детей с РАС. Сборник материалов конференции «Семья и дети в современном мире», 5, В. Л. Ситников (ред.). Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.
- Айсина, Р. М., Нестерова, А. А., Сулова, Т. Ф., Хитрюк, В. В. (2019). Аттitudes педагогов в отношении инклюзивного образования детей с РАС: обзор отечественных и зарубежных исследований. *Образование и наука*, 21(10), 189–210. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-189-210>
- Гилберг, К., Питерс, Т. (1998). *Аутизм: медицинские и педагогические аспекты*. Институт специальной педагогики и психологии.
- Лобанов, Д. В. (2022). Особенности творческого потенциала у педагогов, работающих с детьми, имеющими расстройства аутистического спектра. Ребенок в современном образовательном пространстве мегаполиса: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, А. И. Савенков (ред.). ИППО ГАОУ ВО МГПУ.
- Мазилев, В. А., Костригин, А. А. (2022) Личность будущего педагога: обзор зарубежных исследований. *Российский психологический журнал*, 19(2), 89–105. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.7>
- Манелис, Н. Г., Медведовская, Т. А., Субботина, Е. В. (2014). Анализ проблем, возникающих в дошкольном образовательном учреждении при создании специальных образовательных условий для детей с РАС. Результаты анкетирования. *Аутизм и нарушения развития*, 12(1), 1–18.
- Менщикова, И. А., Погорелов, Д. Н. (2017). Социально-перцептивные аспекты профессиональных барьеров педагогов, работающих с учащимися с расстройствами аутистического спектра. *Вестник Академии энциклопедических наук*, 3, 49–56.
- Нестерова, А. А., Айсина, Р. М., Сулова, Т. Ф. (2016). Модель сопровождения позитивной социализации детей с расстройствами аутистического спектра (РАС): комплексный и междисциплинарный подходы. *Образование и наука*, 3(132), 140–155.
- Никольская, О. С., Баенская, Е. Р. (2017). Детский аутизм как системное нарушение психического развития ребенка. *Вопросы психологии*, 2, 17–28.
- Никольская, О. С., Баенская, Е. Р., Гусева, И. Е. (2019). Задачи и методы коррекционной помощи ребенку с аутизмом. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(1), 140–152. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270109>
- Никольская, О. С., Баенская, Е. Р., Либлинг, М. М., Костин, И. А., Веденина, М. Ю., Аршатский, А. В., Аршатская, О. С. (2005). *Дети и подростки с аутизмом. Психологическое сопровождение*. Теревинф.
- Осин, Е., Устинова, Н. (2020). Научно обоснованные подходы к ведению детей с расстройствами аутистического спектра в педиатрической практике. А. Портнова (ред.). Ассоциация психиатров и психологов за научно обоснованную практику.
- Платохина, Н. А., Абашина, Н. Н. (2018). Повышение профессиональной компетентности

- педагогов дошкольной образовательной организации по работе с детьми с диагнозом «Ранний детский аутизм». *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 1, 11–21.
- Платохина, Н. А., Дудникова, С. А. (2016). *Теория и практика формирования профессиональной этики педагогов дошкольной образовательной организации*. ООО «Фонд науки и образования».
- Семенова, Л. Э., Семенова, В. Э. (2019). Основные профессиональные трудности: версия дошкольных педагогов, работающих с детьми с ОВЗ в условиях инклюзивного образования. *Нижегородский психологический альманах*, 1(1), 73–84.
- Сунагатуллина, И. И., Пустовойтова, О. В., Яковлева, Л. А. (2019). Проблема формирования коммуникативных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра с использованием игровых приемов. *Современное педагогическое образование*, 8, 119–123.
- Хаустов, А. В. (2020). О подготовке педагогических кадров для организации образования обучающихся с РАС в Российской Федерации. *Сетевой журнал «Вестник практической психологии образования»*, 17(2), 79–86. <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170207>
- Цырульникова, Е. Л. (2016). Роль учителя-дефектолога во включении дошкольников с РАС в инклюзивный образовательный процесс. Две иллюстрации. *Психологическая наука и образование*, 21(3), 105–110. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210312>
- Черенева, Е. А., Володенкова Е. А. (2016) Межведомственная модель организации системы помощи детям с РАС в Красноярском крае. *Аутизм и нарушения развития*, 14(4), 19–26. <https://doi.org/10.17759/autdd.2016140404>
- Able, H., Sreckovic, M. A., Schultz, T. R., Garwood, J. D., & Sherman, J. (2015). Views from the trenches: Teacher and student supports needed for full inclusion of students with ASD. *Teacher Education and Special Education*, 38(1), 44–57.
- Corkum, P., Bryson, S.E., Smith, I.M., Giffin, C., Hume, K., & Power, A. (2014). Professional development needs for educators working with children with autism spectrum disorders in inclusive school environments. *Exceptionality Education International*, 24(1), 33–47.
- Frith, U. (2003). *Autism: Explaining the enigma*. Blackwell Publishing.
- Frith, U., Happé, F. (1994). Autism: Beyond «theory of mind». *Cognition*, 50(1-3), 115–132.
- Hart Barnett, J. E., & O'shaughnessy, K. (2015). Enhancing collaboration between occupational therapists and early childhood educators working with children on the autism spectrum. *Early Childhood Education Journal*, 43(6), 467–472.
- Lauritsen, M. B. (2013). Autism spectrum disorders. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 22(1), 37–42. <https://doi.org/10.1007/s00787-012-0359-5>
- Nigmatullina, I. A., Vasina, V. V., Mukhamedshina, Y. O. (2021). *Development of a Structural-Functional Model for Comprehensive Support of Children with Autism Spectrum Disorders. Proceeding of the International Science and Technology Conference «FarEastCon 2020»*. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-0953-4_7
- Peterson Bloom, L. (2021). Professional development for enhancing autism spectrum disorder awareness in preschool professionals. *Journal of autism and developmental disorders*, 51(3), 950–960.
- Tachibana, Y., Miyazaki, C., Ota, E., Mori, R., Hwang, Y., Kobayashi, E., ... & Kamio, Y. (2017). A systematic review and meta-analysis of comprehensive interventions for pre-school children with autism spectrum disorder (ASD). *PLoS one*, 12(12).
- Teo, J. X., Lau, B. T., & Then, P. (2022). Autism Spectrum Disorders in Sarawak: An Overview and Analysis of Educator Awareness, Training, Development Opportunities, and Challenges.

International Journal of Disability, Development and Education, 69(2), 623–639. <https://doi.org/10.1080/1034912X.2020.1731433>

Wilson, K. P., & Landa, R. J. (2019). Barriers to educator implementation of a classroom-based intervention for preschoolers with autism spectrum disorder. *Frontiers in Education*, 4(27). <https://doi.org/10.3389/feduc.2019.00027>

Поступила в редакцию: 15.11.2022

Поступила после рецензирования: 19.12.2022

Принята к публикации: 20.12.2022

Заявленный вклад авторов

Ирина Александровна Нигматуллина – разработка идеи, методов исследования, подготовка текста публикации.

Валерия Александровна Степашкина – подготовка теоретического обзора и текста публикации.

Лилия Даниловна Павлова – организация эмпирического исследования, сбор данных.

Информация об авторах

Ирина Александровна Нигматуллина – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики специального образования, старший научный сотрудник НИЛ «Комплексное сопровождение детей с РАС», Институт психологии и образования, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57221203971, ResearcherID: AAC-3013-2021, SPIN-код: 7673-1611, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-6164>; e-mail: irinigma@mail.ru

Валерия Александровна Степашкина – кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психологии личности, Институт психологии и образования, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация; ResearcherID: K-9916-2015, SPIN-код: 4157-9875, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0013-3412>; e-mail: kukusya2007@yandex.ru

Лилия Даниловна Павлова – ассистент кафедры дошкольного образования, Институт психологии и образования, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация; ResearcherID: K-9916-2015, SPIN-код: 4157-9875, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0144-5103>; e-mail: lilyabrik@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.10>

Реализация теории поэтапного формирования умственных действий в формате дистанционной лекции

Анжелика Н. Пронина^{1*} , Татьяна П. Будякова¹

¹ Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: antipi-elena@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются методологические и концептуальные вопросы реализации теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина в условиях дистанционного образования в высшем учебном заведении. Нами впервые проанализирован потенциал теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина для методического обеспечения дистанционных университетских лекций, описаны векторы ее трансформации в связи с электронным форматом обучения. **Методы.** Материалом изучения стали лекционные занятия, проводимые на платформе «YouTube». Участниками исследования выступили студенты Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина и преподаватели, читавшие им поточные лекции с помощью сервиса «YouTube». В качестве инструмента исследования использовался метод активного интервью со студентами и преподавателями. Обработка результатов осуществлялась с помощью содержательного контент-анализа. **Результаты.** Было установлено, что и преимущества, и недостатки дистанционных лекций отражают психологию усвоения умственных действий, описанную в теории П. Я. Гальперина. Так, для соответствия стандартам качества образования, содержание образовательного контента, представленного в лекции, должно отвечать требованиям третьего типа обучения по П. Я. Гальперину. Должны быть обеспечены обобщенность и полнота учебного материала при соблюдении условия не превышения объема учебного материала по сравнению с традиционной лекцией. **Обсуждение результатов.** Полученные результаты свидетельствуют о том, что дистанционная форма обучения не исключает успешного применения основных положений теории поэтапного формирования умственных действий, что еще раз доказывает важность данной теории для построения технологий успешного обучения вне зависимости от формата обучения. В контексте развития данной теории высказано мнение о необходимости обучения студентов технике обработки письменной формы дистанционной лекции, переводу ее в формат мини-конспекта.

Ключевые слова: теория П. Я. Гальперина, высшее образование, дистанционные лекции, образовательный контент, мотивация учения, умственное действие, презентации, бумажные конспекты, активное интервью, теория учения

Для цитирования: Пронина, А. Н., Будякова, Т. П. (2023). Реализация теории поэтапного формирования умственных действий в формате дистанционной лекции, *Российский психологический журнал*, 20(1), 149–161. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.10>

Введение

Теоретические и методологические вопросы дистанционного обучения в высших учебных заведениях уже в течение нескольких десятилетий являются предметом изучения педагогов и психологов. Однако до пандемии COVID-19 в основном рассматривались преимущества дистанционного обучения и его технологические аспекты (Титова, Талмо, 2015). Глобальный переход на дистанционный формат обучения практически во всем мире вызвал не только организационный, но и методологический шок. В научной литературе появился термин «кризисное обучение», что фактически означало требование переосмысления нового формата обучения не столько в плане преимуществ, сколько в плане недостатков. Одними из существенных препятствий в достижении качества дистанционного обучения во многих странах стали техническая неоснащенность образовательного процесса, низкая скорость интернета, информационная неграмотность как отдельных студентов, так и некоторых преподавателей. Неудивительно, что именно техническому аспекту организации дистанционного обучения посвящено большинство статей о проблемах высшего образования в период COVID-19 (Bataineh, 2021; Cristóvão & Massinga, 2021; Essel, 2021).

Однако неизбежность дистанционного формата обучения в условиях коронавирусной инфекции способствовала пересмотру требований организации образования и повышения компьютерной грамотности, требовала переоценки или доработки научных теорий в области обучения и воспитания с учетом современных реалий. Так, при изучении воспитательного аспекта обучения были выявлены недостатки дистанционного формата в отношении особенностей воздействия на личность студента. В частности, акцентируется внимание на проблемах социализации и развития личности, поскольку дистанционное обучение способствует изоляции студентов и преподавателей (Garanina et al., 2021).

Во многих работах отмечается проблема качества дистанционного контента, в том числе вузовских лекций. Содержательно эта проблема долгое время не решалась, что приводит к применению формальных рекомендаций, не основанных на научном знании. К примеру, рекомендациям по использованию индивидуальных наработок отдельных педагогов, полученных методом «проб и ошибок» (Hollweck & Doucet, 2020; Johnson et al., 2021; Trombly, 2020). Часть исследований сосредоточена на второстепенных аспектах образовательного процесса, например, на гендерных различиях в восприятии контента, транслируемого в дистанционном формате (Hsiao, 2021). Это принципиально не решает ни методологических, ни теоретических проблем современного дистанционного обучения. В части научных изысканий содержатся, в основном, общие посылы о свободе преподавания, большей возможности творчества преподавателей в дистанционном формате обучения, однако, не подкрепленные научными идеями (Тренды цифрового образования, 2021).

Между тем представляют интерес работы, в которых ставятся вопросы о применении давно известных концепций учения – концепций Д. Брунера и Л. С. Выготского – при организации дистанционного обучения в вузе (Garg, Dhariyal & Newlands, 2022).

В отечественной психологии теория поэтапного формирования умственных действий уже

давно получила признание и реализуется не только в школьном, как было на начальном этапе апробации данной теории (Гальперин, 1985; Талызина, Володарская, Буткин, 2019; Талызина, 1990; Селевко, 2005), но и в высшем образовании (Голованова, 2020; Поторочин, 2018). Так, Б. И. Хозиев раскрывает потенциал теории поэтапного формирования в высшем военном образовании (Хозиев, 2012), а А. И. Подольский рассматривает эту концепцию более глобально, в перспективе, как основу для развития преподавательских компетенций XXI века (Podolskij, 2020). В западной психологии утверждается, что наследие П. Я. Гальперина представляет собой бесценный потенциал для образовательных исследований и практики в качестве аналитического ресурса. Теория дает понимание того, как студенты и преподаватели участвуют в процессах обучения, преподавания и развития (Engeness & Lund, 2020; Lund & Engeness, 2020).

Однако проблемы дистанционного образования в контексте реализации теории поэтапного формирования в вузе пока рассматриваются только в аспекте коррекции мотивации учения у студентов (Ильясов, Асланова, Андержанова, 2020). Это делает проблему применения теории П. Я. Гальперина в ходе дистанционного обучения актуальной.

Нами выделены следующие цели исследования:

1. Выявление значения положений теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина для методического обеспечения дистанционных университетских лекций.
2. Выявление путей трансформирования теории поэтапного формирования умственных действий в связи с дистанционным форматом обучения.

Методы

Методами исследования выступили: активное интервью и содержательный контент-анализ полученных на интервью ответов. Активное интервью отличается от обычного интервью тем, что в процессе непосредственного общения можно уточнять ответы респондентов.

Мы использовали следующие вопросы активного интервью:

1. Что, по Вашему мнению, является преимуществом дистанционных лекций?
2. Что, по Вашему мнению, является недостатком дистанционных лекций?

Выборка

В исследовании принимали участие 2 группы респондентов.

Первую группу составили 100 студентов вторых курсов, в возрасте 19–20 лет. Из них: 81 девушка и 19 юношей разных направлений подготовки Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, слушавших поточные лекции на платформе «YouTube».

Во вторую группу вошли 14 преподавателей Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, читавших поточные лекции на платформе «YouTube».

Особенностью дистанционных лекций на платформе «YouTube» является то, что они максимально публичные. Практически любой человек, зашедший по ссылке, расположенной на сайте университета в открытом доступе, может быть ее слушателем. В любой момент к числу слушателей может присоединиться каждый сотрудник университета, в том числе осуществляющий контрольные функции (заведующий кафедрой, работник учебного управления, представитель ректората или даже Министерства и Рособнадзора, а также преподаватели из других вузов). Это накладывает особую ответственность на лекторов. Они должны реализовать собственный как научный, так и методический потенциал на высоком уровне и на каждой лекции. Как выяснилось в ходе нашего пилотного опроса, в отличие от преподавателей, использовавших

иные системы связи, например, программу Zoom, лекторы, проводившие занятия на платформе «YouTube», более рефлексивно отражали не только технические и этические аспекты дистанционного обучения, а, в первую очередь, его методологические и концептуальные проблемы. В силу этого в качестве экспертов оценки достоинств и недостатков дистанционных лекций как учебного продукта нами были выбраны именно преподаватели, читавшие лекции с помощью «YouTube».

Исследование проводилось с мая по июнь 2021 года.

Результаты

При обработке результатов опроса мы не рассматривали аргументы, касающиеся технических и организационных моментов дистанционных лекций – ситуаций блокировки связи, возможности посещать онлайн-лекции даже во время болезни, особенностей академической этики, возможности имитации участия в занятиях, защищенности от коронавирусной инфекции, хотя они и были отражены в отчетах студентов.

Нас интересовали аспекты, касающиеся именно специфики методики преподавания. Кроме того, при обработке материалов интервью мы ставил целью не столько выявление статистически наиболее важных с точки зрения студентов достоинств и недостатков дистанционных лекций, но и обозначение как можно больших элементов их преимуществ и недостатков. Мы исходили из того, что не все студенты смогут отразить некоторые психолого-педагогические особенности дистанционного преподавания в силу различий в уровне психолого-педагогической подготовки. Поэтому мы анализировали и учитывали даже единичные мнения, выпавшие из общего контекста.

Результаты ответов студентов на вопросы интервью представлены ниже в таблицах. В табл. 1 зафиксированы аргументы студентов в пользу дистанционных лекций.

Таблица 1

Достоинства дистанционной лекции (контент-анализ интервью со студентами)

Содержание аргумента	Положительные ответы, %
Наличие презентации, делающей материал наглядным	100
Наличие наглядных примеров в виде картинок, видео и т. п.	100
Эффективное использование учебного времени: практически нет отступлений от рабочей программы, дается только тот материал, который нужен для подготовки к экзамену или зачету	32
Больше зрительной информации: так как зрительный анализатор ведущий, это способствует лучшему усвоению материала	42
Возможность технически записать лекцию для повторного просмотра	73

Содержание аргумента	Положительные ответы, %
Возможность копирования презентации	65
Экономия времени, так как не нужно рисовать схемы и таблицы на доске	31
Имена ученых и научные термины иногда хуже воспринимаются на слух, а с появлением презентаций таких ошибок стало меньше	18
Качество лекции лучше, если преподаватель комментирует текст презентации, появляющийся на экране	89

Самым очевидным достоинством для большинства опрошенных стало наличие презентаций (100%). Мало того, именно качество презентаций стало одним из критериев качественной лекции. Неудивительно, что отсутствие презентационного материала было отмечено как явный недостаток дистанционных лекций (72 %) (табл. 2).

Таблица 2

Недостатки дистанционной лекции (контент-анализ интервью со студентами)

Содержание аргумента	Положительные ответы, %
Манера лекции, когда преподаватель просто читает текст без комментариев	72
Если материал непонятен, то преподаватель отсылает к учебнику	38
Увеличился объем материала, который дается в лекциях	12
Скриншотов лекций недостаточно, чтобы подготовиться к экзамену или зачету, надо затем их переписать, а это занимает больше времени	34
Более жесткие этические рамки для задавания уточняющих вопросов сразу по ходу лекции, так как не хочется отвлекать преподавателя	68

Содержание аргумента	Положительные ответы, %
Отсутствие живого общения, преподаватель больше воспринимается как транслятор знания, а не собеседник	100
Так как преподаватель не видит студентов, то он не может контролировать темп лекции, поэтому возникают проблемы с конспектированием	15
В ситуации, когда один преподаватель читает лекции, а семинары ведет другой, возникают проблемы при опросе пройденного материала, который не был представлен на лекции. В таком случае пропадает мотивация слушать и записывать лекции	8
При отсутствии самомотивации к учению, есть искушение отвлечься	42
Не понятным в начале был момент: на что ориентироваться – на речь преподавателя или на текст презентации	23
Непонятна была техника работы с дистанционной лекцией: что лучше скриншот или переписанный текст?	33

В контексте теории поэтапного формирования умственных действий презентации можно рассматривать как способ организации ориентировочной основы действия и даже как материализованный этап усвоения действия. В этом плане лекция с хорошо структурированным наглядным материалом, конечно, больше способствует первичной ориентировке и первичному усвоению материала, чем просто вербальный текст или вербальный текст, иллюстрируемый на доске в ходе лекции в учебной аудитории. Лекции на платформе «YouTube», по мнению участвовавших в опросе преподавателей, потребовали большей работы в этом аспекте, чем занятия в программе Zoom, поскольку носили публичный характер. Они должны были быть понятны как студентам, так и иным лицам, обращающимся к данному контенту.

Между тем, согласно теории поэтапного формирования, ориентировочная основа действия более продуктивна, если в ней представлены обобщенные знания. Этот момент был отражен в интервью со студентами (табл. 2). Так, 38 % студентов обратили внимание на то, что лекции, которые ориентировали на простое заучивание материала или, в случае неясности, обращение к учебнику (первый тип ориентировки по П. Я. Гальперину), являлись сложными для восприятия (табл. 2). Понятными и эффективными оказались лекции, на которых обучающимся давалось для изучения обобщенное знание, а затем предлагались кейсы, иллюстрирующие его (четвертый тип ориентировки) или решение кейсов публично обсуждалось на семинарском занятии (третий тип ориентировки). Напротив, студенты отметили сложность восприятия лекций по тем предметам, где этот прием не использовался, а давалось преимущественно конкретное знание, которое трудно затем было обобщить самостоятельно. Это касалось, например, юридических дисциплин, где было много отсылок к конкретным нормативным актам.

Несколько иной ракурс по сравнению с интервью студентов выявился в интересующей нас проблеме преподавания в контексте теории обучения П. Я. Гальперина. Результаты опроса в этой части представлены в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Достоинства дистанционной лекции (контент-анализ интервью с преподавателями)

Содержание аргумента	Положительные ответы, %
Большая структурированность учебного материала	50
Большая наглядность материала	71
Возможность дать большой объем учебного материала	78
Гибкость (каждый может учиться столько, сколько ему лично необходимо для освоения курса)	14
Ответственность и значимость профессиональной деятельности в ситуации широкого внешнего контроля повышала самоуважение преподавателя	42
Для повторения предыдущего материала, необходимого для новой лекции, достаточно включить файлы из предыдущих презентаций	42

Таблица 4

Недостатки дистанционной лекции (контент-анализ интервью с преподавателями)

Содержание аргумента	Положительные ответы, %
Нет контроля со стороны преподавателя; нет диалога преподавателя и студентов, отсутствие возможности обсуждения рассматриваемых вопросов	100
Невозможность определить уровень первичного усвоения нового материала	100
Студенты делают скриншоты презентации, на которой изложен основной материал по теме лекции, а объяснения преподавателя не слушают	42
Методики подготовки и проведения дистанционных лекций требуют дополнительных затрат от преподавателя	71

Содержание аргумента	Положительные ответы, %
Студент должен обладать большой самоорганизацией и трудолюбием	50
Сложность мотивации слушателей лекции	64
Увеличение нагрузки на оперативное внимание и оперативную память	21

Основным достоинством онлайн-лекций на платформе «YouTube» была признана особая ответственность преподавателя по отбору содержания лекций. Вместе с тем, как было отмечено участниками исследования, увеличение ответственности и значимости профессиональной деятельности в ситуации широкого внешнего контроля повышало самоуважение преподавателя. Можно утверждать, что внимание к этой особенности дистанционной лекции может служить стимулом в развитии теории поэтапного формирования в части появления новых аргументов в обосновании мотивационного компонента в преподавании. Самоуважение требовало от преподавателя такой подачи учебного материала, которая могла бы замотивировать студента посещать дистанционные лекции вне зависимости от контроля посещаемости.

Между тем мнения преподавателей разделились по вопросу объема материала, допустимого в формате дистанционной лекции. Так, большая часть преподавателей (78 %) отметила как достоинство увеличение объема содержания учебного материала, который можно прочитать дистанционно. Такая позиция, в принципе, соответствует положениям теории поэтапного формирования умственных действий, поскольку больший объем материала обеспечивает полноту действия. 32 % опрошенных преподавателей этот же признак сочли недостатком, поскольку в дистанционной лекции фактически происходило увеличение объема информации примерно на 25–30 %, что увеличивало нагрузку на оперативное внимание и оперативную память. С точки зрения теории поэтапного формирования, аргументы данной группы преподавателей отвечают таким характеристикам умственного действия, как осознанность и разумность. Эти характеристики проще реализуются при меньшем объеме лекционного материала. Таким образом, должен быть соблюден определенный баланс между стремлением дать развернутый материал в лекции и способностью обучающихся его осознать в пределах лекционного времени.

В целом, анализ интервью преподавателей высветил проблему дистанционных лекций с другой стороны, со стороны обучающего. К тому же, была поднята проблема соблюдения авторских прав на интеллектуальную собственность, которую представляют собой авторские лекции. Был сделан акцент на проблеме защиты права на собственное изображение в виде разрешения или запрета использовать личное изображение в ходе трансляции лекций. Данные проблемы активно обсуждаются в научной среде (Barbierato et al., 2021).

Обсуждение результатов

Дискуссионным моментом в ответах студентов на вопросы интервью стал вопрос о необходимости конспектирования материала лекций при наличии готовой презентации. Данный

вопрос уже поднимался другими авторами, но научно обоснованного ответа получено не было, хотя исследователи и обращали внимание на то, что бумажный вариант конспекта занятий, особенно составленный лично студентом, имеет существенное значение для усвоения учебного материала (Macedo-Rouet et al., 2009; Rensaa, 2014). В нашем исследовании некоторые студенты переписывали текст презентации в тетрадь, часть студентов распечатывала презентации или хранила их в смартфоне. Фактически, с точки зрения теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина, здесь шла речь об организации внешнеречевого этапа в виде письменной речи. Внешнеречевой этап и корреспондирующий ему этап письменной речи обеспечивают развернутость умственного действия, когда ни один из элементов, требующих перехода во внутренний план, не исчезает, что обуславливает в конечном счете полноту освоения знания. Оказалось, что те студенты, которые переписывали текст презентаций (разумеется, кроме примеров), показали более высокие результаты освоения материала. Отечественные исследователи уже отмечали подобное на примере лабораторных занятий: пропуск внешнеречевого этапа в вузовском обучении сказывался на качестве усвоения материала (Каташев, Ульрих, 2012).

Однако студенты отметили, что процесс переписывания сделал работу с лекцией более трудоемкой и затратной по времени. Здесь как маркер проявилась одна из проблем дистанционной лекции. С одной стороны, ее текст можно «скачать» в полном формате, с другой стороны, простое чтение «скачанной» лекции не обеспечивает полноты освоения знания. Этот факт позволяет вспомнить назидательное выступление выдающегося советского психолога А. Р. Лурии о правилах работы студента с текстом лекции. Очевидно, что при дистанционном обучении студентам необходимо так работать с печатным текстом лекции или презентацией, чтобы уметь, выделив главное, переводить ее в формат модели (мини-конспекта), как это делал А. Р. Лурия, обучаясь в медицинском институте. Такая модель позволила ему успешно закончить вуз за три года вместо шести лет. Об этом он традиционно рассказывал первокурсникам на их первой лекции в стенах факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова и демонстрировал свои схемы-модели, аккумулированные из развернутых конспектов лекций (по личному опыту авторов). С точки зрения теории поэтапного формирования, здесь проявляется механизм свертывания знания, который необходим, чтобы оно перешло в план сознания системно, то есть с наименьшими потерями.

Как известно, слабым местом теории поэтапного формирования умственных действий является концептуальная недоработка первого этапа – мотивационного. В психологии традиционно исследуются виды мотивов учения, в том числе применительно к разным психологическим возрастам (Будякова, Пронина, 2020), но проблема мотивации в условиях дистанционного обучения является актуальной, о чем свидетельствуют работы российских ученых, адептов теории поэтапного формирования П. Я. Гальперина (Ильясов, Асланова, Андержанова, 2020). В нашем исследовании была выявлена амбивалентность по оценке этого компонента обучения: одни студенты указывали, что на дистанционных лекциях лучше сосредоточиться, так как домашние условия комфортнее, другие отмечали, что при учении дома снижается мотивация к усидчивости во время лекции (пропорциональное соотношение примерно одинаковое: 38 % студентов были за домашний вариант, 62 % – за аудиторный). Этот аспект требует специального анализа и дальнейшего изучения.

Мотивационный аспект был актуальным и для преподавателей. Технология проведения лекций на платформе «YouTube» не позволяет видеть студентов, что, особенно в начале

чтения курса стимулировало лекторов к поиску приемов, позволяющих повысить интерес к лекции. Это выразилось в подборе и демонстрации наглядного материала в виде картинок, фотографий, видео, подаче его в проблемной форме и включении в тексты лекций специальных мини-заданий и кейсов для последующей отработки на семинарах. Здесь явно выразилось преимущество дистанционного формата, включающего презентацию учебного материала в качестве обязательного компонента, обладающего большей стимулирующей силой, в отличие от лекций в обычном режиме, когда можно просто диктовать текст без показа презентации.

Между тем в литературе констатировался факт рассеивания внимания студентов при использовании онлайн-обучения, однако не анализировались его причины (Liao & Wu, 2022; Al-Mamary, 2022).

Проведенное нами исследование дало возможность определить некоторые причины рассеивания внимания, исходя из положений теории поэтапного формирования умственных действий. Отсутствие прямого контакта не позволяло, как правило, выявить сложные для понимания аспекты содержания темы. В этом случае, как оказалось, лучше искусственно не увеличивать объем теоретического материала. В этом смысле стремление некоторых преподавателей не увеличивать объем теоретического материала, заполняя избыточное время онлайн-лекции иллюстрациями и учебными кейсами, можно считать одним из вариантов более глубокого обеспечения освоения ориентировочной основы действия на материализованном этапе или на этапе перцептивного действия. Это важно в ситуации отсутствия нормального контакта со студентами, обеспечивающего в формате обычной лекции, с включенными проблемными вопросами, уровень первичного усвоения материала иногда уже даже на стадии громкой речи.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Дистанционный формат обучения не только не уменьшает значение теоретических постулатов концепции П. Я. Гальперина, разработанных для традиционных способов обучения, но, напротив, показывает ее нераскрытый потенциал;
2. Психологический смысл бумажных конспектов лекций заключается в более легком переходе от материализованной формы ориентировочной основы действия к внешне-речевой и умственной;
3. Увеличение количества учебного материала в ходе дистанционной лекции может способствовать рассеянию внимания студентов.

Таким образом, теория поэтапного формирования умственных действий настолько хорошо отражает механизмы усвоения научных знаний, что востребована и в современных технологиях дистанционного обучения. Она была отлично применима в условиях 2021–2022 года и ее можно также успешно применять, если сейчас (в 2023 году) возникает необходимость проведения дистанционной лекции. Вместе с тем отдельные методологические аспекты реализации теории П. Я. Гальперина на современных технологических платформах требуют дальнейшего изучения.

Заключая, можно отметить, что теорию П. Я. Гальперина уже называли теорией, опередившей время (Степанова, 2006), а в век тотальной информатизации это определение еще раз подтверждает свою точность и актуальность.

Литература

- Будякова, Т. П., Пронина, А. Н. (2020). Специфика мотивов учения и профессиональная успешность в послевузовский период образования. *Перспективы науки и образования*, 1(43), 302–311. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.1.21>
- Гальперин, П. Я. (1985). *Методы обучения и умственное развитие ребенка*. МГУ.
- Голованова, Ю. В. (2020). Обзор педагогических технологий как средства влияния на информационную образовательную среду при формировании профессиональной компетенции обучаемых. *Тенденции развития науки и образования*, 12, 62–79.
- Ильясов, И. И., Асланова, М. С., Андержанова, В. С. (2020). Сравнительный анализ развития учебных умений студентов инженерно-технической и гуманитарной направленности. *Ярославский педагогический вестник*, 5(116), 162–169.
- Каташев, В. Г., Ульрих, О. К. (2013). Построение оптимальной траектории формирования профессиональных компетенций у студентов радиотехнического вуза. *Образование и саморазвитие*, 2(36), 85–91.
- Поторочин, А. Г. (2018). Формирование готовности студентов к служебной деятельности. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, 12(166), 191–195.
- Талызина, Н. Ф. (1990). *Управление процессом усвоения знаний*. МГУ.
- Талызина, Н. Ф., Володарская И. А., Буткин, Г. А. (2019). *Усвоение научных понятий в школе*. Юрайт.
- Селевко, Г. К. (2005). *Энциклопедия образовательных технологий*. Народное образование.
- Степанова, М. А. (2006). П. Я. Гальперин: теория, опередившая время. *Вопросы психологии*, 1, 146–156.
- Титова, С. В., Талмо, Т. (2015). Модель интерактивной лекции на базе мобильных технологий. *Высшее образование в России*, 2, 126–135.
- Тренды цифрового образования*. (2021). Материалы вебинаров, бесед и исследований Юрайт Академии. Юрайт.
- Хозиев, Б. И. (2012). П. Я. Гальперин и вооруженные силы. *Национальный психологический журнал*, 2(8), 23–25.
- Al-Mamary, Y. H. S. (2022). Understanding the use of learning management systems by undergraduate university students using the UTAUT model: Credible evidence from Saudi Arabia. *International Journal of Information Management Data Insights*, 2(2). <https://doi.org/10.1016/j.ijime.2022.100092>
- Barbierato, E., Campanile, L., Gribaudo, M., Iacono, M., Mastroianni, M., & Nacchia S. (2021). Performance evaluation for the design of a hybrid cloud based distance synchronous and asynchronous learning architecture. *Simulation modeling practice and theory*, 109. <https://doi.org/10.1016/j.simpat.2021.102303>
- Bataineh, K. B., Atoum, M. S., Alsmadi, L. A., & Shikhali, M. A. (2021). Silver Lining of Coronavirus: Jordanian Universities Turn to Distance Education. *International journal of information and communication technology education*, 17(2), 138–148. <https://doi.org/10.4018/IJICTE.20210401.0a1>
- Cristóvão, L., & Massinga, P. (2021). Higher education in Mozambique during Covid-19. *Journal of Progressive Research in Social Sciences*, 11(1), 1–6.
- Engeness, I., & Lund, A. (2020). Reprint of: Learning for the future: Insights arising from the contributions of Piotr Galperin to the cultural-historical theory. *Learning, Culture and Social Interaction*, 27. <https://doi.org/10.1016/j.lcsi.2020.100476>

- Essel, H. B., Vlachopoulo, D., Adom, D., & Tachie-Menson, A. (2021). Transforming higher education in Ghana in times of disruption: flexible learning in rural communities with high latency internet connectivity. *Journal of Enterprising Communities – People and Places in the Global Economy*. <https://doi.org/10.1108/JEC-08-2020-0151>
- Garanina, O., Al Said, N., Stepenko, V., & Troyanskaya, M. (2021). Information society and its impact on personality development. *Education and information technologies*, 22, 1–19. <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10549-5>
- Garg, M., Dhariwal, D., & Newlands, C. (2022). Providing national level teaching to OMFS specialty trainees in a virtual classroom setting using learning theories of education. *British Journal of Oral and Maxillofacial Surgery*, 60(1), 3–10. <https://doi.org/10.1016/j.bjoms.2021.02.017>
- Hsiao, Y. C. (2021). Impacts of course type and student gender on distance learning performance: A case study in Taiwan. *Education and information technologies*, 26(1), 1–16. <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10538-8>
- Hollweck, T., & Doucet, A. (2020). Pracademics in the pandemic: pedagogies and professionalism. *Journal of Professional Capital and Community*, 5, 295–305. <https://doi.org/10.1108/JPC-06-2020-0038>
- Johnson, J. B., Reddy, P., Chand, R., & Naiker, M. (2021). Attitudes and awareness of regional Pacific Island students towards e-learning. *International journal of educational technology in higher education*, 18(1). <https://doi.org/10.1186/s41239-021-00248-z>
- Liao, C.-H., Wu, J.-Y. (2020). Deploying multimodal learning analytics models to explore the impact of digital distraction and peer learning on student performance. *Computers & Education*, 190. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2022.104599>
- Lund, A., & Engeness, I. (2020). Galperin's legacy and some current challenges of educational research and practice: Agency, technology, and design. *Learning, Culture and Social Interaction*, 27. <https://doi.org/10.1016/j.lcsi.2020.100427>
- Macedo-Rouet, M., Ney, M., Charles, S., & Lallich-Boidin, G. (2009). Students' performance and satisfaction with Web vs. paper-based practice quizzes and lecture notes. *Computers & Education*, 53(2), 375–384. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2009.02.013>
- Podolskij, A. (2020). The system of planned, stage-by-stage formation of mental actions (PSFMA) as a creative design of psychological conditions for instruction. *Learning, Culture and Social Interaction*, 25. <https://doi.org/10.1016/j.lcsi.2019.01.006>
- Rensaa, R. J. (2014). The impact of lecture notes on an engineering student's understanding of mathematical concepts. *The Journal of Mathematical Behavior*, 34, 33–57. <https://doi.org/10.1016/j.jmathb.2014.01.001>
- Trombly, C. E. (2020). Learning in the time of COVID-19: capitalizing on the opportunity presented by the pandemic. *Journal of Professional Capital and Community*, 5(3-4), 351–358 <https://doi.org/10.1108/JPC-05-2020-0016>

Поступила в редакцию: 06.10.2022

Поступила после рецензирования: 10.12.2022

Принята к публикации: 12.12.2022

Анжелика Н. Пронина, Татьяна П. Будякова

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕОРИИ ПОЭТАПНОГО ФОРМИРОВАНИЯ УМСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ФОРМАТЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ЛЕКЦИИ

Российский психологический журнал, 2023, Т. 20, № 1, 149–161. doi: 10.21702/rpj.2023.1.10

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Заявленный вклад авторов

Анжелика Николаевна Пронина – формулировка концепции, теоретического обоснования исследования; обобщение полученных результатов; доработка текста.

Татьяна Петровна Будякова – проведение теоретического анализа источников; теоретическое обоснование исследования; анализ и обобщение полученных данных.

Информация об авторах

Анжелика Николаевна Пронина – доктор педагогических наук, доцент, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57195201189, Researcher ID: AAF-7958-2020, SPIN-код: 7714-8118; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5454-9830>; e-mail: antipi-elena@yandex.ru

Будякова Татьяна Петровна – кандидат психологических наук, доцент, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, Елец, Российская Федерация; Scopus Author ID: 6504539301; Researcher ID: E-9729-2017, SPIN-код: 4495-2285; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1739-837X>; e-mail: budyakovaelez@mai.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Research Article

UDC 372.881.111.1

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.11>

Investigating Demotivating Factors in Learning English for Specific Purposes at a Higher Education Institution

Giang Nguyen Dang¹, Tuan Van Vu^{2*} , Minh Binh Nguyen La²

¹Faculty of Foreign Languages, University of Labour and Social Affairs, Hanoi, Vietnam

² Faculty of Legal Foreign Languages, Hanoi Law University, Hanoi, Vietnam

*Corresponding author: tuanvv@hlu.edu.vn

Abstract

Introduction. The countries using English as a foreign language have invested many efforts to improve the effectiveness of English teaching and learning for the communicative purposes. Currently, English for specific purposes (ESP) have been integrated and categorized in the programs at the tertiary level in Vietnam. The aim of the present study is to determine four major demotivating factors affecting Vietnamese tertiary students' ESP competence to meet the requirements of their future jobs. **Methods.** A mixed-methods approach was employed at a higher education institution to ascertain the liability of the findings. Particularly, the study involved 357 tertiary students participating in the survey questionnaire, 14 teachers of English and 85 students took part in semi-structured interviews. The researcher-made instruments met the high range of Cronbach confidence level ($\alpha = 0.76 - 0.95$). **Results.** The results indicate that students have a high motivation in learning ESP for their prospective careers; however, they have disappointed feelings about the teacher-related factors, infrastructure-related factors, and university/faculty-related factors according to the outcomes from the student survey questionnaires. Besides, the findings from teachers' and student semi-structured interviews also assert that ESP language teaching and learning does not match their expectations. **Discussion.** It is implied that this research results might be beneficial for school administrators to formulate ESP supportive policies, for teachers to change their pedagogical methodology, and for students to develop their learner autonomy in ESP acquisition.

Keywords: demotivating factors, English teaching, higher education, tertiary level, language learning, mixed-methods approach, motivation, expectations, semi-structured interviews, pedagogical methodology

Funding: This article is financially supported by Hanoi Law University.

For citation: Giang, N. D., Tuan, V. V., & Minh, N. B. L. (2023). Investigating Demotivating Factors in Learning English for Specific Purposes at a Higher Education Institution. *Russian Psychological Journal*, 20(1), 162–181. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.11>

Introduction

Teaching and learning ESP rather than general English (GE) or English for Academic Purposes (EAP) has become a focal concern in the field of English language teaching (ELT). In its essence, English has shown continued impacts on the global integration in that it has become the means of international communication or commonly so-called lingua franca. ESP language learning and teaching, to a certain extent, stems from the enormous changes and massive economic development thanks to the far-reaching consequences of globalization, which highlights the growth of multinational capitalism of some global superpowers such as Britain or the US. These countries have an age-old accumulation of immigration from different countries; therefore, they need to employ one common language to exchange information in their daily lives and at work. In addition, ideologies of growth and the longing to facilitate international communication, giving opportunities for knowledge expansion have formulated the influential motivation in ESP's establishment. In its essence, ESP learners are not acquiring the language for general educative purposes or for the understanding of literature in which they study mostly the structure of one language, but rather a means to acquire some specialized knowledge or set of skills which inquire the modification of the practical knowledge of relevant fields (Vakilifard, Ebadi, Zamani & Sadeghi, 2020). In other words, context and content play crucial roles in ESP pedagogy because context refers to what situation learners would be using the language skills and content implies what he or she needs to achieve through one language (Benahnia, 2017; Wahyuningsih, 2018). In practice, many ELT educators (Dja'far, Cahyono, Bashtomi, 2016; Lebedev & Tsybina, 2018; Martinović & Poljaković, 2010) have perceived ESP as a radical break with a world-wide educational trend of change. As noted in the study of Negova and Umarova (2022), the finding asserts that ESP is widely recognized as sustained growth and has made a substantial contribution to the field of ELT. With the aim to meet the communication needs of rapidly industrializing nations, overcome local barriers in terms of communication, commonly by utilizing 'global' languages like English as a substitute for local languages, and stimulate the growth of multinational conglomerates, ESP is thought to be functioned as more efficient, being targeted to the specific needs of the learners for their workplaces or academic settings (e.g., Starfield, 2016; Tahririan & Chalak, 2019; Wahyuningsih, 2018).

Obviously, one of the most remarkable factors highly influencing language teaching and learning processes accounts for student motivation. Asijavičiūtė and Ušinskienė (2014) state that motivation enables ESP students to be more achievable and competent in their learning outcomes. Motivation could be regarded as a driving force, determining human's behavior; thus, research on second language (L2) in general and ESP motivation is to highlight the need analysis of learner's desire to keep his or her determination on acquiring the target language. However, motivation to learn ESP is obstructive due to its nature such as peculiar writing conventions and exclusive glossary, which is so-called demotivating factors in ESP language learning and teaching studies and is often ignored in the research field. In its essence, demotivation is possibly interpreted as the negligence of adequate motivation to perform a specific goal. Vakilifard et al. (2020) opine that demotivation refers to the state in which a lack of motivation results from the specific external causes. As a result, demotivating factors hinder learners' learning motivation and result in unsuccessful competence of ESP proficiency. Consequently, understanding demotivating factors in ESP teaching and learning helps both teachers and learners aware of the risks that weaken student motivation. There is a number of demotivating factors in ESP learning and teaching, including

student-related factors, teacher-related factors, infrastructure-related factors, and university/faculty-related factors. These factors explain the reasons why students commonly regard de-motivation as a teacher-owned problem due to partially inappropriate teachers' behaviors. Consequently, demotivation probably leads to negative impact on students' ESP learning outcomes. In a similar vein, Dörnyei and Ushioda (2021) assert that demotivation can have a negative impact on the learners' attitudes and behaviors, ESP learning outcomes, and teachers' motivation. In other words, ESP teaching and learning under the demotivated condition brings about the low achievement of expected learning outcomes. As such, successful ESP language learning requires serious avoidance of demotivating factors. Although there are some studies (e.g., Navickienė, Kavaliauskienė & Pevcevičiūtė, 2015; Nikolaeva & Synekop, 2020; Vü, 2012) investigating student demotivation in ELT, no study has examined ESP demotivating factors influencing learners' expected learning outcomes in a single study. Dörnyei and Ushioda (2021) regard demotivation as "another side of motivation" (p. 138), so one way to increase the quality of ESP language learning and teaching in foreign countries is to familiarize learners with demotivating factors in acquiring ESP subjects. By investigating demotivating factors of ESP learning and teaching, the results are served as useful references for language teachers or researchers who are concerned deeply about ESP language learning and teaching. This study attempts to address the following questions:

1. What typical features cause the demotivating factors on students in ESP courses?
2. What are teachers' and students' perspectives towards the demotivating factors of ESP courses?

Literature Review

English for Specific Purposes

ESP concentrates on ELT as a L2 or foreign language in which learners' expectations can be fluent in using English in a particular field of work. Traditionally, the acquisition of English was almost encouraged by the ability to communicate across languages fluently to exchange daily information, often referred to GE, in its early days. This has been further developed and classified as subject matters such as English for academic purposes (EAP), English for occupational purposes (EOP), English for vocational purposes (EVP), English for medical purposes (EMP), English for business purposes (EBP), English for legal purposes (ELP), and English for sociocultural purposes (ESCP) (Canarana et al., 2020). Notably, Starfield (2016) indicates that ESP is assumably viewed as an approach to ELT in which all decisions as to contents and methods are subject to the learners' reasons for acquiring ESP. As such, learners' intention of ESP acquisition is not a matter of either understanding English variations or science words and grammar for scientists or even investigating the differences from any other kinds of English language, but it possibly concerns what learners want to be fluent in using ESP, its range of knowledge, and abilities to help them get fluent in a respective specialized area such as legal English. Sharing the same opinion as Starfield (2016), Lebedev and Tsybina (2018) argue that ESP should be categorized as an approach to language learning, so they refute to consider ESP as a product. In other words, ESP does not belong to any sort of languages or reading materials, it is seen as an approach to language learning, which is constructed to satisfy learners' demands. Besides, Mauludin (2021) assumes that generally learners merely study English to fulfil their dreams of knowing English language or English culture, but they acquire English for study abroad or work purposes in the global environment. In addition, Didenko and Filatova (2017; p. 2) investigate the definition of ESP by identifying its differences of

the four absolute and two variable characteristics. Particularly, teaching and learning ESP has four absolute characteristics of (1) aiming to match the requirements of learners, (2) content relations (i.e., the themes and topics) to disciplines, occupations and activities, (3) focusing on the language appropriate to those activities in syntax, lexis, discourse, semantics, and analysis of this discourse, (4) reflecting the contrast to GE. ESP possibly, but not necessarily, consists of two variable features, namely the restriction as to language skills to be learned (e.g., reading only), and not being taught according to any preordained methodology. Overall, acquiring ESP can be simply assumed as the use of a certain variety of English applying for a specific context to satisfy the needs of learners as the guiding principle proposed for ESP (Flowerdew, 2012). In other words, needs analysis and curriculum in ESP are central to design any courses within the ESP context.

Demotivation

“To demotivate” in Oxford Advanced Learner’s Dictionary, v. 10th defines “to make somebody less keen to work or study”. In this regard, the feeling of demotivation occurs when someone does not really want to complete one activity or make their great effort to do it because they recognize that there are not beneficial returns in this action. Zoghi and Far (2014) regard demotivation as a lack of motivation deriving from one individual’s sentiments of incompetence and powerlessness when confronting with an activity. Similarly, Vũ (2012) identifies four sources of learners’ demotivation as follows:

- Learners confess to lack the merit and ability to accomplish a special activity.
- Learners recognize the ineffective learning strategies.
- Learners realize to set too high expectations for their learning outcomes.
- Learners get depressed feelings of their attempts to achieve their objectives.

According to Dörnyei & Ushioda (2021), they emphasize that demotivation stems from particular external influences which decrease or weaken the motivational basis of a behavioral aspiration or an ongoing activity. Hence, demotivation is probably defined as the negative counterpart of motivation. Take a demotivated learner for example, demotivation emerges when he or she has lost his or her interest for some reasons, which derives from various sources of demotivation. Similarly, a teacher who cannot put his or her class under control or works with a boring textbook may experience some demotivated feelings. However, not all the researchers agree with this viewpoint. Mauludin (2021) argues that Dörnyei and Ushioda (2021) constrain the boundary of demotivation definition to only external factors, he asserts that internal factors such as self-confident reduction and negative attitude are also regarded as demotivating factors in the ESP learning process in addition to external factors. Then, they suggest the need to extend Dörnyei and Ushioda’s definition of demotivation (2021), including both external and internal factors which discourage motivation during the process of ESP teaching and learning. Generally, the loss of interest in ESP learning can be originated from different causes of demotivation such as teachers and their pedagogical practices, learners themselves, learning conditions like physical conditions, and ESP curricula.

Demotivating factors

In fact, ESP teachers usually confront the pressure to teach well because they have to be well-prepared for their lesson plans regarding subject expertise. Although there has been cooperation between teachers of English and specialized teachers, sometimes there still exist many obstacles in conveying lesson contents to students in a really effective way. Actually, teachers of English are

not intensively trained in these specialized majors so that many teachers are probably passive and lack confidence while delivering specialized content to students. Factors that reduce motivation in learning are those causing a decrease in an individuals' motivation to study and work. Unmotivated learners used to be encouraged, but in some situations, for unwanted objective reasons, they lost motivation. Diminished motivation can occur when an individual has another choice or when they are distracted. For example, a student, instead of going to school, decides to stay at home to play games. Therefore, demotivation can be understood as a result of reducing or weakening a learner's interest and motivation and has some characteristics of both internal and external factors.

Harmer (2010) emphasizes four factors which might be discouraging to the learners' motivation, namely physical conditions, method of teaching, teaching staff, learning atmosphere. Hosseinpour and Tabrizi (2013) investigated demotivating factors in EFL in an Iranian context regarding seven factors including a) inadequate facilities, b) reduced self-confidence, c) class characteristics, d) lack of purpose to study English, e) teaching methods, f) teachers and teaching styles, and g) negative attitudes toward English and the culture of English-speaking countries as demotivators. The results point out that low proficient learners perceive reduced self-confidence and negative attitudes more demotivating than their classmates at other levels of proficiency. Following the above research, Han, Takkaç-Tulgar & Aybirdi (2019) conducted a study to measure six demotivated constructs such as teachers, characteristics of classes, experiences of failure, class environment, class materials, and lack of interest affecting Turkish EFL tertiary students' ELT. The results indicate that students report negative attitudes of the classmates, teacher-related factors, personal issues, class characteristics, test anxiety, failure experiences, and education system. This research, however, does not compare teachers' perspectives to highlight the students' viewpoints. Similarly, Tran and Moskovsky (2022) examined Vietnamese EFL teachers' perceptions of student-related demotivating factors, and the ways these factors influenced teachers and their teaching. The study employed semi-structured interviews with 30 participating EFL teachers from 14 universities in Vietnam. The results proved that student limited English proficiency, negative attitudes towards English and English language learning, poor classroom performance, and low academic achievement are considered as the most potent student-related demotivating factors for Vietnamese EFL teachers, which heavily has a number of negative consequences for teachers' emotions, behaviours, and attitudes. This study also has a delimitation when there is a limitation of respondents involving in the study. In fact, there are several demotivating factors in learning English in general and ESP in particular. The factors that cause the loss of interest in acquiring ESP can stem from internal or external sources. In the present study, the demotivating factors investigated are mainly from the learners, the teachers and the infrastructure (Sakai & Kikuchi, 2009).

With the previous theoretical knowledge, the study is sure to contribute the overall views on the matter of demotivating factors in ESP teaching and learning.

Methods

Research design

The mixed-methods research is basically designed to conduct a cross-sectional study of 357 representative students, who enroll ESP courses – typically legal English subject – at a higher education institution in Vietnam. Approximately 5.000 students at Hanoi Law University (HLU) constitute the study population; however, the researchers are, within the constraints of time and

money, unable to collect information from all the population, so Cochran's (1977) formula is used to select a sample of 357 respondents with $e = \pm 5\%$. For the ease and convenience, the questionnaire is implemented by the active Google form link, which is sent to the participants' addresses within a period of two weeks. For the semi-structured interviews, they are conducted over the phone with the 85 student participants and 14 teachers, following a permission of recording the interviews for the single purpose of transcribing the response for this study. Then, two sources of data are addressed by IBM SPSS v.25 application for the questionnaire, and NVivo application v.12 for the interview recordings. The researchers exploit the results from two sources consolidate the validity of the research findings.

Participants

The research respondents are those at HLU registering legal English credits as the partial fulfillment of the bachelor's requirements. To choose the representative sample of the large population, Cochran's (1977) formula with $e = \pm 5\%$ is applied to get the respective samples of 357 over the population of about 5.000 HLU students.

$$n = \frac{z^2 (p \cdot q)}{e^2}$$

Where:

n = number of items in samples

z^2 = square of confidence interval in standard error units

p = estimated proportion of success

q = $(1-p)$ or estimated the proportion of failures

e^2 = square of maximum allowance for error between true proportion and sample proportion, or z_p squared.

Regarding gender participation in the survey questionnaire, the research involves 133 male students accounting for 37.3%, and 224 female ones equivalent to 62.7%. When concerning the residence, 160 participants equal to 44.8% come from the rural areas, next 134 respondents from the urban areas, and 63 students same as 17.6% from the mountainous areas. Additionally, the research investigated number of years students have studied English, the results reveal that 290 students making up 81.2% have studied English for under 15 years, 41 participants, corresponding to 11.5% have learnt English for under 20 years, and 26 respondents just like 7.3% have acquired English for under 10 years. Concerning the student major, the majority of students is non-English major students ($n = 325$ participants, same as 91%), while 32 students equivalent to 9.0% are English major students. In regard with the level of student motivation towards ESP, mostly 274 students representing 76.8% feel motivated to study ESP, similarly 71 students accounting for 19.9% perceived highly motivated, and only 12 participants similar to 3.4% find little motivated.

To assure the liability of the research, the respondents checked courtesy request at the end of the questionnaire to participate in a semi-structured interview over the phone for about 30 minutes. As a result, 85 students accepted to be involved. Besides, 14 teachers of English willingly joined in the semi-structured interviews to get the overview of the matter concerned.

Research Instruments

The research employed the researcher-made questionnaire basing on the factual and behavioral criteria recommended by Dörnyei and Taguchi (2010). For the survey questionnaires, they included 4 groups with 80 statements equally dividing in these factors, namely teacher-related factor, student-related factor, infrastructure-related factor, and university/faculty-related factor. For the semi-structured interviews, they comprised of 20 questions for student interview, together with another 20 ones for practitioners' interview. The questionnaires were constructed internally before they were sent to 4 experts on legal English language teaching and legal practitioners for content validation. After that the questionnaires were fine-tuned properly before implementing a dry run among a group of 30 students and 5 teachers of English to validate the strengths and weaknesses. The researchers retained the statements according to the range of confidence level ($\alpha = 0.76 - 0.95$, fairly high; Cronbach, 1951). The final survey questionnaires included 15 teacher-related factors, 14 student-related factors, 12 infrastructure-related factors, and 10 university/faculty-related factors. For semi-structured interviews with students and teachers, 10 interview questions for students, and 8 ones for ESP instructors were selected. Finally, the final versions were again sent back to 4 experts to examine and validate the liability.

Research Procedures

Having prepared the proper research instruments, and the permission to conduct the study, the researchers composed an email embedded with an active link to a Google Form, then the questionnaire was sent to the participants' email addresses. The questionnaire including the researchers' instructions, articulated the objectives and relevance of the study, assured anonymity, and gave participants the option of discontinuing participation in the study. The respondents were expected to return the questionnaire within two weeks after the email was sent. Simultaneously, a contact number was also provided in case a respondent had any questions. Participants agreeing to participate in the semi-structured interviews expressed their availability over the phone for about 15 minutes. After two sources of the research instrument were selected via a snowball sampling technique during the time schedule, the researchers implemented the process of data screening together to obtain the desired sample size. Then, the appropriate data was treated by IBM SPSS v.25 application for the questionnaire, and NVivo v.12 application for the interview recordings.

Data analysis

The data was collected, tabulated, analyzed, and interpreted for the purpose of descriptive statistics. Specially, frequency count and percentage were utilized to treat the respondents' profiles. Descriptive statistics was employed to address Likert-scale statement to find out the means and standard deviations relevant to the interval scales such as very low (1.0 – 1.80), low (1.81 – 2.60), moderate (2.61 – 3.40), high (3.41 – 4.20), and very high (4.21 – 5.0). To verify the different perspectives of the respondents in terms of 4 ESP demotivating factors, ANOVA was utilized to test the disparity. To ascertain the accountability of the qualitative data, NVivo v.12 application was employed to address the frequency of occurrence of the respondents' perspectives in the semi-structured interviews.

Results and discussion

To investigate the particular features leading to the demotivating factors for students in ESP courses, Table 1 illustrates respondents' viewpoints about the teacher-related factors. In general, they have negative perspectives towards this aspect. The role of ESP teachers is to provide learners with practical knowledge thanks to teachers' tactful use of pedagogical strategies to activate student language learning motivation stemming from psychological quality teachers help students to recognize the necessity to achieve L2 learning objectives. As glimpsed from Table 1, the respondents do not feel satisfied with teachers' ESP equivalent knowledge because teachers in charge of these courses seemingly fail to explain or supply learners with sufficient understanding of respective knowledge about the equivalent information. As clearly reported in the previous studies (e.g., Ahmadi & Bajelani, 2012; Han et al., 2019; Wahyunengsih, 2018), the specialized knowledge about one field has been required and highlighted as teachers have to understand the core of the subjects that they are teaching in order for them to help students comprehend what aspects of ESP mention. In addition, students reflect that teachers have not exploited teaching aids or realia effectively to support the effectiveness and practicality of ESP teaching and learning. Typically, the participants reveal that teachers in ESP classrooms are not very good at developing student learner autonomy, which empowers learners with the ability to improve their own ESP knowledge, this result is somewhat similar to the research finding of Mauludin's study (2021). Currently, students are encouraged to promote the learner autonomy not only in ESP fields but also other subjects at the tertiary level. Thanks to the availability and ubiquitous Internet innovations, students are able to utilize the Internet applications to address their own concerns relative to their ESP difficulties. This reflection is also reported in the previous studies (e.g., Sandra & Ismail, 2016; Giang & Tuan, 2018; Tuan, 2021) which assert the impacts of utilizing the Internet on students' English competence. Regarding teacher-related factors, students express their discontented remarks on teachers' classroom management styles. It can be stated that the way teachers interact with students has, to a certain extent, influenced student learning outcomes, which can be found in the previous studies (e.g., Jean-Louis, Céline, Cynthia & Marcel, 2018; Tuan, Huong & Minh, 2021; Tuan, Lan, Huong & Minh, 2022) confirming the student achievements heavily resulting from how teachers work with their students. Therefore, it is concluded that teacher-related factors have not come up to student expectations.

Table 1

Student perspectives towards teacher-related factors

Teacher-related factors	N	Mean	Std.Deviation	Description
1. Use of technology (slides, computer assisted learning, showing videos, etc.) in the ESP course motivates me and affect my learning	357	3.12	.704	Moderate
2. I think the instructor used a useful and practical lesson plan	357	2.51	.523	Moderate

Teacher-related factors	N	Mean	Std.Deviation	Description
3. I like the innovative pedagogical method used by the instructor to teach ESP.	357	2.02	.675	Low
4. I think the material used in the class is useful and it includes appropriate topics	357	2.12	.629	Low
5. The teachers do not provide ESP handouts before/after lessons.	357	3.83	.822	High
6. The teachers do not guide searching/ reading more documents/provide documents and websites relating to the lessons in ESP class.	357	3.02	.548	Moderate
7. The teachers do not communicate with students during the learning process with the relevant knowledge of ESP.	357	2.90	.655	Moderate
8. I like the atmosphere of my ESP class thanks to instructors' active classroom management	357	3.01	.770	Moderate
9. Teachers do not update the lectures in ESP classes according to the current situations.	357	4.03	.689	High
10. Teachers only give priority to good students, not interested in the others in teaching ESP classes.	357	3.10	.883	Moderate
11. Teachers do not answer all the students' questions during the learning process relating to the ESP knowledge.	357	4.06	.716	High
12. Teachers teaching ESP classes do not guide students to self-study ESP knowledge basing on the assistance of information technology.	357	3.93	.609	High
13. Teachers often fail to explain the difficult ESP terminologies due to their lack of respective knowledge about the equivalent reference.	357	4.00	.670	High

Teacher-related factors	N	Mean	Std.Deviation	Description
14. Teachers do not help students improve their four basic English skills – reading, speaking, listening and writing, together with ESP terminology. They just try to follow the preset syllabuses.	357	2.91	.825	Moderate
Valid N (listwise)	357			

Table 2 reveals the student perspectives towards student-related factors. As clearly seen from Table 2 student intrinsic motivation to study ESP generally shows high extents. However, one of the remarkable demotivating factors blames for their lack of respective knowledge to fully understand what is stated in L2 specialized texts ($M = 3.85$; $SD = .810\%$). To address this problem, it is possible for ESP teachers to reconsider their curriculum by collaborating with other related majors. As claimed in teacher-related factors, students do not highly value the usefulness of ESP materials and appropriate topics ($M = 2.12$), this proves that student background knowledge related to ESP themes should be relevant, which is also consistent with the findings of Martinović and Poljaković (2010), and Vü (2012). For the intrinsic motivation, learners surely realize the necessity of the advantageous ESP competence for their future positions. This state of student readiness is very essential in that students realize their potential fully and are able to visualize themselves doing a certain job in the future ($M = 3.84$). This point is somehow different from Navickienė et al. (2015), in which they disclose that learners are vague about their reasons to participate in an ESP course. Furthermore, ESP demotivating factors possibly derives from the cultural dissimilarity in equivalent lexical meanings when students find it hard to convert between source language and target language so that this disparity may yield much hinderance for students to communicate in ESP fields, which also shares similarities in the previous studies (Han et al., 2019; Vakilifard et al., 2020; Tran & Moskovsky, 2022). Overall, students recognize the benefits of a good command of ESP for their prospective working positions, they find it difficult to master ESP words and comprehend clearly ESP texts.

Table 2

Student viewpoints on student-related factors

Student-related factors	N	Mean	Std. Deviation	Description
1. I find it challenging to study ESP as my background knowledge relating to ESP themes is not adequate.	357	3.85	.810	High
2. I find it too hard to understand ESP due to my poor command of general English.	357	3.23	.589	Moderate

Student-related factors	N	Mean	Std. Deviation	Description
3. I take ESP course because I like English and I enjoy learning English	357	4.06	.728	High
4. Learning ESP is important to keep updated and informed of recent progress in my field of study.	357	3.92	.811	High
5. Learning ESP is important to me because I could be offered with a prospective and international position.	357	3.84	.656	High
6. Students in ESP classes do not have the same general English level, which demotivates the competitive learning atmosphere.	357	3.78	.785	High
7. Whenever I think of my future career, I imagine myself using ESP to deal with my potential responsibilities.	357	4.11	.614	High
8. Learning ESP can be important to me because I think it will someday be useful in getting a good job.	357	3.65	.652	High
9. I can imagine myself having a scientific discussion in English in my future job.	357	4.07	.722	High
10. I cannot understand the meanings of ESP words because ESP words are not equivalent to Vietnamese language.	357	3.81	.752	High
11. I find it too hard to remember ESP words and their pronunciation.	357	3.87	.822	High
12. I can imagine myself speaking English with international experts or colleagues concerning ESP knowledge.	357	2.75	.702	Moderate
13. The things I want to do in the future require me to use my ESP knowledge.	357	3.82	.724	High

Student-related factors	N	Mean	Std. Deviation	Description
14. I imagine myself as someone who is able to have a scientific talk or presentation in English in an international event	357	3.32	.642	Moderate
15. Learning ESP is important to me to understand the professors' lectures and knowledge relating to all subjects in my classes	357	4.13	.812	High
Valid N (listwise)	357			

When considering infrastructure-related factors, the respondents express their dissatisfaction with the availability of equipment reserved for ESP teaching and learning as displayed in Table 3. In fact, ESP is regarded as challenging for most foreign language learners; thus, infrastructure reserved for ESP teaching and learning must be well-equipped to come up to student expectations. As ESP is designed for practicum situations, mooted activities are frequently employed, which requires infrastructure such as labs, libraries, or practicum rooms to have special investments. Apparently, the results in Table 3 present that infrastructure for ESP teaching and learning is still modest, which might have negative impacts on ESP learning outcomes.

Together with infrastructure, other indoor or outdoor class activities involving ESP have not satisfied students. For example, students complain about not reserved space for ESP practice in the labs ($M = 3.57$; $SD = .727\%$), or not enough ESP reference books in the library ($M = 3.84$). Therefore, to get the most efficiency, ESP teaching and learning require modern and advanced infrastructure. These infrastructure-related factors have not mentioned thoroughly in other studies before.

Table 3

Student stances on infrastructure-related factors

Infrastructure-related factors	N	Mean	Std. Deviation	Description
1. Projectors or teaching aids for ESP do not come up with students' expectations.	357	4.08	.521	High
2. The topics presented in the ESP class discouraged me to participate actively as there is no availability of ESP teaching realia to accompany with.	357	3.72	.614	High
3. I think class activities and my participation in the ESP class (for example presenting in English language) motivate me and affect my learning	357	3.01	.521	Moderate

Infrastructure-related factors	N	Mean	Std. Deviation	Description
4. ESP textbooks used in the ESP classes are not updated regularly.	357	4.13	.619	High
5. The library does not have enough ESP textbooks for students to borrow.	357	3.84	.902	High
6. The lab does not provide reserved space for ESP practice.	357	3.57	.727	High
7. ESP language laboratory facilities do not equip enough for students to practice.	357	3.63	.524	High
8. Modern equipment with the internet connection are not allowed students to use without the consent of teacher-in-charge.	357	2.84	.831	Moderate
9. The library does not have enough ESP reference books such as ESP dictionaries	357	3.64	.628	High
10. The library does not link and share online resources with other libraries at a national and international scale.	357	2.06	.602	Low
11. Practicum rooms reserved for teaching and learning ESP are not adequately updated.	357	3.87	.915	High
12. I think the topics covered in the ESP course are rudimentary and boring, not much practical.	357	3.95	.737	High
Valid N (listwise)	357			

Table 4 presents the supportive factors that are also considered as demotivating factors in ESP teaching and learning. In general, the participants assume that university/faculty-related factors should be changed to give more assistance to improve the efficiency of ESP teaching and learning. Table 4 investigates the internal and external issues; that is, the connectedness of ESP program with inside and outside institutions. Consequently, the respondents recognize that in-house supportive programs have not been given enough priorities when designing an ESP course. It is important to conduct a need analysis to see what ESP students actually want to achieve after

the course so that university/faculty may have a clear orientation exchanging with students on effective ESP learning methods. Compared with Lebedev and Tsybina’s result (2018), the aspect of this research finding is somewhat similar to them; however, their finding only mentions the need analysis, not for what purpose. Besides, the investment in updating ESP textbooks, modernizing ESP teaching facilities or inviting educational experts on ESP teaching has yet to be properly taken care by university/faculty administrators. In regard to external factors, the results indicate that the practicality of the ESP courses is questionable and does not match student expectations. Likewise, they are longing for more collaborative activities or exchange programs with domestic or international universities regarding the use of ESP in practice. Furthermore, intern or apprentice programs using ESP knowledge are necessary for students to measure the extent they have gained from ESP courses. Generally, students expect to receive more practical supports from their university/faculty to enable them to get better learning outcomes from acquiring ESP courses.

Table 4

Student opinions on university/faculty-related factors

University/faculty-related factors	N	Mean	Std. Deviation	Description
1. The university/ faculty does not really show interest and invest in ESP teaching facilities properly.	357	3.22	.632	Moderate
2. The university/ faculty does not have any discussions or orientation on ESP learning methods.	357	3.62	.791	High
3. The university/ faculty does not change/ improve the ESP textbooks to suit the reality.	357	4.05	.647	High
4. The university/ faculty has not been able to arrange a class-specialized teacher.	357	2.11	.891	Low
5. The university/ faculty has not organized extra-curricular activities to practise ESP.	357	4.15	.621	High
6. The university/ faculty does not organize collaborative activities with other universities or institutions regarding ESP	357	4.42	.671	Very high
7. The university/ faculty does not have any exchange programme with international universities or higher education institutions.	357	4.50	.818	Very high

University/faculty-related factors	N	Mean	Std. Deviation	Description
8. The university/ faculty does not invite current experts on ESP outside school to teach ESP programs.	357	2.19	.698	Low
9. The university/ faculty does not send ESP students to do an internship course at working institutions.	357	4.62	.775	Very high
10. The university/ faculty does not organize regular job fairs to connect between job hunters with ESP graduates.	357	4.04	.941	High
Valid N (listwise)	357			

Table 5 presents the results of the student semi-structured interviews, which is manipulated by NVivo. As glimpsed from Table 5, the interviewees are likely to express their negative perspectives, so the results are somehow similar to that in the survey questionnaire. Nearly two thirds of the participants think that the ESP courses are not very helpful, which indicates that ESP courses should be done more to satisfy learners' expectations. The inefficiency of ESP courses may come from the poor need analysis, low motivation, lack of ESP textbooks or materials, and inadequate infrastructure. Moreover, the participants believe that ESP courses should have practical apprentices at intern places so that they can apply what they have gained theoretically into real situations. Some previous qualitative studies using some kinds of interviews (Johnson, 2015; Mousavi, Gholami & Sarkhosh, 2019; Nikolaeva & Synekop, 2020) have emphasized the necessities of bridging what ESP theoretical knowledge into practicality. Furthermore, students really want to have a deep background knowledge of respective knowledge of respective subjects to understand ESP fields. They also confess that they do not change much their practical skills and sub-skills in using ESP due to the improper impacts of teachers, infrastructure, and administrative policies for ESP.

Table 5

Summarized analysis of student semi-structured interviews (manipulated by NVivo)

When participating ESP courses, you	N	Opinion	Frequency	Percentage (%)
1. Perceive the usefulness of the ESP courses	85	Yes	28	32.94
		No	57	60.05
2. Experience unwillingness to take ESP courses as the partial curriculum requirements	85	Yes	61	71.76
		No	24	28.24

When participating ESP courses, you	N	Opinion	Frequency	Percentage (%)
3. Have high motivations for taking ESP courses	85	Yes	30	35.30
		No	64	64.70
4. Realize effective ESP course contents and course materials	85	Yes	35	41.18
		No	50	58.82
5. Have practical apprentices at internship places	85	Yes	21	24.71
		No	64	75.29
6. Want to have experienced ESP teachers	85	Yes	39	45.88
		No	46	54.12
7. Develop fundamental ESP basic skills	85	Yes	19	22.35
		No	66	77.65
8. Improve skills and sub-skills in using ESP competence in practice	85	Yes	26	30.59
		No	59	69.41
9. Want good infrastructure supporting for ESP self-studying references	85	Yes	18	21.18
		No	67	78.82
10. Undergo lack of background knowledge to understand technical terms.	85	Yes	66	77.65
		No	19	22.35

Table 6 overviews the results from teachers' semi-structured interviews, which is handled by NVivo application. Specially, most teachers want to develop student ESP knowledge at the tertiary level rather than GE which seems to be relevant as English has been taught as EFL since the primary level. As such, there is no need to further improve GE at the tertiary level ($n = 12$). This notion is also in line with the finding of Zoghi and Far (2014), which emphasizes the necessity of mastering ESP for school leavers to use at their prospective jobs. Another aspect teachers' remark is not mixing ESP and GE curricula in one program ($n = 8$; 57.14%). As mentioned before, most teachers desire to teach only ESP at the tertiary level. Regarding teachers' qualifications, most teachers agree to have formal qualifications related to the ESP subjects ($n = 9$; 64.29%). This finding might be different from that in Canarana et al.'s study (2020), they argue that teachers should have to prepare well before their lessons, they do not need to be trained in specialized subjects. In reality, understanding a piece of information in ESP is much challenging because it might involve in many collaborative specialized fields, which demand having a good background knowledge to grasp the meanings thoroughly. In order to inscribe students' memory of ESP competence, teachers have to adjust their pedagogical approaches in teaching ESP via providing more mooted circumstances. The application of ESP knowledge into mooted events enables students visualize what they might do with their ESP ability in the future. Additionally, the supportive actions of administration leaders are very necessary according to the teachers. The schools need to not only invest monetary

schemes in ESP facilities or training courses relative to ESP enhancement programs, but encourage ESP teachers to participate in teachers' exchange programs or have specialized career development strategies for them. Overall, teachers recognize inappropriate investments of the schools for ESP, which is, to a certain extent, similar to the student evaluations.

Table 6

Summarized analysis of teachers' semi-structured interviews (manipulated by NVivo)

What are your opinions of	N	Opinion	Frequency	Percentage (%)
1. Developing ESP knowledge at the tertiary level rather than improving general English language skills.	14	Yes	12	85.71
		No	2	14.29
2. Organizing mooted circumstances relative to ESP instead of tedious theoretical lectures.	14	Yes	11	78.57
		No	3	21.43
3. Total ESP curriculums better than mixed general English and ESP curricula.	14	Yes	8	57.14
		No	6	42.86
4. Reserved facilities for teaching and learning ESP classrooms.	14	Yes	13	92.86
		No	1	7.14
5. ESP teachers with respective formal qualifications relating to subjects.	14	Yes	9	64.29
		No	5	35.71
6. More inviting present practitioners in teaching ESP.	14	Yes	11	78.57
		No	3	21.43
7. Overseas exchange programs in ESP.	14	Yes	8	57.14
		No	6	42.86
8. University administrators promoting ESP with incentive schemes.	14	Yes	14	100
		No	0	0

Conclusion

English has obviously proved its influential role as a medium of international communications. Currently, the global integration creates more opportunities for multinational companies or organizations to cooperate together, which places a great demand for the tertiary education to keep renovating training programs to meet the requirements of international working cooperation.

The most common problem in EFL countries is that English is learnt mainly for communicative purposes in some contexts. From the findings of this paper, it is concluded that students have high motivational aspects to acquire ESP, the main demotivating factor possibly comes from the student lack of background knowledge of respective specialized subjects, which deters learners from understanding fully what ESP texts denote or communicating confidently where they have to use ESP. For teacher-related factors, learners think that teachers should not only have qualified with ESP but also get formal qualifications in respective areas. In addition, teachers are expected to give students more chances to practice ESP in mooted circumstances instead of giving theoretical lectures. For assistive infrastructure-related factors, students feel not much satisfied as the infrastructure is not reserved for ESP teaching and learning. Remarkably, library sections, language laboratory equipment or practicum rooms for ESP have not adequately taken into consideration. For the last supportive university/faculty-related factors, students want to receive more assistance from administrative leaders in terms of ESP related policies. Students really want to have ESP orientational discussions at the beginning of their programs, they also hope to participate in ESP exchange programs with other domestic and international institutions. Besides, ESP courses should be conducted more at intern or apprentice places for students demonstrating their ESP language skills. In this study, to strengthen the liability of the research findings, semi-structured interviews with students and teachers are also carried out. The results indicate that there are somehow similarities between the outcomes of the teachers' and student semi-structured interviews and that in the student survey questionnaires.

References

- Ahmadi, A., & Bajelani, M. R. (2012). Barriers to English for specific purposes learning among Iranian University students. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 47, 792–796. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.06.736>
- Asijavičiūtė, V., & Ušinskienė, O. (2014). Student motivation as decisive factor in process of ESP learning. *Kalba ir kontekstai*, 6, 156–168.
- Benahnia, A. (2017). Application of Motivation in Arab EFL/ESP Learners' Settings: A Socio-Cultural Approach. *European Scientific Journal*, 13(4), 73–86. <https://doi.org/10.19044/esj.2017.v13n4p73>
- Canarana, O., Bayram, I., & Altuğ, C. (2020). English for Specific Purposes (ESP) Program Evaluation: Perspectives from Three Faculties. *Başkent University Journal of Education*, 7(1), 20–28.
- Cronbach, L. J. (1951). Coefficient alpha and the internal structure of tests. *Psychometrika*, 16(3), 297–334. <https://doi.org/10.1007/bf02310555>
- Didenko, I., & Filatova, O. (2017). Continuous Assessment in ESP Context. *European Journal of Multidisciplinary Studies*, 2(6), 138–141. <https://doi.org/10.26417/ejms.v6i1.p138-141>
- Dörnyei, Z., & Ushioda, E. (2021). *Teaching and Researching Motivation* (3rd ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351006743>
- Dörnyei, Z., & Taguchi, T. (2010). *Questionnaires in Second Language Research: Construction, Administration and Processing* (2nd ed.). Routledge.
- Dja'far, V. H., Cahyono, B. Y., & Bashtomi, Y. (2016). EFL Teachers' Perception of University Students' Motivation and ESP Learning Achievement. *Journal of Education and Practice*, 7(14), 28–37.
- Flowerdew, L. (2012). Needs Analysis and Curriculum Development in ESP. In B. Paltridge & S. Starfield (Eds.). *The Handbook of English for Specific Purposes*, 325–346. <https://doi.org/10.1002/9781118339855.ch17>

- Giang, T. K. B., & Tuan, V. V. (2018). The Utilization of the Internet Resources for Enhancing the Self-Study of Vietnamese Students in Improving their English Competence. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*, 186–197. <https://doi.org/10.7456/1080MSE/123>
- Han, T., Takkaç-Tulgar, A., & Aybirdi, N. (2019). Factors Causing Demotivation in EFL Learning Process and the Strategies Used by Turkish EFL Learners to Overcome their Demotivation. *Advances in Language and Literary Studies*, 10(2), 56–65. <https://doi.org/10.7575/aial.v.10n.2p.56>
- Harmer, J. (2010). *The Practice of English Language Teaching* (4th ed. 5th impression). Pearson Longman.
- Hosseinpour, N., & Tabrizi, H. H. (2013). University Students' Perception of Demotivating Factors in Learning English as a Foreign Language. *Journal of Applied Linguistics*, 6(13), 84–104.
- Jean-Louis, B., Céline, G., Cynthia, V., & Marcel, C. (2018). Teaching Experience, Teachers' Beliefs, and Self-Reported Classroom Management Practices: A Coherent Network. *SAGE Open*, 8(1), 1–12. <https://doi.org/10.1177/2158244017754119>
- Johnson, M. (2015). A Qualitative Examination of ESP Instructional Materials and Motivational Engagement. *Journal of English for Specific Purposes at Tertiary Level*, 3(1), 83–98.
- Lebedev, A. V., & Tsybina, L. V. (2018). Teaching English for Specific Purposes in the Russian Higher Education Institution: Issues and Perspectives. *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 8(12), 118–122. <https://doi.org/10.26655/mjltm.2018.12.1>
- Martinović, A., & Poljaković, I. (2010). Attitudes toward ESP among University Students. *Fluminensia*, 22(2), 145–161. <https://hrcak.srce.hr/en/file/97888>
- Mauludin, L. (2021). Students' Perceptions of the Most and the Least Motivating Teaching Strategies in ESP Classes. *Iranian Journal of Language Teaching Research*, 9(1), 139–157. <http://doi.org/10.30466/ijltr.2021.120980>
- Mousavi, S. H., Gholami, J., & Sarkhosh, M. (2019). Key Stakeholders' Attitudes in ESP Courses on the Right Teachers. *International Journal of Instruction*, 12(1), 1041–1058. <https://doi.org/10.29333/iji.2019.12167a>
- Navickienė, V., Kavaliauskienė, D., & Pevcevičiūtė, S. (2015). Aspects of ESP learning motivation in tertiary education. *Tiltai*, 2, 97–108. <http://dx.doi.org/10.15181/tbb.v71i2.1103>
- Negova, F. S., & Umarova, O. S. (2022). Effective language learning and teaching in English for specific purposes (ESP). *Science and Education*, 3(4), 943–946.
- Nikolaeva, S., & Synekop, O. (2020). Motivational Aspect of Student's Language Learning Style in Differentiated Instruction of English for Specific Purposes. *Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala*, 12(2), 169–182. <https://doi.org/10.18662/rrem/12.2/272>
- Sandra, O. M., & Ismail, N. (2016). The impact of social media on students' academic performance – A case of Malaysia tertiary institution. *International Journal of Education, Learning and Training*, 1(1), 14–21. <https://doi.org/10.24924/ijelt/2016.11/v1.iss1/1.13>
- Starfield, S. (2016). English for specific purposes. In G. Hall, (Ed.), *The Routledge Handbook of English Language Teaching* (1st ed.), 150–163. <https://doi.org/10.4324/9781315676203>
- Tahririan, M. H., & Chalak, A. (2019). English for Specific Purposes: The state of the art. *International Journal of Language Studies*, 13(3), 135–141.
- Tran, L. H., & Moskovsky, C. (2022). Students as the source of demotivation for teachers: A case study of Vietnamese university EFL teachers. *Social Psychology of Education*, 25(5), 1–18. <https://doi.org/10.1007/s11218-022-09732-4>
- Tuan, V. V. (2021). The Impact of Social Networking Sites on Study Habits and Interpersonal

- Relationships among Vietnamese Students. *Journal of Language and Education*, 7(1), 206–218. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3861811>
- Tuan, V. V., Huong, T. N., & Minh, N. B. L. (2021). Teacher-Student Relationship Harmony and Student Learning Outcomes Imprinted by Teacher Classroom Management Styles at a Higher Education Institution. *TNU Journal of Science and Technology*, 226(13), 36–42. <https://doi.org/10.34238/tnu-jst.4313>
- Tuan, V. V., Lan, T. H. N., Huong, T. N., & Minh, N. B. L. (2022). Differences between Novice and Experienced Teachers in Classroom Management Style at a Higher Education Institution. *Academia*, 26. <https://doi.org/10.26220/aca.3950>
- Vũ, T. T. (2012). *Factors demotivating electronics-major students to learn ESP at Sao Do University*. Master's thesis, Vietnam National University, Hanoi.
- Vakilifard, A., Ebadi, S., Zamani, M., & Sadeghi, B. (2020) Investigating demotivating factors in foreign language learners: The case of non-Iranian Persian language learners. *Cogent Education*, 7(1), 1–14. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2019.1690232>
- Wahyuningsih, W. (2018). Teachers' Perspective on the Challenges of Teaching English for Specific Purposes in Indonesia. *Journal of English for Academic and Specific Purposes*, 1(1), 22–37. <https://doi.org/10.18860/jeasp.v1i1.5243>
- Zoghi, M., & Far, L. M. (2014). Investigating Elementary & Intermediate Level Students' Perspectives towards Demotivating Factors in ESP Classes. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, 3(5), 22–27. <https://doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.3n.5p.22>

Received: December 13, 2022

Revision received: December 30, 2022

Accepted: January 3, 2022

Author Contributions

Giang Nguyen Dang planned the original draft of the study and wrote the text of the study.

Tuan Van Vu wrote the text of the study, was responsible for review and editing.

Minh Nguyen Binh La planned the methodology of the research.

Author Details

Giang Nguyen Dang – Dr. Sci (Philosophy), Teacher, University of Labour and Social Affairs, Hanoi, Vietnam, e-mail: dangnguyengiang1979@gmail.com

Tuan Van Vu – Dr. Sci (Philosophy), Teacher, Hanoi Law University, Hanoi city, Vietnam; Scopus Author ID: 57219846985, Researcher ID: B-1620-2019, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3066-7338>, e-mail: tuanvv@hlu.edu.vn

Minh Binh Nguyen La – master, teacher, Hanoi Law University, Hanoi city, Vietnam; e-mail: dawny99@gmail.com

Conflict of Interest Information

The authors have no conflicts of interest to declare.

Научная статья

УДК 159.9.072

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.12>

Социально-экономические факторы риска развития послеродовой депрессии и послеродового посттравматического стрессового расстройства

Вера А. Якупова^{1*}, Анна Д. Суарэз¹, Любовь А. Шрайбман²

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

² Ассоциация профессиональных доул, г. Новосибирск, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: vera.a.romanova@gmail.com

Аннотация

Введение. Послеродовая депрессия и послеродовое посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) являются распространенными расстройствами перинатального периода. Они серьезно снижают качество жизни матери, имеют долгосрочные последствия для ее психологического благополучия и развития ребенка. В настоящем исследовании впервые на российской выборке рассмотрены социально-экономические факторы риска послеродовой депрессии и ПТСР, а именно факторы экономического статуса семьи, места родов и формата родов. **Методы.** В исследовании приняли участие 2579 женщин возраста 18–43 лет, в течение 12 месяцев, предшествовавших опросу, родившие одного ребенка или нескольких детей. Депрессия оценивалась при помощи Эдинбургской шкалы послеродовой депрессии, послеродовое ПТСР – при помощи Городской Шкалы Травмы в родах. Кроме того, были собраны социально-демографические данные и данные о прошедших родах. **Результаты.** Были обнаружены статистически значимые различия в выраженности симптомов послеродовой депрессии ($F = 13,678, p < 0,001$) и послеродового ПТСР в зависимости от экономического статуса матери ($F = 10,235, p < 0,001$). Также выявлены значимые различия в выраженности симптомов послеродовой депрессии ($F = 10,780, p < 0,001$) и послеродового ПТСР ($F = 10,410, p < 0,001$) в зависимости от формата родов (по полису обязательного медицинского страхования, с заключением платного контракта с роддомом, домашние роды). Не выявлено различий в выраженности симптомов послеродовой депрессии и послеродового ПТСР в зависимости от места родов (сельская местность, поселок городского типа, город) ($F = 0,021, p = 0,979, F = 0,685, p = 0,504$ соответственно). **Обсуждение результатов.** Результаты работы согласуются с предыдущими исследованиями в России и других странах, указывая на значимость социально-экономических факторов в этиологии послеродовой депрессии и ПТСР. Разработка программ поддержки ментального здоровья женщин с низким экономическим статусом во время беременности, родов и послеродового периода может стать перспективным направлением профилактики послеродовой депрессии и ПТСР.

Ключевые слова: послеродовая депрессия, социально-экономические факторы, социальные факторы, экономический статус, перинатальные расстройства, материнская депрессия, опыт родов, перинатальный период, факторы риска

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского Научного Фонда (проект №22-18-00-356 – ПТСР и послеродовая депрессия у матерей как фактор риска для эмоционально-когнитивного развития ребенка).

Для цитирования: Якупова, В. А., Суарэз, А. Д., Шрайбман, Л. А. (2023). Социально-экономические факторы риска развития послеродовой депрессии и послеродового посттравматического стрессового расстройства. *Российский психологический журнал*, 20(1), 182–201. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.12>

Введение

Перинатальный период – это время повышенного риска развития психических расстройств (Pawluski, Lonstein, Fleming, 2017). Одно из самых распространенных и опасных расстройств – это послеродовая депрессия. По статистике от 10 до 26 % женщин сталкиваются с послеродовой депрессией (Shorey et al., 2018). По данным наших предыдущих исследований на российской выборке, распространенность заболевания может достигать до 30 % (Yakupova & Suarez, 2021). Послеродовая депрессия (ПРД) связана с риском суицида (Shi et al., 2018; Mangla, 2019), трудностями развития привязанности между матерью и младенцем (Oyetunji & Chandra, 2020), более коротким периодом грудного вскармливания (Silva et al., 2017). Младенцы женщин с ПРД значительно чаще имеют проблемы со здоровьем, нарушения сна, замедленное двигательное, когнитивное, языковое, социальное и эмоциональное развитие (Slomian et al., 2019; Aoyagi & Tsuchiya, 2019).

Среди факторов риска развития послеродовой депрессии выделяют эпизод депрессии в анамнезе, эмоциональное и физическое насилие со стороны партнера, принадлежность к этническому меньшинству, бедность и финансовые трудности, нежеланную беременность и тяжелый опыт родов (Perry, Ettinger, Mendelson, Huynh-Nhu, 2011; Thomas & Schetter, 2022; Choi, Mersky, Janczewski, Goyal 2022; Cankaya & Atas, 2022). В ряде исследований отмечается, что отсутствие социальной поддержки может усиливать факторы риска развития депрессии (Abenova, Myssayev, Kanya, Turliuc, Jamedinova, 2022; Shin et al., 2020).

Посттравматическое стрессовое расстройство после родов не менее распространено, чем послеродовая депрессия: статистика по странам колеблется от 3 до 33 % (Grekin & O'Hara, 2014; Dickmen-Yildiz, Ayers, Phillips, 2016). Однако в фокусе внимания исследователей послеродовое ПТСР находится относительно недавно (Grekin & O'Hara, 2014). К факторам риска развития послеродового ПТСР относят осложнения в родах, угрозу жизни ребенка, акушерское насилие, низкий социально-экономический статус, принадлежность к этническому меньшинству, отсутствие доступа к качественной медицинской помощи, недостаток поддержки в родах, страх родов, предыдущий травматический опыт (Freedman, Reshef, Weiniger, 2020; Dickmen-Yildiz, Ayers, Phillips, 2018).

Послеродовое ПТСР, как и послеродовая депрессия, имеет негативные последствия для развития ребенка и качества жизни матери. ПТСР после родов может влиять на качество повседневного функционирования, процесс установления связей и преодоление родительского

стресса (Dekel et al., 2019; Romero et al., 2021). Как и ПРД, послеродовое ПТСР связано с более низкими показателями грудного вскармливания (Cook, Ayers, Horsch, 2018; Garthus-Niegel et al., 2018) и трудностями в формировании привязанности между матерью и ребенком (Handelzalts et al., 2021).

Как отмечено выше, опыт родов играет важную роль в вероятности развития послеродовой депрессии и ПТСР. Помимо медицинских осложнений и проблем со здоровьем ребенка есть и психологические факторы травматизации в родах. Так, женщины, которые сталкиваются с акушерским насилием в родах, с большим количеством медицинских вмешательств, значительно чаще сталкиваются с симптомами ПТСР после родов (Yakupova & Suarez, 2022; Simpson & Catling, 2016; Martinez-Vazques, Rodriguez-Almagro, Hernandez-Martinez, Martinez-Galiano, 2021).

Психологическая безопасность в родах во многом зависит от условий, в которых проходили роды, и особенностей системы родовспоможения. Отечественная система охраны здоровья матери и ребенка в настоящее время претерпевает структурные и ценностные изменения (Borozdina & Novkunskaia, 2022), становится более гуманистической и пациент-ориентированной. Растет и запрос на агентность со стороны пациентов, многие женщины активно отстаивают свои права в родах и заявляют о своих потребностях (Кукса, 2021; Ожиганова, 2020). Однако по-прежнему есть ограничения в получении поддержки в родах и проблемы в области этики общения с пациентами (Temkina et al., 2021). Так, присутствие на родах доулы или индивидуальной акушерки доступно только при оплаченном контракте в роддоме (Кукса, 2021). Также возможность поддержки значимо зависит от региона и роддома, в котором проходят роды (Ожиганова, Молодцова, 2020; Кукса, 2021). В период пандемии во многих роддомах был ограничен доступ на роды даже для отца ребенка (Ожиганова, Молодцова, 2020). Подобные ограничения негативно сказались на ментальном здоровье матерей во всем мире (Gao et al., 2022).

Данные, полученные к сегодняшнему дню, говорят о значимости поддержки медицинского персонала и помогающих практиков для удовлетворенности женщиной родами и для улучшения их исходов (Futch Thurston, Abrams, Dreher, Ostrowski, Wright, 2019). Также важно уважение к плану родов, учет желаний женщины, включение ее в принятие решений относительно родов (Hernandez-Martinez et al., 2019). Доказана вероятность снижения риска послеродовых расстройств при наличии психологического комфорта и поддержки в родах (Turkmen et al., 2020; Yakupova & Suarez, 2022; Falconi et al., 2022). Однако зачастую учет желаний женщины в родах и возможность сопровождения доступны только при заключении платного контракта в роддоме (Кукса, 2021). Таким образом, становится заметной роль социально-экономических факторов в снижении потенциальных рисков послеродовых расстройств.

Медицинскими антропологами активно изучаются трансформация медицинской системы и новые запросы пациентов. Однако эти изменения остаются вне поля исследования психологов, и вопрос об их связи с психологическим состоянием женщин остается открытым.

Послеродовая депрессия и послеродовое ПТСР – сложные состояния, на которые влияет множество факторов, от генетических до социальных. Оба расстройства имеют долгосрочные последствия для качества жизни матери и развития ребенка. Опыт родов играет серьезную роль в развитии как послеродовой депрессии, так и послеродового ПТСР. Нам представляется важным исследовать эти заболевания в разрезе социально-экономических факторов именно на российской выборке и с учетом особенностей отечественной системы здравоохранения. На настоящий момент подобных исследований еще не проводилось, и у нас отсутствуют

какие-либо данные. Их необходимо получить не только в целях развития фундаментальной науки, но и с учетом возможного практического применения, совершенствования системы родовспоможения и перинатальной поддержки матерей.

Целью данной работы является изучение связи между рисками развития послеродовой депрессии и послеродового ПТСР и следующими переменными: уровнем дохода семьи, местом, в котором прошли роды (город, поселок городского типа, сельская местность), и типом родов (ОМС (по полису обязательного медицинского страхования) в роддоме, контрактные в роддоме, домашние роды).

Методы

Дизайн исследования

Исследование проводилось с мая по сентябрь 2022 года. Женщины получали приглашение принять участие в исследовании через школы для будущих родителей, родительские сообщества, поликлиники и родильные дома. Опрос проводился в онлайн-формате на онлайн-платформе «Тестограф». В исследовании приняли участие 2579 женщин возраста от 18 до 43 лет. Критериями включения в выборку выступали: возраст старше 18 лет, владение русским языком, роды на территории России, роды произошли не больше года назад. Критерии исключения из выборки: возраст младше 18 лет, роды не на территории России, роды прошли больше года назад, антенатальная гибель ребенка.

Этика

Исследование получило одобрение этической комиссии Российского психологического общества. Участие в исследовании было добровольным, опрашивались женщины старше 18 лет. Опрос был предоставлен в онлайн форме на онлайн-платформе «Тестограф». Перед началом заполнения участницы подтверждали, что они достигли 18 лет и согласны на участие в исследовании.

Методики

Социально-демографические данные и данные о родах

Мы просили участниц исследования предоставить социально-демографические данные: возраст матери на момент исследования, возраст ребенка, количество детей, статус семейных отношений (замужем, гражданский брак, нет партнера, в разводе, есть партнер без совместного проживания), уровень образования (начальное, среднее, высшее). Также мы просили участниц отметить населенный пункт, в котором произошли роды, и указать уровень дохода семьи (низкий, средний, высокий).

Была собрана информация о родах: на какой неделе гестации произошли роды, каким способом они проходили (вагинальные роды, инструментальные роды, экстренное кесарево сечение, плановое кесарево сечение), каким был формат родов (в роддоме по полису ОМС, с заключением платного контракта с роддомом, домашние роды).

Послеродовая депрессия

В качестве скрининга послеродовой депрессии мы использовали Эдинбургскую шкалу послеродовой депрессии (The Edinburgh Postnatal Depression Scale) (Cox, Holden, Sagovsky,

1987) в адаптации Якуповой (2018). Шкала состоит из 10 утверждений, которые предлагается ранжировать по 4-балльной шкале (от 0 до 3). 30 баллов – максимальный балл, 10 баллов – граница, с которой начинаются выраженные симптомы депрессии. Русскоязычный вариант Эдинбургской шкалы продемонстрировал высокую надежность ($\alpha = 0,87$) (Якупова, 2018).

Послеродовое ПТСР

Для оценки послеродового ПТСР нами была использована Городская Шкала Травмы в родах (City Birth Trauma Scale) (Ayers, Wright, Thornton, 2018) в адаптации Якуповой (2020). Шкала состоит из 29 вопросов, которые соответствуют критериям DSM-V. Респонденту предлагается оценить частоту проявления симптомов за последнюю неделю по шкале от 0 («ни разу») до 3 («5 и более раз»). Более высокий балл соответствует более выраженным симптомам ПТСР. Вопросы, относящиеся к критерию А DSM-V, оцениваются как «да/нет». Дистресс, нарушение ежедневного функционирования и потенциальные физические причины симптомов ПТСР оцениваются как «да/нет/отчасти». Русскоязычная версия Эдинбургской шкалы продемонстрировала высокую надежность ($\alpha = 0,89$) (Якупова, 2020).

Статистический анализ

Мы исследовали связь между выраженностью симптомов послеродовой депрессии и послеродового ПТСР и уровнем образования, семейным положением, местом родов, экономическим уровнем, форматом родов (ОМС, контракт, домашние роды) и способом родов с помощью дисперсионного анализа. Корреляцию симптомов послеродовой депрессии и послеродового ПТСР с возрастом участниц, сроком гестации, на котором произошли роды, временем, прошедшим с момента родов на момент исследования и количеством детей мы анализировали с помощью линейной регрессии.

Связь между местом родов, способом родов, экономическим статусом и форматом родов мы изучали с помощью Хи-квадрата Пирсона.

Все статистические процедуры проводились с поправкой на ковариаты: возраст матери на момент рождения ребёнка, уровень образования, семейное положение, время, которое прошло с момента родов, срок беременности на момент родов и населенный пункт, в котором прошли роды.

Статистический анализ выполнен с использованием программного обеспечения SPSS Statistics 25.

Таблица 1

Характеристики выборки

Характеристики	Участницы исследования (n=2579)		
	Mean/N	SD/%	Range
Возраст	31,14	6,92	18–43

Характеристики		Участницы исследования (n=2579)		
		Mean/N	SD/%	Range
Образование	Начальное	44	1,7	
	Среднее	185	7,2	
	Высшее	2350	91,1	
Семейное положение	Замужем	2366	91,7	
	Гражданский брак	131	5	
	Нет партнера	20	0,7	
	В разводе	31	1,2	
	Есть партнер, но без совместного проживания	20	0,7	
Время, которое прошло с момента родов		5,48	3,51	0–12
Срок гестации, на котором произошли роды		39,58	1,69	24,0–43,0
Способ родов	Вагинальные	1881	72,9	
	Экстренное кесарево сечение	407	15,8	
	Плановое кесарево сечение	227	8,8	
	Инструментальные роды	64	2,5	
Место родов	Город	2377	92,2	
	Поселок городского типа	108	4,2	
	Сельская местность	94	3,6	

Характеристики	Участницы исследования (n=2579)		
	Mean/N	SD/%	Range
	1	1627	63
Количество детей	2	700	27,3
	3+	252	9,7
Формат родов	ОМС	1523	59,1
	Контракт с роддомом	984	38,1
	Домашние роды	72	2,8
Шкала ПТСР	15,79	10,08	0–53
Шкала послеродовой депрессии	9,08	6,15	0–30
Экономический статус	Низкий	258	10,1
	Средний	1699	66,2
	Высокий	607	23,7

Результаты

Социально-демографические характеристики выборки и данные о родах представлены в Таблице 1 (табл. 1).

Основная часть выборки – женщины с высшим образованием, живущие в городах и состоящие в официальном браке. По данным скрининговой шкалы послеродовой депрессии у 37,4% женщин можно предполагать наличие выраженных депрессивных симптомов, 45,9% участниц исследования имеют выраженные симптомы послеродового ПТСР, 16% женщин соответствуют всем критериям диагностики послеродового ПТСР по DSM-V.

Симптомы ПРД и ПТСР значимо коррелируют ($\rho = 0,651$, $p < 0,001$). Также выраженность симптомов ПРД отрицательно коррелирует с возрастом ($B = -0,071$, 95% CI 0,15; -0,04, $p < 0,001$) и сроком гестации, на котором родился ребенок ($B = -0,065$, 95% CI -0,37; -0,09, $p = 0,001$). Значимых связей между временем, прошедшим с момента родов, и симптомами ПРД не обнаружено. Уровень образования и семейное положение значимо связаны с уровнем выраженности симптомов ПРД ($F = 9,712$, $p < 0,001$ и $F = 6,696$, $p < 0,001$ соответственно). Наиболее

низкие средние показатели выраженности ПРД наблюдаются у женщин, состоящих в зарегистрированном браке и имеющих высшее образование (табл. 2).

Выраженность симптомов послеродового ПТСР отрицательно коррелирует с возрастом участниц исследования ($B = -0,073$, 95% CI $-0,26$; $-0,08$, $p < 0,001$) и сроком гестации, на котором родился ребенок ($B = -0,040$, 95% CI $-0,46$; $-0,01$, $p = 0,041$). Также уровень выраженности симптомов послеродового ПТСР значимо коррелирует с временем, прошедшим с момента родов: со временем выраженность симптомов нарастает ($B = 0,122$, 95% CI $0,23$; $0,45$, $p < 0,001$).

Таблица 2

Средние значения показателей послеродовой депрессии и послеродового ПТСР для анализируемых переменных

Переменные	Средние значения ПРД (диапазон 0–30)		Средние значения ПТСР (диапазон 0–53)		
		SD		SD	
	Замужем	8,91	6,06	15,53	10,03
	Гражданский брак	9,81	6,61	16,92	9,28
Семейное положение	Нет партнера	11,55	6,37	21,50	10,71
	В разводе	13,58	6,17	23,19	9,85
	Есть партнер без совместного проживания	11,45	6,51	15,50	10,26
Образование	Начальное	11,25	6,47	18,70	11,68
	Среднее	10,66	6,40	16,04	10,90
	Высшее	8,92	6,10	15,72	9,98
Способ родов	Вагинальные роды	8,67	5,96	14,90	9,85
	Инструментальные роды	10,49	6,51	19,06	11,16
	Экстренное кесарево сечение	10,03	6,39	18,48	10,31
	Плановое кесарево сечение	10,09	6,49	16,98	9,60

Переменные		Средние значения ПРД (диапазон 0–30)		Средние значения ПТСР (диапазон 0–53)	
			SD		SD
Место родов	Город	9,04	6,12	15,77	10,04
	Поселок городского типа	9,21	6,36	14,81	10,18
	Сельская местность	9,15	5,96	16,35	9,96
Формат родов	ОМС	9,50	6,11	16,37	10,17
	Заключение платного контракта с роддомом	8,54	6,11	15,10	9,82
	Домашние роды	6,61	5,48	11,36	8,67
Экономический статус	Низкий	11,06	6,73	18,66	11,05
	Средний	9,03	5,97	15,40	9,70
	Высокий	8,28	6,10	15,48	10,35

Обнаружена связь между семейным положением и выраженностью симптомов послеродового ПТСР ($F = 6,684$, $p < 0,001$). У женщин, оказавшихся без партнера, наблюдаются наиболее высокие средние показатели по шкале ПТСР (табл. 2). Значимых связей между уровнем образования и баллами по шкале ПТСР не обнаружено.

Место родов

Не было выявлено различий в выраженности симптомов послеродовой депрессии и послеродового ПТСР в зависимости от места родов (сельская местность, поселок городского типа и город) ($F = 0,021$, $p = 0,979$, $F = 0,685$, $p = 0,504$ соответственно). Однако была выявлена связь между местом родов и форматом родов (PearsonChi-square = 13,1, $p = 0,011$). Роды с заключением платного контракта в роддоме значимо чаще проходят в городах (PearsonChi-square = 9,622, $p = 0,008$).

Формат родов

Нами обнаружены значимые различия в выраженности симптомов послеродовой депрессии в зависимости от формата родов ($F = 10,780$, $p < 0,001$). Наиболее низкая выраженность симптомов ПРД в группе женщин, которые рожали дома (табл. 2). Статистически значимая связь обнаружена также между симптомами послеродового ПТСР и форматом родов ($F = 10,410$, $p < 0,001$). Также наиболее низкая выраженность симптомов послеродового ПТСР наблюдается в группе домашних родов (табл. 2).

Есть значимая связь между форматом родов и способом родов (Pearson Chi-square = 28,873, $p < 0,001$). Соответственно, домашние роды – преимущественно вагинальные (Pearson Chi-square = 27,485, $p < 0,001$). Различий способа родов в зависимости от того, были ли они по ОМС или с заключением контракта с роддомом, не было выявлено.

Способ родов

Выраженность симптомов послеродового ПТСР значимо связана со способом родов ($F = 17,968$, $p < 0,001$). Наиболее высокие средние показатели ПТСР наблюдаются в группе инструментальных родов и экстренного кесарева сечения (табл. 2). Также нами обнаружена связь между способом родов и выраженностью симптомов ПРД ($F = 7,877$, $p < 0,001$). Наименьшие средние показатели выраженности симптомов послеродовой депрессии наблюдаются в группе вагинальных родов (табл. 2).

Экономический статус

Анализ полученных данных показывает статистически значимые различия в выраженности симптомов ПРД в зависимости от экономического статуса женщины ($F = 13,678$, $p < 0,001$). Наименьший средний показатель выраженности симптомов ПРД наблюдается в группе женщин с высоким экономическим статусом (табл. 2). Также обнаружены статистически значимые различия в выраженности симптомов послеродового ПТСР в зависимости от экономического статуса женщины ($F = 10,235$, $p < 0,001$). Наиболее высокий средний балл по шкале ПТСР наблюдается в группе женщин с низким экономическим статусом (табл. 2).

Обсуждение результатов

Целью данной работы было изучение связи между рисками развития послеродовой депрессии и послеродового ПТСР, условиями родов и социально-экономическими факторами. Основными переменными были уровень дохода семьи, место, в котором прошли роды (город, сельская местность), и тип родов (ОМС в роддоме, контрактные в роддоме, домашние роды).

В нашем исследовании в основном принимали участие женщины с высшим образованием, живущие в городах и состоящие в официальном браке. У 37,4% женщин можно предполагать наличие послеродовой депрессии, 45,9% участниц исследования имеют выраженные симптомы послеродового ПТСР, 16% женщин соответствуют всем критериям диагностики послеродового ПТСР по DSM-V. Данные по частоте послеродового ПТСР в целом соответствуют статистике для Европейских стран (Grekin & O'Hara, 2014; Dickmen-Yildiz, Ayers, Phillips, 2016).

Статистика послеродовой депрессии несколько выше мировой. Метаанализ 58 исследований показывает среднюю распространенность послеродовой депрессии для женщин, не имевших эпизодов депрессии в анамнезе, в 17%, при этом на Ближнем Востоке цифры достигают 26%, в Европе около 8% (Shorey et al., 2018). В систематическом обзоре Gelaye, Rondon, Araya, Williams (2016) в странах со средним и низким доходом каждая четвертая женщина сталкивается с послеродовой депрессией. Высокие показатели депрессии, полученные в нашем исследовании, могут быть связаны с особенностью выборки: возможно, в исследовании чаще участвуют женщины, страдающие депрессией. Также в нашей выборке присутствуют женщины как с эпизодами депрессии в анамнезе, так и без опыта депрессии, что может увеличивать статистику. При этом наши данные говорят о том, что симптомы послеродовой депрессии значимо ниже у состоящих в официальном браке женщин с высшим образованием, которые являются основными участницами нашего

исследования. Вероятно, при включении большего числа женщин с начальным и средним образованием, не состоящих в браке, статистика послеродовой депрессии сместилась бы к более высоким показателям. В отсутствие официальной статистики по регистрации случаев заболевания сложно с уверенностью говорить об истинных масштабах его распространения, но проблема ментального здоровья матерей, несомненно, является актуальной.

Согласно результатам нашей работы частота послеродовой депрессии связана с семейным статусом участниц исследования (табл. 2): меньшая частота симптомов наблюдалась среди женщин, имеющих партнера (в законном или гражданском браке, в том числе без совместного проживания), и большая – при отсутствии партнера (у женщин в разводе или одиноких). Эти наблюдения повторяют ранее обнаруженные взаимосвязи: семейный статус женщин оказывался фактором риска послеродовой депрессии в нескольких более ранних работах из разных стран (Akincigil, Munch, Niemczyk, 2010; Segre et al., 2007). При этом работы последних лет, рассматривающие влияние семейного статуса женщины на риск возникновения у нее послеродовой депрессии или других ментальных трудностей, в большей мере сосредоточены на том, чтобы не только провести различия между замужними и одинокими мамами, но и оценить вклад качества ее отношений с партнером. Так, неудовлетворительные отношения с партнером или супругом считаются фактором риска для послеродовой депрессии (Hutchens & Kearney, 2020). Методология нашего исследования на данный момент не позволяет оценить различия в качественных характеристиках семейных и/или партнерских отношений респонденток, но, учитывая актуальность темы ментальных расстройств после родов и их связи с социально-демографическими характеристиками, стоит уделить особое внимание вкладу этого фактора в будущих исследованиях. Возможно предположить, что женщина, растящая ребенка без партнера, сталкивается с большей нагрузкой по заботе о младенце и решению всех задач семьи. А эта нагрузка, в свою очередь, связана с риском депрессии (Yakupova & Liutsko, 2020).

Уровень образования является одним из самых часто используемых показателей социально-экономического статуса, который, в свою очередь, может быть связан с различными психическими расстройствами, включая депрессию, послеродовую депрессию и ПТСР (Lorant et al., 2003). При этом непосредственная связь между уровнем образования и риском развития послеродовой депрессии может быть изменчива (Lane et al., 1997, Anding, Röhrle, Grieshop, Schücking, Christiansen, 2016) и зависеть от других переменных, таких как время и место обучения, а также иных культурных и биологических факторов. Однако недавняя крупная работа Matsumura, Hamazaki, Tsuchida, Kasamatsu, Inadera (2019) продемонстрировала, что низкий уровень образования мам является независимым фактором риска развития послеродовой депрессии. Результаты нашего исследования также подтверждают эти данные, поскольку при более низких уровнях образования респонденток (начальное и среднее образование) частота послеродовой депрессии была значимо выше, чем у респонденток, имеющих высшее образование. Эта связь может быть объяснена более низкой информированностью женщин о психических расстройствах и возможности их лечения (Kondirulli & Sunder, 2022). Также существуют исследования, демонстрирующие связь уровня образования с навыком рефлексии и оценки собственных симптомов (Lozipone et al., 2022). Уровень образования также может быть связан с экономическим статусом женщины.

Представленные в нашей работе данные показывают статистически значимые связи между экономическим статусом женщины и риском развития послеродовой депрессии. Наши результаты согласуются с данными исследований, полученными в разных странах. Так, депрессия у родителей в целом коррелирует со стрессом, связанным с бедностью

(poverty-related stress) (McDonald, Thompson, Perzow, Joos, Wadsworth, 2020; Wadsworth et al., 2011). В работе Zhang et al. (2022) показана значимая связь послеродовой депрессии с низким экономическим статусом семьи. Трудность материнства (maternal hardship) выступала в качестве медирующей переменной между депрессией и низким экономическим статусом. Вероятно, женщины с низким экономическим статусом чаще испытывают трудности в материнстве из-за ограниченного доступа к бытовому комфорту, помощи с ребенком, медицине и своевременной помощи и т. д. Исследование Rokicki et al. (2022) подтверждает связь послеродовой депрессии, низкого экономического статуса и трудностей материнства. Данные нашего исследования также демонстрируют значимые связи между низким экономическим статусом женщины и повышенными рисками послеродового ПТСР.

Исследователи выделяют экономический статус в качестве фактора риска развития посттравматического стрессового расстройства (Freedman et al., 2020; Dickmen-Yildiz et al., 2018). В частности, эта связь может быть объяснена культурными особенностями и особенностями системы здравоохранения. Так, в России женщины с высоким экономическим статусом чаще живут в городах и имеют более широкий доступ к качественной медицине, могут выбрать родильный дом, в городах чаще заключаются платные контракты с родильными домами. Во многих родильных домах индивидуальное сопровождение родов доступно только при заключении платного контракта (Ожиганова, Молодцова, 2020). Индивидуальное сопровождение родов ассоциировано с большей удовлетворенностью родами и сниженными рисками психологической травмы (Hodnett, Gates, Hofmeyr, Sakala, Weston, 2011; Ulfsdottir et al., 2014). Также в крупных роддомах в городах активнее развивается гуманистическое и корректное общение с пациентами (Temkina et al., 2021). Корректное взаимодействие с медицинским персоналом, поддержка и комфорт в родах связаны с низкими рисками развития ПТСР после родов (Yakupova et al., 2022; De Schepper et al., 2016; Shiva et al., 2021).

Женщины с низким экономическим статусом статистически чаще сталкиваются с насилием в семье и имеют травматический опыт в прошлом (Satyanarayana et al., 2015; Goodman, Smyth, Borges, Singer, 2009), что является серьезными факторами риска как послеродовой депрессии, так и послеродового ПТСР (Gelaye et al., 2016; Van Heumen et al., 2018).

Интересно, что при этом мы не обнаружили значимой связи между выраженностью симптомов послеродовой депрессии и ПТСР и местом, где проходили роды: в городе, поселке городского типа или сельской местности. Подобные же результаты продемонстрировали и авторы из Индии, исследовавшие послеродовое ПТСР (Shiva et al., 2021). Однако, исследователи из Великобритании обнаружили значимо более высокий риск развития перинатальной депрессии и тревожности среди женщин, проживающих в сельской местности (Ginja et al., 2020), в то время как группа ученых из Канады, напротив, показала, что женщины, проживающие в городах с населением более 500000 человек, значимо чаще испытывают симптомы послеродовой депрессии (Vigod et al., 2013). Возможно, в странах с высоким уровнем дохода, где роды являются не только медицинским, но и нормальным социальным событием в жизни женщин, у которых есть возможности выбора в сфере родовспоможения, место родов имеет большее значение, чем в странах со средним и низким доходом, где роды рассматриваются как гинекологический процесс, требующий медицинского сопровождения (Ghanbari-Nomayi et al., 2019). Однако подобная неоднозначность результатов также указывает на то, что связь послеродовой депрессии и ПТСР с местом родов сложна и опосредована другими факторами. В нашей работе мы не обнаружили прямой ассоциации места родов и ментальных трудностей после родов, но мы выявили связь места родов и формата родов. Формат родов, в свою очередь, значимо коррелировал с выраженностью симптомов послеродовой депрессии и ПТСР.

Так, наиболее низкий риск депрессии и послеродового ПТСР у женщин, роды которых прошли дома, а самый высокий – у тех, чьи роды прошли в роддоме по ОМС. Эти результаты соответствуют предыдущим работам из России (Yakupova & Suarez, 2022; Yakupova, Suarez & Kharchenko, 2022), а также данным мировой статистики (Furuta, Sandall, Cooper, Bick, 2016; MacKinnon et al., 2017; Rijnders et al., 2008), где наименьший риск послеродового ПТСР и других трудностей ментального здоровья после родов отмечается в группе участниц, у которых были запланированные домашние роды. Важно отметить, что, согласно качественным исследованиям, женщины статистически значимо чаще говорят о своем выборе в пользу запланированных домашних родов после первого травматичного опыта родов в роддоме или другом медицинском учреждении (Bernhard, Zielinski, Ackerson, English, 2014). В России медицинское сопровождение домашних родов находится пока вне легального поля, что делает их более рискованными с медицинской точки зрения. Несмотря на данные доказательной медицины о безопасности домашних родов для женщин без известных факторов риска и их младенцев (Hutton, Reitsma, Simioni, Brunton, Kaufman, 2019; Reitsma, Simioni, Brunton, Kaufman, Hutton, 2020), тема домашних родов остается маргинализованной. Поэтому можно предположить, что женщины, решающиеся на домашние роды, составляют особую выборку, которая, вероятно, отличается особым отношением к родам и более основательной подготовкой (Ожиганова, 2019). Более детальное изучение мотивов и способов подготовки к родам женщин, делающих выбор в пользу домашних родов, может быть перспективным направлением профилактики послеродовой депрессии и послеродового ПТСР.

Согласно нашим результатам, послеродовое ПТСР значимо связано со способом прохождения родов участниц: наиболее высокие баллы по методике были у тех женщин, чьи роды прошли путем экстренного кесарева сечения или инструментальных вагинальных родов. Эти данные полностью соответствуют предыдущему исследованию на российской выборке (Yakupova & Suarez, 2022), что указывает на их надежность. Более того, эти результаты согласуются с исследованиями из других стран. Так, в работе из США, где инструментальные роды и экстренное кесарево сечение были включены в одну категорию, была значимая связь этого способа родов и более выраженных симптомов ПТСР после родов (Dekel et al., 2019). В исследовании из Греции женщины значимо чаще испытывали симптомы послеродового ПТСР, если их роды прошли путем экстренного кесарева сечения (Orovou et al., 2020). Неожиданные медицинские процедуры во время вагинальных родов и незапланированные кесаревы роды могут быть травматичным опытом и стать потенциальными факторами риска для развития ПТСР после родов в силу своей непредсказуемости, возможных осложнений во время родов, потенциальной опасности для ребенка, а также из-за недостаточной информированности и неготовности женщин к подобным исходам родов.

Заключение

Послеродовое ПТСР и послеродовая депрессия – сложносоставные расстройства, серьезными факторами риска которых оказываются не только осложнения в родах и физиологические предпосылки, но и социально-экономическое положение матери и условия родов. Необходимо рассматривать роды и послеродовый период в контексте биопсихосоциальной модели. Важной задачей общества и вероятной профилактикой развития послеродовых расстройств является психологическая поддержка социально уязвимых матерей (растящих детей без партнера, имеющих низкий экономический статус и уровень образования), психологическое просвещение на тему послеродовых расстройств и обеспечение комфорта в родах для всех женщин.

Таким образом, симптомы послеродовой депрессии (ПРД) наименее выражены у женщин, имеющих высшее образование и находящихся в зарегистрированном браке:

- Способ родов влияет на показатели перинатальных расстройств: показатели послеродового ПТСР выше у женщин в группах инструментальных родов и экстренного кесарева, показатели послеродовой депрессии ниже у женщин с вагинальным способом родов;
- Наиболее низкая выраженность симптомов ПРД и послеродового ПТСР среди женщин, формат родов которых – домашние роды;
- Высокий экономический статус ассоциирован с более низкими показателями симптомов ПРД, низкий экономический статус – с более высокими баллами по шкале ПТСР.

Ограничения исследования

Главным ограничением нашего исследования является способ сбора данных, а именно заполнение анонимной онлайн-формы. Исследователи и участницы не контактировали очно, что, с одной стороны, может ограничивать уровень доверия участниц к авторам, с другой, напротив – позволять делиться сложным опытом. К сожалению, влияние этого эффекта не представляется возможным исключить. Во-вторых, все данные основаны на самоотчетах, без выписок из медицинских карт и данных о родах, предоставленных родильными домами. Баллы по шкале послеродовой депрессии и шкале послеродового ПТСР являются скрининговыми и не означают постановки диагноза. Наконец, третье значимое ограничение касается особенностей нашей выборки, где большинство участниц замужем, имеют высшее образование и проживают в городах, что ограничивает возможность генерализации результатов на другие группы населения. При этом состав нашей выборки в целом соответствует составу российского общества: доля граждан с высшим и средним образованием составляет 57 %, с начальным – менее 5 % (Агранович, Ермачкова, Селиверстова, 2019), 75 % граждан живут в городах по данным на 2021 год (Сайт «Росстата», раздел «Демография» (rosstat. gov. ru, rosstat. gov. ru/folder/12781)).

Благодарности

Мы благодарим Анну Харченко за ее вклад в сбор данных. Мы хотим выразить признательность всем женщинам, принявшим участие в нашем исследовании.

Литература

- Агранович, М. Л., Ермачкова, Ю. В., Селиверстова, И. В. (2019). *Российское образование в контексте международных индикаторов. Аналитический доклад*. Центр статистики и мониторинга образования ФИРО РАНХиГС.
- Кукса, Т. Л. (2021). Доульское сопровождение родов: генезис, дискурсы и практики эмоциональной и физической немедицинской заботы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(163), 226–249. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1902>
- Ожиганова, А. А. (2019). История российского движения за домашние роды и осознанное родительство (1980–е годы – настоящее время). *Медицинская антропология и биоэтика*, 1(17), 93–105.
- Ожиганова, А. А. (2020). «Активное недоверие врачам»: случай юридического сопровождения родов. *Сибирские исторические исследования*, 4, 195–216. <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/10>
- Ожиганова, А. А., Молодцова, М. О. (2020). Роды в условиях карантина: позиция доулы.

Медицинская антропология и биоэтика, 1(19), 158–173.

- Якупова, В. А. (2020). Диагностика ПТСР после родов. Адаптация шкалы послеродового ПТСР на российской выборке. *Вестник практической психологии*, 2, 110–116.
- Abenova, M., Myssayev, A., Kanya, L., Turliuc, M. N., & Jamedinova, U. (2022). Prevalence of postpartum depression and its associated factors within a year after birth in Semey, Kazakhstan: A cross sectional study. *Clinical Epidemiology and Global Health*, 16, 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.cegh.2022.101103>
- Akincigil, A., Munch, S., & Niemczyk, K. C. (2010). Predictors of maternal depression in the first year postpartum: marital status and mediating role of relationship quality. *Social Work in Health Care*, 49(3), 227–244. <https://doi.org/10.1080/00981380903213055>
- Anding, J. E., Röhrle, B., Grieshop, M., Schücking, B., & Christiansen, H. (2016). Couple comorbidity and correlates of postnatal depressive symptoms in mothers and fathers in the first two weeks following delivery. *Journal of affective disorders*, 190, 300–309. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2015.10.033>
- Aoyagi, S. S. & Tsuchiya, K. J. (2019). Does maternal postpartum depression affect children's developmental outcomes? *Journal of Obstetrics and Gynaecology Research*, 45(9), 1809–1820. <https://doi.org/10.1111/jog.14064>
- Ayers, S., Wright, D. B., & Thornton A. (2018). Development of a measure of postpartum PTSD: The city birth trauma scale. *Front Psychiatry*, 9, 1–8. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2018.00409>
- Bernhard, C., Zielinski, R., Ackerson, K., & English, J. (2014). Home birth after hospital birth: women's choices and reflections. *Journal of midwifery & women's health*, 59(2), 160–166. <https://doi.org/10.1111/jmwh.12113>
- Borozdina, E., & Novkunskaia, A. (2022). Patient-centered care in Russian maternity hospitals: Introducing a new approach through professionals' agency. *Health*, 26(2), 200–220. <https://doi.org/10.1177/1363459320925871>
- Cankaya, S., & Atas, A. (2022) Factors affecting postpartum depression in Turkish women. *Archives of Psychiatric Nursing*, 41, 74–80. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2022.07.024>
- Choi, C., Mersky, J.P., Janczewski, C.E., & Goyal, D. (2022). Advancing research on perinatal depression trajectories: Evidence from a longitudinal study of low-income women. *Journal of Affective Disorders*, 301, 44–51. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.01.026>
- Cook, N., Ayers, S., & Horsch, A. (2018). Maternal posttraumatic stress disorder during the perinatal period and child outcomes: A systematic review. *Journal of Affective Disorders*, 225, 18–31. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2017.07.045>
- Cox, J. L, Holden, J. M, & Sagovsky, R. (1987). Detection of Postnatal Depression: Development of the 10-item Edinburgh Postnatal Depression scale. *The British Journal of Psychiatry*, 150, 782–786. <https://doi.org/10.1192/bjp.150.6.782>
- De Schepper, S., Vercauteren, T., Tersago, J., Jacquemyn, Y., Raes, F., & Franck, E. (2015). Post-Traumatic Stress Disorder after childbirth and the influence of maternity team care during labour and birth: A cohort study. *Midwifery*, 32, 87–92. <https://doi.org/10.1016/j.midw.2015.08.010>
- Dekel, S., Ein-Dor, T., Berman, Z., Barsoumian, I. S., Agarwal, S., & Pitman, R. K. (2019). Delivery mode is associated with maternal mental health following childbirth. *Arch Womens Ment Health*, 22(6), 817–824.
- Dickmen-Yildiz, P., Ayers, S., & Phillips, L. (2016). The prevalence of posttraumatic stress disorder in pregnancy and after birth: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Affective Disorders*, 208, 634–645 <https://doi.org/10.1016/j.jad.2016.10.009>

- Dickmen-Yildiz, P., Ayers, S., & Phillips, L. (2018). Longitudinal trajectories of post-traumatic stress disorder (PTSD) after birth and associated risk factors. *Journal of Affective Disorders*, 229, 377–385. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2017.12.074>
- Falconi, A. M., Bromfield, S. G., Tang, T., Malloy, D., Blanco, D., Disciglio R. N. S., & Chi R. N. W. (2022). Doula care across the maternity care continuum and impact on maternal health: Evaluation of doula programs across three states using propensity score matching. *eClinicalMedicine*, 50. <https://doi.org/doi:10.1016/j.eclinm.2022.101531>
- Freedman, S. A., Reshef, S., & Weiniger, C. F. (2020). Post-traumatic stress disorder and postpartum depression and their reported association with recent labor and delivery: a questionnaire survey cohort. *International Journal of Obstetric Anesthesia*, 43, 18–24. <https://doi.org/10.1016/j.ijoa.2020.04.009>
- Furuta, M., Sandall, J., Cooper, D., & Bick, D. (2016). Predictors of birth-related post-traumatic stress symptoms: Secondary analysis of a cohort study. *Archives of Women's Mental Health*, 19(6), 987–999. <https://doi.org/10.1007/s00737-016-0639-z>
- Futch Thurston, L. A., Abrams, D., Dreher, A., Ostrowski, S. R., & Wright, J.C. (2019). Improving birth and breastfeeding outcomes among low resource women in Alabama by including doulas in the interprofessional birth care team. *Journal of Interprofessional Education & Practice*, 17, 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.xjep.2019.100278>
- Gao, S., Su, S., Zhang, E., Liu, R., Zhang, Y., Wang, C., ... Yue, W., (2022). Psychological health status in postpartum women during COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Affective Disorders*, 319, 99–111. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.08.107>
- Garthus-Niegel, S., Horsch, A., Ayers, S., Junge-Hoffmeister, J., Weidner, K., & Eberhard-Gran, M. (2018). The influence of postpartum PTSD on breastfeeding: A longitudinal population-based study. *Birth*, 45(2), 193–201. <https://doi.org/10.1111/birt.12328>
- Gelaye, B., Rondon, M. B., Araya, R., & Williams, M. (2016). A. Epidemiology of maternal depression, risk factors and child outcomes in low-income and middle-income countries [Series Maternal Depression]. *The Lancet Psychiatry*, 3(10), 973–982.
- Ghanbari-Homayi, S., Fardiazar, Z., Meedy, S., Mohammad-Alizadeh-Charandabi, S., Asghari-Jafarabadi, M., Mohammadi, E., & Mirghafourvand, M. (2019). Predictors of traumatic birth experience among a group of Iranian primipara women: a cross sectional study. *BMC Pregnancy Childbirth*, 19, 1–9.
- Ginja, S., Jackson, K., Newham, J.J., Henderson, E. J., Smart, D., & Lingam, R. (2020). Rural-urban differences in the mental health of perinatal women: a UK-based cross-sectional study. *BMC Pregnancy Childbirth*, 20, 1–11. <https://doi.org/10.1186/s12884-020-03132-2>
- Goodman, L. A., Smyth, K. F., Borges, A. M., & Singer, R. (2009). When crises collide: how intimate partner violence and poverty intersect to shape women's mental health and coping? *Trauma Violence Abuse*, 10(4), 306–29. <https://doi.org/10.1177/1524838009339754>
- Grekin, R., & O'Hara, M. W. (2014). Prevalence and risk factors of postpartum posttraumatic stress disorder: A meta-analysis. *Clinical Psychology Review*, 34(5), 389–401. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2014.05.003>
- Handelzalts, J. E., Levy, S., Molmen-Lichter, M., Ayers, S., Krissi, H., Wiznitzer, A., & Peled, Y. (2021). The association of attachment style, postpartum PTSD and depression with bonding – A longitudinal path analysis model, from childbirth to six months. *Journal of Affective Disorders*, 280, 17–25. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.10.068>

- Hodnett, E. D., Gates, S., Hofmeyr, G. J., Sakala, C., & Weston, J. (2011). Continuous support for women during childbirth. *Cochrane Database of Systematic Reviews*, 16(2), 1–106. <https://doi.org/10.1002/14651858.CD003766.pub3>
- Hutchens, B. F., & Kearney, J. (2020). Risk factors for postpartum depression: an umbrella review. *Journal of midwifery & women's health*, 65(1), 96–108. <https://doi.org/10.1111/jmwh.13067>
- Hutton, E. K., Reitsma, A., Simioni, J., Brunton, G., & Kaufman, K. (2019). Perinatal or neonatal mortality among women who intend at the onset of labour to give birth at home compared to women of low obstetrical risk who intend to give birth in hospital: a systematic review and meta-analysis. *EClinicalMedicine*, 14, 59–70. <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2019.07.005>
- Kondirolli, F., & Sunder, N. (2022). Mental health effects of education. *Health Economics*, 2, 22–39. <https://doi.org/10.1002/hec.4565>
- Lane, A., Keville, R., Morris, M., Kinsella, A., Turner, M., & Barry, S. (1997). Postnatal depression and elation among mothers and their partners: prevalence and predictors. *The British Journal of Psychiatry*, 171(6), 550–555. <https://doi.org/10.1192/bjp.171.6.550>
- Lorant, V., Deliège, D., Eaton, W., Robert, A., Philippot, P., & Ansseau, M. (2003). Socioeconomic inequalities in depression: a meta-analysis. *American journal of epidemiology*, 157(2), 98–112. <https://doi.org/10.1093/aje/kwf182>
- Lozupone, M., D'Urso, F., Copetti, M., Sardone, R., Arcuti, S., Castellana, F., ... Panza, F. (2022). The diagnostic accuracy of late-life depression is influenced by subjective memory complaints and educational level in an older population in Southern Italy. *Psychiatry Research*, 308. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2021.114346>
- MacKinnon, A. L., Yang, L., Feeley, N., Gold, I., Hayton, B., & Zelkowitz, P. (2017). Birth setting, labour experience, and postpartum psychological distress. *Midwifery*, 50, 110–116. <https://doi.org/10.1016/j.midw.2017.03.023>
- Martinez-Vazques, S., Rodriguez-Almagro, J., Hernandez-Martinez, A., & Martinez-Galiano, J. M. (2021). Factors Associated with Postpartum Post-Traumatic Stress Disorder (PTSD) Following Obstetric Violence: A Cross-Sectional Study. *Journal of Personalized Medicine*, 11(5), 1–11. <https://doi.org/10.3390/jpm11050338>
- Matsumura, K., Hamazaki, K., Tsuchida, A., Kasamatsu, H., & Inadera, H. (2019). Education level and risk of postpartum depression: results from the Japan Environment and Children's Study (JECS). *BMC psychiatry*, 19(1), 1–11.
- McDonald, A., Thompson, A. J., Perzow, S. E. D., Joos, C., & Wadsworth, M. E. (2020). The protective roles of ethnic identity, social support, and coping on depression in low-income parents: A test of the adaptation to poverty-related stress model. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 88(6), 504–515. <https://doi.org/10.1037/ccp0000477>
- Orovou, E., Dagla, M., Iatrakis, G., Lykeridou, A., Tzavara, C., & Antoniou, E., (2020). Correlation between kind of cesarean section and posttraumatic stress disorder in greek women. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(5), 1–11. <https://doi.org/10.3390/ijerph17051592>
- Oyetunji, A., & Chandra, P. (2020). Postpartum stress and infant outcome: A review of current literature. *Psychiatry Research*, 284, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112769>
- Pawluski, J. L., Lonstein, J. S., & Fleming, A. S. (2017). The Neurobiology of Postpartum Anxiety and Depression. *Trends in Neurosciences*, 40(2), 106–120. <https://doi.org/10.1016/j.tins.2016.11.009>
- Perry, D. F., Ettinger, A. K., Mendelson, T., & Huynh-Nhu, L. (2011). Prenatal depression predicts

- postpartum maternal attachment in low-income Latina mothers with infants. *Infant Behavior and Development*, 34(2), 339–350. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2011.02.005>
- Reitsma, A., Simioni, J., Brunton, G., Kaufman, K., & Hutton, E. K. (2020). Maternal outcomes and birth interventions among women who begin labour intending to give birth at home compared to women of low obstetrical risk who intend to give birth in hospital: a systematic review and meta-analyses. *EClinicalMedicine*, 21, 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2020.100319>
- Rijnders, M., Baston, H., Schönbeck, Y., van der Pal, K., Prins, M., Green, J., & Buitendijk, S. (2008). Perinatal factors related to negative or positive recall of birth experience in women 3 years postpartum in the Netherlands. *Birth (Berkeley, Calif.)*, 35(2), 107–116. <https://doi.org/10.1111/j.1523-536X.2008.00223.x>
- Rokicki, S., McGovern, M., Von Jaglinsky, A., & Reichman, N. E. (2022). Depression in the Postpartum Year and Life Course Economic Trajectories. *American Journal of Preventive Medicine*, 62(2), 165–173. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2021.08.011>
- Romero, G., Huth-Bocks, A., Puro-Gallagher E., & Riggs, J. (2021). Maternal prenatal depression, PTSD, and problematic parenting: the mediating role of maternal perceptions of infant emotion. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 39(2), 125–139. <https://doi.org/10.1080/02646838.2020.1754371>
- Satyanarayana, V. A., Chandra, P. S., & Vaddiparti, K. (2015) Mental health consequences of violence against women and girls. *Curr Opin Psychiatry*, 28(5), 350–356. <https://doi.org/10.1097/YCO.0000000000000182>
- Segre, L. S., O'Hara, M. W., Arndt, S., & Stuart, S. (2007). The prevalence of postpartum depression. *Social psychiatry and psychiatric epidemiology*, 42(4), 316–321. <https://doi.org/10.1007/s00127-007-0168-1>
- Shi, P., Ren, H., Lic, H., & Dai, Q. (2018). Maternal depression and suicide at immediate prenatal and early postpartum periods and psychosocial risk factors. *Psychiatry Research*, 261, 298–306. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2017.12.085>
- Shin, S. H., Jiskrova, G. K., Kimbrough, T., Dina, K. T., Lee, E. O., & Ayers, C. E. (2020). Maternal adverse childhood experiences and postpartum depressive symptoms in young, low-income women. *Psychiatry Research*, 296, 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113679>
- Shiva, L., Desai, G., Satyanarayana, V. A., Venkataram, P., & Chandra, P. S. (2021). Negative Childbirth Experience and Post-traumatic Stress Disorder – A Study Among Postpartum Women in South India. *Frontiers in psychiatry*, 12. <https://doi.org/doi:10.3389/fpsy.2021.640014>
- Shorey, S., Chee, C. Y. I., Ng, E. D., Chan, Y. H., Tam, W. W. S., & Chong, Y. S. (2018). Prevalence and incidence of postpartum depression among healthy mothers: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Psychiatry Research*, 104, 235–248. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2018.08.001>
- Silva, C. S., Lima, M. C., Sequeira-de-Andrade, L. A. S., Oliveira, J. S., Monteiro, J. S., Lima, N. M. S., ... Lira, P. I. C. (2017). Association between postpartum depression and the practice of exclusive breastfeeding in the first three months of life. *The Journal of Pediatrics*, 93(4), 356–364. <https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2016.08.005>
- Simpson, M., & Catling, C. (2016). Understanding psychological traumatic birth experiences: A literature review. *Women and Birth*, 29(3), 203–207. <https://doi.org/10.1016/j.wombi.2015.10.009>
- Slomian, J., Honvo, G., Emonts, P., Reginster, J. Y., & Bruyère, O. (2019). Consequences of maternal postpartum depression: A systematic review of maternal and infant outcomes. *Women's Health*,

- 15, 1–55. <https://doi.org/10.1177/1745506519844044>
- Temkina, A., Litvina, D., & Novkunskaia, A. (2021). Emotional styles in Russian maternity hospitals: juggling between khamstvo and smiling. *Emotions and Society*, 3(1), 95–113. <https://doi.org/10.1332/263169021X16143466495272>
- Thomas, J. L., & Schetter, C. D. (2022). Postpartum depression and adjustment. *Reference Module in Neuroscience and Biobehavioral Psychology*, Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-91497-0.00080-1>
- Turkmen, H., Yalniz Dilcen, H., & Akin, B. (2020). The Effect of Labor Comfort on Traumatic Childbirth Perception, Post-Traumatic Stress Disorder, and Breastfeeding. *Breastfeed Med*, 15(12), 779–788. <https://doi.org/10.1089/bfm.2020.0138>
- Ulfsdottir, H., Nissen, E., Ryding, E. L., Lund-Egloff, D., & Wiberg-Itzel, E. (2014). The association between labour variables and primiparous women's experience of childbirth; a prospective cohort study. *BMC Pregnancy Childbirth*, 14, 1–7. <https://doi.org/10.1186/1471-2393-14-208>
- van Heumen, M. A., Hollander, M. H., van Pampus, M. G., van Dillen, J., & Stramrood, C. A. I. (2018). Psychosocial Predictors of Postpartum Posttraumatic Stress Disorder in Women With a Traumatic Childbirth Experience. *Front Psychiatry*, 9, 1–9. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2018.00348>
- Vigod, S. N., Tarasoff, L. A., Bryja, B., Dennis, C. L., Yudin, M. H., & Ross, L. E. (2013). Relation between place of residence and postpartum depression. *CMAJ: Canadian Medical Association journal*, 185(13), 1129–1135. <https://doi.org/10.1503/cmaj.122028>
- Wadsworth, M. E., Raviv, T., Santiago, C. D., & Etter, E. M. (2011). Testing the adaptation to poverty-related stress model: predicting psychopathology symptoms in families facing economic hardship. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 40(4), 646–657. <https://doi.org/10.1080/15374416.2011.581622>
- Yakupova, V. (2018). The Impact of Psychological and Physiological Conditions of Motherhood on Postnatal Depression. *Russian Journal of Psychology*, 15(1), 8–23. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.1.1>
- Yakupova, V., & Liutsko, L. (2021). Perinatal Depression, Birth Experience, Marital Satisfaction and Childcare Sharing: A Study in Russian Mothers. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18. <https://doi.org/10.3390/ijerph18116086>
- Yakupova, V., & Suarez, A. (2022). Postpartum PTSD and birth experience in Russian-speaking women. *Midwifery*, 112. <https://doi.org/10.1016/j.midw.2022.103385>
- Yakupova, V., Suarez, A., & Kharchenko, A. (2022). Birth Experience, Postpartum PTSD and Depression before and during the Pandemic of COVID-19 in Russia. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19. <https://doi.org/10.3390/ijerph19010335>
- Zhang, X., Zhang, Y., & Vasilenko, S. A. (2022). The longitudinal relationships among poverty, material hardship, and maternal depression in the USA: a latent growth mediation model. *Archives of Women's Mental Health*, 25(4), 763–770. <https://doi.org/10.1007/s00737-022-01238-4>

Поступила в редакцию: 27.10.2022

Поступила после рецензирования: 23.12.2022

Принята к публикации: 25.12.2022

Заявленный вклад авторов

Вера Анатольевна Якупова – планирование и дизайн исследования, сбор и обработка данных, подготовка и редакция текста статьи.

Анна Дмитриевна Суарэз – подготовка и составление дизайна исследования, подготовка и редакция текста статьи.

Любовь Анатольевна Шрайбман – подготовка и редакция текста статьи.

Информация об авторах

Вера Анатольевна Якупова – кандидат психологических наук, научная сотрудница факультета психологии МГУ, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация; SPIN-код: 3608-2625, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9472-8283>, Scopus Author ID: 56662129900, e-mail: vera.a.romanova@gmail.com

Анна Дмитриевна Суарэз – кандидат психологических наук, научная сотрудница факультета психологии МГУ, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5935-2498>, Scopus Author ID: 57191674783, e-mail: anna.suarez.fig@gmail.com

Любовь Анатольевна Шрайбман – доула, Межрегиональная общественная организация содействия практической, информационной и психологической поддержке семьи в беременности, родах и послеродовой период «Ассоциация профессиональных доул», г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: doula.nsk@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9.072.43

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.13>

Детско-родительские отношения и индивидуальный опыт как структурные детерминанты виктимизации в юношеском возрасте

Ольга О. Андронникова^{1*} , Юлия М. Перевозкина¹ , Олеся И. Леонова²

¹Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация

²Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: andronnikova_69@mail.ru

Аннотация

Введение. В научной литературе представлено недостаточно исследований, определяющих специфику детерминант конкретного типа виктимного поведения. Цель исследования заключается в изучении структурной детерминации детско-родительскими отношениями и индивидуальным опытом предрасположенности и реализации различных форм виктимного поведения в юношеском возрасте. Нами впервые проанализировано объединение социальных факторов, представляющее целостный синтез, который напрямую обеспечивает реализацию форм виктимности в период юности. **Методы.** В исследовании (общее число респондентов – 340) приняли участие молодые люди в возрасте от 16 до 18 лет, из которых 191 девушка и 149 юношей. В исследовании использовались методики «Биографический опросник» (BIV) (Bottscher, Jager & Lischer в адаптации В. А. Чикер), «Детско-родительские отношения подростков» (ДРОП) (П. Трояновская), «Методика исследования склонности к виктимному поведению» (О. О. Андронникова). Для обработки и анализа данных были использованы критерий хи-квадрат Пирсона и множественный регрессионный анализ (пошаговая регрессия). Проведенный регрессионный анализ свидетельствует о прогностическом влиянии моделей детско-родительских отношений и социальных факторов на параметры, отражающие склонность к виктимному поведению у юношей ($p < 0,000$). **Результаты.** Выявлена специфика структурных детерминант (детско-родительские отношения, опыт негативных детских переживаний) виктимного поведения разного типа. Анализ регрессионных моделей позволяет сделать вывод о прогностическом влиянии социальных факторов на возникновение склонности к конкретным типам виктимного поведения с учетом вклада каждого фактора в общую систему детерминант. **Обсуждение результатов.** Использование полисистемного принципа позволило выявить взаимное структурное влияние социальных факторов, превосходящее их простую совокупность, на склонность к реализации конкретных форм виктимности.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, семейное воспитание, виктимное поведение, индивидуальный опыт, переживание насилия, наказание, юношеский возраст, детерминанты виктимизации, негативные переживания, полисистемный принцип

Для цитирования: Андронникова, О. О., Перевозкина, Ю. М., Леонова, О. И. (2023). Детско-родительские отношения и индивидуальный опыт как структурные детерминанты виктимизации в юношеском возрасте. *Российский психологический журнал*, 20(1), 202–217. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.13>

Введение

Вопросы детерминации виктимизации в юношеском возрасте особенно актуальны в свете вызовов современного общества, когда с одной стороны наблюдается значительное увеличение стрессовых нагрузок социального, психологического, информационного генеза, а с другой – возникает задача воспитания личности нового типа с высоким уровнем психологического благополучия.

Достаточно большое внимание в современных исследованиях как в России, так и за рубежом уделяют влиянию детско-родительских отношений и опыта детских переживаний на специфику личностных особенностей, самовосприятие и поведение человека в более позднем возрасте. Исследование семейных предиктов и коррелятов нарушений самоотношения и социального взаимодействия, приводящих к виктимизации, имеют непосредственное теоретическое и практическое значение.

В зарубежной психологии интерес к семье в контексте возникновения деструктивного поведения проявился в ранних теориях социальной дезорганизации (Gove & Crutchfield, 1982) и в модели Т. Хирски (Hirschi, 1969) о социальных связях. Семейное влияние на преступное поведение и его изменение с возрастом рассматривалось в исследованиях Т. Е. Моффитта (Moffitt, 1993) и Дж. Р. Паттерсона (Patterson & Yoerger, 2002). Авторы анализировали взаимообуславливание деструктивных форм поведения подростков и ужесточения дисциплинарных стратегий родителей, приводящего к более суровым наказаниям и меньшей вовлеченности родителей в процесс воспитания, что, в свою очередь, повышало риск возникновения делинквентного поведения подростков, которое сохранялось и во взрослом возрасте (Ballano, 2019; Moffitt, 1993; Patterson & Yoerger, 2002).

В современной отечественной психологии вопросы влияния семьи и специфики детско-родительских отношений на деструктивное поведение ребенка освещены в ряде научных публикаций (Авдеева, Хоффман, 2019; Белобрыкина, Лимонченко, 2017; Ермолаева, Смирнова, 2020; Кузнецова, 2018). Так, Ермолаева и Смирнова (2020) отмечают значение возникающих дефицитов (например, в эмоциональном тепле, внимании, контакте, принятии и др.) в формировании поведенческих стратегий ребенка и его личности. Особое внимание уделяется стилю родительского воспитания и отношению к ребенку в семье как фактору возникновения личностных деструкций и девиантных стилей поведения ребенка (Перевозкин, Андронникова, Перевозкина, 2018).

К возникновению виктимных форм поведения и социальной неуспешности в дальнейшем, по мнению исследователей, могут приводить: отчужденность в семье (Клейберг, 2018; Кузнецова, 2018), наказания (Кузнецова, 2018; Mwachofi, Imai & Bell, 2020), жестокое обращение (Mwachofi et al., 2020; Schilling, Aseltine & Gore, 2007), отсутствие любви и эмоциональной близости (Собольников, 2016; Трошина, 2017), нарушение эффективных коммуникаций (Реан, Коновалов, Новикова, 2015), низкая родительская компетентность (Руденский, 2018), неспособность родителей адекватно выполнять свои функции (Биктагирова, Валеева, Дроздикова-Зарипова, Калацкая, Костюнина, 2019).

По мнению отечественных и зарубежных авторов, люди, которые подвергались насилию в своей семье, будут демонстрировать целый ряд специфических особенностей, свидетельствующих о виктимизации. Как максимально часто наблюдаемые симптомы принято выделять: эмоциональные сложности (паника, тревога, депрессия и пр.), диссоциативные расстройства, физические проблемы (повышенный рост травматизации, психосоматические заболевания, аутоиммунные расстройства), нарушения самооценки и многое другое (Cicchetti & Banny, 2014; Levenson, Willis & Prescott, 2016).

Исследование Mwachofi, Imai & Bell (2020) было посвящено изучению влияния произошедших в детстве событий на психическое здоровье взрослых Северной Каролины (19187 наблюдений). Было выявлено, что взрослые с низким уровнем психического здоровья и склонностью к депрессии с достоверным ($p < 0,001$) уровнем различия в детском возрасте переживали следующие события: оскорбление со стороны родителей, развод родителей, алкоголизм или наркомания одного из родителей, избивание одного родителя со стороны другого, драки между родителями, психическое заболевание одного из родителей, регулярное физическое наказание или избивание детей, сексуальное насилие. Эти данные согласуются с более ранними исследованиями Schilling, Aseltine & Gore (2007), отмечающими, к тому же, половую и этническую разницу влияния негативных детских переживаний на возникновение антиобщественного поведения, употребление наркотиков и склонность к эмоциональным нарушениям. Гендерные различия воздействия неблагоприятного детского опыта на здоровье взрослых в Саудовской Аравии было исследовано Almuneef, ElChoueiry, Saleheen et al. (2017) на выборке 10156 человек. Авторы отметили, что переживание насилия в детстве у мужчин связано с риском употребления алкоголя, тогда как женщины, подвергшиеся жестокому обращению в детском возрасте, более склонны к депрессии и тревоге.

Переживание виктимизирующего травматического опыта в детстве оказывает крайне негативное влияние на самоотношение и Я-концепцию. Галимзянова (2006), изучая специфику Я-концепции взрослых, подвергающихся насильственному отношению и наказаниям в детстве, отмечает значимость различий в структуре Я-концепции тех, кто подвергался насилию, от участников, не имеющих такого опыта. Наблюдаются различия в Я-образе, самоотношении, степени самоактуализации, в уровне напряженности ведущих защитных механизмов. Автором эмпирически были выявлены следующие ключевые темы наиболее значимых переживаний детства: отвержение со стороны близких, покинутость–брошенность, стыд–унижение, предательство, несправедливость.

Moagi, van Der Wath, Jiyane & Rikhotso (2021) исследовали влияние негативных детских переживаний в контексте изменений сексуальной ориентации. Авторы отмечают, что в группе людей с гомосексуальной ориентацией достоверно выше, чем в группе гетеросексуальных сверстников, распространенность неблагоприятных ситуаций, произошедших в детском возрасте.

Hughes et al. (2017) провели анализ 37 исследований, изучающих последствия различных эпизодов насилия в детстве на состояние физического и психического благополучия во взрослом возрасте. Авторы отмечают закономерности взаимосвязей между количеством насильственных эпизодов, их типового распределения и спецификой возникающих во взрослом возрасте негативных последствий виктимного плана. Так, в ситуации наличия более шести эпизодов насилия в детском возрасте, у взрослого человека в дальнейшем повышался риск

возникновения рискованного сексуального поведения, психических расстройств и алкоголизма. При наличии семи и более эпизодов пережитого в детстве насилия у взрослых отмечен высокий риск алкоголизма, межличностного насилия и аутодеструктивного поведения (Hughes et al., 2017).

Nurius, Green, Logan-Greene & Vorja (2015) приводят исследование, позволяющее делать вывод о влиянии токсических стрессоров, переживаемых в раннем возрасте на такие параметры, как «восприятие благополучия», «психологический стресс» и «нарушение повседневной деятельности». Авторы отмечают, что переживание проблем в детском возрасте создает у личности многоуровневый стресс, который приводит к значительной дисрегуляции гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси мозга, способствует плохому здоровью, снижению уровня образования и более низким социально-экономическим достижениям во взрослой жизни, деструктивным поведенческим привычкам, эмоциональным нарушениям (депрессии, беспокойства, агрессии, риска самоубийства). Также он может приводить к ограниченным защитным отношениям, создавая значительный дефицит ресурсов, угрожать адаптационным способностям человека, приводя к выраженной виктимизации. Неблагоприятные ситуации в раннем возрасте, по мнению авторов (Nurius et al., 2015), служат первичными стрессорами, которые закладывают нарушенные паттерны взаимодействия и неспособность справляться с вторичными стрессорами, что создает проблемы во множестве областей жизни (в получении образования, профессиональном становлении, межличностных отношениях). Также авторы отметили каскадный эффект нарастания неблагополучия: полученный в детском возрасте опыт травматизации, при неблагополучном социальном окружении, приводит к нарастанию негативных последствий для психического здоровья, а подкрепление вторичной травматизацией запускает процессы, угрожающие психическому здоровью и социальной адаптации на уровне психобиологических механизмов. Это подтверждается исследованиями Larkin, Shields & Anda (2012).

Lehmann et al. (2020) в своих исследованиях отмечают нарушение социальной вовлеченности и расстройство привязанности у приемных детей, подвергшихся жестокому обращению со стороны приемных родителей. Из основных поведенческих нарушений авторы отмечают: трудности, связанные с привязанностью, неспособность искать утешение, неспособность принять комфорт, повышенную бдительность, отсутствие раскаяния и отсутствие эмпатии.

Dowd (2019) отмечает влияние пережитого в детстве насилия не только на психическое здоровье и социальное благополучие взрослого, но и на последующее воспитание своих детей и их здоровье. Межпоколенный эффект детской травмы отмечают в своих исследованиях и другие авторы (McDonnell & Valentino, 2016; Schickedanz, Halfon, Sastry, & Chung, 2018). Так, McDonnell & Valentino (2016) обнаружили закономерности возникновения дезадаптивных социально-эмоциональных симптомов у детей, чьи матери испытывали опыт жестокого обращения в детстве. Schickedanz et al. (2018) отмечают у родителей, подвергавшихся жестокому обращению в детстве, чаще рождаются дети с поведенческими проблемами, проблемами со здоровьем. Авторы исследуют, как опыт переживаний насилия в детском возрасте родителей влияет на проблемы поведения у их детей. В исследовании неблагоприятный опыт детства родителя был связан с гиперактивностью, эмоциональным неблагополучием, употреблением психоактивных веществ, нарушением поведения у их детей. При этом авторы отметили более сильную связь между детскими негативными переживаниями у матерей, нежели чем

у отцов (Andersson, Annerbäck, Söndergaard, Hallqvist & Kristiansson, 2021). Хотя указывается на достоверность межпоколенной передачи травмы насилия и для отцовского влияния (Schilling, Aseltine & Gore, 2007). Folger et al. (2018) отмечают, что материнская и отцовская подверженность неблагоприятному детскому опыту виктимизации влияет на способность эффективно решать проблемы, задержку развития речи, личностно-социальные качества и двигательные навыки их детей.

Stoltenborgh, Bakermans-Kranenburg, Alink, van IJzendoorn (2012), анализируя распространенность эмоционального и физического насилия, в нескольких эмпирических исследованиях делают вывод о том, что данная проблема является универсальной и требует особого внимания, так как насилие опосредует изменения не только непосредственно в человеке, но и передается в последующем через поколения.

Таким образом, последствия негативных детских переживаний, связанных с насилием, наказанием, спецификой детско-родительских отношений, не проходят с возрастом, а в ситуации многократной виктимизации, происходящей в семейной системе, деструктивно влияет на многие стороны жизни. Однако исследований, определяющих специфику детерминант конкретного типа виктимного поведения, в научной литературе представлено недостаточно. Цель нашего исследования заключается в изучении структурной детерминации предрасположенности и реализации различных форм виктимного поведения в юношеском возрасте.

Методы

В соответствии с поставленной целью нами было проведено исследование, предполагающее изучение структурной детерминации предрасположенности и реализации различных форм виктимного поведения в юношеском возрасте.

Цель исследования обусловила постановку гипотезы, заключающейся в предположении, что объединение социальных факторов превосходит простую их совокупность и представляет собой целостный синтез, который напрямую обеспечивает реализацию форм виктимности в период юности.

Первично в исследовании участвовали 548 испытуемых юношеского возраста, проживающих в г. Новосибирске. Опрос респондентов проходил очно в формате бланкового тестирования. Все респонденты дали добровольное согласие на участие в исследовании, были ознакомлены с его целями. На первом этапе исследования респондентам была предложена анкета, направленная на сбор социально-биологических данных, таких как пол, возраст, наличие сиблингов, опыт переживания в детстве жестоких форм наказания, переживание насилия.

В результате анализа ответов на анкету было установлено, что 62 % от общей выборки (N = 548) респондентов переживали опыт насилия или наказания в более ранний период. Данная группа респондентов (16–18 лет, средний возраст испытуемых $17,02 \pm 1,3$ года), составила эмпирическую выборку (N = 340), в которую вошли 191 девушка и 149 юношей. На этом же этапе был проведен анализ сопряженности полученных по анкете номинативных переменных по критерию хи-квадрат Пирсона.

На втором этапе производилось тестирование эмпирической выборки по трем опросникам.

- Изучение влияния социальной среды, социальной ситуации и биографии, семейной ситуации на жизненный путь осуществлялось посредством теста «Биографический опросник» (BIV, Bottscher, Jager, Lische) (адаптация Чикер, 2004). Методика представляет собой

многомерный личностный опросник, направленный на изучение свойств личности, сформированных социальной средой, ситуацией и биографией, раскрывающий влияние семьи на жизненный путь.

- Исследование детско-родительских отношений реализовывалось с помощью опросника «Детско-родительские отношения подростков» П. Трояновской (ДРОП) (по Лидерс, 2007). Методика направлена на изучение картины детско-родительских отношений с точки зрения подростка. Опросник может быть использован на всей подростковой и юношеской выборке с учетом разницы возрастных норм.
- Для измерения предрасположенности и реализации различных форм виктимного поведения использовалась «Методика исследования склонности к виктимному поведению» (Андронникова, 2005) с опорой на нормы для подростково-юношеской выборки. Методика направлена на выявление склонности к пяти типам виктимного поведения: агрессивному, самоповреждающему и саморазрушающему, гиперсоциальному, зависимому и беспомощному, некритичному, и степени реализованности внутренней виктимной потенции в конкретных ситуациях.

На третьем этапе осуществлялся расчет структурных детерминант с использованием множественного регрессионного анализа (пошаговая регрессия).

Результаты

Анализ анкеты на первом этапе исследования (N = 548) показал, что 62 % юношей и девушек от общей выборки испытывали опыт негативных эмоциональных переживаний, возникающих вследствие насилия и жестоких форм наказания со стороны родителей или других лиц. Результаты применения χ^2 -Пирсона показали, что наличие сиблингов не связано с переживанием насилия и наказания ($p > 0,05$), также как и сопряженность пола и переживания насилия и наказания не была статистически значимой ($p > 0,05$). В этой связи в дальнейшем исследовании участвовала только группа респондентов, имевшая опыт насилия и наказания в детстве. Анализ данных анкеты позволил выделить ведущие формы наказания, которые переживали участники: эмоциональное насилие (громкий и агрессивный крик; позорят при других; обзывают) – 79 %, физическое наказание (подзатыльник, удар рукой, шлепки ремнем) – 55 %; игнорирование (отказ разговаривать, «делали вид, что меня нет») – 23 %; сексуальное (прикосновение) – 9 %. В дальнейшем мы не стали делить выборку по типам насилия, так как у многих респондентов представлено несколько его типов. В данном исследовании также не учитывался фактор регулярности жестокого обращения и насилия.

Использование множественного регрессионного анализа (на выборке 340 респондентов) позволило выявить шесть статистически значимых моделей ($p < 0,003$), в которых переменными откликами выступали шкалы методики исследования склонности к виктимному поведению, а в качестве переменных предикторов являлись детско-родительские отношения (ДРОП) и факторы, обуславливающие влияние социальной среды, социальной ситуации и биографии, семейной ситуации на жизненный путь (BIV). Было установлено отсутствие мультиколлинеарности по всем моделям ($p > 0,05$).

В таблице 1 представлены результаты по шести регрессионным моделям.

Таблица 1

Итоговые статистики регрессионных моделей

Статистики	I	II	III	IV	V	VI
Множест. R	0,823	0,529	0,698	0,812	0,782	0,823
Множест. R ²	0,677	0,480	0,487	0,659	0,612	0,677
F	9,019	4,090	7,227	10,197	6,188	7,529
p	0,000	0,002	0,000	0,000	0,000	0,000
Стд. Ош. Оценки	2,816	2,300	1,235	1,743	1,933	1,649

Примечание. I – склонность к агрессивному поведению; II – склонность к самоповреждающему поведению; III – склонность к гиперсоциальному поведению; IV – склонность к зависимому поведению; V – склонность к некритичному поведению; VI – реализованная виктимность.

Проведенный регрессионный анализ свидетельствует о прогностическом влиянии моделей детско-родительских отношений и социальных факторов на параметры, отражающие склонность к виктимному поведению подростков. При этом коэффициент множественной корреляции, являющийся статистически значимым ($p < 0,000$), демонстрирует наиболее тесную связь совокупности предикторов и склонности к агрессивному поведению ($R = 0,82$), к зависимому поведению ($R = 0,81$) и к реализованной виктимности ($R = 0,82$). Умеренные связи обнаружены между совокупностью социальных факторов и склонностью к гиперсоциальному ($R = 0,69$) и самоповреждающему поведению ($R = 0,53$) с вероятностью ошибки менее 0,01 %. Кроме того, совместный вклад переменных предикторов в каждой модели, варьирующийся от $R^2 = 0,53$ до $R^2 = 0,82$, отражает структурную детерминацию форм виктимного поведения подростков социальными факторами. Значит, в плане обусловленности форм виктимного поведения подростков имеют место эффекты «супераддитивности», демонстрирующие интегрированность и структурность влияния социальных факторов (Карпов, Перевозкина, Андронникова, 2019). В этой связи важно зафиксировать формирование новых тенденций, позволяющих выйти за пределы анализа отдельного влияния социальных факторов на виктимное поведение подростков и рассматривать уже их совместную структурную детерминацию.

Обсуждение результатов

Рассмотрим последовательно каждую модель. Так, склонность к агрессивному поведению детерминируют в основном такими шкалами, как «требовательность» и «экстраверсия», вносящими наибольший положительный вклад ($> 0,5$), а также «враждебность родителя по отношению к своему супругу», вносящей меньший, но также положительный вклад (табл. 2). Наибольший отрицательный вклад вносит «удовлетворенность отношениями с родителями», несколько меньше – «мониторинг» и «контроль» как стили родительского воспитания.

Таблица 2

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала склонности к агрессивному виктимному поведению»

Предикторы	БЕТА	B	t	p-знач.
Св. член		0,779	2,22	0,005
Экстраверсия	0,454	0,980	5,14	0,000
Удовлетворенность отношениями	-0,467	-0,293	-3,84	0,000
Мониторинг	-0,352	-0,304	-2,81	0,007
Требовательность	0,562	0,572	4,69	0,000
Враждебность по отношению к супругу	0,213	0,299	2,39	0,020
Контроль	-0,270	-0,245	-2,28	0,026

Следовательно, совокупность чрезмерной требовательности в воспитании по отношению к ребенку, неосведомленность родителя о его делах и интересах, отсутствие контроля со стороны родителя, открытое выражение враждебности по отношению к другому супругу, неудовлетворенность семейными отношениями у родителей и высокая импульсивность порождают проявление агрессивности в поведении респондентов. Это выражается в склонности провоцировать молодыми людьми конфликтные ситуации, реализовывать антиобщественную деятельность в виде агрессии к окружающим людям, нарушения социальных норм и правил. В поведении таких респондентов нередко проявляются вспыльчивость и нетерпеливость, желание доминировать и проявлять насилие. Полученные нами данные согласуются с исследованием Ермолаевой и Смирновой (2020).

Более того, такое взаимовлияние носит характер структурной детерминации, так как множественный коэффициент детерминации (R^2) выступает отчетливым индикатором структуры компонентов и является статистически значимым. Это означает, что виктимное поведение в юношеском возрасте обусловлено не отдельным фактором, связанным с семейным воспитанием или социальным опытом юноши, а их совокупностью.

Регрессионная модель для зависимой переменной склонности к самоповреждающему поведению образована всего двумя предикторами: экстраверсией (импульсивностью) юношей и авторитарностью родителя, вносящими положительный вклад в переменную отклик (регрессионную модель) (табл. 3).

Таблица 3

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению»

Предикторы	БЕТА	B	t	p-знач.
Св. член		10,36	4,85	0,000
Экстраверсия	0,400	0,50	3,63	0,001
Авторитарность	0,257	0,12	1,74	0,046

Полная и неконтролируемая власть родителя над ребенком и импульсивность в поведении самого ребенка обуславливают проявление необдуманных поступков, приносящих вред как самому субъекту, так и окружающим его людям. Причиняя себе ущерб неосторожными действиями или умышленно, такие респонденты зачастую провоцируют других на активные действия насильственного характера против себя, иногда не осознавая собственных поступков. В первую очередь это взаимообуславливание виктимных аутоагрессивных форм поведения ребенка и ужесточение дисциплинарных мер со стороны родителя, что согласуется с данными ряда исследований (Ballano, 2019; Moffitt, 1993; Patterson & Yoerger, 2002).

Следующая статистически значимая регрессионная модель демонстрирует, что склонность к гиперсоциальному поведению образована пятью переменными предикторами, среди которых четыре вносят положительный и одна отрицательный статистически значимый вклад (табл. 4).

Таблица 4

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала склонности к гиперсоциальному поведению»

Предикторы	БЕТА	B	t(61)	p-знач.
Св. член		4,821	2,67	0,010
Экстраверсия	-0,582	-0,456	-5,55	0,000
Принятие решений	0,382	0,128	3,54	0,001
Стиль воспитания	0,325	0,139	2,43	0,018
Принятие	0,287	0,100	2,03	0,046

Наибольший положительный вклад в изменчивость гиперсоциального поведения вносят такие шкалы, как «принятие решений» (0,38) и «стиль воспитания» (0,33). Несколько меньший вклад обнаруживает шкала «принятие ребенка» (0,29) и значительный отрицательный вклад вносит «экстраверсия» (-0,58). Это свидетельствует о том, что взаимодействие излишней демонстрации родителем любви и внимания, проявления невротической неуверенности в принятии решения и стратегиях воспитания, носящее непоследовательный характер, деструктивных взаимоотношений между супругами и невысокой социальной активности юношей, предпочитающих уединенный образ жизни, приводят к реализации гиперсоциальной формы виктимного поведения. Такое поведение характеризуется уходом от конфликта и избеганием его любыми путями, даже если это негативно влияет на самого респондента. Юноши и девушки, которым характерна гиперсоциальная форма виктимного поведения, отличаются тревожностью и неуверенностью, предпочитают находиться в нереальной, фантазийной сфере и специфически организуют социальные контакты.

Доминирующий статистически значимый вклад в склонность к зависимому и беспомощному поведению вносят совокупность таких стратегий родительского взаимодействия с ребенком, как неврозогенный стиль воспитания в совокупности с неуверенностью родителя, непринятие и непонимание чувств и потребностей ребенка, а также конфликты между супругами (табл. 5).

Таблица 5

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала склонности к зависимому и беспомощному поведению»

Предикторы	БЕТА	B	t(58)	p-знач.
Св. член		0,148	0,06	0,950
Стиль воспитания	0,532	0,383	4,42	0,000
Неуверенность родителя	0,461	0,360	5,12	0,000
Принятие	-0,365	-0,214	-2,48	0,016

Именно влияние неврозогенного стиля взаимодействия родителей обуславливает появление у испытуемых зависимого и беспомощного поведения. Оно сопровождается робостью, скромностью, пониженной самооценкой, уступчивостью, склонностью оправдывать чужую агрессию, трусостью, наличием беспомощного состояния. Ожидание постоянной помощи от других делает такого ребенка зависимым от окружающих, что способствует его вовлечению в кризисные ситуации с целью получения сочувствия и поддержки, которое сохраняется и в более старшем возрасте. Данный вывод коррелирует с результатами исследований, отмечающих тревожность и зависимость как основные следствия неврозогенного стиля воспитания и насильственного отношения к ребенку (Cicchetti & Banny, 2014; Levenson, Willis & Prescott, 2016).

Довольно конфликтное сочетание предикторов обнаружено в переменных отклика в модели – склонность к некритичному поведению (табл. 6).

Таблица 6

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала склонности к некритичному поведению»

Предикторы	БЕТА	B	t(55)	p-знач.
Св. член		7,531	2,49	0,016
Экстраверсия	0,284	0,380	2,90	0,005
Принятие	0,464	0,275	3,12	0,003
Мониторинг	-0,829	-0,445	-5,67	0,000
Эмпатия	0,425	0,215	2,08	0,042
Удовлетворение потребностей ребенка	0,774	0,388	5,09	0,000
Оказание поощрений	-0,437	-0,428	-3,73	0,000
Авторитарность	0,448	0,218	3,32	0,002
Неадекватность образа ребенка	-0,290	-0,175	-2,49	0,016
Принятие решений	-0,243	-0,139	-2,19	0,033
Поощрение автономности	-0,299	-0,163	-2,38	0,021
Стиль воспитания	0,363	0,265	2,65	0,011

Так, с одной стороны, в регрессии присутствуют шкалы, содержательно раскрывающие положительные детско-родительские отношения, такие как понимание эмоций ребенка, эмпатия, удовлетворение потребностей ребенка, принятие его образа, социальной активности самого ребенка. С другой стороны, явно выражены шкалы, содержащие отрицательное отношение к ребенку в виде отсутствия поощрений его поступков, с другой – наблюдается отсутствие у ребенка автономности, демонстрация собственной неуверенности в принятии решений, неосведомленность об интересах ребенка у родителя, неврозогенный стиль воспитания и конфликты между супругами. Такое дисгармоничное соединение продуцирует у испытуемых склонность к некритичному поведению, характеризующемуся неосмотрительностью, неосторожностью, неумением правильно оценить ситуации жизнедеятельности, в которых он оказывается. Такое противоречивое сочетанное влияние имеет свое подтверждение в наших более ранних исследованиях (Андронникова, 2005) и расширяет исследования адаптации старших подростков, склонных к риску (Сухорукова, Кошенова, 2019).

Конфликтной и дисгармоничной представлена еще одна регрессионная модель для переменной отклика – реализованная виктимность (табл. 7).

Таблица 7

Итоги регрессии для зависимой переменной «Шкала реализованной виктимности»

Предикторы	БЕТА	B	t(54)	p-знач.
Св. член		3,354	1,22	0,008
Социальная активность	0,226	0,264	2,17	0,034
Стиль воспитания	0,460	0,311	3,38	0,001
Неуверенность родителя	0,331	0,242	3,52	0,001
Авторитарность	0,376	0,169	2,43	0,019
Удовлетворение потребностей ребенка	0,379	0,176	3,08	0,003
Мониторинг	-0,429	-0,213	-3,36	0,001
Неадекватность образа ребенка	-0,240	-0,134	-2,34	0,023
Принятие решений	-0,246	-0,130	-2,04	0,047
Сотрудничество	0,402	0,224	2,18	0,033
Поощрение автономности	-0,284	-0,143	-2,03	0,047

Так же, как и в предыдущем случае, можно наблюдать присутствие шкал, говорящих о наличии положительных детско-родительских отношений, сопровождающихся негативными родительскими стратегиями. Неконструктивные способы взаимодействия с ребенком проявляются в дальнейшем в его неспособности устанавливать и поддерживать социальные контакты. Отсутствие проявления у родителей интереса к жизни ребенка, игнорирование его самостоятельности, неуверенность родителей при принятии решений и авторитарность приводят в юношеском возрасте к выраженной реализации виктимности в конкретных ситуациях, в том числе и криминальных. В случае сочетания негативных детско-родительских отношений с сотрудничеством и удовлетворением потребностей ребенка у респондентов юношеского возраста появляется реализованная виктимность, особенностями которой является превращение молодого человека в жертву преступления или обстоятельств. Специфика данной регрессионной модели требует дополнительного изучения, что обозначает перспективы развития дальнейших исследований.

Заключение

Таким образом, осуществленный регрессионный анализ демонстрирует прогностическое влияние социальных факторов на возникновение склонности к виктимному поведению у респондентов в период юности. В рамках проведенных исследований мы пришли к ряду значимых выводов.

Во-первых, имеет место наличие полисистемного принципа. Каждый тип виктимного поведения предполагает объединение определенных социальных факторов в иерархической последовательности, вносящих различный вклад в реализацию склонности к виктимному поведению.

Во-вторых, более подвержены влиянию социальной среды, семейной ситуации такие формы виктимного поведения, как склонность к агрессивному виктимному и некритичному поведению, а также реализованная виктимность. Причем две последние формы характеризуются сочетанием как положительных, так и отрицательных социальных факторов, что отражает дисгармоничность в детско-родительских отношениях. Для агрессивной и самоповреждающей форм виктимного поведения общим триггером выступает импульсивная природа характера самого ребенка, которая в совокупности с авторитарностью, враждебностью родителей и склонностью к необоснованным наказаниям, обуславливает реализацию данных видов виктимности.

Во-третьих, в рамках множественного регрессионного анализа было обнаружено не только отдельное влияние предикторов на переменную отклик, но и их взаимное или даже структурное воздействие. В данном случае отчетливо представлен вклад каждого социального фактора в реализацию отдельных форм виктимности и доля их совместного влияния на переменную отклик в виде коэффициента множественной корреляции.

В-четвертых, в плане обусловленности форм виктимного поведения юношей имеют место эффекты «супераддитивности», демонстрирующие интегрированность и структурность влияния социальных факторов, и в большей степени семейных отношений, носящих конфликтный и дисгармоничный характер. Более того, такое взаимовлияние носит характер структурной детерминации, так как множественный коэффициент детерминации выступает отчетливым индикатором структуры компонентов и является статистически значимым. В этой связи важно зафиксировать формирование новых тенденций, позволяющих выйти за пределы анализа отдельного влияния социальных факторов на виктимное поведение, и рассматривать их совместную структурную детерминацию. Следовательно, гипотеза о том, что объединение социальных факторов превосходит простую их совокупность и представляет собой целостный синтез, который напрямую обеспечивает реализацию форм виктимности, подтверждена.

Намечены дальнейшие перспективы исследований, касающиеся более детального изучения конфликтных сочетаний предикторов, обнаруженных в переменных отклике, опосредующих склонность к некритичному поведению и реализацию виктимного потенциала в виде поведения в конкретной ситуации.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Забродину Ю. М, нашему соавтору и коллеге, внесшему неоспоримый вклад в развитие психологической науки, и скорбят о его кончине.

Литература

- Авдеева, Н. Н., Хоффман, Б. Э. (2019). Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями. *Современная зарубежная психология*, 8(4), 69–78. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080407>
- Андронникова, О. О. (2005). *Виктимное поведение подростков: факторы возникновения и профилактика*. Новосибирский государственный педагогический университет.
- Белобрыкина, О. А., Лимонченко, Р. А. (2017). Особенности переживания психологических проблем девиантными подростками. *Национальный психологический журнал*, 4, 129–138.

- <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0413>
- Биктагирова, Г. Ф., Валеева, Р. А., Дроздикова-Зарипова, А. Р., Калацкая, Н. Н., Костюнина, Н. Ю. (2019). *Профилактика и коррекция виктимного поведения студенческой молодежи в Глобальной сети Интернет: теория, практика*. Отечество.
- Галимзянова, М. В. (2006). *Субъективные переживания детства и Я-концепция взрослого*. Санкт-Петербургский государственный университет.
- Ермолаева, М. В., Смирнова, О. В. (2020). Особенности родительского общения как фактор психологического благополучия подростков. *Психологическая наука и образование*, 25(1), 51–62. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250105>
- Карпов, А. В., Перевозкина, Ю. М., Андронникова, О. О. (2019). Темпоральная системность ролевой социализации личности. *Перспективы науки и образования*, 41(5), 359–372. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.5.25>
- Клейберг, Ю. А. (2018). Типология деструктивного поведения. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 1, 130–135.
- Кузнецова, М. Н. (2018). Особенности взаимоотношений в семьях с подростками, склонными к деструктивному поведению. *Молодой ученый*, 42(228), 165–167.
- Лидерс, А. Г. (2007). *Психологическое обследование семьи*. Издательский центр «Академия».
- Перевозкин, С. Б., Андронникова, О. О., Перевозкина, Ю. М. (2018). Ролевая структура подростков в межличностном взаимодействии. *Science for Education Today*, 8(1), 23–44. <https://doi.org/10.15293 / 2226-3365.1801.02>
- Реан, А. А., Коновалов, И. А., Новикова, М. А. (2015). Семья в представлении подростков с просоциальным и асоциальным поведением. *Мир психологии*, 93(1), 75–86.
- Руденский, Е. В. (2018). Виктимология детства и виктимология семьи: концептуализация новых разделов социально-психологической виктимологии личности. *Psychology. Educology. Medicine*, 3, 91–102.
- Собольников, В. В. (2016). Деструктивная семья как фактор делинквентной социализации несовершеннолетних. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 5(5), 21–33.
- Сухорукова, М. Г., Кошенова, М. И. (2019). Особенности социально-психологической адаптации старших подростков, склонных к риску. *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 3, 71–85.
- Трошина, Н. В. (2017). Формы агрессивного выражения деструктивности в современном обществе. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 81(7), 193–195.
- Чикер, В. А. (2004). *Психологическая диагностика организации и персонала*. Речь.
- Almuneef, M., ElChoueiry, N., Saleheen, H. N. et al. (2017). Gender-based disparities in the impact of adverse childhood experiences on adult health: findings from a national study in the Kingdom of Saudi Arabia. *International Journal for Equity in Health*, 16(90). <https://doi.org/10.1186/s12939-017-0588-9>
- Andersson, S. O., Annerbäck, E. M., Söndergaard, H. P., Hallqvist, J., & Kristiansson, P. (2021). Adverse Childhood Experiences are associated with choice of partner, both partners' relationship and psychosocial health as reported one year after birth of a common child. A cross-sectional study. *PloS one*, 16(1). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0244696>
- Ballano, O. V. (2019). *Celibacy and Social Disorganization in the Catholic Hierarchy*. In: *Sociological*

- Perspectives on Clerical Sexual Abuse in the Catholic Hierarchy*. Springer Briefs in Religious Studies. Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-13-8825-5_4
- Moagi, M. M., van Der Wath, A. E., Jiyane, P. M., & Rikhotso, R. S. (2021). Mental health challenges of lesbian, gay, bisexual and transgender people: An integrated literature review. *Health SA Gesondheid*, 26, 1487. <https://doi.org/10.4102/hsag.v26i0.1487>
- Cicchetti, D., & Banny, A. (2014). A developmental psychopathology perspective on child maltreatment. In M. Lewis & K. D. Rudolph (Eds.), *Handbook of developmental psychopathology* (723–741). https://doi.org/10.1007/978-1-4614-9608-3_37
- Dowd, M. D. (2019). The Relevance of Parental Adverse Childhood Experiences in Pediatric Practice. *Pediatric annals*, 48(12), 463–465. <https://doi.org/10.3928/19382359-20191118-03>
- Folger, A. T., Eismann, E. A., Stephenson, N. B., Shapiro, R. A., Macaluso, M., Brownrigg, M. E., & Gillespie, R. J. (2018). Parental Adverse Childhood Experiences and Offspring Development at 2 Years of Age. *Pediatrics*, 141(4). <https://doi.org/10.1542/peds.2017-2826>
- Gove, W. R., & Crutchfield, R. D. (1982). The family and juvenile delinquency. *The Sociological Quarterly*, 23(3), 301–319. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1982.tb01014.x>
- Hirschi, T. (1969). *Causes of delinquency*. University of California Press.
- Hughes, K., Bellis, M. A., Hardcastle, K. A., Sethi, D., Butchart, A., Mikton, C., Jones, L., & Dunne, M. P. (2017). The effect of multiple adverse childhood experiences on health: a systematic review and meta-analysis. *The Lancet. Public health*, 2(8), 356–366. [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(17\)30118-4](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(17)30118-4)
- Larkin, H., Shields, J., Anda, R. (2012). The Health and Social Consequences of Adverse Childhood Experiences (ACE) Across the Lifespan: An Introduction to Prevention and Intervention in the Community. *Journal of Prevention & Intervention in the Community*, 40(4), 263–270. <https://doi.org/10.1080/10852352.2012.707439>
- Lehmann, S., Monette, S., Egger, H., Breivik, K., Young, D., Davidson, C., & Minnis, H. (2020). Development and examination of the reactive attachment disorder and disinhibited social engagement disorder assessment interview. *Assessment*, 27(4), 749–765. <https://doi.org/10.1177/1073191118797422>
- Levenson, J. S., Willis, G. M., & Prescott, D. S. (2016). Adverse Childhood Experiences in the Lives of Male Sex Offenders: Implications for Trauma-Informed Care. *Sexual abuse: a journal of research and treatment*, 28(4), 340–359. <https://doi.org/10.1177/1079063214535819>
- McDonnell, C. G., & Valentino, K. (2016). Intergenerational Effects of Childhood Trauma: Evaluating Pathways Among Maternal ACEs, Perinatal Depressive Symptoms, and Infant Outcomes. *Child maltreatment*, 21(4), 317–326. <https://doi.org/10.1177/1077559516659556>
- Moffitt, T. E. (1993). Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. *Psychological Review*, 100(4), 674–701. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.100.4.674>
- Mwachofi, A., Imai, S., Bell, R. A. (2020). Adverse childhood experiences and mental health in adulthood: Evidence from North Carolina. *Journal of Affective Disorders*, 267, 251–257. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.02.021>
- Nurius, P. S., Green, S., Logan-Greene, P., & Borja, S. (2015). Life course pathways of adverse childhood experiences toward adult psychological well-being: A stress process analysis. *Child abuse & neglect*, 45, 143–153. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2015.03.008>
- Patterson G. R., & Yoerger, K. (2002). A developmental model for early- and late-onset delinquency. *Antisocial behavior in children and adolescents: A developmental analysis and model for*

- intervention*. In J.B. Reid, G.R. Patterson, & J. Snyder (Eds.). American Psychological Association. 147–172. <https://doi.org/10.1037/10468-007>
- Schickedanz, A., Halfon, N., Sastry, N., & Chung, P. J. (2018). Parents' Adverse Childhood Experiences and Their Children's Behavioral Health Problems. *Pediatrics*, 142(2). <https://doi.org/10.1542/peds.2018-0023>
- Schilling, E. A., Aseltine, R. H., & Gore, S. (2007). Adverse childhood experiences and mental health in young adults: a longitudinal survey. *BMC Public Health*, 7(30). <https://doi.org/10.1186/1471-2458-7-30>
- Stoltenborgh, M., Bakermans-Kranenburg, M. J., Alink, L. R. A., van IJzendoorn, M. H. (2012). The Universality of Childhood Emotional Abuse: A Meta-Analysis of Worldwide Prevalence, *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 21(8), 870–890. <https://doi.org/10.1080/10926771.2012.708014>

Поступила в редакцию: 5.12.2022

Поступила после рецензирования: 22.03.2023

Принята к публикации: 25.03.2023

Заявленный вклад авторов

Ольга Олеговна Андронникова – разработка и формирование концепции и дизайна исследования, анализ научной литературы, подготовка литературного обзора, подготовка и доработка исследовательской части текста, интерпретация полученных данных, концептуализация выводов.

Юлия Михайловна Перевозкина – проведение исследования, разработка методологической составляющей проведения исследования, количественная и качественная обработка полученных данных, оформление результатов.

Олеся Игоревна Леонова – проведение исследования, участие в обработке материала, редактирование статьи.

Информация об авторах

Ольга Олеговна Андронникова – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО НГПУ), г. Новосибирск, Российская Федерация; WOS ResearcherID: D-2926-2014; Scopus Author ID: 57193952779; SPIN-код: 9118-8231; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>; e-mail: andronnikova_69@mail.ru

Юлия Михайловна Перевозкина – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО НГПУ), г. Новосибирск, Российская Федерация; WOS ResearcherID: D-6891-2014; Scopus Author ID: 57193958447; SPIN-код: 2577-1927; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4201-3988>; e-mail: per@bk.ru

Олеся Игоревна Леонова – кандидат психологических наук, ведущий аналитик сектора развития квалификаций и профессиональных стандартов работников образования и социальной сферы, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57204054744; e-mail: olesya_leonova@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Влада И. Пищик

ИЗМЕРЕНИЕ КОНСПИРАТИВИСТСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ...

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2023, Т. 20, № 1, 218–234. doi: 10.21702/rpj.2023.1.14

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.9.072.52

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.14>

Измерение конспиративистской ментальности: первичная психометрическая проверка диагностической методики

Влада И. Пищик

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

vladaph@yandex.ru

Аннотация

Введение. Изучение специфики распространенности веры в различные заговоры является актуальной проблемой кризисной современности. Имеющиеся методики преимущественно центрированы на видах веры в заговоры, однако мало представлен целостный подход. Нами впервые на российской выборке проведена разработка нового валидного и надежного инструментария для выявления особенностей конспиративистской ментальности современной молодежи. Целью данной статьи является проведение апробации и первичной психометрической проверки авторской методики «Измерение конспиративистской ментальности». **Методы.** Конструкт методики построен на основе этапов восприятия веры в заговоры и выделения значимых установок – устойчивости к заговорам, готовности принимать заговоры на веру, стремления искать причины заговоров и оценивать последствия и результаты их влияния на жизнь. Методический инструментарий представлен авторской методикой «Измерение конспиративистской ментальности», апробированной на 300 респондентах мужского и женского пола. Конструкт методики имеет двухфакторную структуру, на одном полюсе – готовность-устойчивость в отношении заговора, на другом – ищущий-результативный типы. **Результаты.** Психометрическая проверка методики показала, что у мужчин и женщин по-разному проявляется конспиративистская ментальность. У мужчин в большей степени выражена вера в заговоры. Готовый и результативный типы находятся ближе к зоне традиции, а устойчивый и ищущий типы в большей степени в зоне инновации. Подтверждена конструктная валидность методики, а также получен высокий показатель α -Кронбаха, что свидетельствует о внутренней согласованности методики. **Обсуждение результатов.** Полученные данные сочетаются с уже имеющимися исследованиями отдельных аспектов конспиративизма. Мы обнаружили подтверждение следующим идеям: полового различия конспиративистской ментальности, ее личностного своеобразия, специфики направленности, связи с тревожностью и основными страхами. **Заключение.** Предварительная психометрическая проверка методики на представительной выборке демонстрирует ее надежность и валидность. Дальнейшая работа будет направлена на модификацию методики и сравнение возрастных групп.

Ключевые слова: психометрическая проверка, методика, конспиративистская ментальность, вера в заговоры, тревожность, личностные особенности, студенты, мужчины и женщины, валидность, надежность

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520 «Трансформация конспиративистской ментальности молодежи поколения Y и Z».

Для цитирования: Пищик, В. И. (2023). Измерение конспиративистской ментальности: первичная психометрическая проверка диагностической методики. Российский психологический журнал, 20(1), 218–234. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.14>

Введение

Наличие веры в теории заговора является на сегодняшний день устойчивым предубеждением немалого количества населения нашей планеты (van der Linden, Panagopoulos, Azevedo, & Jost, 2021; van Prooijen, Rodrigues, Bunzel, Georgescu, Komáromy, & Krouwe, 2022; Артеев, 2022; Казун, 2022).

S. Moscovici (1987) одним из первых отразил психологические аспекты конспиративистской ментальности и квалифицировал понятие «заговор» как некоторые идеи, объединяющие представителей различных социальных групп вокруг потребности совершить переворот в обществе. Теории заговора авторы определяют как «центральное предубеждение параноидального стиля» личности (Hofstadter, 1996; Бразертон, 2017; Sutton & Douglas, 2020). Согласно исследованиям авторов, конспиративистская ментальность выше в странах с низкими показателями по индексу демократии (Economist) и индексу коррупции (Transparency International), она характерна для общества с большой степенью экономического неравенства (Imhoff et al., 2022). Цифровая революция, возможно, ускорила формулировку и распространение теорий заговора. **Конспирология** как особый тип дискурса, часто смешиваемый с детективным, содержит остросюжетную композицию и подозрительного субъекта (Дмитриева, Ванюшина, 2021), – это фейк (подделка, неправдоподобное знание) (Swami, Furnham, Smyth, Weis, Lay, & Clow, 2016).

Предметом заговора выступает реальное или иллюзорное событие, которое определяется с позиции различных объяснительных, причинных схем угрозы. **Конспиративистская ментальность**, по нашему мнению, представляет собой совмещение ценностей, смыслов и значений адепта заговора, направленное на предмет заговора, с которым связываются особые негативные последствия для личной или общественной безопасности. Как утверждает Болтански (2019), предмет заговора – конструируемая реальность. А теория заговора – «слепая зона», поскольку не может быть однозначно интерпретирована (Артеев, 2022). Субъектами заговора могут выступать как отдельный человек, так и группа людей, которые объединены совместной заговорщической деятельностью или общей интерпретацией теории заговора.

Теории заговора часто направлены на уязвимые группы общества и дискриминируют их, могут игнорировать научные данные (Кирзюк, 2021), и вера отдельных групп населения в теории заговора может провоцировать действия, поляризующие отношения в обществе, что приводит к серьезным последствиям (Пищик, 2019; Яблоков, 2020), таким как политическую пассивность, отказ от прививок, враждебность к этническим меньшинствам и др.

Для изучения феномена веры в заговоры используются социологические опросы и немногочисленные методики, выявляющие распространение отдельных видов заговоров, к примеру, Goreis & Voracek (2019); van der Linden, Panagopoulos, Azevedo & Jost (2021). Мы (Пищик, Муталимова, 2014; Пищик, 2017) адаптировали методику измерения веры в заговоры (Imhoff & Bruder, 2014). Методика позволяет выявить типы веры в заговоры, представленные в различных социальных группах. Сегодня мы, в связи с периодом пандемии, добавили в методику пункт о вакцинации. Оставалась проблема изучения общих установок готовности и неготовности принимать веру в заговоры. В этой связи *целью* нашего исследования является разработка и проведение первичной (поскольку мы лишь на первом этапе проверки) психометрической проверки новой методики, позволяющей выявить внутреннюю установку на веру в заговоры.

Методы

Если исходить из представлений и моделей конспиративизма (Swami, Chamorro-Premuzic, & Furnham, 2010; Beemster, Bijleveld, & Treur, 2021; Stasielowicz, 2022), то можно определить некоторые этапы восприятия теорий заговора людьми:

- 1 этап: обнаружение и восприятие информации о наличии заговора;
- 2 этап: эмоциональный отклик и/или сопоставление данных с имеющейся информацией о предмете заговора;
- 3 этап: принятие информации на веру или критика, отторжение ее;
- 4 этап: оценка или игнорирование последствий данной информации.

Исходя из содержания данных этапов процесса восприятия информации о наличии заговора, мы предположили, что можно определить 4 вида установок по отношению к заговорам:

- Устойчивый к заговорам;
- Готовый принимать заговоры;
- Ищущий объяснение заговорам;
- Оценивающий результат влияния теорий заговора на жизнь.

Таким образом, получается 2 области различия основных установок к заговору: готовность/неготовность; устойчивость/неустойчивость; оценивающий/не оценивающий данные; оценивающий/не оценивающий результат.

Представленные установки могут определить тип конспиративистской ментальности: готовый, результативный, ищущий, устойчивый.

- Результативный – стремится найти смысл в случайных событиях, фактах;
- Ищущий – стремится найти объяснение всяким противоречащим событиям, фактам;
- Готовый – стремится к определению порядка, гармонии в событиях фактах;
- Устойчивый – стремится быть критичным к имеющимся событиям, фактам.

В разработке методики мы опирались на выводы исследований взаимосвязи личностных особенностей (экстернальность, авторитаризм, шизотипия, паранояльность, нарциссичность и др.) и веры в заговоры (Swami, Chamorro-Premuzic, & Furnham, 2010; Нестик, Дейнека, & Максименко, 2020; Stasielowicz, 2022).

На основе этих представлений был построен опросник (см. Приложение), состоящий из 16-ти пунктов по 2 утверждения в каждом:

- 1 и 9 пункты связаны с необходимостью подтверждения содержания заговора;
- 2 и 10 связаны с отношением к неопределенности в ситуации заговора;

- 3 и 11 – с устойчивостью по отношению к вере в заговор;
- 4 и 12 – с выбором процесса или результата в оценке заговора;
- 5 и 13 – с самооценкой своей тревожности;
- 6 и 14 – с отношением к угрозам мира;
- 7 и 15 – с ожиданием угрозы от людей;
- 8 и 16 – с определением устойчивости/неустойчивости жизни на Земле.

Утверждения относятся к каждому из 4 типов конспиративиской ментальности, определяемых по ключу. Ключ построен по принципу совпадения пункта (отнесение утверждения к определенному типу установки) и присваиванию за это 1 балла. В нашей исследовательской работе были поставлены 2 задачи: провести апробацию новой методики и провести ее предварительную психометрическую проверку.

В исследовании, опираясь на концепцию ментальности (Пищик, 2019), мы выдвигаем две гипотезы:

- Н1 – устойчивый тип конспиративиской ментальности больше находится в зоне инновации, а готовый тип в зоне традиции;
- Н2 – высокая тревожность связана с готовым типом конспиративиской ментальности.

Определяя план психометрической проверки методики, мы опирались на логику ее проведения в аналогичных работах (Вергунов, Николаева, & Боброва, 2019; Базаров, Райков, & Шайхутдинов, 2020; Кузьмина, 2021).

Для валидизации и выявления надежности инструмента мы применяли ряд методик. Во-первых, методику измерения типа ментальности (Пищик, 2019). Методика выявляет типы ментальности с полюсами традиция и инновация. Традиция предполагает темпоральность, наследование, строгое следование ценностям и правилам в социальных отношениях. Инновация обуславливает большую гибкость в отношениях, индивидуализацию правил, отступление от общих принципов и нормативов. Во-вторых, были применены методики: «Вера в заговоры» Пищик, Муталимовой (Пищик, 2014), выявляющая различные виды веры в заговоры; методика измерения тревожности Тейлора (Teilor's Manifest Anxiety Scale, 1953; в адаптации Т. А. Немчинова и В. Г. Норакидзе, 1975 г.) (Дерманова, 2002); личностный Фрайбургский опросник FPI Фаренберга, Зарга и Гампела (Fahrenberg, Hampel, & Selg, 1994); методику измерения ценностей через страхи (Пищик, 2019).

Для установления нормальности распределения выборки был применен одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова. Для проверки надежности инструмента мы использовали корреляционный анализ по Пирсону, Альфа Кронбаха; для определения факторной валидности применялся эксплораторный факторный анализ, критерий W Кендалла.

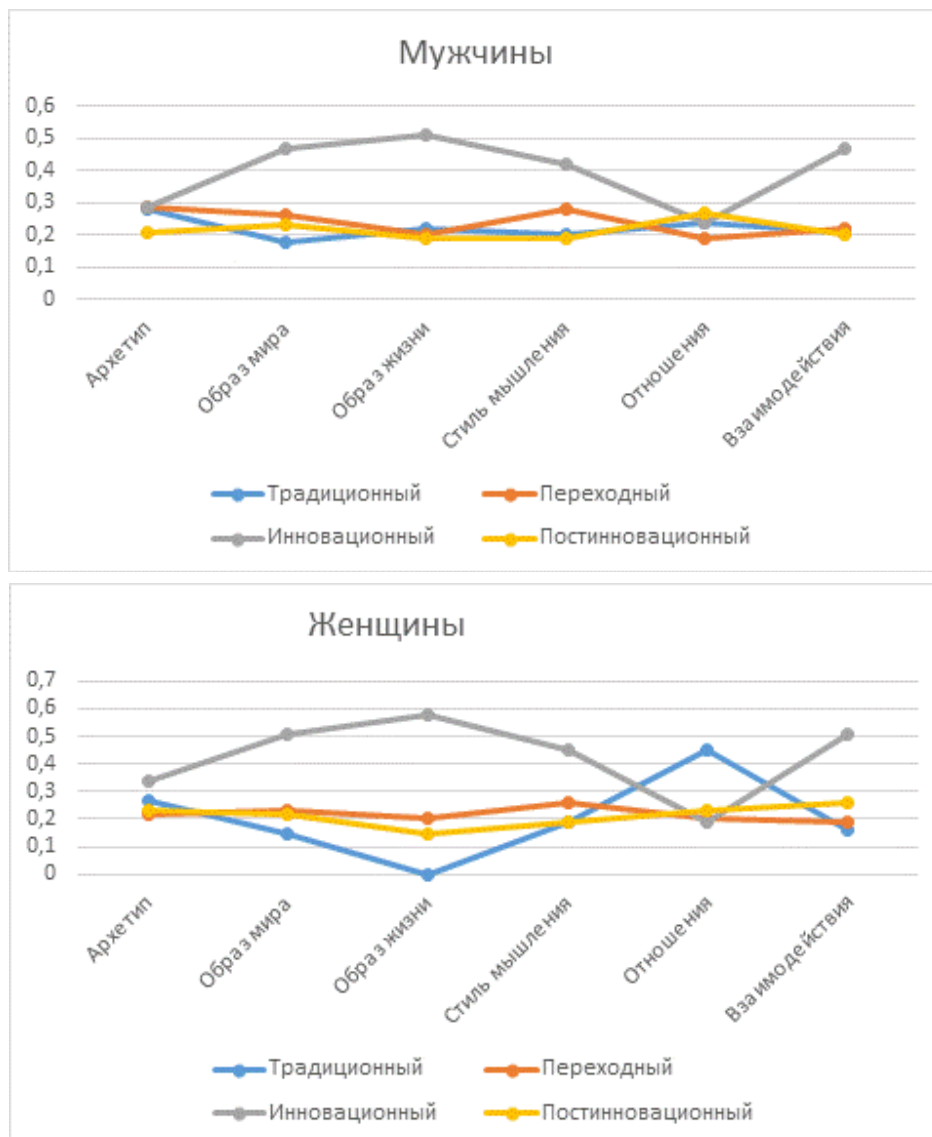
Рандомизированная выборка была представлена молодыми мужчинами и женщинами возраста от 17 до 23 лет, все являлись студентами высших учебных заведений города Ростова-на-Дону (Российская Федерация). Объем выборки составил 300 человек (из них 60 % – женщины).

Результаты

По нашим данным, в группе мужчин и женщин были представлены следующие составляющие ментальности (рис. 1).

Рисунок 1

Составляющие ментальности в группе

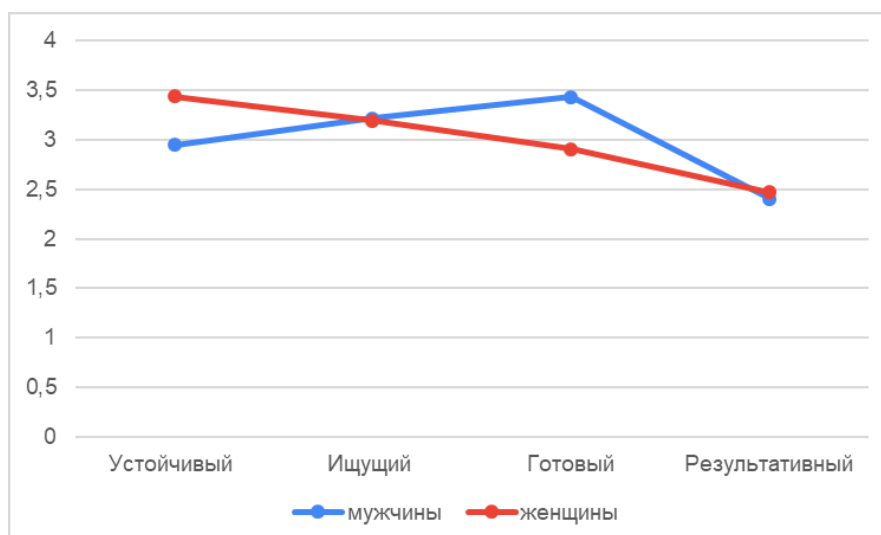

Образ мира и жизни, взаимодействия находится в зоне инновации. Только лишь в группе женщин отношения находятся в зоне традиции ($U = 1930,0$, $p = 0,009$). При этом традиционные отношения связаны с инновационным архетипом ($0,168^*$), выраженным больше у женщин. В мужской группе соединены архетипы инновации, традиции и переходности. В группе мужчин образ жизни находится в зоне инновации и имеет меньше полярностей, а у женщин инновационному образу жизни противостоит традиционный образ жизни (что формирует как бы 2 полюса).

- Инновационная ментальность характеризуется следующими социальными выборами:
- девушки выбирают партнеров-коммерсантов (36,9%), девушки ориентированы на карьеру (65,2%), политиков определяют, как коррупционеров (50,5%), мудрый значит творящий новое (55,9%), магическое приписывается знахарям (53,3%);
 - мир видят, как хаотичный (28,3%) и конкретный (28%), динамичный (45,5%), неопределенный (34,4%), в центре мира находится человек (61,3%), мир видится открытым (43%);
 - ситуации развивают (63,4%), респонденты ведут активный образ жизни (56,6%), нацеленность на инновации (70,3%), стратегия жизни – закономерные шаги (42,7%), жизнь запланирована в некоторых аспектах (63,8%); в основе способа жизни деньги (54,8%);
 - мыслят неординарно (42,3%), прагматичны (33%) и аналитичны (33%), они принимают решение исходя из собственного мнения (45,9%), образ мысли – модерн (35,8%), если мыслит, то живет (70,6%);
 - окружают респондентов: семья (57%) и друзья (37,3%), отношения складываются миролюбиво (68,8%), безразлично (18,6%), мужчины и женщины проявляют свободу в отношениях (46,2%), им свойственен романтизм (26,2%), традиции (17,2%);
 - взаимодействия нацелены на выгоду (50,5%), на конкретную цель (26,2%), на общее дело (15,8%), на дружественные отношения (63,4%), на поддержку успешных людей (53,8%), на поддержку нуждающихся в помощи (30,1%);
 - респонденты отмечают, что «я человек настоящего (61,6%), вне времени (19,4%), имею стремление много добиться (63,1%), создать новое (27,6%)», смысл жизни – деньги, карьера (54,1%), здоровье, духовный рост (22,6%), семья, труд (20,1%).
- Были выявлены типы конспиративистской ментальности (рис. 2).

Рисунок 2

Типы конспиративистской ментальности

В группе мужчин в большей степени представлена готовность воспринимать заговоры на веру ($U = 2416,0$, $p = 0,001$). В группе женщин в большей мере представлен устойчивый тип конспиративистской ментальности ($U = 4686,0$, $p = 0,001$).

На втором месте по значимости как у мужчин, так и у женщин – ищущий тип. И совсем небольшое внимание обращено к результативному типу. В группе мужчин наиболее выражен готовый воспринимать заговоры тип. В группе женщин в большей степени проявляется устойчивый тип, отражающий несколько отстраненное отношение к вере в заговоры. В меньшей степени в обеих группах выражен ищущий тип, связанный с поиском объяснения заговорам. Меньше всего в группах представлен результативный тип, для которого высока важность последствий воздействия заговоров на жизнь человека. Это может означать, что вера в заговоры интересует сама по себе и не всем интересны последствия их воздействия (подробную характеристику типов конспиративистской ментальности см. в приложении 1).

Внутренняя надежность инструмента определялась методом внутренней согласованности посредством корреляции всех шкал методики между собой (табл. 1). Распределение значений является нормальным по всем шкалам (устойчивый одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова $5,499E-7^1$; Ищущий – $1,057E-5^1$; Готовый – $1,940E-4^1$; Результативный – $4,547E-6^1$; уровень значимости 0,05), поэтому мы применили коэффициент корреляции Пирсона.

Таблица 1

Значение взаимосвязей шкал методики

Типы	Устойчивый	Ищущий	Готовый	Результативный
Устойчивый	1			
Ищущий	0,39**	1		
Готовый	-0,52**	-0,25**	1	
Результативный	-0,35**	-0,34**	0,42**	1

Как мы видим, устойчивый тип отрицательно взаимосвязан с готовым типом. Это подтверждает наше предположение о противопоставленности этих типов в едином континууме. Ранее мы писали о 2 областях различия основных установок к заговору. Тесная взаимосвязь устойчивого типа с ищущим говорит об их внутренней близости. Действительно, чтобы человеку быть устойчивым, необходимо обладать полной информацией, которую ищущий тип получает с помощью поиска объяснений, анализа информации. Однако результативный тип отрицательно связан с ищущим типом, таким образом, результативный больше нацелен на последствия теорий заговора, чем на поиск их объяснений. Результативный тип тесно связан с готовым, что может свидетельствовать о тревожности, сопровождающей готовый тип. Информацию о связи тревожности и веры в заговоры можно встретить в исследовании Swami, Furnham, Smyth, Weis, Lay & Clow (2016).

Нами был произведен расчет показателя Кронбаха, результаты представлены в (табл. 2).

Таблица 2

Показатели одномоментной надежности методики

Статистика надежности	
Альфа Кронбаха	Альфа Кронбаха на основе стандартизованных элементов
0,857	0,883

Как мы видим, высокие значения α -Кронбаха (0,857 и 0,883 α -Кронбаха на основе стандартизованных элементов) демонстрируют внутреннюю согласованность характеристик, описывающих объект исследования.

Факторную валидность мы обнаруживали посредством эксплораторного факторного анализа с применением метода главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера, вращение сошлось за 3 итерации (табл. 3, табл. 4).

Таблица 3

Объясненная совокупная дисперсия

Компонент	Начальные собственные значения			Суммы квадратов нагрузок извлечения			Суммы квадратов загрузок вращения		
	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего		
1	1,69	42,241	42,241	1	1,690	42,241	42,241	1	1,690
2	1,08	27,210	69,451	2	1,088	27,210	69,451	2	1,088
3	0,86	21,535	90,985	3	0,861	21,535	90,985	3	0,861
4	0,361	9,015	100,000	4	0,361	9,015	100,000	4	0,361

Таблица 4

Повернутая матрица компонентов, вращение сошлось за 3 итераций

Типы	Компонент	
	1	2
Устойчивый	0,869	-0,130
Ищущий	0,319	-0,758
Готовый	-0,759	0,028
Результативный	0,093	0,862

Анализируя результат, можно полагать, что устойчивый и готовый типы конспиративистской ментальности попали в один компонент-фактор, поскольку они являются противоположными полюсами конспиративистской ментальности. Аналогично, ищущий и результативный типы также попали в один фактор.

Проверка конструктивной валидности методики проводилась с помощью сопоставления результатов по нашей методике с результатами по другим методикам (по методике измерения типа ментальности; методике измерения тревожности Тейлора). Проведение корреляционного анализа показало, что типы конспиративистской ментальности особым образом связаны со структурами организации ментальности групп (табл. 5 и 6).

Таблица 5

Связи показателей в группе мужчин

Составляющие ментальности	ИТМ	ПСМ	ИОМ	ИО	ПИА	ВУТ
Результативный	-0,217**		-0,344**	0,246**	0,189*	0,337**
Устойчивый	0,184*		0,241**	-0,215*		
Готовый		0,161*	-0,150*			
Ищущий	0,175*		0,284*		-0,149*	-0,343**

Примечание. ** – Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* – Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя). Принятые сокращения: ИТМ – инновационный тип ментальности; ПСМ – переходный стиль мышления; ИОМ – инновационный образ мира; ИО – инновационные отношения; ПИА – постинновационный архетип; ВУТ – высокий уровень тревожности.

Примечательно, что готовый тип конспиративистской ментальности, который наиболее выражен в группе мужчин, в меньшей степени сочетается с инновационным образом мира, но сочетается с переходным стилем мышления. Переходная ментальность находится между традиционной и инновационной. Этот тип обычно характеризуется апатией, безразличием, в большей степени экстернальностью, следовательно, готовностью к принятию веры в заговоры. Устойчивый тип как у женщин, так и у мужчин, сочетается с инновационной ментальностью, инновационным образом мира. Такой тип ментальности допускает возможность самого невероятного, однако события воспринимаются как данность и мало кем воспринимаются на веру. Результативный тип сочетается у мужчин с постинновационным архетипом. Поскольку результативного типа меньше всего, но именно этому типу ментальности характерна ориентация на будущее, то поэтому постинновационный тип в большей степени интересуют последствия веры в заговоры, результативный тип.

Таким образом, предположение о том, что устойчивый тип конспиративистской ментальности больше находится в зоне инновации, а готовый тип – в зоне традиции, нашло свое подтверждение (гипотеза Н1 принимается).

Рассмотрим результаты в группе женщин (табл. 6).

Таблица 6

Связи показателей в группе женщин

Составляющие ментальности	ИТМ	ИОМ	ИО	ПА	ПСМ/ОЖ	ВУТ	ПИОМ
Результативный	-0,167*	-0,355*	0,196*	0,253**		0,339*	
Устойчивый		0,235**			/-0,178*		-0,243*
Готовый					0,201*/		0,203*
Ищущий		0,315*		-0,189*		-0,346**	

Примечание. Принятые сокращения: ИТМ – инновационный тип ментальности; ИОМ – инновационный образ мира; ИО – инновационные отношения; ПА – переходный архетип; ПСМ/ОЖ – переходный стиль мышления/образ жизни; ВУТ – высокий уровень тревожности; ПИОМ – постинновационный образ мира.

Высокая тревожность сочетается с результативным типом у мужчин и женщин, что понятно, поскольку результативный тип самый тревожный из всех типов, однако этого нельзя сказать об ищущем типе. То есть, гипотеза Н2 не принимается. Постинновационный образ мира, который стремится к традиции, сочетается с готовым типом, который в меньшей степени выражен у женщин. Инновационный тип ментальности и образ мира несочетаемы с результативным типом веры в заговоры, который связан с переходным архетипом. Ищущий тип сочетаем с инновационным образом мира. Устойчивый тип снижается, а готовый повышается, когда проявляется тенденция к традиционности (постинновационный образ мира).

При сопоставлении типов конспиративистской ментальности и видов веры в заговоры нами были получены следующие результаты (табл. 7).

Таблица 7

Значения корреляций типов и видов веры в заговоры

Показатели	Вера в политический заговор	Вера в пришельцев	Вера в заговор, связанный с вакцинацией	Вера в конец света	Вера в мировой заговор	Вера в глобальность
Ищущий	-0,32*	-0,28*				
Результативный	0,32*	0,31*	0,31*	0,33*		0,32*
Устойчивый			0,32*			
Невротичность	-0,68*					
Экстраверсия					0,66**	

Результаты демонстрируют, что больше всех обнаружены связи с верой в заговоры у результативного типа. Ищущий тип демонстрирует отрицательные связи с верой в заговоры, что также можно объяснить нацеленностью его на раскрытие каких-либо тайн. Результат связи устойчивого типа с верой в вакцинацию может быть ситуативным результатом, потому что население тяжело пережило пандемию. Взаимосвязи готового типа с видами веры в заговоры обнаружено не было, но, возможно, данный факт свидетельствует о готовности данного типа воспринимать многие вещи на веру.

Вера в политический заговор была связана с такой личностной чертой, как невротичность; вера в мировой заговор – с экстраверсией.

Далее мы сопоставили страхи и ценности (Методика измерения ценностей через страхи) и типы конспиративистской ментальности (табл. 8).

Таблица 8

Взаимосвязь видов страхов, ценностей и типов конспиративистской ментальности

Ценности и страхи	Тип			
	Готовый	Ищущий	Результативный	Устойчивый
Технологические угрозы	-0,35*			
Пугают эпидемии	-0,31*			
Мистический опыт	0,57*	-0,33*		
Ценность мистического	0,61*			
Потеря себя	-0,43*			
Ценность Другого		0,34*		
Экологический кризис		0,32*		

Ценности и страхи	Тип			
	Готовый	Ищущий	Результативный	Устойчивый
Неопределенность культур				0,32*
Нехватка информации				0,50*
Пугает все новое				-0,38*
Пугает отсутствие идеалов				-0,50*
Пугает утрата Другого				0,27*
Потеря смысла			0,46*	
Невозможность сделать выбор			0,46*	
Невозможность находиться в хаосе			0,28*	
Страх утраты традиции			-0,55*	
Ценность культуры			0,39*	
Ценность технологий			0,34*	

Примечание. * - корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

Анализ результатов по установлению связей со страхами и ценностями показывает, что готовый тип, имея мистический опыт при высоких показателях «ценности мистического», приписывает заговорам значимость. Для ищущего типа важна ценность другого, и он озадачен спасением экологической системы. Результативный тип пугает хаос, невозможность сделать выбор в ситуации угрозы и утрата смысла происходящего. Устойчивый тип также ориентирован на Других, в этом смысле он близок к ищущему типу. Устойчивый тип опасается отсутствия информации и неопределенности культуры, поскольку он более рациональный и придерживается культурной определенности.

Обсуждение результатов

Создавая методику, мы исходили из того, что нет смысла центрироваться на отдельном виде веры в заговор, что декларируется в работе (Sternisko, Cichocka, & Van Bavel, 2020). Является важным, что, применив факторный анализ, мы выявили 2 фактора модели конспиративистской ментальности. В исследовании Swami, Chamorro-Premuzic & Furnham (2010) была обнаружена аналогичная двухфакторная структура для измерения веры в различные теории заговора, касающиеся террористических актов 11 сентября 2001 года.

Мы продемонстрировали различия в выраженности типов конспиративистской ментальности у мужчин и женщин, что подтверждается в масштабных исследованиях (Kleppesø et al., 2019; Нестик, Дейнека, Максименко, 2020). Готовый тип сочетался с ценностью мистического, что подтверждается и в исследовании (Ward, & Voas, 2011). Van Prooijen (2018), Stephens (2020) указывали, что убеждения в заговоре могут быть вызваны ситуационными факторами, такими

как посттравматический стресс, тревога и депрессивные реакции. Аналогичный результат получен нами в вопросе связи готового типа с верой в заговор, касающийся вакцинации. Ищущий и результативный типы связаны с высокой тревожностью. В исследованиях авторов показано, что «в ситуации тревожной обратной связи существенно повышается воспринимаемая межгрупповая тревога» (Хухлаев, & Браткина, 2022, с. 84).

Для установления связей с типами конспиративистской ментальности мы использовали личностный опросник (FPI), и было обнаружено, что вера в заговор коррелирует с экстраверсией и невротичностью. Однако сегодня есть исследования, в которых показано, что ни одна из личностных черт «Большой пятерки» не связана с верой в теории заговора (Goreis & Voracek, 2019). При этом в работе Stasielowicz (2022) обнаружены 12 личностных показателей, связанных с верой в заговоры. В этой связи актуален вопрос, личностные черты определили склонность к конспиративизму или конспиративизм актуализировал определенные черты? Для нас этот вопрос остается открытым.

Заключение

Первичная проверка нашей методики измерения конспиративистской ментальности показала ее определенную валидность и надежность. Обнаружена внутренняя согласованность конструкта методики. Методика, однако, еще требует доработки по расширению шкал.

Нами получены устойчивые различия методики по половому признаку респондентов. Благодаря проведению корреляционного и факторного анализа и установлению связей с другими методиками мы получили содержательное наполнение шкал методики.

Методика отличается простотой в использовании и обработке данных. Дальнейшая разработка и психометрическая проверка методики может быть связана с апробацией ее на возрастных группах и оценки ее экспертами-психологами.

Литература

- Артеев, С. П. (2022). Пандемия COVID: Конспирология и антиконспирология. *Власть*, 30(1), 58–63. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8781>
- Базаров, Т. Ю., Райков, А. В., Шайхутдинов, Р. Р. (2020). Возможности и ограничения опросника «Мастер организации групповой работы». *Российский психологический журнал*, 16(4), 56–73. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.4.5>
- Болтански, Л. (2019). *Тайны и заговоры. По следам расследований.* (А. Захаревич, пер. с фр.). Издательство Европейского университета.
- Бразертон, Р. (2017). *Недоверчивые умы. Чем нас привлекают теории заговора.* (М. Багоцкая, П. Купцов, пер. с англ.). Альпина нон-фикшн.
- Вергунов, Е. Г., Николаева, Е. И., Боброва, Ю. В. (2019). К вопросу о психометрической надежности некоторых психологических методик. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 12(1), 61–68.
- Дмитриева, О. А., Ванюшина, Н. А. (2021). Мифологема «теория заговора» в современном цивилизационном пространстве. *Тематический выпуск: Личность и общество в современном цивилизационном пространстве: язык и политика*, 4, 123–133. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-4-123-133>
- Казун, А. Д. (2022). Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы. *Экономическая социология*, 23(2), 91–117. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117>

- Кирзюк, А. А. (2021). «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, 484–509. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>
- Кузьмина, Т. И. (2021). Использование методики «Сетевой самоотчет» для изучения специфики интернет-социализации подростков и юношей с нарушением интеллекта. *Российский психологический журнал*, 18(1), 5–21. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.1>
- Дерманова, И. Б. (2002). *Диагностика эмоционально-нравственного развития*. Речь.
- Нестик, Т. А., Дейнека, О. С., & Максименко, А. А. (2020). Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации. *Социальная психология и общество*, 11(4), 87–104. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>
- Пищик, В. И. (2017). Возможность измерения веры в заговоры. *European Social Science Journal*, 1, 419–424.
- Пищик, В. И. (2019) *Ментальность поколений в текущей современности*. ИНФРА-М. https://doi.org/10.12737/monography_5ba0ee24675441.11909669
- Пищик, В. И., Муталимова, С. Ш. (2014, май). Особенности конспиративистского менталитета русских и кумыкских групп поколений. *Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Четвертой Международной научной конференции*. Универсум.
- Хухлаев, О. Е., Браткина, М. А. (2022). Тревога и неопределенность в межкультурном взаимодействии: экспериментальное исследование. *Российский психологический журнал*, 18(4). <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.6>
- Яблоков, И. (2020). *Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве*. Альпина нон-фикшн.
- Beemster, T., Bijleveld, N., & Treur, J. (2021) On Becoming a Conspiracy Thinker: A Second-Order Adaptive Network Model. *Procedia Computer Science*, 190, 51–63. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.06.007>
- Fahrenberg, F., Hampel, R., & Selg, H. (1994). *Freiburg Personality Inventory (FPI) Revised version FPI-R and partially amended version FPI-A1*. Hogrefe.
- Goreis, A., & Voracek, M. (2019). A systematic review and meta-analysis of psychological research on conspiracy beliefs: Field characteristics, measurement instruments, and associations with personality traits. *Frontiers in Psychology*, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00205>
- Hofstadter, R. (1996). *The Paranoid Style in American Politics and Other Essays*. Harvard University Press.
- Imhoff, R., & Bruder, M. (2014). Speaking (un-)truth to power: as a generalised political attitude. *European Journal of Personality*, 28, 25–43. <https://doi.org/10.1002/per.1930>
- Imhoff, R., Zimmer, F., Klein, O., António, J. H. C., Babinska, M., Bangerter, A., Bilewicz, M., Blanuša, N., Bovan, K., Bužarovska, R., Cichocka, A., Delouvée, S., Douglas, K. M., Dyrendal, A., Gjoneska, B., Graf, S., Gualda, E., Hirschberger, G., Kende, A., Kutiyski, Y., ..., & van Prooijen, J.-W. (2022). Conspiracy Mentality and Political Orientation across 26 countries. *Nature Human Behaviour*, 6, 392–403.
- Kleppestø, T. H., Czajkowski, N. O., Vassend, O., Røysamb, E., Eftedal, N. H., SheehySkeffington, J., ... Thomsen, L. (2019). Correlations between social dominance orientation and political attitudes reflect common genetic underpinnings. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116(36),

- 17741–17746. <https://doi.org/10.1073/pnas.1818711116>
- Moscovici, S. (1987). «The conspiracy mentality», in Changing Conceptions of Conspiracy, Graumann C. F., Moscovici S. (eds.), New York: Springer, 151–169.
- Stasielowicz, L. (2022) Who believes in conspiracy theories? A meta-analysis on personality correlates. *Journal of Research in Personality*, 98, 104229, <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2022.104229>
- Stephens, M. (2020). A geospatial infodemic: Mapping Twitter conspiracy theories of COVID-19. *Dialogues in Human Geography*, 10(2), 276–281. <https://doi.org/10.1177/2043820620935683>
- Sternisko, A., Cichocka, A., van Bavel, J. J. (2020). The dark side of social movements: social identity, non-conformity, and the lure of conspiracy theories. *Current Opinions in Psychology*, 35, 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.02.007>
- Sutton, R. M., & Douglas, K. M. (2020). Conspiracy theories and the conspiracy mindset: implications for political ideology. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 34, 118–122. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2020.02.015>
- Swami, V., Chamorro-Premuzic, T., & Furnham, A. (2010). Unanswered Questions: A Preliminary Investigation of Personality and Individual Difference Predictors of 9/11 Conspiracist Beliefs. *Applied Cognitive Psychology*, 24, 749–761. <https://doi.org/10.1002/acp.1583>
- Swami, V., Furnham, A., Smyth, N., Weis, L., Lay, A., & Clow, A. (2016). Putting the stress on conspiracy theories: Examining associations between psychological stress, anxiety, and belief in conspiracy theories. *Personality and Individual Differences*, 99, 72–76. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.084>
- van der Linden, S., Panagopoulos, C., Azevedo, F., & Jost, J. T. (2021). The paranoid style in American politics revisited: an ideological asymmetry in conspiratorial thinking. *Political Psychology*, 42, 23–51. <https://doi.org/10.1111/pops.12681>
- van Prooijen, J.-W. (2018). *The psychology of conspiracy theories*. Routledge.
- van Prooijen, J.-W., Rodrigues, T. C., Bunzel, C., Georgescu, O., Komáromy, D., & Krouwe, A. P. M. (2022). Populist Gullibility: Conspiracy Theories, News Credibility, Bullshit Receptivity, and Paranormal Belief. *Political Psychology*, 43(6), 1031–1079. <https://doi.org/10.1111/pops.12802>
- Ward, C., & Voas, D. (2011). The emergence of conspiratorship. *Journal of Contemporary Religion*, 26(1), 103–121. <https://doi.org/10.1080/13537903.2011.539846>

Приложение 1

Методика

«Типы конспиративистской ментальности» (В. И. Пищик) – рабочий вариант.

Инструкция

«Вам предлагаются утверждения. Необходимо выбрать наиболее близкое вам, то которое Вы можете приписать себе в ситуациях выбора. В каждом пункте можно выбрать лишь один вариант»

Текст методики

1. А. Важно, чтобы любое представление о наличии или отсутствии заговора находило свое подтверждение (И).

Б. Не является важным подтверждение представления о наличии заговора, особенно если оно оригинально по своей сути (Р).

2. А. Неопределенность в отношении наличия заговора может раздражать (У).
Б. Неопределенность в отношении наличия заговора обычно меня бодрит (Г).
3. А. Важна устойчивость в мире, особенно относительно устоявшихся представлений о заговоре (У).
Б. Мир быстро меняется, как и могут меняться представления о заговоре (Г).
4. А. В любом деле важен результат (Р).
Б. Процесс любого дела интереснее результата (И).
5. А. Я тревожусь по любому поводу (Р).
Б. Я мало тревожусь, можно сказать, редко (И).
6. А. Угрозы в мире могут пройти и незаметно (У).
Б. Угроза в мире существует всегда и к ней надо готовиться (Г).
7. А. Другие люди могут мне причинить зло (Р).
Б. Другие люди могут мне принести много радости (У).
8. А. Жизнь на планете Земля может остановиться (Г).
Б. Жизнь на планете Земля вечная (И).
9. А. Опубликованные данные должны находить свое подтверждение (И).
Б. Опубликованные данные необязательно должны быть подтвержденными (Р).
10. А. Меня пугает неопределенность в жизни моего окружения (У).
Б. Меня не пугает неопределенность в жизни моего окружения (Г).
11. А. Я не верю ни в какие заговоры (У).
Б. Все же есть отдельные заговоры, в которые я верю (Г).
12. А. Результат всегда важнее процесса (Р).
Б. Процесс порой важнее результата (И).
13. А. Часто меня называют тревожным человеком (Р).
Б. Тревожность мне редко присуща (И).
14. А. В мире много угроз, к которым необходимо готовиться (У).
Б. В мире много угроз и к ним невозможно подготовиться (Г).
15. А. В затруднениях с другими людьми важно понять, чем мне это грозит (Р).
Б. Если другие люди мне угрожают, надо разобраться и постараться разрешить проблему (У).
16. А. Мы – заложники планеты Земля (Г).
Б. Земля – это наш оберегающий дом (И).

Ключи к методике

№ утверждения	Варианты			
1, 9		а		б
2,10	а		б	
3,11	а		б	
4,12		б		а
5,13		б		а
6,14	а		б	
7,15	б			а
8,16		б	а	
<u>Сумма баллов</u>				
Типы	Устойчивый	Ищущий	Готовый	Результативный

Каждому совпадению присваивается 1 балл.

Описание типов:

- Устойчивый – человек, который несколько отстраненно относится к вере в заговоры.
- Ищущий-искатель – будет искать объяснение заговорам.
- Готовый-принимает заговоры и в них верит.
- Результативный – ему важны последствия в воздействиях заговоров на жизнь человека.

Поступила в редакцию: 12.01.2022

Поступила после рецензирования: 22.03.2023

Принята к публикации: 23.03.2023

Информация об авторе

Влада Игоревна Пищик – доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; SPIN-код: 3144-3020; AuthorID: 183790; Scopus Author ID: 24473186900, WOS ID: O-6154-2015; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.15>

Школьный буллинг: признаки социально-психологической дезадаптации у Обидчиков, Жертв и Обидчиков-жертв

Татьяна В. Капустина¹ , Анастасия С. Эльзессер^{1*} , Лидия В. Мандрыкина¹ , Антон С. Гайдай¹

¹ Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Владивосток, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: der_falter@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу социально-психологической дезадаптации у школьников, вовлеченных в буллинг и занимающих разные роли: «Обидчик», «Жертва», «Обидчик-Жертва». Нами впервые показаны возможности применения «Скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму» (Р. В. Кадыров, Т. В. Капустина, Е. В. Садон, А. С. Эльзессер) в исследовании буллинга. Раскрываются психологические особенности наименее исследованной роли «Обидчик-Жертва». **Методы.** В исследовании приняли участие 206 старшеклассников в возрасте 15–18 лет. Для выявления групп школьников-участников буллинга применялась методика «Ситуация буллинга в школе» (В. Р. Петросянц), для определения выраженности социально-психологической дезадаптации – «Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму» (Р. В. Кадыров и др.); психологические характеристики групп определялись с помощью «Индивидуально-типологического опросника» (Л. Н. Собчик), и «Теста агрессивности» (Л. Г. Почебут). **Результаты.** Признаки социальной дезадаптации выявлены у всех групп, участвующих в буллинге, наиболее выражена дезадаптация у Жертв и Обидчиков-Жертв. Среди признаков дезадаптации выявлены: для Обидчиков – демонстративность, предпочтение компьютерных игр с преобладающими компонентами насилия, сниженный эмоциональный фон и упадок сил; для Жертв – закрытость и отстраненность, пониженное настроение; для Обидчиков-Жертв – неприязнь к окружающим, симпатии к девиантам, закрытость. Обидчики-Жертвы сочетают дезадаптивные черты инициатора и объекта травли. Определены статистически значимые различия ($p < 0,05$) в психологических характеристиках участников буллинга. У Обидчиков на фоне других групп оказались значимо выражены такие черты, как спонтанность, агрессивность и неконформность. У Жертв выражены интроверсия, тревожность, самоагрессия, зависимость, а также отрицательная корреляция с лабильностью. Значимых корреляций в группе Обидчиков-Жертв не выявлено. У всех участников буллинга обнаружены признаки нарушения социальной адаптации – переживание одиночества, негативное отношение к окружающим и трудности с доверием. **Обсуждение результатов.** Полученные результаты согласуются с фактами, отмеченными другими исследователями, такими как: использование буллинга Обидчиками для повышения своей позиции в неформальной иерархии, наличие у них выраженной импульсивности и стремления к доминированию; интровертированность,

тревожность и закрытость Жертв; трудности с доверием, интровертированность, тревожность и враждебность Обидчиков-Жертв.

Ключевые слова: буллинг, школьная травля, подростки, дезадаптация, обидчик, жертва, обидчик-жертва, агрессор, скрининг-метод, диагностика дезадаптации

Для цитирования: Капустина, Т. В., Эльзессер, А. С., Мандрыкина, Л. В., Гайдай, А. С. (2023). Школьный буллинг: признаки социально-психологической дезадаптации у Обидчиков, Жертв и Обидчиков-жертв. *Российский психологический журнал*, 20(1), 235–251. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.15>

Введение

Социально-психологическая дезадаптация способствует закреплению дезадаптивных вариантов личностных качеств, которые могут примыкать к акцентуациям, характеризуя манифестацию дисморфофобий, связанных с негативной оценкой окружающих (Якимова, Кравцова, 2017) и расстройств личности (Кудрявцев, 2019). Это обуславливает необходимость изучения признаков социально-психологической дезадаптации личности, испытывающей негативное воздействие со стороны социальной среды.

Социально-психологическая дезадаптация – нарушение интеграции в социум, при котором личность «не в состоянии удовлетворительно идти на встречу тем требованиям и ожиданиям, которые предъявляют к ней социальная среда и собственная социальная роль, ее ведущая в данной среде <...> деятельность» (Налчаджян, 1988, с. 21). Социально-психологическая дезадаптация исследуется как нарушение в том или ином комплексе личностно-значимых отношений (Варламова, 2005), отрицательное психологическое образование в структуре личности (Молодцова, 2017), как система дефицитов интеракционного механизма социализации (Кудрявцев, 2021). В основе психологической дезадаптации лежит личностное свойство, опосредующее уязвимость личности в процессе социализации: акцентуация, внутриличностный конфликт, неадекватная самооценка, примитивные психологические защиты, склонность к отчуждению, повышенная тревожность, фрустрированность и т. д. (Молодцова, 2017). К социально-психологической дезадаптации может привести негативное воздействие на личность со стороны среды.

Буллинг (травля) представляет собой длительное физическое или психологическое насилие со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации (Лейн, 2001). По состоянию на 2021 год, в российских школах число детей, подвергающихся травле, может достигать 40 % от количества всех учащихся (Иванюшина, Ходоренко, Александров, 2021). Подверженность травле оказывает негативное влияние на формирование личности, поскольку образование структуры личности и ее характера во многом является итогом адаптации в обществе. Как указывает Ананьев (2010), «преобразование интериндивидуальных связей, функционирующих в определенных обстоятельствах жизни, в интраиндивидуальные связи является обязательным условием образования структуры личности и ее характера» (с. 265).

В ряде исследований авторами были выявлены психологические характеристики личности с социально-психологической дезадаптацией: нарушение отношений с родителями (Посохова, Колпакова, 2020); враждебность, чувство неполноценности, тревожность (Москова, 2008;

Хакимянов, 2020), склонность к одиночеству, апатия и депрессия, обесценивание смысла жизни (Гришина, 2018; Москова, 2008; Хакимянов, 2020).

Формирование упомянутых выше характеристик может быть опосредовано участием в буллинге не только в роли жертвы, но и в роли обидчика или жертвы-обидчика. Так, имеются данные, что жертв буллинга отличает снижение школьного благополучия, одиночество и изоляция (Hamel, Schwab, Wahl, 2021), высокие нейротизм и психотизм (Machimbarrena et al., 2019), снижение самооценки, снижение эмоционального интеллекта (Estévez, Estévez, Segura & Suárez, 2019; Zych, Ttofi & Farrington, 2016), самообвинение (Wójcik, Thornberg, Flak & Leśniewski, 2022), тревожность, депрессивность, несуицидальные самоповреждения (Li et al., 2021; Myklestad & Straiton, 2021), повышенный риск суицидальных попыток (Koyanagi et al., 2019).

Аналогичным образом, одиночество со сверстниками, изоляция, высокие нейротизм и психотизм характерны для обидчиков-жертв. У данной группы обнаруживается низкий уровень эмпатии (Zych, Ttofi & Farrington, 2016) и отмечаются тенденции морального отчуждения, повышающего готовность участия в буллинге против других (Falla, Ortega-Ruiz, Runions & Romera, 2020; Runions et al., 2019).

Исследования агрессоров – обидчиков – в буллинге также показывают изменения личностных свойств, обусловленные социальной дезадаптацией: низкий уровень эмпатии (Zych, Ttofi & Farrington, 2016), снижение самооценки в академической и семейной сферах, рост тревожности в социальных взаимодействиях, затруднение регуляции эмоций (Estévez, Cañas, Estévez & Povedano, 2020). Буллинг способствует заострению уже имеющихся психопатических черт, таких как черствость-безэмоциональность и импульсивность-безответственность (Orue & Calvete, 2019).

Целью данной статьи является сравнительный анализ признаков социально-психологической дезадаптации личности у всех участников буллинга.

Методы

Выборка представлена 206 старшеклассниками, среди которых 83 юноши и 123 девушки, возраст исследуемых – от 15 до 18 лет. Респонденты – учащиеся 9–11 классов средних общеобразовательных школ и частных образовательных учреждений ряда городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Владивостока, Уссурийска, Енисейска. Исследование предполагает изучение старшеклассников возраста 15–18 лет, участвующих в буллинге, поэтому подбор выборки опирался на принцип ее доступности. В разных школах наблюдается разный уровень буллинга: от 0 до 40 % (Иванюшина, Ходоренко, Александров, 2021), поэтому вне зависимости от места проживания данные респондентов отбирались по критерию участия в буллинге.

На первом этапе исследования общая выборка была разделена на четыре группы по результатам анализа пройденной учащимися методики «Ситуация буллинга в школе» (Петросянц, 2011). Далее нами были применены: «Индивидуально-типологический опросник» (Собчик, 2017), «Тест агрессивности» Л. Г. Почебут (Почебут, 2023), «Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму» для определения формы социально-психологической дезадаптации (Р. В. Кадыров, Т. В. Капустина, Е. В. Садон, А. С. Эльзессер) (Капустина, 2022).

Авторский скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму разработан с целью исследования деструктивных проявлений у обучающихся в образовательной среде. Теоретико-методологическая основа скрининг-метода представлена широким спектром

теоретических взглядов на социальную дезадаптацию личности, исследований радикализации и индивидуально-психологических характеристик личности с экстремистскими тенденциями (Капустина, 2022).

Экстремистские тенденции личности представляют собой форму устойчивой социальной дезадаптации и характеризуют направленность личности, представленную мотивами, интересами, стремлениями, убеждениями, идеалами, совокупность которых создает предрасположенность к экстремизму в образовательной среде. Проведенный анализ позволил выявить критерии экстремистских тенденций, которые и легли в основу скрининг-метода: признаки депрессивности, переживание одиночества, декларирование превосходства, дегуманизация, мотивы мести, положительное отношение к смерти. Осуществив адаптацию и валидизацию скрининг-метода, мы продолжили изучать его возможности, применяя к более широкому кругу явлений социальной дезадаптации.

Действительно, высокая выраженность экстремистских тенденций не означает, что личность совершит акт экстремистского насилия. В то же время, переживания одиночества, мотив мести как реакция озлобления в ответ на социальные неудачи, представления о бесперспективности своего существования и никчемности чужих жизней, компенсаторная декларация превосходства, одобрение насилия и интерес к убийствам и смерти – всё это составляет социально-психологическую дезадаптацию личности и с неизбежностью создает риски антиобщественного и/или самоповреждающего поведения.

Следует отметить, что скрининг-метод не имеет шкал, с его помощью можно оценить лишь наличие и отсутствие социально-психологической дезадаптации, а также меру ее выраженности. Скрининг-метод в изучении социально-психологической дезадаптации имеет ряд преимуществ: 1) завуалированный сбор информации: цель опроса неочевидна, что позволяет обойти сопротивление респондента; 2) высокая информативность за счет применения различных форм вопросов: полужакрытых с вариантами ответа, открытых вопросов, незаконченных предложений; 3) возможность выявления разных проявлений социальной дезадаптации через анализ ответов на открытые вопросы.

При измерении личностных черт и характеристик с применением опросников в психологии принято использовать порядковую шкалу (Дружинин, 2019), поэтому для статистической обработки полученных данных использовались методы непараметрической статистики – медианный тест, критерий Краскела-Уоллиса и коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Обработка данных была выполнена в программе SPSS Statistica 10.0.

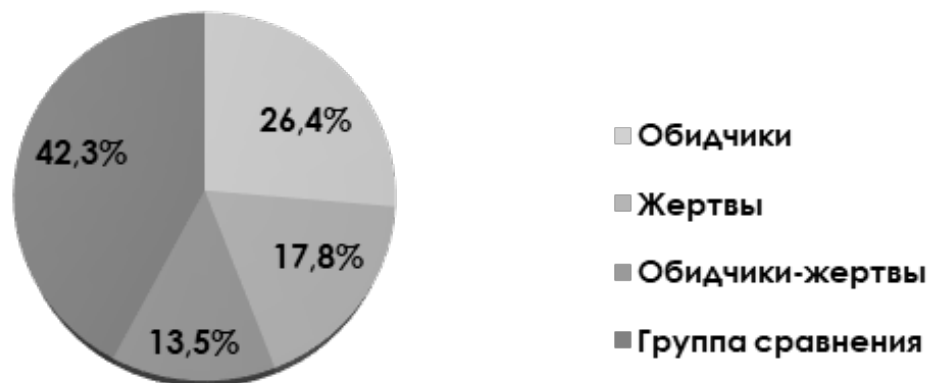
Результаты

Ситуация буллинга в школе

По результатам методики «Ситуация буллинга в школе» (Петросянц, 2011) было получено следующее распределение: Обидчики – 55 человек (участвовали в буллинге несколько раз в течение месяца), Жертвы – 37 человек (подвергались буллингу два и более раз в течение месяца), Обидчики-Жертвы – 28 человек (подвергались буллингу и участвовали в нем один раз и более в течение месяца), группа сравнения – 88 человек (не участвовали в буллинге, не подвергались буллингу или подвергались только однажды). Процентное соотношение разных групп респондентов представлено на рисунке 1.

Рисунок 1

Распределение внутри выборки по данным методики «Ситуация буллинга в школе»

Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму

По результатам «Скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму» (табл. 1) выявлено, что у группы Жертв медианные показатели группы превышают тестовую норму (< 17), что означает наличие склонности к социальной дезадаптации, которая может быть следствием переживаемого психологического насилия. Для групп Обидчиков и Обидчиков-Жертв полученные значения не указывают на сформированную склонность к социально-психологической дезадаптации, однако превышают таковые у группы сравнения.

Таблица 1

Выраженность социально-психологической дезадаптации у школьников, участвующих в буллинге

Объемы выборок Об/Ж/Об-Ж/Нет	Значение критерия Краскела-Уоллиса, H	p-level	Медиана Об/Ж/Об-Ж/Нет
55/37/28/88	46,59	0,0000	16/18/16/10

Были выявлены особенности поведения в группе Обидчиков, Жертв и Обидчиков-Жертв. На вопрос «Вы стремитесь выделяться среди других людей? Если да, то чем?» в группе Обидчиков у 32 из 55 исследуемых встречались ответы: «казаться ярче» (4), «знаниями» (6), «внешностью/одеждой/образом» (6), «шутками» (4), «характером» (8), «быть лидером» (3), «творю дичь» (1). В группе Жертв почти половина респондентов (18 из 37) сообщили, что стремятся выделяться: «искренностью» (7), «творчеством» (5), «душой» (6). В группе Обидчиков-жертв все респонденты указали, что не стремятся выделяться среди других людей. В группе

сравнения ответы распределились почти поровну: большая часть исследуемых (46) ответили, что не стремятся выделяться, меньшая часть респондентов (42) дали разнонаправленные ответы, свидетельствующие о разной степени готовности выделиться, от низкой: «каждый человек чем-нибудь выделяется» до высокой: «всем», «как же можно их удивить, и чтоб они нашли во мне лучшие качества».

Ответы группы Обидчиков могут говорить о желании части школьников занять определенный статус в группе, выделяться и превосходить своих сверстников за счет образа, характера, а также поведения, выходящего за рамки общественных норм и правил, в то время как в разъяснениях респондентов группы Жертв и Обидчиков-жертв отсутствуют подобные проявления демонстративного поведения.

В ключе скрининг-метода при оценке выраженности социально-психологической дезадаптации учитывается предпочтение жанров компьютерных игр. Все школьники в группе Обидчиков играют в компьютерные игры, наиболее встречаемые жанры игры – это «Shooter» (15), «Horror» (11), «Stealth» (14). Обидчики-Жертвы также дали утвердительный ответ, самые распространенные жанры «Shooter» (8) и «Horror» (6). Это указывает на то, что Обидчики и Обидчики-жертвы предпочитают игры с компонентами насилия. В группе Жертв большая часть респондентов (15) играет в компьютерные игры, самые популярные жанры «Квесты и головоломки» (11), «RPG» (8), «Shooter» (5). В основном, это офлайн-игры на решение различных головоломок и логических заданий, а также ролевые игры, в которых представлена возможность выбрать персонажа и играть от его лица. Выбор офлайн-игр говорит об интровертированности Жертв, а выбор жанра RPG может указывать на склонность отвлечься от проблем в виртуальном мире и служить современной вариацией ухода в мечты как психологической защиты. Предпочтение Обидчиками и Обидчиками-Жертвами игр с акцентом на вооруженное насилие (Shooter) и шок-контент (Horror), а также на скрытые убийства (Stealth) для группы Обидчиков, указывает на больший, чем у Жертв, интерес к тематике убийств и смерти.

На вопрос «Вам нравятся люди, которые...» большинство респондентов группы Обидчиков дали социально приемлемые ответы, например, «отличаются смелостью», «ответственные», «уверенные в себе», однако присутствовали два заявления, выражающие нарушения адаптации: «молчат», «клоуны». Жертвы также выразили социально приемлемые суждения, за исключением двух ответов «мне не нравятся люди». В группе Обидчики-Жертвы, по сравнению с группами Обидчиков и Жертв, представлено **наибольшее число ответов, свидетельствующих о проблемах с адаптацией**: «отбитые» (3), «не нравятся» (3), «нет» (4). В группе сравнения преобладают такие социально приемлемые ответы, как «понимающие» (8), «честные» (5) и др.

На вопрос «Доверие – это...?» большинство респондентов всех групп дали социально приемлемые ответы. Однако в группе Обидчиков встречались ответы, что доверие – это «слабость» (2), «оно не нужно» (2). Также и в ответах трети респондентов группы Обидчиков-Жертв присутствуют ответы: «...никому не верю» (1), «доверия нет» (4), «нет» (5). В группе Жертв встречается негативная оценка своего социального опыта и страх: «то, что мне не знакомо» (3), «риск» (1). Респонденты группы сравнения не противопоставляли себя окружающим, не демонстрировали нетерпимости по отношению к другим. Таким образом, можно говорить о том, что у части Обидчиков, и в большей степени у Обидчиков-Жертв формируется **позиция отказа от доверия, некоторые Жертвы подчеркивают, что доверие им мало знакомо**.

Скрининг-метод предлагает вопрос, направленный на самооценку экстравертированности/интровертированности: «Одним людям необходимо быть среди людей, поскольку им важно взаимодействовать с ними, другие – чувствуют себя одинокими среди людей. А к какой категории относитесь вы?». В группе сравнения преобладает желание взаимодействовать с окружающими (13). В группе Обидчиков также большинство респондентов ответили «к первой» (14) и «нечто среднее» (5), в группе Жертв большинство ответили «ко второй» (15), как и Обидчики-Жертвы (12). Это показывает, что респонденты группы Жертв и Обидчиков-Жертв испытывают «одинокость в толпе», их отношения с одноклассниками носят формальный характер. Следующие вопросы «Легко ли испортить вам настроение?» и «Часто ли у вас болит голова?» показали, что у Обидчиков настроение «обычно раздраженное» (9), «в последнее время ухудшилось» (7), «обычно грустное» (5), голова болит «часто» (15) и «в последнее время очень часто» (5). В группе Обидчиков превалирует пониженный фон настроения, раздражение, физический дискомфорт, связанный с частыми головными болями. Большинство респондентов отмечали утрату интересов в учебной деятельности, наиболее частые причины – «перестал стараться» (6), «лень» (4), «взросление» (3).

Настроение в группе Жертв «в последнее время ухудшилось» (13), головная боль бывает «иногда» (12) и «часто» (6), при этом появились сложности в обучении из-за «отсутствия желания учиться» (7), «потери интереса» (3), «выгорания» (2), «трудностей в школьной программе» (2). Это свидетельствует о снижении адаптационного потенциала. В процессе самоанализа своего прошлого, настоящего и будущего, часть респондентов группы Жертв отмечают свое прошлое и настоящее как «бесмысленное» (14). Это может говорить о неудовлетворенности своей школьной жизнью, тем, что случалось и случается в данный момент в классе, о накоплении негативного опыта.

Напротив, у Жертв-Обидчиков настроение «обычно хорошее (веселое)» (9), головные боли случаются «довольно редко» (13). Большинству школьников группы сравнения настроение испортить нелегко, головные боли случаются «иногда» (12). Настроение в этих двух группах вполне устойчивое, физических недомоганий не наблюдается. Можно предположить, что участие в травле у Жертв-Обидчиков может выполнять компенсаторную функцию.

Итак, проведенный анализ ответов респондентов позволяет отметить признаки социально-психологической дезадаптации у участников буллинга. У Обидчиков преобладает желание привлечь внимание, продемонстрировать свои преимущества. Обидчики-жертвы и почти половина Жертв демонстрируют закрытость и отстраненность. Однако, примерно половина Жертв отличается стремлением к аутентичности и сохранным самоуважением, находит выход в творчестве. У Обидчиков и Обидчиков-Жертв отмечается предпочтение игр с преобладанием компонентов насилия, что говорит о большем интересе в информационном пространстве к темам убийств и смерти, чем у группы Жертв. Обидчики-Жертвы в большей степени, чем остальные группы, демонстрируют неприязнь к другим, либо симпатии к людям с девиантным, антиобщественным поведением. Позиция отказа от доверительных отношений встречается в группе Жертв и Обидчиков, но в наибольшей степени её демонстрируют Обидчики-Жертвы. Можно предположить, что признаки социально-психологической дезадаптации, порожденные ролью Жертвы, сочетаются с дезадаптированностью инициатора травли и усиливают разрыв связей между личностью и обществом. Жертвы и Обидчики-Жертвы испытывают одиночество среди сверстников. У Обидчиков и Жертв отмечается плохое настроение, упадок сил, в отличие от Обидчиков-жертв, что позволяет предположить наличие у них компенсаторных

механизмов, выравнивающих эмоциональный фон, но усугубляющих процессы дезадаптации.

Индивидуальные типологические особенности

Как показал статистический анализ методики индивидуальных типологических особенностей Л. Н. Собчик с использованием критерия Краскела–Уоллиса, между четырьмя группами выборки существуют значимые различия (табл. 2).

Таблица 2

Психологические характеристики школьников, участвующих в буллинге, по методике ИТО
Л. Н. Собчик

Шкала	Объемы выборок Об/Ж/Об-Ж/Нет	Значение Краскела- Уоллиса, H	p-level	Медиана Об/Ж/Об-Ж/Нет
Экстраверсия	55/37/28/88	8,44	0,0376	6/4/5/6
Тревожность	55/37/28/88	8,67	0,0340	6/6/6/5
Лидерство	55/37/28/88	13,35	0,0039	12/10/10/12
Зависимость	55/37/28/88	7,69	0,0528	9/11/9/9
Коммуникативность	55/37/28/88	8,87	0,0311	12/9/10/11

В группе Обидчиков и школьников, не участвующих в буллинге, наблюдаются высокие показатели по шкале экстраверсии и коммуникативности, что согласуется с данными самооценки этих школьников, полученными в скрининг-методе.

Тревожность в группах Обидчиков, Жертв и Обидчиков-Жертв характеризуется высокими показателями (6 баллов). Это свидетельствует о повышенной мнительности и боязливости, что является одним из проявлений социально-психологической дезадаптации. Если буллинг действительно является компенсационной стратегией, Обидчики стремятся выделяться и могут выбирать в качестве жертв травли людей, которые заставляют их сомневаться в себе.

Выявлены значимые различия по шкале лидерства, в медианных значениях у Обидчиков и группы сравнения наиболее выражены показатели лидерства ($H = 7,69$; $p\text{-level} = 0,0528$). По-видимому, именно в процессе социальной дезадаптации стремление к лидерству принимает формы буллинга. В этом случае стремление к лидерству оборачивается излишней самоуверенностью, неуважением к окружающим.

Значимые различия выявлены по шкале зависимости ($H = 13,35$; $p\text{-level} = 0,0039$), по медиане наиболее выраженные показатели наблюдаются у группы Жертв. Это указывает на то, что респонденты склонны к избеганию конфликта и потому нуждаются в доброжелательном социальном окружении.

Тест агрессивности

Методика «Тест агрессивности» Л. Г. Почебут (табл. 3) показала, что для Обидчиков характерна высокая степень вербальной агрессии, что согласуется с результатами методики «Ситуация буллинга в школе».

Таблица 3

Психологические характеристики школьников, участвующих в буллинге, по методике «Тест агрессивности»

Шкала	Объемы выборок Об/Ж/ОбЖ/Нет	Значение Краскела- Уоллиса, H	p-level	Медиана Об/Ж/ОбЖ/ Нет
Вербальная агрессия	55/37/28/88	14,89	0,019	5/4/4/3
Эмоциональная агрессия	55/37/28/88	20,67	0,0001	3/3/5/2

Высокие показатели эмоциональной агрессии у Обидчиков-Жертв указывают на склонность эмоционально дистанцироваться при общении, переживая подозрительность, неприязнь, недоброжелательство и враждебность. Это согласуется с данными скрининг-метода, где было выявлено недоброжелательное отношение к людям в целом, отказ от доверия. Агрессивные и враждебные установки могут быть защитной позицией в связи с переживаемой травлей, когда Обидчики-Жертвы открыто выражают недовольство, поддаваясь на провокации.

Корреляционный анализ

Корреляционный анализ между уровнем выраженности социально-психологической дезадаптации и другими личностными характеристиками (табл. 4) показал, что в группе Обидчиков социальная дезадаптация коррелирует с такими личностными характеристиками, как спонтанность и агрессивность. Это означает, что Обидчики импульсивны, могут совершать необдуманные поступки, стремиться занять позицию лидера, быстро переходя к вербальной агрессии.

Таблица 4

Коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена в группе Обидчиков

Показатели, коррелирующие со склонностью к социально- психологической дезадаптации	Объем выборки	Коэффициент корреляции Спирмена, R	p-level
<i>ИТО (Л. Н. Собчик)</i>			
Спонтанность	53	0,55	0,0054
Агрессивность	53	0,56	0,0044
Неконформность	53	0,61	0,0014

Показатели, коррелирующие со склонностью к социально-психологической дезадаптации	Объем выборки	Коэффициент корреляции Спирмена, R	p-level
<i>Тест агрессивности (Л. Г. Почебут)</i>			
Вербальная агрессия	53	0,51	0,0123
Физическая агрессия	53	0,51	0,0124
Общая агрессия	53	0,48	0,0219

Положительная корреляция с неконформностью отражает стремление Обидчиков отстаивать свою позицию даже вразрез с общепринятой. В совокупности с импульсивностью и агрессивностью, неконформность может указывать на потенциальную конфликтность поведения. По методике «Тест агрессивности» Л. Г. Почебут выявлены корреляционные взаимосвязи с такими шкалами, как вербальная агрессия ($R = 0,51$; $p\text{-level} = 0,0123$), физическая агрессия ($R = 0,51$; $p\text{-level} = 0,0124$) и общая агрессия ($R = 0,48$; $p\text{-level} = 0,0219$). Следовательно, с ростом социальной дезадаптации у Обидчиков растет агрессивность, нападки и оскорбления становятся систематическими.

В группе Жертв выделяются другие корреляционные связи между выраженностью социальной дезадаптации и психологическими характеристиками (табл. 5). Выраженность социальной дезадаптации у группы Жертв имеет отрицательную корреляцию, с экстраверсией ($R = -0,40$; $p\text{-level} = 0,0266$) и положительную с интроверсией ($R = 0,50$; $p\text{-level} = 0,0033$).

Таблица 5

Коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена в группе Жертв

Показатели, коррелирующие со склонностью к социально-психологической дезадаптации	Объем выборки	Значение коэффициента корреляции Спирмена, R	p-level
<i>ИТО (Л. Н. Собчик)</i>			
Экстраверсия	37	-0,40	0,0266
Интроверсия	37	0,50	0,0033
Тревожность	37	0,47	0,0068
Лабильность	37	-0,46	0,0076
Зависимость	37	0,39	0,0322
<i>Тест агрессивности (Л. Г. Почебут)</i>			
Самоагрессия	37	0,47	0,0057

Школьники с социальной дезадаптацией могут проявлять застенчивость, необщительность, демонстрировать направленность в большей степени на себя, чем на окружающую среду. Это может объясняться тем, что жертвами буллинга становятся школьники-одиночки, и впоследствии их склонность к одиночеству усиливается из-за последствий психологического насилия: накопления негативного социального опыта, боязни доверия. Положительная корреляция с тревожностью может указывать на то, что агрессивное поведение сверстников влечет за собой состояние постоянного напряжения в ожидании нападения, возрастание подозрительности и недоверия к людям. Обнаружена отрицательная корреляция с лабильностью ($R = -0,46$; $p\text{-level} = 0,0076$), что указывает на устойчивость настроения и мотивации у группы Жертв. Положительная корреляция с зависимостью ($R = 0,39$; $p\text{-level} = 0,0322$) подтверждает, что для Жертв характерно избегать конфликтных ситуаций, для них важно быть в безопасном окружении. Положительная корреляция с самоагрессией по методике «Тест агрессивности» Л. Г. Почебут указывает на ослабление защитных механизмов психики, происходящее с ростом социальной дезадаптации, что приводит к применению различных методов аутоагрессии.

Для группы Обидчиков-Жертв значимых корреляционных связей не обнаружено. Это можно связать с гетерогенностью данной выборки, обусловленной двойственностью занимаемых респондентами ролей.

Для группы сравнения выявлена положительная корреляция по методике индивидуально-типологических особенностей Л. Н. Собчик со шкалой аггравации, характеризующей стремление подчеркнуть имеющиеся проблемы и их сложность ($R = 0,32$, $p = 0,0021$). Таким образом, у подростков, не подвергающихся буллингу, с ростом социальной дезадаптации усиливается тенденция преувеличивать проблемы и сложность собственного характера. Это может объясняться гнетущим эмоциональным фоном, сопровождающим социальную дезадаптацию, который обуславливает рост аггравации.

Выводы по результатам

Полученные нами данные позволяют сформулировать следующие обобщенные социально-психологические характеристики трех групп школьников, вовлеченных в буллинг.

Обидчики демонстративны, экстравертированы, стремятся к лидерству, проявляют неконформность, импульсивность, повышенную тревожность, а также агрессивность. У них часто отмечается сниженное, раздраженное настроение, состояние с частыми головными болями, сниженной работоспособностью. Они предпочитают жанры компьютерных игр, связанные с насилием. С ростом социальной дезадаптации может повышаться агрессивность, провоцирующая дальнейшую дезадаптацию.

Жертвы малообщительны, испытывают одиночество, не склонны к демонстративности, разочарованы опытом социальных отношений, могут избегать доверительных отношений, но имеют потребность в доброжелательном социальном окружении. У значительной доли респондентов сформировано негативное отношение к окружающим ввиду негативного опыта общения. Жертвы испытывают неудовлетворенность своей школьной жизнью, их настроение преимущественно печальное, отмечается сниженная работоспособность. Нарастают трудности в социальной адаптации, повышенная тревожность заставляет избегать конфликтов, с ростом дезадаптации усиливаются тенденции самоагрессии.

Обидчики-жертвы проявляют тревожность и подозрительность, враждебность и эмоциональную агрессию, что препятствует установлению отношений, приводит к отказу от доверия

и одиночеству. Предпочитают игры с компонентами насилия. Имеют стабильное настроение, не испытывают ухудшение работоспособности.

Обсуждение результатов

Итак, результаты исследования показали, что Обидчики проявляют демонстративность, экстравертированность, стремление к лидерству ($H = 13,35$; $p\text{-level} = 0,0039$), неконформность ($R = 0,61$; $p\text{-level} = 0,0014$) эти качества при социально-психологической дезадаптации способствуют их проявлению в роли агрессоров. Действительно, школьники-обидчики стремятся избежать изоляции, обзавестись друзьями и занять высокое положение в коллективе, а буллинг является одним из способов к достижению цели (Науменко и Мозговая, 2021).

С возрастанием социальной дезадаптации, у Обидчиков возрастает агрессивность ($R = 0,56$; $p\text{-level} = 0,0044$), которая, в совокупности с тревожностью и импульсивностью, может приводить к психологическому и физическому насилию. Эти результаты согласуются с данными других исследователей: зачинщики буллинга импульсивны, имеют выраженную потребность доминировать (Volk, Provenzano, Farrell, Dane & Shulman, 2021). Так, одной из причин буллинга считается стремление личности занять позицию власти и подчеркнуть свое превосходство, унижая достоинство жертвы (Хаидов и Шалагинова, 2021). Использование насмешек, оскорблений, клеветы – частое явление среди детей и подростков (Макарова, 2018).

Жертвы интровертированы ($R = 0,50$; $p\text{-level} = 0,0033$), одиноки, тревожны ($R = 0,47$; $p\text{-level} = 0,0068$), нуждаются в доброжелательном окружении. Высокую тревожность ($R = 0,47$; $p\text{-level} = 0,0068$) в группе Жертв подтверждают данные, полученные в других исследованиях (Скоробогатова, 2021). Отмечается, что жертвы буллинга закрыты в общении и не готовы проявлять активность в социальной среде (Hamel, Schwab, Wahl, 2021), что не позволяет им занять устойчивые позиции в классе (Machimbarrena et al., 2019).

У Жертв сформировано негативное отношение к окружающим, при этом они склонны к избеганию конфликта. По данным В. Р. Петросянц, жертвы буллинга выражают отрицательное отношение к насилию и склонны к уходу от конфликта с зачинщиками травли (2010). Существуют данные о том, что опыт травли в школьном возрасте снижает личностный адаптационный потенциал, а также показатели самоуважения и самопринятия при росте самообвинения (Петросянц, 2011). Это может объяснять то, что социальная дезадаптация у жертв связана с самоагрессией. Одиночество и склонность Жертв избегать конфликта усиливают виктимизацию личности (Machimbarrena et al., 2019), повышая вероятность подвергнуться травле снова.

Обидчики-Жертвы интровертированы, имеют трудности с установлением доверительных отношений. Обидчики-Жертвы играют двойственную роль, для них характерен стресс от переживания с обеих сторон, и он может усиливать тревожность. Их тревожность и враждебность могут приводить к подозрительности и агрессии. Для этой группы буллинг может быть как мстью обидчику (Estévez, Cañas, Estévez, Povedano, 2020), так и смещенной агрессией на другого, более безобидного ученика (Reyes, 2022).

В целом, полученные результаты подтверждают данные других авторов о том, что социальная дезадаптация сильнее проявляется у жертв, чем у агрессоров (Estévez et al., 2020).

Заключение

Таким образом, между социально-психологическими особенностями различных групп школьников, вовлеченных в буллинг, обнаружены статистически значимые различия, которые

позволили сделать следующие выводы:

- 1) Все участники буллинга – Жертвы, Обидчики, Обидчики-Жертвы – имеют признаки нарушений социальной адаптации: переживание одиночества, негативное отношение к окружающим, проблемы с доверием, однако социально-психологическая дезадаптация выявлена не у всех. Предвестники социальной дезадаптации у Обидчиков проявляются в стремлении к одиночеству, разочаровании в опыте общения, трудностях доверия, неприязни к окружающим, выборе асоциальных методов достижения лидерских позиций. Отвержение близких и значимых отношений усиливает вероятность формирования идентификации по асоциальному типу и повышает социальную дезадаптацию. В то же время одиночество способствует разрыву социальных связей и усиливает дезадаптацию. Признаки нарушения социальной адаптации у Обидчиков-Жертв проявляются в подозрительном и неприязненном отношении к людям, тенденции отвергать доверие. Вероятно, возможность «отыграться» позволяет им сохранять стабильное настроение, однако не защищает от разлада отношений с социальной средой.
- 2) Проявление социально-психологической дезадаптации у разных групп школьников, участвующих в буллинге, указывает на ее многогранность и ставит сложную задачу ее психодиагностической оценки и психологической коррекции, поскольку представленные портреты личности Обидчиков, Жертв и Обидчиков-Жертв отличаются. При этом следует отметить психодиагностическую пригодность скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму (Р. В. Кадыров, Т. В. Капустина, Е. В. Садон, А. С. Эльзессер) для более широкого круга проблем социальной адаптации, поскольку он включает в себя разнонаправленные диагностические критерии, позволяющие отследить признаки дезадаптации у лиц, занимающих разные роли в буллинге: Обидчик, Жертва, Обидчик-Жертва.
- 3) Обосновано, что участие в буллинге в роли Обидчика, Жертвы или Обидчика-Жертвы способствует появлению признаков социально-психологической дезадаптации. При этом выделенные нами признаки являются разнонаправленными, что создает сложность в создании программ коррекции, особенно краткосрочных. Это делает актуальным создание универсальной программы психокоррекции. Мы исходим из положения С. Л. Рубинштейна, который указывал, что самоопределение человека совершается через определение своего отношения к другим людям (2019). Поэтому одной из мишеней психокоррекции при дезадаптации должно выступать формирование принятия себя (повышение уровня удовлетворенности собой) и принятия других (повышение уровня потребности общаться, осуществлять совместную деятельность). Данные точки-мишени отражают признаки социально-психологической дезадаптации и связаны с отношением к себе как отражением взаимодействия «Я-Другие» и могут составить основу универсальной программы коррекции дезадаптации для лиц, занимающих разные роли в буллинге.
- 4) На основании исследования были разработаны рекомендации для педагогов школ, оформленные в виде **памятки** (рис. 2). Памятка включает описания поведенческих аспектов Обидчиков, Жертв и Обидчиков-Жертв, позволяющие распознать явление буллинга в классе на ранних стадиях. Также представлены рекомендации действий в случае выявления буллинга. В настоящее время памятка внедрена в Международной лингвистической школе города Владивостока.

Рисунок 2

Фрагмент памятки для педагогов

ОСОБЕННОСТИ БУЛЛИНГА	«ОБИДЧИКИ»
1. БУЛЛИНГ РАССМАТРИВАЕТСЯ КАК АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ИЛИ ДИСКОМФОРТА ДРУГОМУ ЧЕЛОВЕКУ	☐ НАПРАВЛЕННЫ НА ВЫСОКУЮ АКТИВНОСТЬ И ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ В КОЛЛЕКТИВЕ.
2. БУЛЛИНГ—ЭТО СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ И ПОВТОРЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ	☐ СТРЕМЯТСЯ БЫТЬ ЛИДЕРАМИ В ГРУППЕ.
3. ДИСБАЛАНС В ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИЛ, КОГДА ЖЕРТВА НЕ ПРОТИВОСТОИТ НАПРАВЛЕННОЙ НА НЕЕ АГРЕССИИ. ВОЗНИКАЕТ СИТУАЦИЯ НЕРАВЕНСТВА СИЛ	☐ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ СПОРНОЙ СИТУАЦИИ СКЛОННЫ ОТСТАИВАТЬ СВОЕ МНЕНИЕ ВПЛОТЬ ДО НАЧАЛА КОНФЛИКТА.
ТРАДИЦИОННЫЕ РОЛИ КОТОРЫЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ В БУЛЛИНГЕ	☐ СТАРАЮТСЯ ВЫДЕЛЯТЬСЯ СРЕДИ СВОИХ СОВЕРСТНИКОВ. ТЕМ САМЫМ МОГУТ СТАВИТЬ СЕБЯ ВЫШЕ ДРУГИХ.
 «ОБИДЧИКИ» (УЧЕНИКИ, КОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СЕБЯ КАК УЧАСТНИКИ БУЛЛИНГА)	☐ ИМПУЛЬСИВНЫ, МОГУТ СОВЕРШАТЬ НЕОБУДУМАННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВНЕШНИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ.
 «ЖЕРТВЫ» (УЧЕНИКИ, КОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ВЫСОКУЮ СТЕПЕНЬ ТЕНДЕНЦИИ БЫТЬ ЖЕРТВОЙ)	☐ СКЛОННЫ К АГРЕССИВНЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ (АГРЕССИЮ ВЫРАЖАЮТ С ПОМОЩЬЮ СЛОВЕСНЫХ ОСКОРБЛЕНИЙ, УГРОЗ, ПРИМЕНЕНИЕМ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ).
 «ОБИДЧИКИ-ЖЕРТВЫ» (СОЧЕТАЮТ В СЕБЕ ДВЕ РОЛИ)	☐ УТРАТИЛИ ИНТЕРЕС К УЧЕБЕ, СНИЗИЛАСЬ ИХ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ.
<u>У КАЖДОГО УЧЕНИКА, ЗАНИМАЕМОГО КАКУЮ-ЛИБО ИЗ РОЛЕЙ, ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ВЫШЕ, СУЩЕСТВУЮТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, КОТОРЫЕ НУЖНО БРАТЬ ВО ВНИМАНИЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧИНАТЬ РАЗГОВОР О БУЛЛИНГЕ</u>	☐ ПРЕДПОЧИТАЮТ ИГРЫ НАСИЛЬСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА, В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ ВЫБИРАЮТ ТЕМЫ СВЯЗАННЫЕ С ЖЕСТОКОСТЬЮ И РАЗРУШЕНИЕМ.
	

Ограничения исследования

В данном исследовании собрана выборка, достаточная для того, чтобы уловить тенденции распределения признаков социальной дезадаптации у школьников-участников буллинга, занимающих роли Обидчика, Жертвы, Обидчика-жертвы. Увеличение выборки может изменить удельный вес выявленных признаков социальной дезадаптации внутри групп и проявить внутреннюю неоднородность групп респондентов с той или иной ролью в буллинге. Также следует отметить ограничение применяемого скрининг-метода. Отсутствие шкал делает процедуру оценки выраженности тех или иных критериев дезадаптации личности недостаточно формализованной и, следовательно, менее точной.

Литература

- Ананьев, Б. Г. (2010). *Человек как предмет познания*. Питер.
- Варламова, А. Я. (2005). *Школьная адаптация*. Издательство ВолГУ.
- Гришина, Е. В. (2018). Сравнительная характеристика переживаний безнадежности, одиночества и депрессии подростками в образовательной среде. *Письма в Эмиссия. Оффлайн*, 2, 2579.
- Дружинин, В. Н. (2019). *Экспериментальная психология*. Юрайт.

- Иванюшина, В. А., Ходоренко, Д. К., Александров, Д. А. (2021). Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размера и типа школы. *Вопросы образования*, 4, 220–242. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-220-242>
- Капустина, Т. В. (2022). Разработка и апробация скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму. *Психолог*, 1, 29–52. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2022.1.37293>
- Кудрявцев, И. А. (2019). Девиантология расстройств личности: от концепции психопатий к современному понятию. *Девиантология*, 1, 3–11.
- Кудрявцев, И. А. (2021). Социально-психологические аспекты виктимогенеза подростков в социальных сетях. *Суицидология*, 4, 54–68. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04\(45\)-54-68](https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04(45)-54-68)
- Лейн, Д. А. (2001). *Школьная травля (буллинг). Детская и подростковая психотерапия*. Питер.
- Макарова, Е. А. (2018) Буллинг как психологическое явление, изучаемое в рамках виктимологии. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*, 1(27), 72–75.
- Молодцова, Т. Д., Кобышева, Л. И., Шалова, С. Ю. (2017). *Подготовка студентов вуза к работе с дезадаптированными детьми и подростками*. Директ-Медиа.
- Москова, М. В. (2008). *Личностные факторы эмоциональной дезадаптации студентов* (кандидатская диссертация). Московский городской психолого-педагогический университет.
- Налчаджян, А. А. (1988). *Социально-психическая адаптация личности: (Формы, механизмы и стратегии)*. Издательство АН Армянской ССР.
- Науменко, М. В., Мозговая, Н. Н. (2021). Особенности направленности в общении и враждебности у подростков с разным риском буллинга. Везетиу Е. В. (ред.). *Теоретические подходы к обоснованию существования буллинга в детской и подростковой среде*. КФУ им. В.И. Вернадского.
- Петросянц, В. Р. (2010) Психологические характеристики старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде. *Письма в Эмиссия.оффлайн*, 1(11), 1479.
- Петросянц, В. Р. (2011). *Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость* (кандидатская диссертация). Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
- Посохова, С. Т., Колпакова, А. Е. (2020). Взаимосвязь эмоционального компонента информационной семейной среды и дезадаптивного поведения подростков. *Вестник Костромского государственного университета*, 26(3), 15–21. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-3-15-21>
- Почебут, Л. Г. (2023). *Кросс-культурная и этническая психология: учебное пособие*. Юрайт.
- Рубинштейн, С. Л. (2019). *Основы общей психологии*. Питер.
- Скоробогатова, Ю. В. (2021). Влияние личностных особенностей подростков на их позицию в ситуации буллинга. *Проблемы современного педагогического образования*, 70(3), 317–320.
- Собчик, Л. Н. (2017). *Психология индивидуальности*. Речь.
- Хахимзянов, Р. Н. (2020). *Изучение рисков в образовательной среде*. В. Е. Козлов (ред.). *Девиантность VS экстремизм: исследования, закономерности, рекомендации*. Институт педагогики, психологии и социальных проблем.
- Хаидов, С. К., Шалагинова, К. С. (2021). Учет социально-психологических особенностей личности подростков как одно из условий нивелирования ситуации буллинга. *Международный научно-исследовательский журнал*, 11(4(113)), 76–79. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.113.11.134>
- Якимова, Л. С., Кравцова, Н. А. (2017). Психосоциальные и психологические факторы развития дисморфофобий у современных подростков. *Тихоокеанский медицинский журнал*, 3, 15–19.
- Estévez, E., Cañas, E., Estévez, J. F., & Povedano, A. (2020). Continuity and Overlap of Roles in

- Victims and Aggressors of Bullying and Cyberbullying in Adolescence: A Systematic Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(20), 7452. <https://doi.org/10.3390/ijerph17207452>
- Estévez, E., Estévez, J. F., Segura, L. & Suárez C. (2019). The Influence of Bullying and Cyberbullying in the Psychological Adjustment of Victims and Aggressors in Adolescence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(12), 2080. <https://doi.org/10.3390/ijerph16122080>
- Falla, D., Ortega-Ruiz, R., Runions, K. & Romera, E. M. (2020). Why do Victims become Perpetrators of Peer Bullying? Moral Disengagement in the Cycle of Violence. *Youth & Society*, 54(3), 397–418. <https://doi.org/10.1177/0044118X20973702>
- Hamel, N., Schwab, S., Wahl, S. (2021). Bullying: Group differences of being victim and being bully and the influence of social relations. *Studies in Educational Evaluation*, 68, 100964. <https://doi.org/10.1016/j.stueduc.2020.100964>
- Koyanagi, A., Oh, H., Carvalho, A. F., Smith, L., Haro, J. M., Vancampfort, D., Stubbs, B., DeVylder, J. E. (2019). Bullying Victimization and Suicide Attempt Among Adolescents Aged 12–15 Years From 48 Countries. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 58(9), 907–918. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2018.10.018>
- Li, X., Chen, F., Lin, Y., Jia, Zh., Tucker, W., He, J., Cui L. & Yuan, Zh. (2021). Research on the Relationships between Psychological Problems and School Bullying and Non-Suicidal Self-Injury among Rural Primary and Middle School Students in Developing Areas of China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 3371. <https://doi.org/10.3390/ijerph17103371>
- Machimbarrena, J. M., Álvarez-Bardón, A., León-Mejía, A., Gutiérrez-Ortega, M., Casadiego-Cabral, A. & González-Cabrera J. (2019). Loneliness and Personality Profiles Involved in Bullying Victimization and Aggressive Behavior. *School Mental Health*, 11, 807–818. <https://doi.org/10.1007/s12310-019-09328-y>
- Myklestad, I. & Straiton, M. (2021). The relationship between self-harm and bullying behaviour: results from a population based study of adolescents. *BMC Public Health*, 21(524). <https://doi.org/10.1186/s12889-021-10555-9>
- Orue, I., Calvete, E. (2019). Psychopathic traits and moral disengagement interact to predict bullying and cyberbullying among adolescents. *Journal of interpersonal violence*, 34(11), 2313–2332. <https://doi.org/10.1177/0886260516660302>
- Reyes, R. R. (2022). Bullying: Does Aggression Displacement Occur as an Act of Retaliation? *International journal of Research Publications*, 102(1), 260–267. <https://doi.org/10.47119/IJRP1001021620223248>
- Runions, K. C., Shaw, T., Bussey, K., Thornberg, R., Salmivalli, C. & Cross, D. S. (2019). Moral Disengagement of Pure Bullies and Bully/Victims: Shared and Distinct Mechanisms. *Journal of Youth and Adolescence*, 48, 1835–1848. <https://doi.org/10.1007/s10964-019-01067-2>
- Volk, A. A., Provenzano, D. A., Farrell, A. H., Dane A. V. & Shulman E. P. (2021). Personality and bullying: Pathways to adolescent social dominance. *Current Psychology*, 40, 2415–2426. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00182-4>
- Wójcik, M., Thornberg, R., Flak W. & Leśniewski J. (2022). Downward Spiral of Bullying: Victimization Timeline From Former Victims' Perspective. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(13–14), 10985–11008. <https://doi.org/10.1177/0886260521990835>

Zych, I., Ttofi, M. M. & Farrington, D. P. (2016). Empathy and Callous–Unemotional Traits in Different Bullying Roles: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Trauma, Violence & Abuse*, 20(1), 3–21. <https://doi.org/10.1177/1524838016683456>

Поступила в редакцию: 12.02.2023

Поступила после рецензирования: 20.03.2023

Принята к публикации: 21.03.2023

Заявленный вклад авторов

Татьяна Викторовна Капустина – разработка концепции исследования, статистическая обработка данных, участие в написании статьи, научная консультация, окончательное утверждение статьи.

Анастасия Сергеевна Эльзессер – обзор литературы по теме статьи, участие в интерпретации полученных данных, участие в написании статьи.

Лидия Викторовна Мандрыкина – сбор материала, участие в интерпретации полученных данных.

Антон Сергеевич Гайдай – анализ и интерпретация полученных данных, участие в написании статьи, перевод статьи на английский язык.

Информация об авторах

Татьяна Викторовна Капустина – кандидат психологических наук, доцент кафедры общепсихологических дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Владивосток, Российская Федерация; WOS Researcher ID: F-1647-2019; ScopusID: 57197811628; AuthorID: 774382; SPIN-код: 5756-0326; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>, e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

Анастасия Сергеевна Эльзессер – преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Владивосток, Российская Федерация; WOS Researcher ID: F-1092-2019; AuthorID: 926450; SPIN-код: 1251-6948; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>; e-mail: der_falter@mail.ru

Лидия Викторовна Мандрыкина – студент Факультета общественного здоровья, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Владивосток, Российская Федерация; AuthorID: 1097695; SPIN-код: 6485-0684; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6634-2172>; e-mail: mandrukina27@gmail.com

Антон Сергеевич Гайдай – преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Владивосток, Российская Федерация; AuthorID: 1094776; SPIN-код: 8846-6430; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0648-1170>, e-mail: netparoley@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научное издание

**РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2023
ТОМ 20 № 1**

Сдано в набор 19.03.2023 Подписано в печать 03.03.2023

Дата выхода в свет 06.04.2023

Цена свободная

Формат 210×297. Усл. печ. л. 34,0. Бумага офсетная. Гарнитура Segoe UI.

Печать цифровая. Тираж 100 экз. Заказ № 11/23

Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Кубеш Н.В. Св-во № 000721173. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru